

Грамин Андрей

Игры с Вечностью

Андрей Игоревич Грамин

Игры с Вечностью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28535095

SelfPub; 2018

Аннотация

Еще утром он считал себя совершенно обычным человеком, как вдруг начал вспоминать свои прошлые жизни. Из современности в Испанию расцвета Инквизиции, Англию 19-го века и Италию позднего Ренессанса, и все ради того, чтобы понять, кто он на самом деле, и за что его судьбу поставили на кон в споре между силами добра и зла. Обычный человек. Хотя, человек ли? Как не задуматься над этим, когда тебе начинает помогать существо другого порядка, назвавшееся твоим другом. А еще эта девушка, преследующая из жизни в жизнь. Кто она, и что за проклятие тяготеет над ней? И хуже всего, времени на поиск ответов уже практически нет.

Содержание

1	4
2	55
3	118
5	202
6	241
7	268
8	314
9	353
10	399
11	435
12	458
13	485
14	523

1

Облака летели медленно, неспешно. Когда-то люди верили, что именно в них превращаются души умерших людей. Грозовые тучи – плохие; легкие, перьевые облака – чистые души. Именно об этом и думал Виктор, глядя в окно. Чьи же это были верования? Вспоминая, он на секунду прикрыл глаза, отчего рука, в которой покоилась сигарета, немного опустилась вниз, и коснулась пепельницы, одиноко стоявшей на подоконнике. Пепел упал, глаза открылись. Нет, он не помнил. Что-то многое забывать стал. Годы, что ли? Он улыбнулся этой мысли. Ну да, в двадцать восемь лет о прожитом думать еще рано. Хотя, столько дел наворочено за это время... Да что там, все это лишь суета, мелочи, не стоящие его воспоминаний. А облака плыли в высоте, сменяя друг друга. Они обретали самые причудливые формы, давая образы, иногда напоминающие что-то родное, давно забытое и утраченное, но что незримо присутствовало в памяти. Черт его знает, может, и впрямь, души? Смотрят на нас, свысока... улета в вечность.

Мысли прекратились как по мановению волшебной палочки, и он уже не помнил, о чем думал, любясь небесами бездонно-синего цвета, и слушая шелест ветра в желтеющей листве. Виктор и сам не знал, отчего из всех времен года он

больше всего любил осень. Это было странно, как ему казалось. Большинство людей любит лето или конец весны, когда тепло, и вокруг бурлит жизнь. Часть народа отдает предпочтение началу весны, когда все оживает. Еще меньше существует людей, кто положительно относится к зиме, и то, потому что для них зима – это снег, елки и мандарины, память о давно утраченном беззаботном детстве. Меньше всего люди любят осень, особенно дождливую. Виктору же нравилась любая осенняя погода, хотя, он и сам признавал, что лучше всего не дождь, а солнце, когда в тени холодно, а на свету тепло, как бывает в середине октября. Кто-то сказал, что осень любят только те, кто устал; пусть не от самой жизни, но от того, что их окружает. Виктор устал от обыденности. Он чувствовал, как она его преследует, качаясь в воздухе серым туманом, затрудняет дыхание; как камень давит на шею, не давая разогнуться во весь рост. Кто-то всю жизнь так живет, а кто-то не может так жить. Да, терпит. А что еще остается делать? Виктор тоже терпел. Он именно терпел всю свою жизнь.... Нет, Ильин никогда не являлся мечтающей и сентиментальной натурой, ему не были свойственны переживания и жалость к себе. Но, тем не менее, серость будней мешала жить, и душа требовала свободы.

Вообще, в руках Ильина все буквально горело, и сделать что-то по дому не составляло никакого труда. Когда у него спрашивали, почему же до сих пор не женился, в отличие от своих друзей, он не раз повторял, что стирать, готовить

и гладить он умеет не хуже (а, может и лучше) любой женщины, а вот любовь пока еще не встретил. Когда встретит, тогда и женится. Последние его отношения длились год, и ничего, кроме чувства облегчения по их окончанию не дали. Поэтому Виктор, расставшись с Никой, перекрестился и уже два месяца как отдыхал. Ничего серьезного не хотелось. У него была любовница, пара случайных связей на море ушедшим летом, и все. За любовь говорить не приходилось, так как что это такое и с чем ее едят, он не знал. Да, вокруг говорили: любовь! Безумие! Страдание! Чудо! Ему до этого всего не было дела. Придет час, и тогда сам станет ненормальным, а пока вместо сердца у него стояла какая-то операционная система, не дававшая сбоев, все просчитывающая и во всем подчиняющаяся разуму. Виктору романтика тоже была не чужда, каким-нибудь непробиваемым и ограниченным он никогда не был, но это чувство накрывало его редко, и уж если совсем было туго. У него романтика была грустной, ностальгической. Вот, как сейчас.

Он докурил сигарету и начал другую. Вернулся вопрос: почему же он любит осень, в отличие от большинства? Даже не задумываясь, Виктор ответил сам себе. Неизвестно почему, но, наверное, с тех самых пор, как начал ходить, с приходом осени он подсознательно ждал чего-то такого хорошего, неожиданного и захватывающего, что напоминало бы чудо. Это ЧТО-ТО должно было кардинально изменить его жизнь. Что это? Да кто его знает.... Неизвестно что и неизвестно

когда, но дети так не ждут Новогодние праздники, как Виктор ждал осень; и с замирающим сердцем, каждый раз, когда желтели листья, он думал: ну когда же? Ему это напоминало ситуацию, когда человек, сидящий на чемоданах, прислушивается к тиканью часов и ждет звонка, по которому он встанет и спустится на улицу, чтобы ехать в аэропорт, куда-то лететь. Куда-то, где ждут, и где все родное, где нет ничего обычного и серого, одним словом, куда-то, где есть счастье. Нет, в голове не крутились никакие мечты по этому поводу, и это ожидание не мешало жить; наоборот, незримо и неосознанно оно давало надежду, с которой, как говорят, в десять раз легче, чем без нее.

Такое же небо с такими же облаками в Андалусии. Черт, откуда эта мысль, пришедшая в голову? Она возникла там сама по себе, как будто кто-то посторонний шепнул ее на ухо, но Виктор знал: эта мысль его. Откуда же ему, хоть и выросшему на юге, но, ни разу не бывавшему за границей, знать, какое небо в Андалусии? Да он Испанию на карте только с помощью бинокля найдет, а тут небо Андалусии. Бред, да и только! Ильин даже заулыбался своей дурацкой мысли. Андалусия! Он закрыл глаза, затянувшись, и в голове как моментальный кадр, всего на секунду, возникли узкие, мощенные камнями со дна Гвадалквивира улицы Севильи, с желтыми и серыми невысокими домиками, залитые белым солнечным светом. Апельсины и гранаты в садах облепили ветви деревьев, стоял свежий запах пряностей из чьей-то лав-

ки, и действительно, небо было синее и бездонное, оно сходилось с горизонтом за поворотом улицы, уводящей вверх, на холм. И такие же причудливые облака плыли над красной черепицей похожих друг на друга домов с террасами. Ильин открыл глаза, и мороз прошел у него по коже. Откуда эта картина, такая живая и такая яркая? Но растерялся он лишь на мгновение. Потом раздался вздох облегчения. Снова затяжка. У него же сто кабельных каналов, и по какому-нибудь из них, да и показывали Испанию, а уж Севилью обойти в таком случае они точно не могли. Недавно была передача про Барселону, и ее собор, Саграда Фамилия, который строится почти век. Значит, и про Севилью рассказывать могли попутно. Голова впитывает информацию, чтобы потом выдавать ее неожиданно, вот как сейчас. Так что удивляться нечему. Хорошо, что все так просто, а то он опешил от настолько ярких образов.

За окном начинались сумерки, было двадцать девятое октября, пятница. Виктор полчаса назад пришел из магазина бытовой техники, где работал сначала продавцом-консультантом, а потом, совсем недавно, стал первым заместителем директора по отделу крупной бытовой техники. За полтора года неплохой рост. В этой огромной сети магазинов, как паутина охватывающей половину России, добиться повышения было сложно, так как люди держались за свои места с очень неплохим заработком. Итак, продавец, старший продавец, заместитель директора. Что дальше? Директор мага-

зина, начальник отдела оптовых закупок, коммерческий директор и дальше до директора филиала. Все было распланировано, и его это совершенно не интересовало. Он знал, что добьется своего по-любому. Да и не могло быть иначе с его умом, упорством и целеустремленностью. Уж в чем, а в людях, и во всех тонкостях торговли он разбирался, значит, и успех был неминуем. Об этом даже не стоило раздумывать, так как его уже заметили наверху, и постепенно подтягивали смышленного парня к вертикали власти фирмы. Так что годам к тридцати трем – тридцати пяти, он будет зарабатывать столько, что хватит и на частный дом, и на пару машин подороже, и на отдых в любой точке мира. Не говоря уже про образование детям, которые к тому времени непременно появятся, ведь не сможет же он всю жизнь оставаться неоконченным. Это были планы на будущее, и он к ним относился как к неизбежному, без любых эмоций. Ничто не волновало в этой жизни, кроме, конечно осени. Только ее дыхание за окном будоражило сердце и заставляло его биться чаще.

Ильин потушил окурок и встал. Внешне это был высокий молодой человек, кареглазый, с каштановыми вьющимися волосами. Так как он был коротко стрижен, волосы не вились, но в детстве у него был хвостик, и тогда из-за шевелюры и приятных черт лица его вечно принимали за девочку. В восемь лет он принял самостоятельное решение изменить внешность, а в особенности прическу, и с тех пор коротко стригся. Тонкий нос средней длины с четко очерченными

крыльями, полные губы и восточные глаза с длинными ресницами. Может и не из-за внешности и телосложения, а из-за шарма или обаяния, но он нравился девушкам. Виктор с детства бегал на длинные дистанции, и к выпуску из школы у него был первый разряд по легкой атлетике. После окончания школы Виктор забросил спорт, но так и остался сухим и жилистым, как гончая. Черты его лица были бы женственными, если бы не жесткая складка у рта и волевой подбородок. Две ранних морщины разрезали лоб. Одна маленькая, между бровей, а другая горизонтальная, посередине лба. Из-за них, а особенно если на щеках была двухдневная щетина, он казался года на четыре старше. Лицо было слегка угловатым из-за сильно развитых скул, но это почти сгладилось с возрастом, и годам к тридцати обещало исчезнуть совсем. Жесткий, немного надменный, но ироничный взгляд выдавал волю и сильный характер, какой, несомненно, у Виктора и был. Есть теория, что жесткость характера обуславливается грубым именем, без гласных на конце. Так это, или нет, но Виктор Олегович этой теории соответствовал полностью.

В детстве он был заводила и лидер, но со временем это потерялось. Все компании юности неизбежно распадаются, и мы остаемся в одиночестве. Но Виктор не отчаивался, его вообще мало волновало одиночество и мнение других. Когда он, придя из армии, где два года служил во внутренних войсках, не увидел на районе знакомых лиц, даже грусти не проскользнуло в сердце. Из всей доармейской компании оста-

лось только два друга, и их хватало с лихвой. Остальные либо переехали, либо спились, либо сторчались, либо настолько глубоко ушли в семейный быт, что их обратно было уже не вернуть. Но это не ново, в жизни бывают потери и побольше. К настоящему времени с двумя друзьями юности Ильин виделся редко, у каждого была своя жизнь. Все, что могли пережить их отношения, они уже пережили, и, значит, дружба непременно должна была дожить до старости, пройдя через всю жизнь. Да, пусть редки встречи, но как тепло, когда видишь близких людей...

Между тем сумерки сгустились, солнце исчезло за краем горизонта, и Ильин включил свет в квартире. Чем бы ему заняться? Изо дня в день одно и то же... Книги уже перечитаны по паре раз, фильмы в домашней коллекции пересмотрены. Телевизор Виктор смотрел только в девять вечера, чтобы узнать последние новости. Кто-то сказал, что ночь, проведенная в одиночестве – это потерянная ночь, и Ильин был с этим согласен полностью. Но что ему оставалось делать, когда Варвара (любовница) была в отъезде, и обещала вернуться только через три дня? Одним из хороших способов убежать от скуки была работа, в частности по дому, но, как назло делать было нечего. Вещи были чистыми и глаженными, пыли нигде не видно, все предметы на своих местах. Тоска. Он печальным взглядом окинул комнату. Эта квартира досталась ему от матери, переехавшей в Москву к новому мужу, с которым познакомилась лет семь назад. Своего родного

отца Виктор и в глаза не видел, но мало переживал по этому поводу. Как его зовут, и кто он по профессии Ильин не интересовался с самого детства, и поэтому чисто теоретически отцом мог оказаться любой мужчина старше пятидесяти лет, проживающий в том же городе. Зато Виктор очень хорошо знал, каким человеком был его отец в моральном плане, и больше ничего ему знать не требовалось. Со стороны матери это была ошибка юности, Виктор у нее появился, когда ей стукнуло семнадцать. Правда, она ни о чем не жалела. За то, что мать вырастила его без любой посторонней помощи, сын прощал матери все, и считал достойной памятника при жизни. Но это долгая и банальная история, каких по всей России, было, есть и будет еще сотни тысяч. Отличаясь умом, Виктор во всем имел свое мнение, и мог бы, сославшись на личную обиду матери к отцу, решить, что тот, может быть, был и не таким уж плохим человеком, каким его выставляли. Но мать являлась во всем прямолинейной и несгибаемой, здоровой в суждениях женщиной; и то, что она почти всегда приводила факты, убеждало в ее правоте. Как бы там ни было, но свобода, обретенная с переездом матери лет пять назад, и радовавшая Виктора по началу, теперь его тяготила. К одиночеству он привык, но, конечно, хотелось рядом видеть человека, которому доверяешь. Три комнаты казались пустыми и ненужными, и сама небольшая квартира советской планировки стала слишком большой для одного. Ильин подавил вздох, и пошел обратно на кухню, где про-

вел инвентаризацию холодильника. Готовить ничего не хотелось, он просто достал сковородку со вчерашним фаршированным перцем, и, не разогревая, съел, полив тот сметаной.

В тот вечер был какой-то эмоциональный спад, редкий для деятельной и темпераментной натуры Виктора. Он знал, что бороться с этим бесполезно, и хандрю, как простуду, нужно просто пережить. После ужина мужчина включил-таки телевизор, чтобы посмотреть поток новостей по центральному каналу. Как обычно, все сводилось к одному: мир катится в пропасть; на что Ильину было глубоко параллельно. Потом он переключился на радио, но оно быстро наскучило, и, проверив электронную почту, которая оказалась абсолютно пуста, Виктор начал стелить постель. Он это делал вопреки своему обыкновению не ложиться спать раньше часа ночи. Спать не хотелось, но это состояние приходящее и уходящее, а так как он умел, когда надо, полностью выключать свои мысли, сон должен был вскоре прийти. Так и вышло, мужчина и сам не заметил, как заснул. Правильное решение: отдых лишним для организма не бывает, и тем более он не лишний, когда больше нечем заняться. Засыпая, Ильин знал, что утром, вместе с поднявшимся солнцем, поднимется на позитивную ноту и настроение.

Вообще Виктор редко видел сны, не чаще чем раз в месяц. Ученые говорят, что сон без сновидений самый здоровый и крепкий, потому как мозг в это время лучше всего отдыхает. Виктор всегда спал крепко, но когда видел сны, это была

его радость. После любого сна, даже кошмара, у него оставалось приподнятое настроение, которое держалось весь день. Но в этот раз ему снились вовсе не кошмары. Снилось ему, настолько ярко, что казалось живым, бездонное небо Андалусии. Виктор даже чувствовал ветер на своей коже, запахи трав и шум воды в ручье. Он жил в этом сне.

Испания. Андалусия. Конец XV века.

Виттор на рассвете вышел из дома, чтобы полюбоваться поднимающимся солнцем. Ярче солнца сияла только его улыбка. Счастье. Если с кем и могло случиться счастье, то оно ни в какое сравнение не шло с тем, которое испытывал в этой жизни Виттор Алехандро Фелипе Хуарес де Ихо. Он, сын богатого торговца сукном из Севильи, через две недели женился на самой красивой девушке в городе, а, может и во всей Андалусии – Анне.

Было начало мая; земля уже давно отпустила от себя зимнюю стужу, холод, и снег, и раскрылась миллионами цветов, колосистыми травами и листвой на деревьях. До периода летней духоты, который испанцы называют «каникула», оставалось еще месяца полтора, и Виттор как ребенок радовался свежести и теплу. Это ощущалось более остро, потому что он был счастлив, и все, о чем он мог только мечтать, сбывалось. Его любила самая красивая девушка Севильи, и она не зря такой считалась, поверьте мне. Человек, который не

родился испанцем, и не жил в то время, не знает, что значила девушка с белокурыми волосами для любого представителя мужского населения Испании, от старого идадьго до молодого кабальеро (не говоря уже о простых смертных – крестьянах, буржуазии и цеховиках). В те времена, когда блондинка проходила по улице, движение на ней останавливалось, и среди всеобщего молчания, то тут, то там звучали восхищенные возгласы и признания в любви. Нечему удивляться, красок для волос тогда не было, а ухищрения итальянок, которые знали секреты обесцвечивания волос, еще не приобрели силы в Испанском Королевстве. Анна, дочь зеленщика, от природы обладала прекрасной гривой пышных, чуть вьющихся волос медово-соломенного цвета. Карие, красивые глаза с поволокой, гордый овал лица, пухлые губки, точеный прямой носик, и грация королевы... Она была незабываема и восхитительна. Отец Анны был не беден, хотя и не богат, но для дочери на лучшие наряды, украшения и прочие капризы, старый вдовец Себастьян денег не жалел. Из-за этого они и встретились с Виттором, когда Анна с отцом пришли в лавку де Ихо – старшего, чтобы она сама выбрала отрез черного с серебряными нитями бархата на платье. Тогда Виттор увидел ее впервые, это было полгода назад.

У Анны, как и у любой красивой девушки, было множество поклонников, в число которых себя вписал и Виттор де Ихо. Во второй раз Анна пришла через две недели, без отца, в сопровождении одной лишь дуэньи, чтобы купить сафьян

для тувель. Виттор попутно завел разговор, и она охотно пошла на него. Ей нравился молодой, кареглазый мужчина с вьющимися каштановыми волосами и немного дерзким, веселым взглядом. Виттор был очень умен, образован, и умел поддержать в разговоре любую тему. Отец спонсировал сыну обучение в Барселоне, тогдашней столице Испании, куда королева Изабелла Кастильская с супругом Фердинандом Арагонским переехали лет десять назад, прихватив и весь двор. Де Ихо – младший отучился на врача, и, вернувшись, готовился приступить к практике. Но жизнь все решает за нас. Правильно говорят: если хочешь насмешить Господа, то поделись с ним своими планами. Помешала болезнь отца, и Виттору пришлось вести вместо него торговлю, ездить за кожей в Кордову и в Малагу за Османской парчой. Еще на нем было руководство работниками, бухгалтерия и многое другое, так что скучать не приходилось. Отец выздоровел через полгода, но к тому времени Виттор уже основательно втянулся в интересную торговую жизнь, к которой отец до того старался его не допускать, обучая всему младшего сына Карлоса. Карлосу финансовые операции с детства были интереснее всего, но в то время он доучивался в Сорбонне, и приехать на родину не мог. Виттору теперь же вовсе не хотелось менять ножницы торговца сукном на ланцет хирурга. Отец не стал возражать, видя, как в сыне проснулась торговая жилка, о существовании которой он и не подозревал. Карлос был очень горяч, и во всем рубил сплеча, а в торговле нужна хит-

рость и расчетливость, умение выждать нужный момент. В Витторе все это было в нужном количестве. За время болезни де Ихо – старшего он расширил дело. Отца интересовала только оптовая и розничная торговля, а то, что его клиенты обращаются к портным, чтобы из купленной ткани шить одежду, не трогало. Сын об этом подумал. Старший за долгие годы торговли наработал обширную клиентуру, заработал авторитет и доверие честным ведением дел, ну а сын воспользовался тем, чтобы шить людям, что они хотят. Конечно, проще, когда не идешь от суконщика к портному, а сразу, здесь же заказываешь то, что надо и тебе потом доставляют товар домой. Сын ввел небольшую систему скидок, по которой человек, который привел еще кого-то за покупкой, получал пусть и маленькое, но все же материальное поощрение. Для мастерской по пошиву Виттор выкупил соседнее здание, обставил его необходимой техникой, и пригласил на работу одного из известнейших портных в Севилье вместе с его швеями и посыльным. Выручку делили таким образом, что всех все устраивало; тем более пожилой портной Альберто за долгие годы работы уже устал от организационных вопросов, и с радостью принял деловое сотрудничество, по которому он был наемным рабочим с огромной зарплатой, а всеми делами занимался Виттор. Портной мог беспрепятственно творить, и это было то, чего он хотел. Не имея родных детей, Альберто относился к Виттору де Ихо, как к сыну, и тот платил ему уважением. Дело стало приносить доход, и

не маленький, и отец, вернувшись к управлению торговлей, с радостью отдал мастерскую сыну в полное владение, чтобы тот получал прибыль и расширял производство.

Итак, Анна пришла во второй раз, и Виттор без труда прочитал в ее взгляде интерес. Он и сам влюбился еще тогда, когда она впервые переступила порог лавки его отца, и, взглянув на него, весело улыбнулась. Вместе с ней в магазин ворвалось солнце и весна, обосновавшись в душе де Ихо. Какой была эта красавица? Анна была очень прямолинейна, не жеманничала и не кокетничала, как большинство знакомых Виттору девушек. Она отлично знала себе цену, обладала острым умом, отличным чувством юмора и была доброжелательна к людям, особенно к старикам. Милая, добрая, открытая, но в то же время не по годам мудрая и умная, эта девушка, как острая дага – тонкий граненый кинжал, висевший у Виттора на поясе, засела у него в сердце. Она была полна противоположностей, и внутренняя простота, с которой Анна держалась, бросающаяся при первом знакомстве в глаза, являлась только иллюзией. От этого она была, конечно, только интересней. Многие неуверенные в себе мужчины боятся умных женщин, потому что с ними сложно, но Виттор считал, что жизнь и отношения не должны быть все время гладкими, потому как быстро наскучивают и разочаровывают. Осторожная и открытая, временами инфантильная, но во всем мудрая и осмотрительная, веселая, но редко улыбающаяся, Анна сочетала в себе несочетаемое.

После второй встречи и долгого разговора о всяких жизненных мелочах, когда он приоткрыл для себя Анну как личность, они встречались еще дважды, и Виттор обезумел, словно дочь Изабеллы Кастильской принцесса Хуана. О Хуане в народе в то время ходило множество слухов и легенд. Но она помешалась по непонятным причинам, а Виттор впервые за тридцать лет полюбил. Он лишился сна, еда уже не доставляла удовольствия, а от вина только усиливалась грусть и хандра, преследовавшая с недавних пор де Ихо – младшего. Отец, заметив, что у сына все валится из рук, посоветовал тому сходить к уличным девкам, что не раз проделывал сам для поднятия настроения. Но Виттору было не до этого, и он лишь махнул рукой на совет родителя. Старый де Ихо в делах любви советчиком был некудышним. Он, быть может, и любил кого-то когда-то, но уже успел забыть о том в череде событий жизни, за всеми сделками и вечной нехваткой времени в потоке дней, калейдоскопом сменявших друг друга. То, что отец не любит мать, сыновья Алехандро де Ихо знали с самого рождения, и получилось так, что Карлос больше тянулся к отцу, а Виттор к матери. Любить отец не любил, но надо отдать должное, он был всегда обходителен, нежен, добр и приветлив с женой, уважая и ценя мать своих детей. В жизни бывает все, и тем более такое могло случиться в то время, когда женились обычно по расчету, который вели родители новобрачных. Иногда детей обручали, как только те появлялись на свет, заключая выгодную сделку, условия

которой вступали в силу после свадьбы. При таком раскладе, если было хотя бы понимание между супругами, это уже считалось счастьем, так что о любви говорить не приходилось. Вот так и получилось с родителями Виттора. Нет, мать его, Сусанна, любила отца всю жизнь, и не скрывала этого, да только отец не скрывал своей нелюбви, которая за всем хорошим отношением, доверием и обходительностью так и остается нелюбовью. Сколько она выплакала слез, одна только Пречистая Дева Мария знает; хотя Сусанна не могла не признать доброту Алехандро.

Нужно было что-то делать со всеми чувствами, и Виттор пошел за советом к матери, которая всегда была добрым и понимающим советчиком. Сусанна дала много советов, и Виттор, хотя всегда являлся опытным в отношениях с женщинами, просто растерявшийся в этот раз под гнетом чувств, поразился, насколько женщина может помочь разобраться в психологии другой женщины. Советы сводились к одному: будь смелее, бери на абордаж, завоевывай... в общем, действуй так, как действовал всегда до того, но только осторожней и осмотрительней, потому как раньше в случае отказа не терял ничего, а сейчас теряешь все. И любимая ничем не отличается от остальных женщин, так же как они нуждаясь не в простом обожании, а в доказательствах своей любви и войне за ее красивые глаза. Ободренный советами матери, Виттор приступил к осаде крепости по имени Анна. Как и любая другая, осада началась с разведки местности (ответных

чувств), и сил противника (поклонников). Много информации принес Альберто, портной, который являлся соседом отца Анны, и его другом со времен, когда они в составе королевских войск, вместе воевали с маврами, продолжая войну, длившуюся уже семь столетий. Ко времени встречи Анны и Виттора мавры удерживали за собой только Гранаду, и молодой эмир Абу Абдалы Мохаммед Боабдиллы из последних сил оборонял этот последний оплот мусульман на Пиренейском полуострове. Но это все к делу не относится, и для Виттора была важна не война, а любовь. Как сказал Альберто, часто бывавший в доме Себастьяна Доминго, его дочь стала еще задумчивей, чем обычно, и если раньше она и так редко улыбалась, то теперь ее улыбку не увидишь совсем. И еще: Анна пела, а это был в ее случае верный признак, что она о чем-то грустит. Эти вести ободрили и расстроили Виттора одновременно: Анна влюбилась, но с другой стороны не факт, что ее избранник Виттор, ведь они уже пару недель совсем не виделись, и она избегала встречи. Мать говорила, что это либо совсем хорошо, либо совсем плохо, но для де Ихо это было одинаково больно. Поклонников, по словам Альберто, который отлично видел все происходящее в соседнем саду со второго этажа своего дома, было особенно много. Нет, Анна с ними в саду не гуляла и не встречалась даже, это была очень целомудренная девушка, но их количество подсчитывал портной. Вздохи поклонников, музыка и стихи под ее окнами могли растопить даже камень, но толь-

ко не ее сердце, что радовало Виттора. На его вопрос, как же отец все спускает ночным гостям, Альберто лишь мудро улыбнулся, и сказал, что тот притворяется глухим, слепым и немым, предоставляя дочери самой выбирать, ибо еще в детстве обещал ей, что она выйдет замуж по любви, и не собирался изменять своему слову. Все это обнадеживало, но действовать, как обычно действовали воздыхатели тех времен, то есть сочинять оды, чтобы читать их под окнами, играть на гитаре в ночном саду и присылать пылкие письма, для Виттора не подходило. Быть, как все, значило разочаровать, это значило проигрыш, это значило конец всему; и Виттор изводился в думках, что же ему делать. Удивить гордую Анну дорогими подарками невозможно, она решит, что ее пытаются купить, как овцу на рынке, и возненавидит, ну а придумать что-то другое Виттор не мог, как не старался.

Все решила судьба, которая без нас знает, что нам лучше (хотя и не всегда это так). Прошел месяц после последней встречи, и Виттор, предаваясь меланхолии, пошел прогуляться по ночной Севилье, сделав большой крюк, и непременно намереваясь немного постоять перед домом любимой. Долгая прогулка закончилась в квартале, где жила она. Это была красивая улочка, уходящая вверх, на холм, и делавшая поворот. В садах одно и двухэтажных домов с террасами и черепицей красного цвета росли гранаты, апельсины, финики, инжир и, конечно же, виноград, слава которого из Андалузии распространилась по всей Европе. Да и сам Виттор не

знал вина лучше малаги. Стоя на мощеной булыжником мостовой, в тени раскидистого инжира, Виттор смотрел на окна дома напротив, где как он знал, была комната Анны. Внезапно, из сада раздался шелест листьев и тонкий женский приглушенный вскрик. Через несколько секунд над каменной оградой участка Себастьяна Доминго возникла мужская голова, и чей-то голос скомандовал:

– Пошли, все чисто.

Это говорилось не Виттору, которого не заметили, а кому-то за спиной говорившего. Первый спустился со стены и встал в ожидании. Второй, появившись из-за стены, стал передавать через нее какое-то извивающееся тело, наглухо замотанное в грубую черную ткань и перетянутое веревкой. Кого могли похищать, Виттор понял сразу. У него был только кинжал, а у противников короткие мечи, висящие в ножнах на поясе, но де Ихо ничего не боялся в этой жизни, и не раздумывая стрелой бросился к похитителям, дождавшись удобного момента, когда первый уже опустил ношу на камни мостовой, а второй только начинал перелезать через стену. Зная, что под плащом может оказаться прочная кожаная кираса, Виттор не стал наносить удара в грудь или спину, а ударил оборачивающегося лицом к нему противника в бок, под руку, туда, где как он знал, кираса не защищает. Дага вошла глубоко в тело, достав до сердца, в которое и метил Виттор. Все-таки его обучение в Барселоне не прошло даром, и он отлично знал, какие раны смертельны, где что в

организме находится, и как наносить удар. Конечно, последнему не учили врачей, но этому Виттора очень хорошо научил сосед по комнате, молодой баск. В отличие от своих собратьев, промышлявших разбоем и заказными убийствами, тот баск хотел спасать людей, но это не мешало ему с детства практиковаться в ножевом бое навахами – баскскими складными ножами, очень страшном оружии. Имея двух старших братьев, наемных убийц, тот баск был экспертом в этом виде искусства драки, где многие коварные удары оттачивались десятилетиями. Именно один из таких ударов, называемый «дэсхаррэтазо», что в переводе с разговорного означает ослабить, лишить сил, решил использовать Виттор против прыгнувшего со стены второго противника, доставшего меч. Название удара происходило от глагола *desjarretar*, так мясники обозначали операцию подрезки жил у животного. Очень хитрый удар наносился в спину, под последнее ребро. Им перебивался позвоночник, и жертва умирала в страшных муках. Грузный противник, огромный и шумно дышавший, был неуклюж, и это как нельзя более было на руку де Ихо. Видимо, второй неизвестный в операции похищения должен был исполнять роль носильщика, и больше ни на что другое он не годился. Он взмахнул мечом, намереваясь одним ударом отрубить голову Виттору. Тот успел пригнуться. Его тело, натренированное плаванием в Гвадалквивире и многолетними стараниями хозяина, было как пружина быстрое и сильное, готовое в любую секунду отреагировать на мыс-

ли Виттора. Реакция была на высоте. Де Ихо поднырнул под руку похитителя, оказавшись слева от него, и левой рукой, в которой держал дагу, нанес быстрый удар, идущий снизу вверх и вбок, наискосок, через позвоночник. Удар делался на себя, а не от себя, что увеличивало силу. Больше ничего сделать второй из похитителей не мог, лежа парализованный, истекающий кровью и страшно хрипя.

Вид этого агонизирующего тела заставил Виттора перекреститься и вознести короткую покаянную молитву Создателю. Как и любой испанец, Виттор был набожен. Следующим действием было освобождение Анны от пут. Та испугалась, и чтобы она не закричала, Виттору пришлось прикрыть ей рот рукой.

– Тише, тише. Все закончилось. Это я, Виттор де Ихо, сын Алехандро де Ихо, суконщика с Калье Роса. Узнала?

Анна кивнула, успокоившись.

– Кричать не будешь? Я не хочу, чтобы прибежавший патруль поймал меня на месте двойного убийства и повез на другой берег, в Триану. Там слишком сырые подвалы для меня, я солнышко люблю, – Виттор улыбнулся.

Анна опять кивнула, и он отпустил ее. Она моментально успокоилась, и взяла его руку.

Спасибо, что спас.

– Всегда пожалуйста. Но нам здесь оставаться опасно, могут застать на месте преступления...

– Пошли ко мне, там, в саду красивая беседка, посидим

немного. Ты же не возражаешь осушить харро с хересом?

– Пошли. Но я предпочитаю малагу или аликанте.

Они прошли к ней через потайную калитку в стене, и удобно расположились в беседке. Немая служанка быстро накрыла на стол, поставив туда харро – одноручный кувшин с узким горлышком, доверху полный аликанте, две серебряные чарки тонкой чеканки и тарелку с копченым пряным мясом, которое называли бандерилья. Нарезанное тонкими ломтиками, соленое и острое, оно было лучшей закуской к вину.

– Как все произошло? – это был первый вопрос, который задал Виттор Анне, когда она вернулась, переодевшись, и накинув на плечи мантилью, так как похолодало.

– Отец уехал сегодня вечером, прихватив трех слуг. У него какие-то дела в Кармоне, а туда ты сам знаешь, ехать всю ночь. Дома остались только Камилла, которая накрывала сейчас, и Хуан, сторож. Донну Исабель, мою дуэнью, я отпустила на ночь домой. Вечер прошел как обычно...

– А как обычно у тебя проходит вечер? – Виттор не удержался от этого вопроса. Кто любил, тот знает, что хочется не только знать все о любимом человеке, но даже дышать с ним в унисон, слушая при этом стук родного сердца рядом с собой. И тогда не надо слов, все скажут глаза и руки.

– Виттор... – она улыбнулась, – тебе в подробностях или как?

– Я нескромен? Извини.

– Да нет, ты же спас мне жизнь... теперь не важно, как сложится судьба, но я знаю, что можно доверять тебе, и наоборот. Я никогда не предаю.

– Я знаю... я уверен в тебе, – он поднял чарку. – За тебя, Анна.

– Спасибо. Но никогда нельзя быть уверенным в женщине, – она дерзко подмигнула.

– Можно, если ты уверен в себе, – он тоже подмигнул и сделал глоток.

– Смело сказано. Я вышивала весь вечер. Это самое невинное занятие, к которому я питаю страсть... – она заметила, что Виттор хочет опять что-то спросить, и сказала опережая: – Ты меня будешь слушать, или вопросами засыпать? Перебивать не тактично.

– Ну, смотря, какая тактика на уме! – он улыбнулся. – Извини, что перебил, рассказывай.

Анне очень хотелось спросить, какая же тактика на уме у собеседника, но она сдержалась, сделав вид, что пропустила фразу мимо ушей.

– После вышивания я спустилась в сад немного погулять, и через полчаса присела на каменную скамью возле гранатовых деревьев. Я и сама не заметила, как сзади кто-то схватил меня за горло, и прикрыл рот. Буквально за пять секунд меня полностью закутали в черную тряпку и понесли на улицу. Ну, что дальше было ты и сам знаешь, причем лучше меня. Кто были эти двое?

– Судя по всему, наемники из числа солдат. Кто-то хорошо заплатил, чтобы тебя похитили. За такое преступление наказание очень строгое, и за маленькую сумму никто не соглашается похищать, возни много.

– Цинично, – она посмотрела ему в глаза.

– Зато, правда. Обо всех расценках, и видах преступлений, мне рассказывал сосед по квартире в Барселоне, где я учился. Этот баск знает наши законы не хуже юриста из Сорбонна.

– А он откуда это узнал? – Анна заинтересовалась.

– Его старшие братья, а перед этим и отец, когда был молод, и дед, когда был жив, – наемные убийцы, типа тех, за стеной. У них это семейное ремесло.

– А те тоже баски были?

– Нет. Будь там два баска, меня бы зашивать пришлось. Там были обычные бродяги, которых как пушечное мясо записали в пехоту, и они, скорее всего, сбежали оттуда. Эти ни в какое сравнение не идут с «дъестрос», как называют наемников-басков.

– Смельчаки? Интересное название, – Анна налила вина себе и Виттору. – Виттор, что ты думаешь насчет всего этого? Это кто-то из моих поклонников заказал?

– Вряд ли. Эти относятся к тебе с обожанием, почитают как святыню. Они не смогли бы причинить тебе вреда таким образом. Насколько я понял, воздыхатели только стихи под музыку читать могут, – Виттор презрительно улыбнулся.

– Ну да, а настоящие мужчины боятся через забор перелезть, на улице ждут, – Анна тоже улыбнулась, но ласково.

– Ты на что-то намекаешь? – Виттор почувствовал некоторый стыд.

– Нет, ты, наверное, случайно в три утра мимо моего дома проходил, и, поняв, что в свертке женщина, бросился на помощь, – она невозмутимо смотрела ему в глаза.

– Хочешь, чтобы я соврал? Я этого делать не буду, за каждое свое слово в этой жизни и за каждый свой поступок я готов отвечать, – в его глазах зажглись искры наступающего гнева. Но тон оставался спокойным. Что поделать, темперамент брал свое. Виттор был гордым мужчиной, и даже любимая не могла усмирить этого.

– Не злись, – Анна опустила взгляд. – Очень хорошо, что ты был там.

– Да. Иначе ты бы уже была в трюме корабля, и тебя везли бы в Стамбул или Бухару на невольничий рынок. Больше испанцев блондинок ценят только мавры и арабы, а слава о твоей красоте могла выйти и за пределы Севильи. За такую прекрасную девушку отвесили бы золотом меру в твой вес.

– Да, я слышала о торговле невольниками, мне отец рассказывал. Так вот откуда те двое.

– Я уверен в этом. Слушай, ты сказала, что настоящие мужчины ждут на улице... твои слова?

– Мои, но не...

– Ты меня там видела, как мне кажется. Значит, ты тоже

кого-то высматривала и ждала? Разве нет? – Виттор горько ухмыльнулся. Он давно хотел спросить это, но привык всегда выдерживать мысль, занимавшую его, до того времени, когда человек будет не готов отвечать. В таких неудобных положениях, люди всегда говорят нечетко и сами себя раскрывают. Иногда хватало и взгляда или чуть заметного подрагивания руки, чтобы все разгадать.

Анна хотела что-то сказать, и улыбнулась для того, но улыбка чуть заметно дрогнула, и Виттор все понял без слов. Он знал свою правоту. Юная красавица тоже догадалась, что ее разгадали, и не стала врать.

– Высматривала. Это что-то меняет? – она погрузилась.

– Я не спрашиваю, кого, но ответь, ради всех святых, не меня ли? – Виттор не стал скрывать накипевшего. Будь что будет, уж лучше сразу и навсегда, чем медленно и мучительно.

Она опустила голову. Она думала. Анна знала, что все решается в эту секунду.

– Я люблю тебя, Анна Доминго. Если ты не меня ждала, то я допиваю вино и ухожу отсюда навсегда. Не томи, мне это важно.

– Тебя. Я тебя ждала. Я думала, что забуду тебя, занимавшего все мои мысли, если не увижу в течение пары недель, но ошибалась. Я скучала по тебе. То, что я тебе не безразлична, я почувствовала почти сразу, еще при первом свидании. И, конечно же, тайно ждала, что ты тоже придешь, как

и все остальные под окно и будешь петь серенады...

– Чтобы разочароваться и забыть?

– Ох. Если бы знать. Я просто хотела тебя видеть, но не исключено, что тогда бы ты стал как все, и наскучил.

– Ты боишься своих чувств, потому и думаешь что говорить. Выдерживаешь паузы, прячешь глаза. Не надо, я тоже боюсь глубины моего сердца. Это нормально, я тоже люблю впервые, – он взял ее руку.

– Я не знаю, люблю ли я тебя, но я знаю, что с тобой рядом мне не надо больше ничего в этой жизни, – девушка подняла чарку.

– Спасибо за это. Когда вернется твой отец?

– Послезавтра.

– Утром я пришлю тебе двоих слуг, пусть охраняют на всякий случай, мало ли что. Через два дня жди сватов. Ты же выйдешь за меня замуж? – он нежно посмотрел ей в глаза.

– Выйду... – тихо и как-то стеснительно сказала она.

Виттор ушел, и утром доложил отцу, что собрался жениться. Отец кивнул, радостно приобнял сына, сказав, что хочет увидеть внуков, а уже после этого спросил, на ком сын остановил свой выбор. Выбор сына он одобрил, и обещал прийти к ее отцу через день, после возвращения того из Кармоны. Так все завертелось. Себастьян Доминго принял Алехандро с распростертыми объятиями, уже обо всем зная от дочери. К согласию пришли сразу же, и Себастьян попросил три месяца, чтобы собрать приданное. Видеться до свадьбы

он не запретил, но при всех встречах, как того требовал этикет, присутствовала дуэнья...

И вот, оставалось две недели до свадьбы. Виттор поехал в Кордову за партией кож, и возвращался обратно, домой, полный надежд и радостных мыслей. В ту ночь он со слугами ночевал в Кармоне, и проснулся раньше всех, чтобы полюбоваться рассветом. Гребное судно с грузом купленных кож сплавлялось по Гвадалквивиру, на нем поплыл приказчик отца. Виттор же любил путешествия по суше, не вынося сырости и качки. В Кордове он пробыл три дня, остановившись у троюродного дяди. Ему всегда нравилось бывать у него, играя с подрастающими племянниками, пусть и четвероюродного родства, или сидеть в беседке, слушая истории дяди о многочисленных военных походах, в которых тот участвовал, или легенды старины. Это были незабываемые вечера...

Из приятных мыслей Виттора вырвал силуэт всадника, во весь опор скачущего с юга, по дороге из Севильи. Встающее солнце отлично подчеркивало силуэт, и в рассветном, красноватом свете четко выделялась пыль, которую скачущий поднимал. Ничего особенного в этой картине не было, но у Виттора де Ихо тревожно сжалось сердце от внезапно накатившего нехорошего предчувствия. Своим предчувствиям он доверял, ведь интуиция его никогда не подводила, не раз спасая жизнь в трудных ситуациях. Виттор застыл неподвижно. Постоялый двор находился в пяти метрах от

дороги, и всадник неминуемо заметит Виттора. Если искали его, то мимо не проедут. Скачущий приближался, и когда он находился в ста метрах, и уже начал доноситься стук подков, что-то показалось знакомым в этом силуэте. Лица видно не было, так как всадник наклонил голову, смотря за дорогой. Берет с широкими полями, черный дорожный плащ, и конь белой масти. Конь был не из дешевых, настоящий Андалузский жеребец, статный и сильный, да и всадник тоже не был простым крестьянином. До всадника оставалось метров двадцать, и Виттор крикнул, узнав наездника.

– Карлос! Карлос! Почему ты здесь?

Всадник поднял голову, и поскакал прямо к Виттору, останавливая коня. Карлос де Ихо выглядел взволнованно, круги под глазами говорили, что он не спал больше суток. Он остановился возле брата, подняв коня на дыбы.

– Отец? – Виттор очень волновался. Он понимал: брат с добрыми вестями не прискачет в такую даль.

– Нет! – голос Карлоса был хриплым, сорванным, Виттор его почти не узнал. – Анна... Томас де Торквемада, – только и сказал брат, и замолк, сам боясь своих слов.

Виттор осел на траву. Ему очень захотелось заплакать, но слез не было. Каждый испанец знал Томаса де Торквемаду, не в лицо, а по его делам. Торквемада родился в 1420 году, с юности отличаясь благочестием и фанатичной верой. Лет в двадцать он вступил в новый для тех времен монашеский орден доминиканцев, отличающийся крайним аскетиз-

мом даже для века, когда фанатичной верой католическую Испанию удивить было почти невозможно. Торквемада удивил, и еще как, правда, со временем. А пока слава о его благочестии распространилась сначала среди монахов, а потом дошла и до молодой королевы Изабеллы Кастильской. Та не раз предлагала Торквемаде различные посты, но тот неизменно отказывался, пока она не предложила ему стать личным духовником. Этот пост он принял с радостью и постепенно приобрел над ней то влияние, какое потом, в другие времена, будут иметь Бирон при дворе Анны Иоанновны, Дрейк при Елизавете Английской, Потемкин при Екатерине Великой и Распутин при дворе Николая II. Не без его участия за Изабеллой закрепилось второе прозвище – Изабелла Католичка. Все самое страшное для Испании началось, когда в 1483 году Торквемада был назначен Великим Инквизитором Испании. За пятнадцать лет правления тайным трибуналом это чудовище лично приговорило к сожжению на костре – аутодафе, 17 000 человек, и еще 97 321 человек по его приказу подверглись различным наказаниям. В то время под словосочетанием «различные наказания», подразумевалось, что людям была оставлена жизнь, но что творилось с их истерзанными пыткой телами, без дрожи описать невозможно. После испанского сапожка человек хромал до конца жизни, если ему не отрезали раздробленную ногу с перемолотыми костями, чтобы не было гангрены. После дыбы руки уже не поднимались, так как порванные сухожилия не срастаются.

После пытки каленым железом на теле до смерти оставались страшные отметины, которые, вдобавок, присыпали солью. Это была только часть того, что придумал воспаленный и безумный мозг человека для жестокости по отношению к собратьям. В арсенале палачей и тюремщиков той эпохи имелось столько орудий пыток, что они занимали огромные помещения. Это было ужасно. Две истины знал каждый: попавший в руки инквизиции человек уже никогда не будет прежним, меняясь в корне как телесно, так и духовно; и еще – если ты не король Испании, то от костра и пыток ты не застрахован. Попасть в застенки могли за любую оплошность; особенно часто просто по подозрению в сношениях с нечистой силой. Инквизиция считала, что женщина по своей природе есть вместилище порока, и виновна хотя бы за это. 99 процентов сожженных на костре были женщины, в большинстве своем молодые и красивые. Торквемада особенно старался в этом, так как женщин ненавидел люто.

Все это прекрасно знал и Виттор. Поэтому у него была такая реакция на известие. Анну могло спасти только чудо.

– За что?! – в этом крике прозвучало столько дикой, первозданной, животной боли, что Карлос испугался за разум брата. Так ревет медведица, стоя над мертвым медвежонком; и если кто-то слышал этот рев, он его уже не забудет.

А слез все не было. Глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит, но они были сухи. Виттор выл, выл тихо и протяжно. Это был и хрип, и стон, и вой. Все смешалось в этом нечле-

нораздельном звуке, который человек по своей природе издать не может. Карлоса пробил озноб от этого, и он в ужасе смотрел на брата. Сказать, что за всю жизнь он такого не видел, значило бы просто многозначительно промолчать. Боль ощущалась физически, казалось все тело горит, голова звенела, а сердце стучало как бешеное, отдавая в ушах. Прошло не больше минуты, и Виттор смолк. Он с силой поднялся на ноги, как пружина, подскочив на месте, и ухватившись за ствол молодого дуба, сломал его. Виттор при этом рычал, в бешенстве ворочая белками. После этого его гнев неожиданно стих, как будто щелкнули выключателем. Он быстро пошел в сторону конюшни, где спали слуги, и ударом ноги открыл воротину.

– В седло, живо, каналы! За пять минут кони должны быть готовы, иначе я вас порежу всех! – эти слова возымели эффект разорвавшегося ядра. Что и говорить, слуги, никогда не слышавшие от молодого хозяина и грубого слова, испуганно встрепенулись, и кинулись исполнять приказание. Они мгновенно догадались, что произошло что-то ужасное. Это только накаляло обстановку и подстегивало их скорость.

Кони мчали во весь опор. Карлос, скакавший рядом с Виттором на свежем жеребце, рассказывал, как все произошло. Ветер уносил некоторые слова в неизвестность, но смысл был и без того понятен. Анна вышла из дому в сопровождении донны Исабель и слуги на рынок купить продукты. В городе уже второй день властвовал Томас де Торквемада, явив-

шийся в Севилью, как обычно он делал, неожиданно, в сопровождении личной гвардии – пятидесяти конных и двухсот пеших солдат. Этот урод проезжал по рыночной площади, на которой воцарилась мгновенная тишина, что для любого рынка немислимо. Как по воле рока, в это время Анна тоже была там. Томас подъехал к ней, и просто приказал своим слугам схватить. Дуэнью и слугу Анны, мешавших задержанию, убили на месте. Процессия после случившегося поехала дальше, а Анну под стражей повезли в Триану. Это рассказал Альберто, прибежавший с рынка сначала в дом Доминго, а оттуда в дом де Ихо. Себастьян и Алехандро объединились, и поехали к начальнику крепости, чтобы узнать, в чем дело и попытаться за любые деньги выкупить Анну. Карлос же узнал обо всем только ночью, когда отец вернулся безо всяких вестей. К начальнику крепости попасть они не смогли, он их не принял, хотя и знал обоих долгие годы, так как пользовался их услугами. Карлос, конечно же, сразу вскочил в седло и полетел навстречу брату, зная, что по дороге они не разминутся, и Виттор ни за что не станет добираться сплавом по реке. Так и вышло. И теперь кони несли всадников как на крыльях по направлению к Севилье, и никому ничего не было известно, и все полагались только на судьбу.

Виттор, вернувшись в город, конечно же, кинулся не домой, а под стены Трианы, где томилась Анна. Они с Карлосом приехали около двенадцати. Сначала Виттор хотел уви-

деть начальника крепости, и попросил доложить о себе, но прошел час, прежде чем ему ответили отказом. Тогда Виттор встал недалеко от ворот, все время держа их в поле зрения, чтобы не пропустить начальника крепости, если он соберется выезжать куда-либо, и поймать его таким образом. Так протянулись еще два часа, два тщетных часа. Все кончилось, когда солдаты охраны крепости прогнали Виттора с помощью алебард. Де Ихо тогда впервые в жизни пожалел, что он родился в семье, хоть и богатого, но всего лишь обычного буржуа, даже не представителя гильдии купцов. Поэтому перед ним было закрыто большинство дверей. Будь Виттор сыном знатного идалго, его бы по-любому впустили, начальник крепости не мог отказать в приеме молодому родовитому господину. Но если бы да кабы... Виттора прогнали. Но он пошел прочь не из страха, а потому, что пока находился по ту сторону ворот Трианы, и жил, была надежда, что он поможет Анне. Устрой он драку с солдатами, его либо убили бы, либо забрали в тюрьму.

Де Ихо поскакал в город, чтобы достучаться до Великого Инквизитора. Смирив гордость и желание убить, он решил кинуться ему в ноги и выпросить помилование для Анны, или хотя бы узнать, в чем же заключалась ее вина. Виттор не знал одного: Великий инквизитор никого и никогда не принимал. Это чудовище в сутане, сошедшее с ума, и творящее столько зла, сколько в истории и до и после него мало кто творил, само боялось как маленький ребенок. Самым боль-

шим страхом Томаса де Торквемады был страх насильственной смерти, страх, что произойдет удачное покушение на его сиятельную персону (оно и понятно, наверняка за собой знал столько грехов, что спать не мог по ночам). Именно поэтому бывший духовник Изабеллы Кастильской из визитеров никого не принимал, и окружил себя личной гвардией. Заговоры казались ему везде и всюду, козни врагов преследовали инквизитора и во сне, и он даже завел дегустаторов, чтобы те пробовали еду на наличие яда (у него для этих же целей был рог носорога, который по преданию может обличать яды, меняя цвет). Козни и враги. Любой, на кого падало подозрение, подвергался страшным пыткам.

Где находится Торквемада, Виттору подсказал Карлос, когда они мельком увиделись на рыночной площади. Инквизитор остановился в доме губернатора Севильи, в неподобающей для монаха роскоши. Слуги заняли конюшни и другие хозяйственные постройки, а самого Торквемаду поместили в шикарных апартаментах. В комнатах попроще жили отцы-инквизиторы, верные сподвижники и подельники своего начальника. Что и говорить, Виттора даже не пустили на порог. Ни инквизитор, который немного приболел, ни губернатор, отправившийся в порт, не принимали. Несчастный в отчаянии кинулся домой, не зная, что делать. Дома находились отец, мать и Карлос. Сидя за столом, они ожидали возвращения Виттора, волнуясь, как бы тот в своем темпераменте и при своей неудержимости не наломал дров. Ново-

стей они не могли дать никаких, но у взявшего себя в руки Виттора начал созревать план действий. Он поел, переоделся, взял с собой восемь тысяч дублонов, меч, дагу и черный дорожный плащ с капюшоном. План был прост: подкупить какого-либо стража, тюремщика или гвардейца, чтобы тот помог проникнуть внутрь и вызволить Анну. Это было самым простым решением, потому как за восемь тысяч золотом любой продаст душу дьяволу, а не то, что поможет Виттору. Это было целое состояние.

Виттор знал, что в Триану его никто не пустит, стража либо опять прогонит, либо притворится глухонемой. Поэтому оставалась таверна недалеко от крепости, куда часто приходили тюремщики, чтобы промочить горло добрым хересом или пулькой. Таверна представляла собой двухэтажное здание из серого дикого камня, приземистая и широкая, она строилась на века. Ей и в самом деле было не меньше лет, чем самой крепости. Когда Виттор зашел внутрь, в нос сразу же ударило смешение запахов из винных дешевых паров, вареной рыбы, лука и специй. Гул голосов оживленной речи прерывался звуками то тут, то там вспыхивающих ссор и драк, которые тут же перемещались на улицу, потому как такое правило выставил посетителям хромой хозяин трактира по кличке Кабальо, что означало конь. Сильный, мощный, высокий, с огромными ручищами он скорее напоминал медведя, но кличку ему дали за массивную нижнюю челюсть и большие длинные зубы, из-за которых он не мог нормаль-

но закрывать рот. Звали его Хуан, как и добрую половину незнатного мужского населения Испании. Обстановка трактира была спартанской, безо всяких излишеств. Только столы и огромные лавки, да еще что-то вроде барной стойки, отделяющей проход на кухню. Вся мебель массивная, неподъемная, выполненная из дуба; она не имела износа, что и было определяющим при ее изготовлении. Виттор сел за одинокий столик в углу, и тут же к нему подскочил мальчишка-разносчик.

– Доброй ночи¹, кабальеро. Что вы желаете?

– Мучачо, мне кувшин хереса, стакан, и головку козьего сыра на вкус хозяина, – Виттор кинул на стол серебряный реал. – Сдачи не надо.

– Одну минуту, сеньор, – мальчишка проворно кинулся исполнять приказание. Через пол минуты все заказанное стояло перед Виттором.

Было около одиннадцати часов вечера, и таверна постепенно меняла завсегдатаев. Домой убирались уже пьяные, освобождая места еще трезвым. Де Ихо пил херес и прислушивался к гулу голосов, разбирая отдельные слова и фразы. В таверне он провел уже час. Неожиданно дверь открылась, и вошли трое. Тут же с соседнего от Виттора столика послышался приветственный возглас:

– Педро, Педро! Иди к нам, выпей.

¹ В Испании нет обращения: «Добрый вечер». После обеда говорят: «Доброй ночи». До обеда – «Доброго дня».

Тот, кого называли Педро, кивнул и отделился от двух своих спутников, что-то сказав им, по-видимому, обещав отсутствовать недолго. Педро подошел и сел к столу справа от Виттора.

– Педро, за тебя! Я тебя люблю, ты же знаешь! – это говорил подвыпивший здоровый мужик, одетый как лесоруб. Он обернулся к Виттору. – Кабальеро, готов поспорить, вы не знаете Педро, а он спас меня год назад от...

– Молчи, пьянь, – это сказал Педро, с силой удержав пытающегося встать мужика на месте. – Сеньор, не обращайтесь на него внимания, он пьян. Простите его, если он груб, – добавил он Виттору.

– Все в порядке. На то он и дровосек, – Виттор потерял, было, интерес к этому столику, но вновь обрел его после слов третьего сидящего за столом, мужика преклонных лет.

– Педро, а вправду ты сторожишь самую красивую девушку Испании, Анну Доминго?

– Правда, Фелипе, правда, – Педро горько вздохнул.

– Где этот трактирщик! – страшным голосом заревел дровосек. – Где вино? Каналья, сюда мне его.

На горе дровосека, трактирщик услышал это, и двинулся к столу. Он схватил мужика за шею одной рукой, и волоком потащил по полу на улицу. Фелипе кинулся следом, видимо, чтобы помочь своему другу в случае чего поползти до дома. Виттор обернулся к соседнему столу, и удержал поднимающегося Педро, который, видимо, хотел идти к своим

друзьям.

– Сеньор, вас Педро зовут?

– Да, сеньор. Меня, – тюремщик посмотрел на Виттора. Педро выглядел уставшим от этой жизни, худым невысоким мужчиной за пятьдесят. Седой, с остатками пятен черных волос, длинными усами и грустью, как в голосе, так и в глазах, он внушил Виттору доверие. То, что Педро был умен, де Ихо понял с первого взгляда.

– Присядьте за мой стол. Будете херес? Вы голодны?

– Спасибо, сеньор, но меня ждут за тем столом... – он хотел показать в сторону товарищей, но не успел. Виттор перебил его.

– Вы хотите заработать восемь тысяч дублонов?

Педро застыл как вкопанный, раскрыв рот. Он зарабатывал, будучи тюремщиком, в год только сто серебряных песо. Золотые дублоны Педро в своих руках держал очень редко, а такую сумму и представить даже не мог.

– Это целое состояние, сеньор. Просто так они не даются, – тюремщик подсел к Виттору. – Это цена чьей-то жизни?

– Да, но я хочу, чтобы вы не убивали кого-то, а наоборот, спасли. Вы меня не знаете, Педро?

– Вы мне знакомы... а, я помню. Вы были женихом этой несчастной, Анны. О вашей свадьбе говорила вся Севилья. Какое горе, сеньор.

– Горе. Но вы ее страж, и вы можете помочь мне спасти ее...

– Увы, не могу, сеньор. Поверьте, за восемь тысяч, я бы собственноручно убил Великого Инквизитора, если бы это понадобилось, чтобы спасти вашу невесту, но я уже бессилён что-то сделать, – Педро с жалостью посмотрел на молодого мужчину.

– Почему? – горестно воскликнул Виттор. И добавил, понизив голос. – Расскажите мне все, сеньор. Умоляю вас. Ее жизнь – это моя жизнь, без нее мне не жить...

– Сеньор, Педро тоже любил, и он знает, что это такое. Поверьте, будь возможность, я бы помог. Но ее увезут из Трианы через три часа. Именно поэтому я здесь, начальник отпустил меня.

– Куда ее увезут?

– В Кампо де Таблада.

Виттор знал это место, как и любой севильянин. Поле Эшафота – так в переводе назывался пустынный луг за городом, где совершалось большинство казней. Ее везли на костер.

– Но есть еще три часа, – Виттор в отчаянии сложил руки в мольбе.

– Нет. Ничего не выйдет. Сейчас она кается в грехах в присутствии четырех инквизиторов. Возле дверей зала пыток десять солдат, и весь гарнизон снаружи.

– Неужели все это ради обычной горожанки?

– Нет, конечно. Просто начальник крепости, чтобы покрасоваться перед Торквемадой, поднял в ружье всех солдат и

заставил выполнять марши и упражнения.

– Так и Торквемада там?

– Да. Он там. Поэтому то, что вы просите, невозможно. К ней не подойти, ее не вызволить. Поверьте Педро.

Виттор положил на стол руки, на них опустил голову, и так просидел минуту. Педро не говорил ни слова. Он ждал. Деньги для этого человека мало что значили, для него много значили чувства. Так получилось, что тридцать лет назад он любил молодую девушку, крестьянку из их деревни возле Кадиса. Ее убил во время охоты один молодой идальго, на смерть сшибив конем. В пылу погони за кабаном он и не заметил девушку, и того, что она умерла. Ему просто не было до этого дела. Педро долго ждал. Он ждал около года, прежде чем смог подобраться к этому сеньору, так же во время охоты, и пристрелить его из арбалета, в спину, как и подобает убивать подобных людей. Педро и сам умер, когда убил дворянина; до того он был жив только мстью. Потом служба в армии, и вот, Педро – тюремщик. Он так никогда и не вернулся домой, в деревню возле Кадиса, где ни с кем не попрощался перед уходом. Теперь Педро существовал, вливая в себя перед сном пару стаканов пульки и вспоминая Хуаниту, свою любовь, которую даже тысячи дней не стерли из его памяти. Только любовь других значила для него хоть что-то.

– Сеньор, не надо. Вы встретитесь потом, пусть и не здесь, не в этой жизни. Поверьте Педро, – он положил по-отечески руку на голову Виттора.

– Расскажи мне о ней. Все, что было, – Виттор поднял голову, глаза были сухи.

– Ее привезли под вечер. Великий Инквизитор, когда проезжал по рыночной площади, увидел девушку необычайной красоты. Эта неземная красота и послужила ее несчастьем. Анну обвинили в том, что она вступила в сделку с дьяволом, чтобы получить такую внешность...

– Какой бред! Только сумасшедший может так думать, – глаза Виттора источали такую ярость, что Педро поежился, как от холода.

– И, тем не менее, сеньор, это послужило ее обвинением. Торквемада больше всего на свете ненавидит красивых женщин. Утром ее повели на допрос. Раньше не могли, камера пыток была занята другими обвиняемыми...

– Боже, неужели ее пытали? – Виттор, не веря, рассеянно посмотрел наверх, в потолок, видимо, надеясь на нем разглядеть Создателя.

– Да, сеньор. Но даже у палача, какой бы это ни был зверь, не хватило духа калечить ее или портить такую красоту. Старый Пабло, который пытал Анну, плакал над ней. Ее пытали водой, самой безобидной пыткой, – Педро опустил глаза. Пытка водой, «безобидная», как назвал ее он, означала, что в человека вливали воду до тех пор, пока он не признается, или не умрет. Но с другой стороны он был прав. Сапожок или дыба были страшнее.

– Она призналась?

– А что ей еще оставалось делать, кабальеро? Пабло посоветовал ей признаться, пока не поздно, и он не принялся раскаленными щипцами рвать ее на части. Вы же сами знаете, сеньор: пытка длится до тех пор, пока человек не признается. Я только однажды видел мужчину, которого даже сапожок не сломал. Ему вбили все двенадцать дубовых клиньев, то есть раздробили в муку кости и порвали все сухожилия. Но он не признался. Тогда начали жарить его пятки, но и это не помогло. Его истязали двое суток, и все это время он оставался в сознании. Кончилось тем, что устал палач, и все равно человека повесили. Обосновали тем, что он признался во всем, подделав подпись. Так что итог один. А так она почти не мучалась. Она согласилась со всеми пунктами обвинения, и теперь исповедуется в присутствии инквизиторов.

– Когда казнь?

– На рассвете. С первым лучом солнца. Их будет пятеро, все молодые девушки.

– Спасибо за рассказ, Педро. Скажи еще, она меня вспоминала?

– Да, она звала вас по имени, много раз. И плакала, что больше вас не увидит.

– Спасибо, Педро, – Виттор прослезился. Он достал десять дублонов. – Помолись за нее.

– Удачи вам, сеньор. Храни вас Бог! – Педро встал, сделав вид, что не заметил денег на столе. Он был выше этого.

– Боже, за что это? – Виттор озвучил вслух свою мысль. –

Неужели завтра эта безгрешная и чистая девушка будет мучаться на костре по воле этих... – он замолк.

– Сеньор, Бог милостив. Может, она будет недолго мучаться, – Педро перекрестился и пошел к столу своих друзей. Его до глубины души трогала боль этого молодого и красивого человека, который с любовью терял все, что имел.

Перед рассветом Виттор стоял в небольшой толпе, которая собралась возле пяти столбов. До начала аутодафе оставалось не более получаса. Повозки с осужденными уже прибыли, и стояли в стороне, в окружении солдат. Монахи таскали вязанки с хворостом. Серые сумерки начали рассеивать ночную мглу, трава покрылась росой, и по-над землей стала подниматься легкая туманная дымка, обещавшая жаркий день, который пять осужденных девушек уже не увидят. В толпе не было случайных любопытных и зевак. Все пришедшие были родственниками жертв, так или иначе узнавшими по своим каналам о месте и времени казни. Виттор искал отца Анны, но не нашел его. Он подумал, что старый Доминго не знает о казни, но Виттор ошибался. Себастьян и не мог узнать о ней, так как стариково сердце не выдержало переживаний, и вчера под вечер старого Доминго не стало. Это лучше, наверное, чем доживать в одиночестве свой век, постоянно вспоминая о казненной дочери. Себастьян умер не мучаясь, мгновенно. Другое ожидало Анну. Нет предела страшной фантазии инквизиторов. Зная, что человек в пламени костра страдает не больше пяти минут, они стали заме-

нять обычные дрова сырыми, и приковывать осужденных на вершине высокого столба. Так человек медленно жарился в течение часа, испытывая страшные мучения. Виттор не мог смотреть на казнь любимой, но ноги сами привели сюда, и он стоял в ожидании, надеясь увидеть ее в последний раз. Все происходило как в бреду, ни одной мысли не осталось у де Ихо, ни одного чувства. Были только животные инстинкты, какие есть у собаки, которая привязана к своему хозяину, и даже мертвого не может его оставить.

Девушек привязали к столбам, монахи с факелами встали наизготовку. Отец-инквизитор сказал какую-то речь, в смысл которой Виттор даже не вслушивался, и после этого поднялось пламя. Сырые дрова сильного жара не давали, горели плохо, но горели. Столбы, которые для больших мучений жертв обили железом, начали медленно нагреваться. Первые лучи солнца осветили казнь, видимость сразу улучшилась, и Анна различила в толпе своего любимого.

– Виттор!

– Любимая! Прости за все! – по его щекам потекли слезы горечи.

– Мы еще увидимся... – ее слова оборвала короткая стрела арбалета, пронзив грудь. Анна умерла мгновенно, не мучаясь. Наверное, на эту «божью милость» вчера намекал тюремщик Педро. Именно по этой «милости» оборвалась ее двадцать первая весна.

Виттор обернулся назад, и увидел в ста метрах от толпы

скачущего во весь опор всадника. В погоню никто не кинулся, но солдаты принялись пиками разгонять толпу. Виттор ушел, не дожидаясь. Ему не на что больше было смотреть. Стрела убила двоих сразу, он потерял и себя. Что он чувствовал? Уже ничего. Полная отрешенность, сумрак сознания. Если бы были виновные в смерти любимой, он бы жил мезьтью. А так кого винить? Торквемаду? Он уже далеко, его не достать. Да и достать можно лишь стрелой или кинжалом, а де Ихо хотелось большего. Так что пусть сам умрет, ему и так недолго осталось. Остальные участники суда только винтики в этом безжалостном механизме. Поэтому больше не осталось ничего: ни Анны, ни Виттора, ни любви. Не осталось и жизни.

Виттор де Ихо пешком пошел домой, где все рассказал отцу и матери. Карлос уехал по делам в Малагу. Потом он лег спать, и проспал до заката. На закате мужчина спустился вниз, в зал. Дома никого не было, мать отправилась к подруге по соседству, а отец в лавку, куда прибыли кожи, сплавляющиеся по реке. Никому не говоря и слова, Виттор пошел к Гвадалквивиру, где сел на берегу и выпил две бутылки аликанте. Ему не хотелось жить. Отплывая от берега на лодке, он знал, что уже никогда не причалит обратно. Тяжелый камень, привязанный к ногам крепкой веревкой, всплеск волны... и все. Его никогда не найдут...

Виктор Ильин проснулся в три утра. Ему казалось, что он

все еще захлебывается холодной мутной водой реки; его душат спазмы, и конвульсии сгибают ноги. Сев на кровати и включив свет, Виктор пришел в себя. Это был только сон, хотя таких снов Ильин еще никогда не видел. По телу прошел озноб. Виктор готов был поклясться, что все это происходило на самом деле, но то, что он жив, доказывало обратное. Еще ничего не понимая, мужчина прикурил сигарету. Ему требовалось во всем разобраться. Ему казалось, что сон длится сейчас, а там была его жизнь. Мысли сменяли одна другую, и в их лихорадочном беге он не мог уловить ту, самую нужную и трезвую. Была необходимость успокоиться. Виктор пил очень редко, только крепкий алкоголь, но не чаще раза в месяц или два, на свадьбу или на день рождения кого-то близкого. На этот раз Ильин изменил принципам и пошел на кухню, где трясущимися руками откупорил бутылку водки, стоящую в холодильнике с его дня рождения, и залпом выпил не меньше половины стакана. Стало лучше. Виктор закусил колбасой и повторил маневр. Бутылка заметно опустела, да и мысли в голове куда-то потерялись. Ильин опять закурил и сел на табурет. Нужно было выбираться из растерянности, вызванной сном. Необычайный всплеск адреналина еще не прошел, сердце стучало как барабан. Виктор вздохнул и начал докапываться до истины. «Итак, – думал он, – первое. Сон, это был сон, а не явь. Это точно и сомнению не подлежит...». Вторая мысль гласила, что все это не могло происходить с Виктором, так как он не жил в

Испании в конце 1480-х годов. Третье: сновидение было навеяно его мыслями об Испании перед сном. Все остальное только чувства, вызванные сном. Четвертое: он так напуган и впечатлен только потому, что таких реалистичных снов у него никогда не было. Но ничего, все бывает впервые. Итог: успокоится и осознать, что это все сказка. И ложиться спать. Хотя, последнее спорно – завтра Виктор выходной.

Ильин успокоился, и тут пришла другая мысль. Да, сон навеян мыслями об Испании! А чем навеяна та прекрасная девушка? Виктору она незнакома, он ее точно нигде раньше не видел. Ее внешность даже никого не напоминает. Хотя, возможно, он видел ее где-то в толпе незадолго до того, она его впечатлила, и вот, приснилась наконец-таки. Все просто. А просто ли? При воспоминании об Анне кольнуло сердце, что-то ранее незнакомое вдруг поселилось там. Что это? Виктор, не задумываясь, назвал это нежностью, какой-то щемящей нежностью в сердце. Раньше все мысли и чувства у него шли через голову, а теперь вот впервые что-то в сердце. Отчего она его так взволновала? Если бы знать. Бред, все бред. Она же только приснилась, как можно влюбиться в сон? И на этой мысли Виктор прекратил внутренний монолог, удивленно заглядывая в самого себя. Неожиданно прозвучавшее слово «влюбиться» стало основоопределяющим. Чертовски правильное слово. Он действительно чувствовал что-то незнакомое до того, и если это была не влюбленность, то, что тогда? Даже не влюбленность. Всю

боль того, приснившегося Виттора, всю его любовь Ильин прочувствовал сам, проснувшись. Чувства из сна как по маговению волшебной палочки перешли в реальную жизнь. От этого сжималось сердце, учащался пульс, и что-то похожее на комок находилось в горле. Этого не могло быть, но это было. Виктор опустил голову на руки. Час от часу не легче. Теперь он влюбился в несуществующую девушку из сна. И как это называть? Может, пока он выходной, стоит к психиатру сходить, пусть поможет уколами или гипнозом? От этой мысли стало веселее, он улыбнулся. И тут по коже прошел озноб, как от холода, и чей-то голос в голове сказал: Вот оно! Виктор даже обернулся, но, естественно никого за спиной не нашел. Нет сомнений, голос был его. Просто мысль прозвучала вслух, и поэтому показалось, что кто-то с ним говорит. А что оно? Оно, – то, чего он ждал всю сознательную жизнь, с каждым приходом желтеющей листвы. ОНО, что-то, слишком похожее на чудо, чтобы быть настоящим. И это нельзя было доказать, он это просто чувствовал.

Вот так в жизнь Виктора Ильина ворвалась любовь. Неожиданно и быстро, как арбалетный болт, пронзившая грудь. Виктор остановил течение мыслей, и проверил свои чувства. Самым большим желанием было увидеть ту девушку наяву. Он понимал, что это невозможно, но ничего с собой поделывать не мог. Любыми средствами он хотел увидеть ее. Разум говорил одно, сердце абсолютно другое. В голове всплыли слова Жорж Санд: рассудок никогда не плачет – это

не его дело, а сердце никогда не размышляет – оно не для этого нам дано. Виктор иронично улыбнулся этим словам. Пусть разум не вмешивается в сердечные дела. У него есть любовь, и есть надежда найти эту девушку. Остальное его не волнует. Пусть кто-то на эти мысли посоветует ему обратиться за помощью в лечебницу для душевнобольных, ему плевать. Он будет искать ради того, чтобы однажды увидеть ее улыбку и еще раз заглянуть в ее глаза. Остальное не имеет значения. Мысль права: вот оно, пришло. И будь что будет. Один умный человек говорил: «У меня есть мечта...», начиная свои выступления именно с этих слов. Виктор теперь знал, зачем он живет, у него тоже появилась мечта. И надежда. И любовь.

2

Аня Воскресная сидела в своей комнате и в крайней тоске листала модный журнал. Больше ей делать ничего не хотелось. Был день, двадцать девятое октября, пятница. Аню все достало, и серость жизни казалась невыносимой и нескончаемой. Обыденность душила как Отелло Дездемону, сильно и яростно, со всей ревностью к счастью, на которую только была способна. Нет, о такой жизни, какую вела Аня, любая девушка в современной России могла только мечтать. У нее было все, о чем она могла грезить или чего желать. То, сколько тратил на нее отец, наверное, было соразмерно с бюджетом футбольного клуба первого дивизиона Российской Федерации. Все капризы дочери Анатолий Воскресный исполнял без споров и возражений, но избалованной она не была, об этом тоже своевременно побеспокоился ее отец, хотя и отчасти. Детство без матери оставляет в душе ребенка не маленькие отметины, а человек, который терял, очень редко бывает капризен. Нет, трагической истории я рассказывать не собираюсь, ее мать была жива, и, быть может, даже здорова, но ни она свою дочь, ни дочь ее, уже не помнили.

Вышло так, что Анин отец, когда он только познакомился с ее матерью, был обычным строителем. Он работал каменщиком, исправно принося в семью деньги, хотя и не боль-

шие. Его будущая супруга, уроженка одной из близлежащих к городу станиц, позаботилась, чтобы дочь появилась немно- го незапланированно, зная, что возможный муж ни за что не откажется от ребенка, и этот финт даст ей долгожданный штамп в паспорте и жизнь в городе. Так и вышло. Они поже- нились, но она не рассчитала, что городская прописка еще не даёт ей возможности красиво, или хотя бы счастливо жить. Со временем началось то, что обычно начинается, когда жен- щина не уважает своего мужа, и наплевательски относится к ребенку: отлучки, пьянки и кабаки. Муж ее за руку не ло- вил, доверяя, и не проверяя слухи, а, быть может, прощая ее. Это знает один Бог. Так продолжалось около года, пока, на- конец, в один из вечеров он не вернулся с работы и не заме- тил отсутствие жены. Это не было ново, но на этот раз вме- сте с женой исчезли и все ценные вещи. Как потом он узнал по своим каналам, жена познакомилась с приятным мужчи- ной и, влюбившись в него, сбежала из города в неизвестном направлении, оставив на мужа двухгодовалую Анну. Анато- лий Борисович немного поубивался, может, полил слезы в подушку наедине с собой, а потом обозлился и начал грызть этот мир и судьбу. Как только он приступил к этому, мир поддался. Аню воспитывала бабушка с дедом, а отец весь ушел в работу. Он уволился с прежнего места службы и пе- решел в другую фирму на должность бригадира. Через время он стал прорабом, и так, постепенно, год от года, полз вверх по карьерной лестнице. Три года назад Воскресный стал со-

учредителем крупной строительной фирмы, куда его позвал товарищ. После трагической смерти этого человека Анатолий проснулся владельцем. Это случилось год назад, и он искренне переживал утрату. Бывшая жена так и не объявилась, но он еще лет двенадцать назад позаботился о ней, оформив за отдельную плату все документы о смерти, и выкупив даже место на кладбище, где теперь стоял памятник из серого гранита. Этот жест носил двоякий смысл: он облегчал себе душу, которая долго отходила от той, бешеной любви, и заодно предотвратил возможные поползновения на имущество и на права материнства. Анне до матери тоже дела не было, она и слышать о ней не хотела, особенно остро, как женщина, чувствуя предательство по отношению к себе.

Итак, отец исполнял любые прихоти, но она скучала. Если кто-то думает, что деньги творят счастье, – они ошибаются. Мы бываем счастливы и от мелочей, оставаясь безразличными к чему-то значимому, такому, как, например покупка новой квартиры. Ей, как и большинству женщин на земле, не хватало эмоций. Девушка думала, как бы изменить свою жизнь, но разум не выдал ни одной нормальной мысли. Всю прошедшую неделю она тратилась на дорогие предметы гардероба, с утра до вечера совершая даже не набег, а просто бандитские налеты с подругами на бутики, отдыхала по вечерам в ночных клубах и общалась с людьми. Перед этим две недели она провела в Испании, в Барселоне. Итог был один: жизнь менялась только в мелочах, но настроение

не улучшалось. Затяжной депрессией она бы это состояние не назвала, но что-то давящее ощущала постоянно. Как-то кардинально менять жизнь ей не хотелось (как, например, переезд в другой город и т.п.), так как ее по большому счету все устраивало, но Анна не раз думала, чего бы ей хотелось в этой жизни, и так и не решила. Что такое любовь, Аня не знала, и в свои двадцать два года еще ни разу не влюблялась, в отличие от большинства сверстниц, которые за эти же годы успели испытать подобное нежное чувство не один раз. Вообще, любовь – это ветрянка, и чем раньше ей переболеешь, тем легче будет потом. Это даст иммунитет на всю жизнь, и в случае рецидивов заболевания человек уже знает, как с ним бороться при осложнениях и побочных действиях лекарств. Любовь на поздних сроках бывает смертельна. Да, Анне хотелось приукрасить свою жизнь, и она умирала со скуки. Девушка не знала простую истину, доступную каждому, и известную всем поэтам: хочешь изменить мир и измениться сам, получив эмоции? Влюбись, или придумай себе любовь.

Журнал полетел в стену. Музыка смолкла. Анна подошла к окну. Ее горячий характер требовал выхода эмоций, всплеска, устав от хандры. Она была очень сильной в плане характера девушкой, пойдя в этом по стопам отца, который хоть и поздно, но, тем не менее, все же осознал свои лидерские качества. Прямолинейная, целеустремленная, не терпящая хамства и грубости в свой адрес, она всегда умела дать отпор. Она была умна, хитра, продумана и осмотри-

тельна. Недостатком была вспыльчивость, какой-то итальянский, что ли, южный темперамент, оставляющий свой след на всем. Из таких людей, когда со временем утихают страсти и бесшабашность юности, получаются очень умелые и расчетливые владельцы крупных корпораций, которые могут из ничего при желании сделать все. В эту минуту один из таких и переступил порог ее комнаты. Она обернулась навстречу отцу. Анатолий был высок, плечист и с юности склонен к полноте, хотя, надо отдать должное, он с этим боролся, как мог, – бассейн, тренажерный зал и (хотя очень не любил) пробежка три раза в неделю. Воскресный любил бильярд и стрельбу. Это соответствовало его натуре – точность во всем, быстрота действий, расчет, хитрость и непредсказуемые удары. Из-за занятий спортом он не был полон, перегоняя в мышцы любой жир, случайно появляющийся на теле. Анатолий любил качественную, вкусную еду, дорогие вина, быстрые автомобили и очень ценил прекрасную половину человечества, особенно если женщина была умна. Голову от чувств он никогда не терял, переболев этим еще лет пятнадцать назад. Мужчине было лет сорок пять-сорок шесть. Темно-русый, сероглазый, с жестким взглядом, который смягчался только в присутствии дочери, он никого не впускал к себе в душу, предпочитая, чтобы его неправильно поняли, чем узнали лишнюю информацию. По натуре немногословный, но с отличным чувством юмора, он, бесспорно, был умен. Все счастье его жизни не значило ничего

без дочери, его отрады и его головной боли.

– Судя по валяющемуся журналу и тишине, ты о чем-то задумалась, – это были его первые слова. Отец только что приехал из аэропорта. В Москве проходила какая-то деловая встреча, на которой он задержался на пару дней. – Все еще скулишь над своей скучной жизнью?

Анна привыкла к языку отца, который иногда грубовато, но всегда точно, одним или двумя словами передавал смысл, который у некоторых занимал не одно предложение. В общении с дочерью он даже никогда не повышал тона, не то, чтобы хоть когда-нибудь поссориться с ней; но иногда мог применить непечатные выражения, направленные, конечно же, не в адрес Анны. Дочь не заикливалась на этом своего внимания, тем более что подобное было очень редко и выражало только крайнюю степень негодования отца, которое нужно было еще заслужить. С детства он выбрал правильную тактику даже не воспитания, а общения с дочерью. Он был ей скорее сверстник, друг, равный ей, чем старший по возрасту или отец, которого нужно остерегаться и не перечить. Он знал, что общение с его друзьями, с самого маленького возраста, на любые общедоступные темы избавит в будущем его дочь от многих проблем в отношениях с противоположным полом. Он добился этим главного – дочь понимала психологию мужчин, и знала, с чем их едят, и как укрощают. Благодаря тому, что все его друзья были умными и интересными в разговоре людьми, дочь тоже выросла далеко не глупой. Об-

щение происходило, когда он перекидывался с кем-то из товарищей в присутствии дочери в бильярд, или жарил шашлыки на заднем дворе дома. Конечно же, когда они распивали горячительные напитки, дочь находилась где угодно, но не в их компании. Умному человеку вложить в голову ребенку правильные моральные принципы, при условии, что с ребенком есть взаимопонимание, не составляет труда. В период подросткового максимализма он ненавязчиво контролировал дочь, делая вид, что сильно не вмешивается в ее дела. Единственное, он ей не раз напоминал, что она для него значит, и просил ставить в известность, во сколько ее ждать дома, и с кем она идет, не ограничивая круг общения и не связывая по времени. Он всегда избегал долгих нотаций и пояснений, называя только причину и последствия, но дочь прекрасно понимала, что чем грозит. Главный принцип жизни он вдолбил ей в голову с самого раннего детства: чтобы ты не делала, и под наплывом каких бы то ни было чувств, оставайся человеком и девушкой в первую очередь, уважай себя и семью, в которой ты выросла. Она так и делала, и могла с уверенностью сказать, что порочного за собой ничего не знает. С детства отец подобрал к ней ключик: он понял, дочь бесполезно заставлять чем-то заниматься, если ее это не интересует. Таким образом, всегда удавалось настоять на своем, показывая вещи с нужной стороны.

– Ага. Скулю.... Я рада, что ты вернулся, наконец-таки. Задержался на переговорах, или отдыхал?

– Я совместил и то, и то. Днем переговоры, по вечерам отдых, – он улыбнулся.

– Седина в бороду, бес в ребро... – многозначно изрекла дочь. Настроение с приходом отца, как ртуть в термометре с наступлением жары, поползло быстро вверх.

– Я еще не так стар, чтобы искать покоя, – он достал сигарету, чтобы понюхать ее, не закуривая. От привычки курить он так и не избавился, но в комнате дочери никогда не курил. – Так сказать, в самом расцвете сил.

– Верю. Но мог бы приехать и пораньше. Я скучала, – она укоризненно посмотрела на отца.

– Ну, судя по движению средств на счетах, скука много времени не занимала. Ты все вещи в городе скупила?

– Все, – передразнила его Анна. Девушка знала, что это не укор, а просто маленькая колкость. Ее отец любил поязвить. – А что мне еще оставалось делать? Сидеть дома и книги читать? Я так зрение посажу.

– Ну, уж тебе ли не знать, что правильно и со вкусом подобранные очки не портят имиджа, а иногда даже наоборот дают изюминку. Ты столько знаешь о вкусах и моде, что давно могла бы преподавать где-нибудь в Милане тамошним модельерам.

– Хватит, – она лениво махнула рукой. – Ты никогда так не многословен, как в общении со мной. Значит, тоже скучал.

– А как иначе? – он покачал головой. – Ответ на мой вопрос: чего ты хандришь уже третью неделю? Или четвертую?

– Четвертую, – она скривила губы. – Не отпускает что-то.

– Чего тебе не хватает? – он удивился. – Я впервые встречаю женщину, которой не подняло настроение солнце Испании.

– Я первая, – она подняла с пола журнал. – И единственная в своем роде.

– Понятно. Сборка несерийная, ручная работа...

– Ручная?.. – она засмеялась.

– Дочь! – отец погрозил пальцем, тоже в шутку. – Без ваших грязных намеков обойдусь. Мужика тебе хорошего надо, сразу вся дурь и тоска исчезнет. Летать по дому будешь...

– Отец! – она так же шутливо погрозила ему, но уже кулаком. – И без ваших намеков...

– Да я прямо говорю. Не школьница уже ведь. Двадцать два. Некоторые и замуж по два раза к этому возрасту выходят. А ты меня за все эти годы ни с кем, ни разу не познакомила из парней. Это как называется?

– Я очень избирательна, и всякое в дом не таскаю. А ты, почему ни разу не знакомил меня со своими дамами? Мне же тоже интересно!

– Ну, я их словом «всякое» назвать не могу, потому как сам очень требователен, к сожалению... – он возвел очи к небу, – но зачем тащить в дом кого-то с кем через пару месяцев я уже не буду?

– И я так считаю. Вопросы есть?

– Нет, начальник. Ох, горе. Ну, вот скажи, почему ты та-

кая умная на мою голову? Где сядешь, там и слезешь! – жаловался он красивой брюнетке на обложке журнала, который взял в руки.

– Сам старался с детства. Кто книги по психологии рекламировал мне? Фрейд, Юнг, Берн! – она села на кровать, обняв подушку, и снова немного погрустнев.

– Перестарался. Не дочь выросла, а Совет Федерации. Прямо ректор МГУ, только в юбке, – брюнетка эту отповедь слушала очень внимательно, даже не мигала. Боялась слова пропустить, наверное.

– Не смотри на нее так. Покраснеет, – сквозь зубы проронила Анна.

– Покраснеет, – Анатолий Борисович, кривляясь, передразнил дочь. – Я его с собой заберу, почитаю на досуге, – он собрался положить журнал в карман.

– Отец!

– Ладно, шучу, – он кинул журнал на кровать. – Когда на работу пойдешь? – резко сменил он тон, и уже серьезно смотрел на дочь.

– А надо? – Анна искоса посмотрела на него.

– Надо. Хотя бы чтобы узнать, что это такое. Сама выбери должность и фирму, я устрою. Устройся, поработай пару месяцев, а там сама решишь, что тебе надо. Настаивать не буду, санкций каких-то вводить тоже, но тебе это самой пригодится в будущем – опыт работы с людьми в коллективе. Я бы на твоём месте попробовал, по крайней мере, от хандры

избавишься, и жизнь изменишь. Меньше времени будет на мысли о всякой бредятине.

– Работа. Четкий график, ранние подъемы... – она мотала головой, хотя уже согласилась внутренне с отцом, просто хотела его немного подначить.

– Я же тебя не кирпичи класть, и не на завод в токарный цех отправляю, – он засмеялся. – С твоим маникюром, я представляю: «Папа, я сегодня треугольную многозаходную резьбу на штифты наносила». Ха...ха...ха! – его согнуло от смеха. – Не могу! Я тогда все на свете попутаяю. О такой дочери мечтать только можно.

– Ага. Почему бы мне в таком случае сантехником не пойти работать? – она рассерженно посмотрела на него. – За бутылку паленки унитаза чинить? Тоже мне юморист нашелся.

– Анюта, работа любая уважаема, если она не одним местом делается, – отец укоризненно посмотрел на дочь. – Ты же на финансиста училась, в этом разбираешься хорошо, и любила предметы. Давай, я тебя на эту должность устрою куда-нибудь. Но к себе не возьму, а то гонять буду по работе, без снисхождений.

– А я к тебе и не пойду, – она положила на подушку голову. – В воскресенье я тебе назову место, куда я устроюсь. Дай время подумать.

– Не вопрос. Не выпалась?

– Да, вчера танцевала всю ночь.

– Ну тогда спи. Не мешаю, – он развернулся.

– Ага. Давай, увидимся.

– Давай.

Она заснула сразу. Ей снился Лондон.

Англия. Лондон. 1830-е гг

Туман плыл над Темзой, заволакивал горизонт, утяжелял воздух. Туман покрыл все: сады, мосты, площади и старое Вестминстерское аббатство с его кладбищем, на котором за прошедшие века упокоились Уильям Блейк, Чарльз Диккенс, Альфред Теннисон, и немало других английских мастеров слова. Теперь от них, собранных вместе в Уголке Поэтов, остались только серые плиты, кельтские кресты и глыбы памятников с эпитафиями. *Sic transit Gloria mundi*, – «Так проходит слава земная». А туман царствовал над Лондоном. Он даже скрыл купол великого творения Кристофера Рена – Собор Святого Павла, одну из жемчужин столицы Англии. Архитектор возводил собор на протяжении тридцати трех лет, и теперь любому прохожему было заметно, насколько монументально это строение, требовавшее кропотливых расчетов и нечеловеческих усилий при строительстве. Говорят, что пожилой Рен, когда в 1708 году завершил строительство, плакал над своим детищем от счастья. Уникальность этого собора еще и в том, что благодаря точным расчетам архитектора, многотонный козырек над входом держится только под тяжестью несущей стены. Колонны, на которые

он якобы опирается – всего лишь красивый муляж. Между их вершиной и козырьком небольшой зазор. Архитектор не хотел ставить эти опоры, но духовенство, опасаясь, что козырек может рухнуть и накрыть собой проходящих людей, настояло на этом. Кристофер Рен послушно развел руки, молча кивнул и сделал все равно по-своему. Что же, виват, гений! Козырек за века существования собора так и не обвалился.

Как раз на творение Кристофера Рена и смотрела Анна Диманче, восхищаясь благородностью линий и монументальностью неоклассицизма. Она жалела, что купол скрывал туман, но даже фасад, видимый в белой пелене, впечатлял и очаровывал. Англия встретила француженку туманом, и вот уже третий день он не хотел оставлять эти древние кельтские земли. Холод ноября обещал скорые заморозки. Если вы зимой никогда не видели тумана, витающего над сугробами, то отправляйтесь на родину Уильяма Шекспира, и там непременно встретите это редкое природное явление. Английская погода и холодный британский юмор – вещи на любителя... Истинная парижанка, каковой была Анна, видела, конечно же, и на своей родине величественные соборы, красивые аббатства, громадины дворцов и замков, но здесь все было абсолютно другое. Пролив Ла-Манш разделял не две страны, а два мира. Я не берусь утверждать, что англичане и сейчас не любят французов, но издревле взаимопонимания между кельтами и галлами не было. Чего стоила хотя бы Столетняя война, длившаяся с 1337 по 1453 годы! Примеров тако-

го долгого противостояния между народами история больше не помнит (и, слава Богу!). Об этом и промелькнула мысль у Анны, когда она смотрела на хмурые бледные лица прохожих. Чопорность, непроницаемость и невозмутимость англичан разительно отличалась от французской ироничности, быстроты и хитрости, которая особенно впечатляла на лицах парижских Гаврошей, привычных для жителей этого города так же, как и туман для лондонцев или солнце для римлян. То, что она иностранка, было видно сразу – от открытости смуглого лица до покроя платья по последней парижской моде. Это ей не мешало, и даже наоборот, она не раз замечала восхищенные взгляды мужчин, отлично скрываемые под полуприкрытыми веками. Показывать эмоции бестактно для джентльмена, это одна из основ чести. Анна все прекрасно понимала, и забавлялась, иногда посылая быстрые улыбки в их стороны. Ни один из испытуемых этой красивой и веселой девушкой не прокололся и не выдал изменившимся лицом чувств. Надо отдать должное джентльменам, – я бы не смог устоять под ее чарами, хотя, воспитание – это сила, и оно у меня далеко не британское.

Анна об Англии и ее жителях знала не понаслышке, вернее, понаслышке, но от компетентного человека – гувернантки по имени Гленн, уроженки туманного Альбиона, которая с детства воспитывала мадемуазель Диманче, и рассказала о своей родине все. Гленн отличалась от породы строгих и невозмутимых представительниц своей профессии англий-

ского происхождения так же, как арабский скакун отличается от лангедокского першерона, в лучшую, разумеется, сторону. Она обладала отличным чувством юмора, отзывчивостью, добротой, легким характером и общительностью. Если ее сослуживицы славились своей строгостью и образованием, то Гленн не худшую образованность сочетала с человечностью по отношению ко всем, от кошек до стариков. Этим она и понравилась Полю Диманче, отцу Анны. Мать Анны, Жюстина, вышла за Поля очень рано, когда ей только стукнуло пятнадцать. Она не знала любви, ее замужество спланировали, даже не спросив мнения. Поль был сыном одного из наполеоновских генералов, и это решило все дело. Свадьба состоялась в 1810 году, когда император имел небывалую силу, и его верные соратники, генералы и маршалы, пользуясь всеобщей любовью и уважением, были еще и богатыми людьми с неплохими связями, и именно на это рассчитывал отец Жюстины, помощник прокурора. А потом наполеоновский режим рухнул, погребя под своими обломками и отца Поля, и отца Жюстины. К тому времени в семье Диманче уже было двое детей, – Анна и ее старшая сестра, которая скончалась от тифа в возрасте двенадцати лет. Анне тогда стукнуло пять. Давно же это было... Сейчас ей двадцать, и у нее назначена свадьба через два месяца. Мать после смерти старшей дочери тихо помешалась, и муж поместил ее в клинику для душевнобольных. Это случилось после того, как Жюстина хотела утопить Анну в ванне. Зачем

она это пыталась сделать, больная женщина не смогла объяснить, и Поль, чтобы не искушать судьбу, решил избавиться от супруги. Главное, чтобы это было на пользу дочери, которая составляла все счастье его жизни. После эпизода в ванне Анна приобрела на всю жизнь страх перед водой, хоть и пыталась бороться с этим. Поль, профессор юриспруденции в Сорбонне, дневал и ночевал в лекционной, и как практикующий, к тому же адвокат, не находил времени следить за дочерью. Поэтому в жизни Анны появилась Гленн, которую рекомендовал Полю его друг. Тому человеку англичанка доводилась дальней родственницей, сбежавшей во Францию после какой-то ошибки юности. Что это было, Поль не знал, да и не хотел знать. Ему было достаточно, что она любила его дочь как родную, заботилась о ней и давала избыток полезной информации, которую малютка впитывала с радостью.

Гленн очень скучала по своей родине. Это было странно, потому, как во Франции все лучше. Например, кухня. Она отличалась от английской так же, как погода в Лондоне и Ницце. Французы более общительные, открытые. Но гувернантке было все равно. Видимо, этот туманный остров влюблял в себя своей строгостью... А быть может, она оставила в Британии кого-то, по кому скучала? Я думаю, каждого человека тянет в те места, где он провел свое детство, и именно это все объясняет. Детство Анны сопровождали легенды о рыцарях круглого стола, страшилки о ведьмах и черном псе, рассказы об обычаях консервативного острова. Анна впита-

ла все это в себя, и теперь знала Англию не хуже ее жителей. Может, поэтому она и поехала в Лондон, чтобы наконец-таки увидеть своими глазами страну, о которой столько слышала. Отчасти так, а отчасти ей захотелось немного оторваться от своей обычной жизни, и, отстранившись от обыденности, поймать правильные мысли. Причиной поездки так же служило и скорое замужество. Нет, Анну оно не пугало, она скорее даже стремилась к нему, но что-то все равно останавливало. Она была готова поклясться на библии, что любит Жана, своего избранника, но любовь была не такая, о какой она читала в бульварных романах, коими были усыпаны парижские витрины, так же, как тюльпанами амстердамские рынки. В них любовь горела, сбивала сердечный ритм, кружила голову, а здесь... А здесь она относилась к своему избраннику с нежностью, привязавшись к нему за годы дружбы, предшествовавшей помолвке, она его уважала, ценила и прислушивалась к его мнению. Жан ее устраивал. Он был умен, образован, обходителен, интересен, красив наконец-таки, да и любил ее безумно. Но что-то мешало. Головой Анна понимала, что он идеальный спутник жизни, который никогда не обидит и словом, который будет исполнять любые прихоти. За ним она сможет себя чувствовать как за каменной стеной, купаясь в деньгах его отца—банкира (хотя она далеко не ради денег выходила замуж). Но это говорила голова. Чувства утверждали, что ей нужно съездить в Англию и успокоиться, обдумав еще раз шаг. Гленн, с которой Анна делилась

всем, тоже говорила, что у воспитанницы любовь, просто такие чувства бывают много позже, когда уже есть совместное прошлое, и удивлялась подобному в столь раннем возрасте. Она советовала выходить замуж, не задумываясь, потому что с подобным раскладом Анна до конца дней будет счастлива и никогда не разочаруется в избраннике. Последняя послушно кивала, но Жан казался ей слишком... слишком правильным, что ли? Она хотела, чтобы ее избранник был более мужественным, открытым и эмоциональным, нежели сын банкира, который отличался молчаливостью, податливостью и спокойствием. Но эти мысли были лишними, как прекрасно понимала не по годам умная девушка, знающая, что с темпераментным мужем жить намного сложнее.

Из этих раздумий ее вывел незнакомый мужской голос, чуть хрипловатый, глубокий и приятный.

– Как приятно вернуться домой. Ты еще стоишь, детище старого волшебника? – говоривший мужчина с улыбкой и непередаваемой нежностью смотрел на собор, как будто это была не груда камней, а красавица в подвенечном платье.

Анна обернулась. В паре шагов от нее, на пару ступенек ниже стоял загорелый молодой человек, безупречный костюм которого, цилиндр и трость указывали на определенное положение в обществе. Высокий, широкоплечий, с темно-каштановыми вьющимися волосами и ироничным взглядом карих глаз, он мог считаться даже красивым, хотя Анна привыкла мерить красоту несколько по иным, французским

меркам. Там в цене была утонченность и гибкость, а не сила и гордая стать, которая отличала незнакомца. Он был так же физически крепок, как и ловок, судя по его небрежной позе и легкости, несмотря на силу, интуитивно прослеживавшейся в фигуре. Анна удостоверилась в этом, когда он молниеносно перепрыгнул через три ступеньки, чтобы оказаться около нее.

– Мадемуазель, простите, что бестактно прервал ход ваших мыслей, заставив обернуться ко мне, – он с достоинством поклонился, проговорив извинения на чистейшем французском языке. – Я очень долго не был дома, и не смог удержаться от подобной реакции, глядя на символ моей родины.

– Я принимаю ваши извинения, – с достоинством произнесла Анна, после чего не удержалась от чарующей улыбки. Наконец-таки нашелся тот англичанин, который не боится проявления своих эмоций, и извиняется только ради приличия, не считая это преступлением. Анна с самого начала, как только ее нога коснулась пирса в Дувре, столкнулась с холодностью, отличавшей бриттов от всех остальных жителей мира, и это ее угнетало. Услужливая вежливость, безупречность манер и выправка всех – от прислуги до лордов, ее раздражала как красная тряпка быка, но сделать с этим она ничего не могла, чтобы не показаться бестактной. Приходилось подчиняться традициям, и ловить безразличие в вежливых глазах. А тут искренний и открытый молодой человек, на-

столько загорелый, что его трудно было принять за англичанина. Но если джентльмен говорил, что это его дом, значит, он не врал. И откуда у него чистейшее французское произношение? Ей стал интересен этот субъект, олицетворявший собой одну большую загадку.

– Позвольте представиться: Виктор Эван Макнэрн, – он опять поклонился. Безупречность манер выдавала прекрасное воспитание.

– Анна Диманче, француженка. Можете говорить по-английски, я отлично знаю этот язык, – она сделала книксен. – Но откуда вы так отлично говорите по-французски? Вы же англичанин?

– Я шотландец, мисс, – он перешел на язык Шекспира. – Но для вас это, наверное, одно и то же. Простите, если я ошибаюсь, – он наклонил голову, и снова выпрямился.

– Прощаю. Я понимаю различие.

– А французский я изучил в Марселе, где ходил под парусом на торговой шхуне с французской командой, – Виктор принял выжидающую позу.

– Вы моряк?

– В какой-то степени, мисс. Я младший сын в знатной шотландской семье. Мои предки носят баронский титул уже восемьсот лет, но мне он не светит, так как у меня четверо старших братьев. Поэтому я, с благословения моего отца, отправился в пятнадцать лет из родного дома в Вест-Энде бороздить просторы мира. Это была моя мечта с самого ран-

него детства. Я мечтал открыть новые страны, но, к сожалению, все континенты давно открыты. Простите, быть может, я вас утомляю излишними подробностями?

– Нет, что вы. Мне очень интересно вас слушать, – Анна опять улыбнулась. – Продолжайте, прошу вас.

– Сейчас мне двадцать восемь, я объездил полмира, и вот, только сегодня ночью ступил на родную землю. Я устал от скитаний, и мне хочется иметь что-то свое, постоянный уголок, возвращаясь куда, я буду счастлив.

– Кстати, а как вы поняли, что я француженка?

– Вы одеты по парижской моде. Я последние полгода жил в этом городе. У меня родственники имеют квартиру на Арбр Сек, у них я и гостил.

– Какое совпадение: я родилась и выросла на этой улице. Возле набережной Лувра, – она посмотрела на незнакомца с симпатией. – И как вам Париж?

– А я жил возле Сент-Оноре, в паре кварталов от вас. А Париж бесподобен! – Виктор в восхищении развел руками, как дирижер перед оркестром. – Этот город заставляет удивляться даже того, кто видел многие страны, поверьте мне. Но здесь, – он неопределенно кивнул в сторону творения Рена, – мой дом, и вы не поверите, даже в Тунисе и Дели я мечтал о туманах над Темзой и рождественской индейке, которую моя мама, не смотря на штат поваров, всегда готовила сама.

– Вот и моя гувернантка, Гленн, всегда повторяет, что красивее Англии она ничего не видела.... Вы так тяжело

вздохнули, – Анна с участием посмотрела на него. – О чем-то жалеете?

– Да. Жалею, – Виктор с печалью посмотрел на плиты ступеней, доставая сигару. – Я вернулся сегодня утром в свой дом, впервые за тринадцать лет, и не увидел там своей матери и двоих братьев. Я думал, что мы все вечны, но жизнь доказывает обратное. Мать уже три года как... – он поморщился, и замолк. – В любом городе мира я всегда помнил о ней, и молился за нее. Заказывая кеб на вокзале, я с радостью и нетерпением ждал, что она кинется мне на шею, как только я переступлю порог дома, но вышло не так. Мне очень ее не хватает. Да и дом чужой, мне там никто не рад. Только она радовалась бы моему возвращению...

– А братья? Что с ними?

– Они оба были офицерами в Индии. Отец мне сегодня рассказал, что их убили в один день, но один умер под Индауром, а другой в Агре. Просто так совпало. Я не буду вас утруждать подробностями произошедшего. Это ни к чему.

– Да, конечно. Вам, наверное, тяжело говорить об этом. Я знаю, что такое потеря. Моя мать умерла, когда мне было пять. Я ее не помню, о ее смерти рассказывал отец, но он с такой болью отзывался о ней, что я уверена – это была прекрасная женщина. Я выросла без нее.

– Грустная история.

– Очень.

– Как вам в Лондоне? – Виктор тактично сменил тему,

чтобы не затягивать создавшуюся паузу.

– Красивый город. Но все люди какие-то не настоящие. Говорят не то, что чувствуют, скрывают эмоции, ведут себя так вычурно, будто минимум наследники престола. Ах, да, извините. Вы спросили о городе....

– Отчасти город – это его жители. Я с вами во многом согласен. Но сам Лондон от этого менее красивым не становится, – Виктор оперся на трость.

– Да, несомненно. Он не похож на Париж абсолютно, но в нем есть прелесть, – Анна поежилась от холода.

– Вы замерзли? Позвольте нанять для вас ландо, и оно отвезет вас, куда скажете, – Виктор поклонился. Он был воспитан как настоящий джентльмен, и принял этот жест за намек, что пора прекращать разговор, потому как он порядком наскучил. Он не учел, что Анна француженка и поэтому искренне замерзла, а не разговаривает жестами и намеками, как английские леди.

– Позволяю, – Анна сказала это несколько холодно, принимая жест Виктора за попытку избавиться от себя. Она подумала, что он застеснялся откровенности разговора, темы, которая звучала до того. Все-таки, как подумала она, он истинный англичанин, тоже скрытный и чопорный, судя по жесту, который он проделал с миной пэра Палаты Лордов.

Виктор с непроницаемым выражением лица предоставил ей руку, на которую она оперлась, и они начали спускаться вниз со ступеней. Он стал показно-почтительным с ней,

так как его самолюбие было задето неожиданным намеком с ее стороны, а холодный тон Анны подтверждал подозрения, как бы перечеркивая теплый разговор, предшествовавший ее жесту. Она не хотела прощаться с ним, а он с ней, но возникшее взаимонепонимание требовало этого. Его восхитила красивая француженка, а ей показался очень интересным этот мужчина; но всего за секунду она почувствовала разочарование, а он раздражение. Когда девушка садилась в ландо, Виктор подал руку, помогая подняться на ступеньку, и после того, как она села, низко поклонился.

– Позвольте выказать восхищение вашей красотой, мисс. Вы очаровательны. Мне жаль, что мы так мало смогли узнать друг о друге, – он распрямился.

Она поразилась теплу и грусти в его голосе, и поняла, что чего-то не понимает. Он действительно был загадкой. Она достала из маленького ридикюля визитку отеля, в котором жила, и произнесла:

– Мне тоже жаль этого, – она протянула ему визитку. – Вы можете меня найти там. Мне бы не помешал гид по Лондону, если вы не сочтете это навязчивостью с моей стороны. Я думаю, француженке прощается некоторое отступление от правил?

– О да, мисс! – Виктор изысканно и одновременно радостно улыбнулся. – Можете не волноваться, что мной будут неправильно поняты ваши слова. Я весь к вашим услугам, – он опять поклонился.

– До встречи, – она очаровательно улыбнулась. Виктор закрыл дверь, назвав кучеру адрес и попутно сунув ему серебряный шиллинг. Возница этому крайне обрадовался, и ландо тронулось.

Встретились они на следующий день, после обеда. Туман наконец-таки прошел, и выглянуло солнышко, столь редкое для города, где половину дней в году выпадают осадки. Холодное ноябрьское светило не грело, но преобразило старый город до неузнаваемости, и Анна поразилась строгой красоте столицы Британии. Виктор договорился о встрече, как и надлежало настоящему джентльмену с помощью письма. В письме он предложил прогуляться по Сити. Она ему ответила, передав согласие через посыльного, и через два часа они стояли перед Тауэром. Маршрут придумали по ходу, решив пройти вдоль Темзы к Вестминстерскому аббатству, и от него к Букингемскому дворцу. Виктор был интересным рассказчиком, и она заслушалась подробностями постройки зданий, тем, кто в них жил в разное время, и легендами старого города. Когда он закончил рассказывать об эпидемии чумы и великом пожаре 1666 года, уничтожившем 68% города, они подошли к аббатству.

– Давайте постоим немного. Оно величественно, – Анна посмотрела ввысь, на тонкие готические шпили башен, как иглы, устремляющиеся в небо.

– Согласен. Его в современном виде начали строить в середине XIII века. С перерывами это происходило в течение

пятисот лет. Это – символ нашей родины, место коронации и вечного упокоения наших королей, – Виктор не без гордости посмотрел на Иерусалимские ворота Соборной церкви святого Петра.

– Вы столько знаете о Лондоне. Я просто поражена.

– Просто я люблю его, – Виктор улыбнулся.

– Я тоже, как мне кажется, полюбила этот город. У меня к вам просьба.

– Я к вашим услугам, мисс, – Виктор по привычке встал по стойке смирно, готовый на все.

– Я бы хотела попросить вас обходиться без этого, – Анна умело передразнила джентльмена, приняв его же позу. – Не обижайтесь на меня, я понимаю, что вы прекрасно воспитаны, но мне это мешает при общении с вами. У меня ощущение, только не примите за оскорбление мою прямолинейность, что я общаюсь с врагом, а не с другом, таким холодом веет от ваших английских манер. Сделайте исключение в честь меня. Это и есть моя просьба. Будьте в общении со мной таким, каким вы были бы, скажем, с младшей сестрой. Это возможно?

– Для меня возможно, Анна, – Виктор тепло улыбнулся.

– Вот, совершенно другое дело, – она тоже улыбнулась. – Вам идет улыбка.

– Спасибо. Вы знаете, а мне очень жаль, что у меня нет такой младшей сестры, как вы. У меня даже ощущение, что мы раньше встречались с вами.

– Мне тоже так кажется, вы мне очень знакомы. Но чему удивляться? Арбр Сек небольшая улица, может быть, мы с вами сталкивались в Париже.

– Скорее всего. Это все объясняет. Наверное, потому мы с вами и нашли общий язык так легко, ведь во мне частичка вашей родины, а в вас моей. Я долго жил в Марселе, а вы воспитывались на Шекспире, – Виктор достал сигару.

– Тонко подмечено, месье, – она весело кивнула.

– Быть может, между нами намного больше общего, чем просто жизнь на одной улице в течение полугода? – Виктор вопросительно поднял брови. – Что вы любите?

– Я немного не поняла вопрос. Мои увлечения? – Анна перевела взгляд с ажурных стрельчатых окон собора на мужчину.

– Не совсем, – он прикурил. – Я люблю свободу, путешествия, собак, оружие и вкусную еду. Что любите вы?

– То же самое, – она с интересом посмотрела на него.

– И оружие?

– И оружие, но только холодное. Я раньше занималась фехтованием на рапирах у друга моего отца.

– Мне больше нравится сабельный бой, но это не важно. Я приятно поражен, хотя, конечно, вы озвучили далеко не полный список.

– Конечно. Полный список очень длинный. А вы? Что вы не любите? – спросила она в свою очередь.

– Не люблю ложь в людях, дураков, фанатиков и нежи-

данные препятствия.

– Я тоже не люблю любые проявления лжи и дурости, – она кивнула. – А мы с вами похожи, не смотря на то, что родились в разных странах. Вы, месье, очень интересный человек, и я рада, что в Англии, куда я прибыла одна, у меня есть такой спутник.

– Я тоже этому рад. Анна, а разрешите личный вопрос.

– Разрешаю, если он тактичен.

– Я надеюсь, – Виктор кивнул. – Как вас отпустили одну в другую страну? Это же может быть опасно.

– Я совершеннолетняя, и отец не возражал тому, – Анна посерьезнела. – Да и кто мне может запретить делать то, что я хочу? Даже муж, будь он у меня, не послужил бы препятствием путешествию. Я не зря сказала, что люблю свободу. Я ее ценю больше всего на свете.

– Я сам такой, и ни за что на свете не позволил бы себе ограничивать кого-либо, будь то жена или дети, – он оперся на трость. – Но это редкость; Европа живет еще в прошлом веке, и женщина, по мнению большинства мужчин, создана для кухни.

– Фи, – она поморщилась. – Хотя, так и есть, многие придерживаются подобного мнения.

– Так вы говорите, что ваше сердце свободно, раз вы еще не замужем? – поймав паузу, Виктор хотел придать непринужденность тону, но немного сфальшивил, несмотря на всю выправку. Вопрос был очень интересен для него, потому как

всю прошлую ночь он не мог уснуть, думая о красивой парижанке. Причин этому он не находил, хотя под утро набрел на неутешительную для себя мысль. Она гласила, что Виктор слишком долго бороздил моря и океаны, и пришел его черед остепениться, завести семью. Отсутствие длительных отношений с женщинами делало свое дело, хотелось нежности и ласки, хотелось, приходя в свой дом видеть родного человека, составляющего счастье всей жизни. Одним словом хотелось быть любимым. Вторая мысль Виктора говорила, что его жажда счастья и одновременный с этим страх одиночества заставляют придумывать чувства, и поэтому он увлекся Анной настолько, что не может нормально спать. Вот что он надумал под утро, но легче от этого не стало. Все было сложно, и чтобы не говорил разум, сердце действовало по-своему, заставляя двигаться навстречу чувствам. Виктору на самом деле казалось, что он ее где-то уже видел, и присутствовала уверенность, будто они виделись не на Арбр Сек, а она ему когда-то снилась... Но это были простые домыслы. Главное, в присутствии Анны он чувствовал полнейшее спокойствие, какого не было долгие годы в его бешеной жизни. Виктору очень хотелось услышать, что ее сердце свободно. Он понимал: вряд ли на что-то возможно рассчитывать, она здесь на пару недель, по истечению которых они навсегда расстанутся. Но разум ничего здесь не значил, впервые в его жизни отказываясь подчинить себе сердце.

Итак, вопрос прозвучал. Сначала брови Анны, вопреки ее

самообладанию поползли вверх, потом она вернула их усилием воли на место, и громко выдохнула.

– Неожиданный вопрос, – она даже не знала, что ответить.

– Простите мою бестактность... – Виктор поклонился. – Долгие годы общения с матросами и солдатами обтесали мои манеры и не самым лучшим образом отразились на...

– Перестаньте, – она приложила палец к своему рту, призывая к молчанию. – Я принимаю ваши извинения, тем более что сама попросила общаться со мной без особых манер, как со своей сестрой, а ей вы в праве были бы задать такой вопрос, – она лукаво улыбнулась. – Давайте впредь договоримся с вами: вы были со мной с самого начала очень открыты, доверяя мне, и с моей стороны было бы некрасиво отвечать вам обратным, тем более я сама этого не хочу... Я вам доверяю. С первых минут знакомства мы нашли общий язык и не будем это портить недомолвками... Конечно, воспитанной девушке не правильно так говорить, – она помедлила, – но вы можете спрашивать меня о чем угодно, как и я вас. Договорились?

– Договорились, – он протянул ей ладонь для рукопожатия. – Будем друзьями?

– Да, именно так, – она ответила на приветствие. – Мое сердце занято. Это не тайна, просто вопрос был неожиданный.

У Виктора екнуло сердце, но на этот раз он ничем этого не выдал, сохранив улыбку.

– Я рад, что вы не одиноки, ведь это было бы удивительно для столь красивой девушки. Я бескорыстно завидую вашему будущему мужу, потому что такую девушку как вы можно никогда и не встретить в своей жизни. И лично я таких не встречал, хотя и видел немало прекрасных и умных мисс.

– Спасибо за комплимент, – Анна не была глупой, и поняла все движения души Виктора. Она и сама не очень хорошо спала прошлую ночь, вспоминая, как неожиданно увидела этого мужчину, и как восхитилась его гордой выправкой и искренностью первой фразы. Его лицо было бесконечно знакомо, и веселые чертики в глазах не давали покоя. Ей он нравился, начиная от внешности и заканчивая чарующей загадочной улыбкой, какую несколько позже опишет Льюис Керролл. Нравился, как бы она не пыталась уйти от этой мысли. Она запуталась в себе, и не знала что думать.

– И скоро у вас свадьба намечается? – Виктор задумчиво чадил сигарой.

– Да, через два месяца, – Анна оглянулась. – А здесь есть, где присесть? У меня уже ноги болят.

– Да, пойдете за мной. Во дворе есть пара скамей, я не думаю, что они заняты сейчас.

Когда они присели за церковью на каменной скамье, Анна неожиданно как-то изменилась и оглянулась вокруг, заинтересованно что-то высматривая.

– Вы что-то ищете? – Виктор внимательно посмотрел на нее. – Что-то потеряли?

– Что? С чего вы это взяли? – Анна опешила.

– Ваш взгляд, вы как будто искали что-то, – Виктор тоже оглянулся. – И ваш вид. Вы растеряны.

– А это... – Анна пришла в себя. – Нет, так, ерунда. Не обращайтесь внимания.

– Ну, если все считать ерундой, истина никогда не придет. Вас посетило дежавю? – Виктор догадался, какая причина вызвала у Анны такую реакцию. Она спрашивала, где можно присесть, значит, никогда раньше здесь не была, и тут оглядывается в поисках чего-то, как будто ей это место знакомо.

– Да. Дежавю. Но это действительно мелочи. Мне показалось... хотя, это не важно.

– Анна, мы договорились с вами! Доверие. Что вам показалось? – интуиция Виктора подсказала, что он должен знать об этом, что сейчас происходит нечто важное, чего он пока не осознает и не понимает.

– Это место мне знакомо, вернее, что мы с вами сидим вот так, вдвоем, и общаемся. Тоже каменная скамья и холод. Но мне показалось, что должны быть надгробья, и кусты вызревшей рябины, с морожеными ягодами на ветках. Да и вы как-то моложе, что ли? Я же говорю, это бред, – она неискренне улыбнулась.

– Рябина и надгробья? – теперь Виктор обернулся, чтобы оглядеться. – Что-то знакомое промелькнуло в ваших словах. Рябина... Как же, рябина... Кисти на ветках и на снегу, как кровь. А скамейка? Закройте глаза. Какая скамейка

должна быть? Не белая, как эта, а серая, немного у`же и не такая длинная? – тон Виктора изменился, теперь он был взволнован, и от его британской выправки не осталось и следа.

– Да. А откуда...

– А какая у нее спинка? – Виктор начинал догадываться о причине своего волнения. Теперь дежавю посетило его.

– С тремя каменными бутонами розы... – Анна оторопела. – А что вообще...

– Неужели это были вы? – Виктор расширенными от удивления глазами смотрел ей в лицо, как будто стараясь его запомнить. Так, наверное, смотрел бы в трамвае человек, который в соседнем пассажире узнал звезду Голливуда. – Да быть не может. Хотя вы так знакомы мне...

– Так, Виктор! – она хлопнула в ладоши перед его лицом, приводя в чувство. – Давайте по порядку и подробнее, а то я ничего уже не понимаю.

– Хорошо. Одно уточнение. На скамье была надпись «*cas tantum desiderium*», выцарапанная чьей-то рукой.

– Да, я помню. «Будущее – одна лишь скорбь». Но откуда вам это знать?

– Хорошо. Значит, я не ошибся, – Виктор радостно улыбнулся. – Мне было лет четырнадцать, когда мне приснился сон. В этом сне я сидел с прекрасной женщиной на каменной скамье за какой-то церковью, посреди небольшого кладбища. Был снег, тонким слоем покрывавший землю, холод, и вызревшая рябина, часть которой разбросали по снегу вез-

десущие птицы. Три бутона розы на скамье, и эта надпись. Точно помню, что я любил эту женщину больше всего на свете. Тему разговора я не помню. Так вот, приснившийся сон тогда оставил огромный отпечаток в моей душе, но со временем забылся за всеми перипетиями жизни. Я вспомнил об этом сне только потом. Мне было двадцать два, я приплыл с грузом из Марсея в Италию. В Ливорно судно разгрузили, и меня, как старшего матроса отправили сопровождать груз во Флоренцию. Со мной поехали еще трое матросов. Мы прибыли на место уже к ночи, поэтому разгрузку и расчет отложили на следующий день. В ожидании мы отправились бродить по городу. Мы пили в каком-то кабаке, потом парни отправились спать, а я пошел искать приключения. Я был пьян, и сам не помню, как очутился перед рассветом возле какой-то церкви; меня как будто самого ноги туда привели. Я прошел за церковь, и там устроился на каменной скамье, хотел поспать. Был май месяц, уже довольно-таки тепло, поэтому я не опасался замерзнуть, располагаясь там на ночлег. Вскоре рассвело, я начал трезветь, да и сон куда-то прошел. Я оглянулся вокруг, и узнал то место из сна. Кладбища уже не было, ограда стала выше, но росла все та же рябина, все те же аркады открытой террасы на заднем дворе, и те же витражи. Но, главное, я посмотрел на скамью. Там была эта надпись на латыни и три бутона роз. Я тогда впал в ступор. Как это волнующе, загадочно и одновременно трогательно найти что-то, во что ты верил, но не мог допустить возможности

существования подобного в реальности. Я долго сидел там, а потом пошел к складам на Арно. Как я узнал впоследствии, церковь называется Санта-Мария Новелла. И еще одно: я поверил, что когда-то встречу эту женщину наяву, раз встретил в реальности незнакомое место из сна за тысячи миль от дома. Была одна загвоздка – я не помнил лица. И вот, это вы. Как это объяснить? Я не знаю. А вам снилось то место?

– Нет, никогда. Но оно мне знакомо. Мне вообще редко снятся сны, и каждый из них событие. Я бы такой не забыла, вы поверьте. Мне не снилось, но это было, – она странно посмотрела на него. – Как?

– Я не знаю, – Виктор взволнованно смотрел ей прямо в глаза. – Но это было явно не в этой жизни. Вы верите в сверхъестественное?

– Я не знаю даже. Теперь, наверное, да. Но что это?

– Мы с вами когда-то были близки, и очень давно. Анна, это судьба. Вы мне верите?

– Верю, но к чему вы это говорите?

– Я себе дал слово, что если повстречаю ту девушку из сна, то никогда не отпущу ее. Я вас встретил. Анна, будьте моей женой. Я серьезен.

– Но... – она просто опешила от неожиданности. – Но я же помолвлена. Да и я вас не люблю, я люблю Жана... Мы же в разных странах живем... Нет, это глупости. Я не могу так, – она почти овладела собой.

– Анна, браки складываются на небесах, и мы с вами уже

давно обручены, поверьте мне.

– Но это невозможно, – она опешила. – Нет, забудьте об этом. Не будем больше вспоминать. Это лишнее, – она с мольбой посмотрела на него.

– Да. Забудем, – Виктор грустно опустил взгляд на траву. – Простите, я, наверное, сошел с ума, когда говорил все это. Нужно быть сдержанней с вами. Вы же говорили, что ваше сердце принадлежит другому. И на что я рассчитывал, делая предложение? Ох... – он провел ладонями по лицу. – Больше мы к этому не вернемся. Давайте просто будем друзьями на время вашего визита.

– Да, – она с благодарностью посмотрела на него. – Спасибо вам.

– А какой он, ваш Жан? Мне очень любопытно, честное слово. Вы же мне простите это? – он спросил у нее немного нагло, но уже на позитивной ноте.

– Прощу, – она ответила не менее ироничным взглядом. – Жан? Он молод, красив, добр, предан мне. Он умен, великодушен и главное он любит меня. Мне с ним спокойно, у меня ощущение, что я знаю его как себя саму, и нередко у нас даже мысли совпадают. Я уверена в этом человеке, он никогда не предаст.

– Вы так спокойно о нем рассказываете, – Виктор поглядел на нее с интересом. – У меня ощущение, что вы рассказываете о своем брате, а не о любимом мужчине.

– А как я должна? Нет, я не спорю, у меня не захватыва-

ет дух и не кружит голову в его присутствии, но разве это главное?

– Конечно не главное, но вы его не любите.

– Почему вы так решили? – Анна немного повысила тон, чуть раздражаясь, что незнакомый по сути человек раскусил ее чувства за минуту. – По моему спокойствию? Но любовь ведь разная бывает.

– Любовь бывает разная, я согласен, – Виктор кивнул, внутренне получив огромное облегчение. Она не любит соперника. – Поверьте, я видел много людских судеб, часто встречал на своем пути влюбленных, и не раз те, с кем я общался, рассказывали мне о своем прошлом, и об историях своих отношений. Да и сам я не вчера родился. В общем, я скажу одно: любовь – другая. Да, любовь разная, но то, что вы говорите о своем избраннике, приходит с возрастом, когда любовь уже умерла. Это привязанность, дружба, доверие и чувство родства. Но это не любовь.

– Но я люблю его! – упрямо возразила Анна.

– Вы кого хотите уверить в этом, себя или меня? Если меня, то не надо, не мне с этим человеком жить, – Виктор со всей серьезностью заглянул ей в глаза. – Вы просто подумайте обо всем. Если вы считаете подобное любовью, значит, вы никогда не любили, а если так, то рано или поздно это случится, потому что каждый человек хотя бы раз в жизни влюбляется. А когда это произойдет, вы будете удивляться по поводу жизненных сложностей. . . . Мне продолжить даль-

ше? Чего вы молчите? Знаете, что будет в вышеизложенном варианте?

– Нет, не знаю. Продолжайте, – она опустила голову.

– А будет вот что. Есть два варианта – либо вы уйдете из семьи, и останетесь счастливой, либо продолжите жить с нелюбимым мужем, в котором будете видеть помеху своему счастью, и после этого начнете его тихо ненавидеть. В обоих вариантах ваш Жан останется глубоко несчастен, хотя он этого не заслужил, искренне любя вас. А виноваты во всем будете только вы, потому что не сделали правильного выбора и не приняли волевого решения когда-то в прошлом.

– Но вы представьте, как ему будет больно, расстрой я свадьбу. Если бы хотела этого, конечно, – она исправилась через некоторое промедление, но Виктор понял, что на правильном пути. Он на самом деле хотел уберечь ее от ошибки, прекрасно понимая, что сам с ней никогда не будет по причине проживания в разных странах и отсутствия любви к себе с ее стороны.

– А, ну да. Вы выйдете замуж из жалости. Я скажу так: лучше открыто предать, чем думать и делать что-то за спиной, тем более быть с человеком из одной только жалости. Это чувство самое ненадежное, и легко переходит в ненависть или неприязнь при определенных условиях. Если же вы сейчас объявите ему о своем решении, то он поплачет, перегорюет, и будет жить дальше. Вы останетесь прекрасными друзьями, и в будущем у вас не будет человека более пре-

данного, чем он.

– Но он не простит меня, – Анна почти согласилась с Виктором, но ее совесть продолжала упираться.

– Простит. Он не простил бы вас, если бы вы уходили к сопернику, или если бы из-за кого-то расстроили свадьбу. Если же вы сама принимаете решение, не отталкиваясь от любви к кому-то, то это абсолютно другое дело. Да, Жан быть может, обидится на вас, если он мелочен, рассердится, если великодушен, но как только он заметит, что вы одна и возле вас нет никого, он примет вашу жизненную позицию, потому как она не предательство, а выбор. Вы понимаете разницу?

– Понимаю, – Анна кивнула. – Вы обещаете, что я в кого-то влюблюсь. Но когда это будет? Лет в семьдесят, быть может? Может, мне еще старой девой остаться?

– Так дело в этом? Вы боитесь остаться старой девой? – Виктор рассмеялся. – Вы извините, но ничего глупее я не слышал. Вы, Анна, настолько красивая девушка, что вам опасаться одиночества вообще не стоит. По одному сигналу глаз или легкой улыбке в любой из дней вы можете найти кандидата в мужа, причем сами выбрать, кому улыбаться. Это не проблема. Не проблема выйти замуж, проблема выйти за нужного человека. А если вас беспокоит более приземленное, – он выжидающе сделал паузу, но реакции не последовало, и он продолжил – то завести любовника самое простое.

– Я надеюсь, вы не думаете, что это для меня что-то зна-

чит? Благородной девушке какие-то интрижки не к лицу, и разговоры об этом я считаю оскорбительными, – она гордо вздернула нос.

– Я ничего не думаю, но я очень удивлюсь, если у вас так же искренне получится это произнести лет так через пятнадцать. Это жизнь, и не более того, – Виктор потер переносицу. – С возрастом вещи кажутся намного проще, и то, что вы считали раньше недопустимым входит в жизнь так же прочно, как например утреннее умывание. Чем раньше это поймете, тем лучше. Неломаемых людей не бывает, жизнь рано или поздно добывается от каждого того, чего хочет.

– Я сегодня устала, наверное, прогулка к Букингемскому дворцу будет слишком утомительной, – Анна действительно выглядела немного уставшей, как-то растерянно глядя на своего спутника.

– Я понимаю, вам нужно немного побыть в одиночестве, поразмыслить. Все в порядке. Я могу рассчитывать на еще одну встречу с вами? – Виктор сменил интонацию голоса, ставшую непринужденной.

– Почему бы нет? Конечно, – Анна кивнула. – Но не сегодня.

– Анна, – Виктор аккуратно взял ее за руку, и посмотрел в глаза. – Если я сегодня был груб или испугал вас чем-то, то прошу прощения. Я прямолинейный человек, за что меня или любят или ненавидят, и поверьте, я искренне желаю вам счастья.

– Вам не за что извиняться. Я рада сегодняшней встрече, она дала мне информацию к размышлению. Я знаю, что у вас мужчины сами напрашиваются на встречу, отсылая письма. Я хочу нарушить эту традицию, и когда буду готова, сама вам напишу. Хорошо?

– Конечно. Не смею вам больше надоедать, – Виктор вежливо произнес стандартную фразу. – Пойдемте, я вас провожу до кэба.

Следующая встреча произошла двумя днями позже. Анна, как и обещала, сама написала Виктору письмо, отправив его с посыльным. В письме она выражала опасения по поводу прогулок по такой погоде, так как с утра падал мокрый противный снег, и ледяной ветер буквально сбивал с ног, но писала о желании увидеться. Виктор ответил незамедлительно, сделав официальное приглашение на ужин у себя в особняке. Анна согласилась. Она за прошедшие два дня очень много думала о своей жизни и в частности о ситуации с Виктором и Жаном. Жан казался далеким, человеком из прошлого. Она наконец-таки перестала себе врать, что любит его, и прислушалась к советам нового знакомого. Как она поступит по возвращению, Анна еще не решила, но зато с плеч свалилась гора и сомнения по поводу природы чувств улетучились. Но оставим Жана, он не интересен. Анне намного интереснее была ситуация с Виктором. Она ничего не понимала, что с ней творится. Никакой бушующей страсти в сердце не было, но к загорелому шотландцу ее тянуло как

подкову к магниту. Она больше всего на свете хотела вновь увидеть его улыбку и услышать его голос. Мысли больше не видятся с ним просто и быть не могло, хотя она вертелась в голове у Анны при расставании перед Вестминстерским аббатством. Вертелась, но исчезла через несколько часов, когда Анна осознала, что уже скучает по Виктору. Ее волновал и смущал этот мужчина. Вроде чувства к нему особо не отличались от тех, которые она испытывала к Жану, но она понимала разницу. По-другому чувствовалась нежность, по-другому ощущалось родство душ и еще что-то новое появилось в сердце, нечто похожее на тепло при воспоминаниях о нем. Голова работала исправно, мысли не путались, она могла принять любое решение, но что-то пугало ее в этом спокойствии и глубине. Она знала, что это только начало.

Особняк Виктора впечатлял. Это было старинное двухэтажное здание, стены которого увивал плющ. По фасаду дом раскинулся метров на двадцать, и предполагаемое количество комнат, как про себя решила Анна, переваливало за три десятка. Вышколенный дворецкий, безупречность его манер, и богатая, со вкусом подобранная обстановка оставляли в любом визитере только положительные эмоции. Огромный холл с высокими потолками и широкой лестницей, по которой могла проехать карета, отделанный мрамором и шлифованным гранитом, казалось, говорил: вы в доме господ. Виктор вышел навстречу Анне в прекрасном вечернем костюме, в котором и перед королевой было бы не

стыдно стоять.

– Приветствую вас в своем доме, мадемуазель, – Виктор говорил на безупречном французском. – Я хочу, чтобы вы в этой промозглой осени ощутили кусочек вашей солнечной родины, и поэтому сегодня вечер Франции.

– Благодарю вас, местье. Я тоже очень рада вас видеть, – Анна приветливо улыбнулась. – Мне и в самом деле немного не хватает парижского солнца.

– Пойдемте в столовую. Сегодня Джейкоб, наш повар, превзошел самого себя. Прованская кухня мне очень нравится, особенно в его исполнении. Отдадим ему должное.

– Даже так! – Анна удивилась. – Вдвойне приятно.

– К сожалению, я не смогу вас познакомить с братьями и отцом, они на охоте в Норфолке, хотя я не уверен, что при такой погоде они хоть что-то подстрелят. Но я не буду кривить душой, вечер, проведенный с вами наедине вдвойне приятен, – они зашли в столовую. – Присаживайтесь.

– Спасибо, – она села на предложенный им стул из резного ореха. Он устроился через стол, напротив, и позвонил в колокольчик, чтобы отдать приказание подавать на стол.

– Будьте как дома, я всей душой стремлюсь, чтобы вам понравилось.

– Все отлично. У вас прекрасный особняк.

– Излишне большой, как мне кажется, но пращурьы по-другому не могли, тогда только так строили.

– Старинный дом?

– Да, старый. Его начали строить при Генрихе VIII Тюдоре, в 1540-х годах. Левое крыло, фасад, более старое. Правое крыло, расположенное в глубине участка, более позднее – его завершили в 1680, при Карле II Стюарте. Галерея между ними построена в прошлом веке. Первоначально эти два крыла планировали как отдельные здания, но моему прапрадедушке негде было вешать его картины, и поэтому картинная галерея соединила два дома в один большой. Но поверьте, даже семье из двадцати человек будет здесь слишком просторно. В общей сложности, в этом особняке почти шестьдесят комнат.

– Да, он огромен. С улицы он кажется просто большим, но он очень большой. Наверняка интересно жить в старинном особняке, – глаза Анны загорелись. – Тут столько секретов. Вы в детстве не искали потайные комнаты?

– Конечно, искал, и не поверите, нашел. Этот дом был куплен нашей семьей в 1722 году, когда моего предка призывали на королевскую службу. До этого им владела одна известная фамилия, состоящая в родстве с Йорками, и ведущая свою родословную со времен саксонцев. Но получилось, что они обмелели, содержать такой большой дом были не в силах, и поэтому продали, чтобы переехать в провинцию, где цены не так кусаются, как в столице. Представители этой фамилии были ярыми роялистами, и во времена Кромвеля, прямо под носом пуритан, в этом здании проходили тайные совещания сторонников монархии. Конечно, по доносам

устанавливали обыски, но ничего не находили. Как гласила легенда, здесь скрыта целая зала для совещаний. Я искал, и я нашел. Теперь там мой рабочий кабинет, и никто о нем не знает кроме одной горничной, которая отныне протирает в этом помещении пыль.

– Захватывающе. А вы покажете мне это помещение? – она с диким любопытством и мольбой посмотрела на мужчину.

– Конечно. Там со времен Кромвеля ничего не изменилось, только я добавил несколько штрихов. Но сначала, давайте предадимся тревоугодию.

– С удовольствием. Мне кажется, что я не ела уже неделю. Наверное, так навеивает аппетит запах пряных трав от фаршированного окорока.

– Или от пирога с рыбой, – Виктор рассмеялся. – Не важно, от какого блюда, но я понимаю, почему мой отец и старшие братья скоро не будут пролазить в двери. Нет, вы не подумайте что они такие слоны, но последние тенденции...

Анна звонко рассмеялась.

– А как же вы? Вы тоже станете степенным через пару лет? – она как-то ново, как отметил про себя Виктор, смотрела на него.

– А я – нет, – он скорчил серьезную мину. – Вы не поверите, но что в путешествиях, что здесь, я начинаю утро с хорошей физической разминки. Бег и тому подобное. А здесь я уже договорился с Якобом, младшим из старших бра-

тьев, – он улыбнулся формулировке, а Анна кивнула, что поняла его, – что буду с ним по часу в день упражняться в сабельном бое. Он неплохо рубится, а я напорист, так что я получу хорошую разрядку, а он сбросит все лишнее. Я уже обещал из него за пару месяцев выгнать все килограммы, накопленные непосильным трудом ничегонеделания за последние годы.

– Это прекрасно. У меня вопрос личного характера, – она выжидательно посмотрела на него.

– Любой.

– Все ваши братья живут здесь. Неужели все они холостяки, что не уехали отсюда?

– Нет, не в этом дело. Они все давно уже поженились, так как Якобу, следующему за мной по возрасту брату, тридцать три. Старшему, Дунстану, пятьдесят два. Но Дунстан – вдовец, Якоб тоже. Карл, средний брат и Генрих, которому сорок восемь, живут здесь вместе с женами, просто в правом крыле. Дети Генриха и Карла в пансионе, здесь появляются только на каникулах, Якоб бездетен, ну а две дочки Дунстана давно замужем. Я с женами средних братьев не нашел общего языка, и им здесь нечего делать в отсутствие мужей.

– Понятно, – Анна предалась поеданию устриц, и Виктор не стал ее отвлекать разговорами.

Еще пара часов прошли за неспешной трапезой и светской неинтересной беседой. Потом Виктор предложил Анне руку, и они пошли в тайную комнату, которую хозяин обе-

щал непременно показать гостье. Анна, воспитанная на любовных и приключенческих романах предполагала, что вход в эту комнату непременно должен располагаться в библиотеке, что дверь приводится в действие специальным механизмом, сдвигая целые витражи, но в жизни все оказалась проще. Они прошли в холл, из него поднялись на второй этаж, и зашли в одну из спален.

– Это гостевая спальня. Постоянно здесь никто не спит, она обычно пустует, – Виктор по ходу давал пояснения всяким мелочам и рассказывал план расположения комнат. – Тайную комнату заметить невозможно, она никак не выдается из общего плана дома, даже если его изучать под микроскопом и измерять линейкой.

– Она маленькая?

– Напротив, это зал заседаний, около ста пятидесяти квадратных метров, – Виктор улыбнулся.

– Тогда вы издеваетесь. При самом простом осмотре дома с планом в руках, пустое помещение такого объема отыщется сразу же, – Анна с любопытством смотрела на него.

– Ну, так отыщите, – Виктор весело кивнул в стену. – Подсказка – вход здесь.

Анна посмотрела на ровную гладь белой стены и показала отрицательно головой.

– Я не верю. Ничего нет? Ведь так?

– Вовсе нет. Стал бы я вам врать. Просто вы, как и все прочие, не видите дверь. Вот и все. Смотрите, – при этих

словах Виктор подошел к углу стены, к которому примыкала большая кровать с балдахином, и с усилием скатал периноу. Подошедшая Анна увидела под периной небольшой люк. Хозяин поднял его, и запахло сыростью. Под люком оказалась лестница, уводящая вниз. – Прошу вас, мадемуазель. Я пойду впереди, спускайтесь за мной. Весь секрет, что комната находится внизу, под самым домом, и как ее не ищи, не найдешь.

– Хитро, – она кивнула.

– Очень.

Комната и в самом деле оказалась чрезвычайно интересной. Это было нечто похожее на зал в рыцарском замке, с камином и четырьмя рыцарями в латах по углам помещения, которые бдительно охраняли в течение веков этот уголок старины. Посередине стоял огромный стол, и двадцать кресел расположились вокруг него. Вдоль двух стен огромные открытые этажерки почти ломились от тысяч книг, расположенных там. Виктор зажег пять канделябров, и в комнате стало очень светло.

– Виктор, а как сюда смогли перенести все эти предметы? Вход же очень узкий, – Анна недоуменно посмотрела на хозяина, оторвавшись от лицезрения «Молота ведьм» в кожаном шагреневом переплете. – Я могу предположить, что стол собирали здесь, как и стулья, но даже вот эта книга не пролезет в тот люк, в который пролезли мы. А что это за книга?

– Анна, – Виктор рассмеялся. – На какой вопрос мне луч-

ше ответить первым? Или на все сразу?

– Простите, я слишком разговорчива, наверное? – она лукаво посмотрела на него.

– Нет, нормально, – он с улыбкой взял ее за руку, и усадил на огромное кресло во главе стола. – Присядьте. На нем когда-то сидел Эдуард I Плантагенет. А я отвечу на все вопросы, но только по порядку. Первое – книга. Это «Молот ведьм» Шпрегена и Инститориса.

– Она огромная. Просто я таких не видела. Она старая?

– Очень. Это так называемая инкунабула, одна из первых печатных книг. Инкунабулы печатали с середины 15-го по начало 16-го века, они отличаются от поздних печатных книг рядом признаков, но это уже не интересно.

– Кресло удобное. Да, а если я не ошибаюсь, Эдуард I жил в тринадцатом веке?

– Все правильно, так что это кресло не собирали здесь, его сюда привезли, как и этот стол. Я точно не знаю, как именно попали сюда все эти предметы, но есть два варианта. Первый, что их привезли еще на стадии строительства дома, потому как это помещение было построено, несомненно, раньше того, как над ним возвели стены; тогда было принято строить тайные убежища, раз заговоры зрели грибами после дождя. И второй вариант: все вещи принесли потом через тайный вход, не из дома.

– А есть еще тайный вход? Он не один? – у нее поднялись от удивления брови.

– Конечно. Представьте: дом окружен и никак не выбраться. Что тогда делать? Для этого копали тайные ходы. Камин. Это он и есть, – Виктор показал на камин, в котором без проблем могло поместиться трехметровое бревно. – Если его не топить, то можно пройти внутрь, и сбоку будет большая дверь, скрытая от глаз уступом. Ход выводит прямо к Темзе. Но я надеюсь, любопытство не поведет вас в него? Там сыро и холодно.

– Да, занимательно. Нет, конечно, я не стремлюсь его разведывать. Вы удовлетворили мою любознательность... – она замолчала, а Виктор тем временем придвинул к ней второе кресло и сел, глядя прямо в глаза.

– Анна. Если честно я думал, что больше вас никогда не увижу, – Виктор положил свою руку поверх ее, но она не убрала свою, а лишь отвела взгляд.

– У меня были такие мысли в голове, но... – она замолчала.

– Говорите, пожалуйста.

– Но я не удержалась. Я не могла допустить, что мы больше не увидимся. Виктор, вы мне делали предложение. Вы основывались только на том, что я девушка из ваших снов, и что нас свела судьба?

– Нет, не только этим. Я люблю вас, Анна, – он огорченно скривил губы. – Ну а вы нет. Это обычная история.

– Но ведь мы знакомы меньше недели.

– И что? Да, я знаю – любовь с первого взгляда невозмож-

на, очень коротка и так далее. А кто это говорит? Люди, которые никогда так не влюблялись. Я не просто верю, что мы завещаны друг другу, я уверен, что наша с вами встреча не первая, и в прошлых жизнях, а не в этой, мы пересекались с вами и были близки. Когда я увидел вас там, на ступеньках, ваш силуэт показался мне таким знакомым и родным, что защемило сердце. Мысль, что я вернулся домой, промелькнула не тогда, когда я вышел на берег Британии, а когда ваши карие глаза оценивающе проскользнули по моей фигуре.

– Но я не верю, что есть еще жизни и, что мы с вами когда-то... нет, это невозможно. Да, объяснить все ваши сны и мои воспоминания я не могу. Скорее всего, это стечение обстоятельств, ирония судьбы, – воскликнула она эмоционально, и опустила голову, рассматривая стол. – Нет, я не верю, – добавила она тихо и как-то заученно.

– Понятно. Вы просто боитесь признаться себе во всем, что с вами происходит. Вы боитесь неизвестного, и проще всего свалить все на случай, – Виктор жестко посмотрел на гостью. – Именно поэтому вы не хотели идти ко мне, но ноги сами вас привели. Так?

– Нет, не...

– Не надо. Признайтесь себе, наконец. Вы сильная девушка, и если решили что-то делать, то непременно делаете. Почему на сей раз произошла осечка? Хотели увидеть меня из любопытства или из жалости к моим чувствам? Если так, то расстанемся раз и навсегда на этом. Мне не нужно, чтобы

меня жалели как вашего Жана, я лучше повоюю от тоски в одиночестве, чем не буду уверен в человеке, которого люблю. Вы уйдете или останетесь?

– Я уйду, – она высокомерно подняла голову, и встала.

– Пойдемте, я вас провожу, – Виктор безучастно посмотрел на нее, и тоже встал. – Мне не нравятся люди, которые лгут, – он хотел вывести ее на эмоции, и ему это удалось.

– Да как вы смеее утверждать, что я лгу! С чего вы взяли такое? Вы можете копать в моем сердце и в моей голове? Вы, философ! Вы думаете, что умнее всех на свете? – она как взбешенная фурия смотрела на мужчину, забыв про все манеры. Перед Виктором стояла обычная двадцатилетняя девчонка, а не воспитанная молодая леди. Он достиг того, чего хотел. Виктор понимал, что, соблюдая все манеры и условности, он ничего не сможет добиться в отношении девушки; ни разгадать ее чувств, ни помочь ей докопаться до них самой. Когда же люди находятся под действием злобы, все потаенное вырывается наружу, и порой человек находит то, о чем даже не догадывался.

– Нет, но я думаю, что жил на свете дольше вас и видел намного больше. Что скажете, Анна? Вам хочется уйти?

– Нет, – она умерила злобу. – Нет, не хочу. Мне с вами хорошо, – девушка прикрыла лицо руками и глубоко вздохнула.

– Вы просто запутались, – Виктор обнял ее за плечи и прижал к груди. Она не сопротивлялась этому нарушению всех

возможных правил этикета. – Анна, Анна... – он вдохнул запах ее волос. – Я могу помочь вам установить за минуту, любите вы меня или ненавидите.

– Вы волшебник? – она подняла голову, с интересом и теплом глядя на него. По одному этому взгляду он понял то, что она скрывала от себя, и о чем он догадывался, но не верил.

– Нет, я мужчина, – он нежно поцеловал девушку. Она сначала дернулась, но сразу затихла, потому что из головы улетучилось все, о чем думала. Остались только он, она и стук сердца в ушах.

Он отстранился от нее и погладил ее волосы.

– Вы так прекрасны...

– Ты... – исправила она его. – Ты, а не вы.

Она сама прижалась к мужчине и заговорила, видимо тоже что-то поняв в себе.

– Ты прав, я просто запуталась и мне проще скинуть все на случай, чем на судьбу.

– Будем с этим бороться, – он заглянул ей в глаза, и хитро улыбнулся. – Ты как хочешь, но до утра я тебя не выпущу отсюда.

– Ну что ж. Я постараюсь извлечь выгоду из этого заточения, – она улыбнулась, и еще сильнее прижалась к нему.

Настало утро, Анна выпила с Виктором чай и засобиралась в гостиницу. Он смотрел на нее, и любовался. Прошедшая без сна ночь ничуть не отразилась на ее внешности, и казалось, что усталость вообще не коснулась нее.

– Ты так внимательно на меня смотришь, – она немного застеснялась.

– Любуюсь. Я серьезно, выходи за меня. За мной ты будешь как за каменной стеной. Я могу переехать в Париж, если тебе не по душе этот дом.

– Ты ради меня оставишь своих близких?

– Не задумываясь. Я здесь никому не нужен, пойми. Я один среди родственников. Здесь никто меня не любит так, как любили два умерших брата и мать. А так... у каждого своя жизнь, и моему приезду обрадовались ничуть не больше, чем обрадовались бы покупке породистого скакуна для Дерби.

– Понятно. Одно я тебе скажу точно – ты уже в моем сердце, а как будет для нас лучше, я придумаю. Мне пора, отдохну немного, – они уже стояли в холле.

– Отдохни. Я тебя вечером опять жду в гости, – от его улыбки растаяло бы сердце даже снежной королевы.

– Ой, каким ты это тоном произнес... – она игриво подмигнула и добавила: – До скорого.

Но встреча состоялась раньше, чем предполагали. Вернувшаяся в гостиницу Анна встретила там слугу отца, Пьера с важным письмом от Гленн. Она писала, что Поль, отец Анны, попал под карету на обледенелой мостовой, и находится в очень тяжелом состоянии. Анна, едва сдерживая слезы, кинулась наверх собирать вещи. По пути на вокзал она заехала к Виктору, моля Бога, чтобы он никуда не ушел. Она

не могла не заехать на прощание. Судьба была благосклонна к ней, и хозяин особняка находился дома. Анна как вихрь влетела в холл, ошеломив тем самым манерного дворецкого, и громко позвала Виктора по имени. Он появился через секунду, перепрыгивая через ступеньки, сбегая вниз.

– Что случилось? – от его обычной выдержки не оставалось и следа, только беспокойство и страх на лице. Он понял, что она вот-вот уедет, и забежала попрощаться. Эта мысль пришла интуитивно, и он больше всего на свете боялся потерять Анну.

– Отец. Он очень пострадал. Несчастный случай, – она говорила отрывисто, силясь перевести дыхание от бега.

– Я понял. Тебе необходимо уехать. Я велю запрягать ландо, у меня самые быстрые лошади в Вест-Энде, мигом прибудем в Дувр...

– Не надо, слуга отца уже взял билеты на поезд. Спасибо за беспокойство. Я приехала попрощаться... – она подбежала к нему, и кинулась на шею.

– Анна. Как мне тебя будет не хватать! – он обнял ее, и поцеловал. – Ты же вернешься? Ты же приедешь?

– Конечно. Конечно, приеду. Даже не думай об этом. Может через месяц, но обязательно. Как только отец встанет на ноги, я вернусь.

– Ты выйдешь за меня? Скажи сейчас.

– Выйду. Но не будем об этом, у меня сердце за отца болит, я...

– Да, конечно. Поезжай, я буду ждать. Если надо, то и годы. Только вернись.

– Вернусь, – она заплакала. – Вернусь.

– Мне на ум пришли два слова, откуда они я не знаю, но отчего-то мне кажется важным сказать их. Калье Роса. Тебе это не знакомо?

– Знакомо, – она вздрогнула. – Как будто костер лизнул сейчас мои ноги. Странно... Я напишу. Жди.

– Прощай... – они поцеловались, и девушка выбежала на улицу...

Одинокий старик склонился над столиком в таверне. Перед ним стояла кружка крепкого пряного эля, в тарелке расположился здоровый кусок остывшей бараньей ляжки с овощами, но старик, казалось, не замечал их. Он читал строчки, выцарапанные на деревянной столешнице с помощью штопора. Видимо, писавший тоже страдал и маялся прошлым. «Я открыл много дверей, но лишь за одной мне были рады. Я хочу вернуться туда, но время утекло». Получался какой-то белый стих, так как happiness и loss рифмоваться ни в какую не хотели, но писавшему, судя по почерку, выдававшему крайнюю степень опьянения, было на это плевать. Старик оглянулся по сторонам, и быстро выцарапал лаконичное «Аминь» под строками доморощенного поэта. Потом он глубоко вздохнул и за пару глотков выпил полкружки эля. Время, двери, рады. Эти слова крутились у него в голове, и он готов был подписаться под каждым из них. Так и в его жиз-

ни. Он ждал много лет, но она так и не приехала. Не вернулась, хотя обещала. Он не женился, детей ему Господь так и не дал, но его племянники и племянницы обожали старика и одарили его таким количеством внуков, что он не всегда мог вспомнить их по именам. Но это все так, для сердца и души, хотя даже среди этой хохочущей своры он был не до конца счастлив. Говорят, годы излечивают, но это все бред, как понял Виктор Эван Макнэрн. Он любил ее на склоне лет так же, как и тогда, в молодости. Ничего не изменилось. Ровным счетом ничего, только вот боль усилилась. Он много раз еще тогда, давно, хотел сорваться в Париж и увидеться с ней, но понимал, что это ни к чему не приведет. Она, как он понял, вышла замуж за того Жана, и быть может, счастлива с ним. Может, он ошибся, что она сорвется от мужа, влюбившись в кого-то? Она выбрала тихую гавань. Что же, главное, чтобы так было лучше для нее. Видимо, она перегорела. Или страх, все-таки оказался сильнее чувств, если она не вернулась? Кто его знает... Чего теперь гадать и жалеть? Он так и не поехал в Париж. А зачем? Смутить ее? Нет, он этого меньше всего в жизни хотел. Не стоило оно того. Он не испытывал к ней зла или обиды, выбор есть выбор и стоит с ним смириться, тем более ничего не изменишь. Жива ли она? Столько лет прошло... С этой мыслью он отодвинул недоеденную ляжку, посмотрел на часы-луковицы на серебряной цепочке, и рывком допил эль. Час ночи, пора домой.

Холод декабрьской ночи усиливался ветром из Атланти-

ки, буквально обжигаящим лицо. Виктор поежился, и, подойдя к кэбу, хлопнул по плечу замерзшего возницу.

– Джек! Вези меня домой, милый друг. Я устал что-то сегодня.

– Слушаюсь, сэр! – Джек размотал вожжи. Ему подумалось, что дай Бог каждому в восемьдесят пять лет уставать от шатаний по тавернам. – Сэр, а можно один вопрос?

– Конечно, – Виктор был в общении со слугами демократичен, и они знали это. После смерти всех старших братьев и отца, Виктор стал бароном, но ничего не поменялось в нем, и высокомерней от этого он не стал.

– Сэр, ну почему вам милы эти злачные места? Неужели так приятно наблюдать весь этот пьяный сброд?

– Ты знаешь, дружок, мне грубые портовые грузчики во сто крат милее лживых и манерных джентльменов. Первые бьют ножом, а вторые мерзко подтачивают годами, как короеды. В этом и есть разница. Да и я никогда не нарывался на грубости, старость в почете у смельчаков из Ист-Энда. Ко мне прислушиваются, спрашивают совета. Да и я молодею, вспоминая юность, потому, как одиннадцать лет ходил под парусом с такими вот грубиянами.

– А я и не знал, сэр.

– Джек, ты живешь в моем доме двадцать лет, и не знал этого?

– Нет, сэр.

– Так, сейчас мы прибудем и устроимся на кухне. У ме-

ня есть добрый тридцатилетний виски. Как ты на это смотришь?

– Ой, сэр. Я за, так намерзся. А вы расскажете мне о море?

– Расскажу. Только живым доведи по этой жуткой брусчатке.

– Слушаюсь, сэр, – сказал радостно возница и сбавил ход.

Его слова унес ветер, но Виктор разобрал фразу. Ему было все равно, что делать, лишь бы не спать в горьком одиночестве на холодной кровати, маясь тоской, особенно сильной в ноябре и декабре. А ветер кружил над Темзой, над Вестминстерским аббатством и над Букингемским дворцом, и в его ледяной пасти появились первые хлопья снега. Только ветер знал, что Анна возвращалась-таки к Виктору в Англию, через полтора месяца после их первой встречи, в январе следующего года. Возвращалась без письма, чтобы сделать сюрприз. Но не доплыла. Ла-Манш топил много судов, и морякам знакомо коварство этого пролива. Деревянный парусник разбило в щепы, так никого и не нашли. Если бы она осталась на родине, то была бы жива. А так... судьба. Ветер все знает. Один лишь ветер знает все.

Анна проснулась в слезах. Ей показалось, что она спала целую жизнь, но, если верить часам на стене, прошел всего час. Что это было? Что это был за сон? Она отчетливо помнила каждую деталь, и ей казалось, что если она закроет глаза, то увидит высокую гордую фигуру старика, стоящего в

волчьей шубе возле кэба. А запах таверны? До сих пор она чувствует аромат грога и сладкого лука. Сон ли это, раз он настолько живой? Да, несомненно это сон. Но почему тогда сначала она видела все это глазами той девушки, а в конце откуда-то сверху? Тут ее посетила простая мысль: а как иначе, если она умерла в проливе? Ветер, шторм, и предательский скрежет кия о камни, сменяющийся треском ломаемых перекрытий. Это было. Это действительно было. Да нет, не может быть, это всего лишь сон. А незнакомец? Как его там? Виктор? До чего же он интересен ей. Жаль, что такие мужчины встречаются только во сне. Она чувствовала, что влюбилась бы в него, не раздумывая, встретиться с ним наяву. Анна закрыла глаза и постепенно остановила бешеный бой сердца и какую-то боль в груди. Что она так распереживалась? Это всего лишь сон. Да, Виктор красив и интересен, она даже сказала бы, что перенесла какие-то чувства из сна в жизнь, но что теперь, с ума сходить? Это приснилось и больше никогда не повторится. А жаль, такие сны бывают раз в жизни. Одно она знает четко: из-за сна терять голову не стоит; отнестись ко всему нужно скептически, и жить дальше. По крайней мере, ей будет приятно вспоминать о сне. Нужно рассказать отцу, такие интересные сны ему уж точно никогда не снились.

Анне очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими эмоциями, бьющими через край, и самым подходящим человеком был именно Анатолий Борисович, самый лучший слу-

– Интересно, чертовски интересно. И этот огромный сон вместился в час времени?

– Да.

– Воистину, загадочный мир у Морфея, – Анатолий потер переносицу. – Так ты говоришь, что сон был как воспоминание?

– Ну да. Такой же отчетливый.

– Дай подумать, – он откинулся на спинку. – Вообще есть два варианта – либо это просто красивый сон, либо это действительно было с тобой, но очень давно.

– Я не буду возражать. Мне поначалу и самой так показалось.

– В этой жизни я уже ничему не удивляюсь, – он посмотрел на дочь. – Один мой друг сказал, что мы живем далеко не одну жизнь... Кто его знает?

– Ага, – она тяжело вздохнула. – Я об этом же подумала.

– И что делать будешь? – отец подкурил сигарету. – Как я посмотрю, твой сон вывел тебя из тоскливого состояния.

– Вывел, не отрицаю. А что делать?.. Да ничего, жить, как и жила. Если это не случайный сон, то судьба напомнит еще о себе; ну, а если это так, мишура, то и думать не стоит. Не искать же, в самом деле, того незнакомца?

– Конечно, нет, – Анатолий ухмыльнулся. – Мне и не приходила такая мысль в голову.

– Я пойду на работу, – неожиданно сменила Анна тон разговора. – Ты говорил, что у дяди Славы есть место в анали-

тическом отделе?

– Так точно. К нему?

– Да.

– Правильный выбор, – он придвинул к себе пепельницу. – Тебе это пригодится.

– Наверное. Пусть хотя бы жизнь разнообразит... – девушка посмотрела на телефон. – Слушай, мне Вика звонила, приглашала к себе. Я к часу ночи буду.

– Не вопрос, – Анатолий подмигнул. – Может, зятя приведешь?

– Иди ты... – с напускной раздраженностью, но не грубо ответила дочь. – Я так, проветриться.

– Ага, – он улыбнулся. – Давай, давай...

– Ты не исправим.

– Так понятно, старость уж скоро, куда мне...

– Тебе до старости как до Африки на лыжах, – она качнула головой. – Тоже мне, пенсионер... Все, пока. Я возьму твой Бентли? – Она спросила только ради приличия, уже скрываясь за углом кухни.

– Бери, бери... – тихо произнес Анатолий, задумчиво глядя на стену. Он знал, его уже не слышат.

3

Виктор под утро все же поспал. Ему это удалось только благодаря усталости, накопленной за шесть рабочих дней. Нет, конечно, вагоны разгружать не приходилось, и административный пост предполагал наличие чистой белой рубашки, но те, кто по долгу работы постоянно общается с покупателями, подтвердит, насколько люди иногда умеют раздражать и морально изводить. Виктору приходилось в течение недели отчасти подменять кладовщика, который приболел, и поэтому приемка поломанных приборов была исключительно на нем. Пятьдесят процентов потребителей с поломанными пылесосами, чайниками и телевизорами идут в магазин, где их покупали, как на последний бой. Человек, который заполняет форму на экспертизу товара, подвергается устрашающим взглядам, раздраженным высказываниям и общению с не всегда умными и адекватными людьми. Понятно, что Виктор всех умел поставить на место, и никому не заглядывал в зубы, но силы, затраченные на это, иногда утомляли. Его раздражало, что люди относятся к продавцам так, как будто это они сами паяют платы к кинескопам, или хуже того, крадуются по ночам в жилище честных граждан, чтобы испортить технику (а такое в свой адрес Ильин слышал пару раз). Только Виктор не мог понять, почему же по-

купатели, руководствуясь подобными мыслями, не идут обратно, скажем, в аптеку, и не высказывают продавцам, что их лекарства не помогают? Понятно, что у каждого своя правда, и люди ожидают что вещь, купленная за небольшие деньги, прослужит им вечно, а продавцы удивляются такому выбору клиентов, и получается, что умение находить компромиссы – поистине редкое качество.... Как бы то ни было, но Виктор морально устал за шестидневку, и начал тихо ненавидеть некоторых потребителей, искренне сочувствуя кладовщику, для которого грипп стал спасением от работы. Уж на кого, а на идиотов за время работы в розничной торговле, Виктор насмотрелся. Хорошо, что среди общего числа покупателей, их было мало, иначе желание разбить что-то или кого-то пересилило бы Ильина.

Проснулся Виктор в десять, чувствуя прилив сил и подъем настроения. Он потянулся, не вставая с кровати, и потом легко вскочил с нее. Первым делом был путь на балкон – к сигарете. Первая сигарета всегда выкуривалась очень быстро, без удовольствия. То ли дело вторая, которая курилась уже не спеша, совместно с распитием кофе. Только после этого Ильин чувствовал себя полноценным человеком, потому что голову наконец-таки начинали посещать мысли. Вообще, он был чистокровной «совой» в плане биологических часов. Некоторые люди, так называемые «жаворонки», с самого утра обладают свежестью мысли, легки на подъем и только к вечеру чувствуют усталость и сонливость. Виктор, на-

оборот, считал, что с утра его мозг работает только на пятьдесят процентов, и только с наступлением темноты он начинает работать в полную силу. О том, чтобы легко и сразу проснуться, не было и речи, он не раз просыпал на работу, но так как почти всегда это был минимальный промежуток времени, он не опаздывал, сделав к тому же правилом заводить будильник на двадцать минут раньше положенного срока. Это помогало. Проснуться резко и сразу Виктор мог только в случае крайней необходимости, но так как речь идет о выходном дне после тяжелой рабочей недели, необходимости будить разум не было. К слову сказать, отсутствие с утра мыслей нисколько Виктору не мешало, тело его, казалось, жило по отдельным законам, и никакой заторможенности в движениях или реакции не наблюдалось.

Сварив кофе и выйдя на балкон, Ильин глубоко вдохнул свежий воздух. Утренняя прохлада еще не ушла, и ему нравилось именно это время суток, особенно осенью, когда невысоко поднявшееся солнце чертит на земле и сером, сухом асфальте длинные тонкие тени предметов, временами теряя свой свет в кучах желтой и огненной листвы. Вчерашние тучи ушли, и теплое южное солнце грело почти как весеннее. На серость дней Виктор навиделся еще во время службы на Урале, где в начале октября ночные заморозки и мокрый снег, а иногда с середины сентября уже начинает мести. Еще тогда он решил, что Юг не променяет ни на что, и его солнцелюбивому сердцу путь на Север закрыт, ес-

ли конечно он не хочет пребывать как англичане в непонятной хандре, называемой там сплином. Итак, прекрасное настроение, бодрость, и ясность мысли, уникальная для Виктора с утра в выходной, были наиболее подходящими факторами, чтобы размышлять, чем Ильин и занялся. Понятное дело, он думал о ночи и о том, что ему приснилось. При свете солнца сердце успокоилось, и очарование сна, под которое он попал во тьме ночи, тоже прошло. Девушка уже не казалась чем-то чудесным, взятым не из этого мира, да и чувства, которые он вынес из видения, поугасли, и потому можно было трезво смотреть на вещи. Клятву, которую Ильин дал сам себе, – непременно разыскать девушку, исполнять он уже не спешил. Скептицизм и работа мозга давали о себе знать. Я уже говорил, этот человек очень редко поддавался романтическому настроению, и оно проходило так же резко, как и начиналось. И поэтому теперь мысль бежать неизвестно куда, в поисках мифической возлюбленной, казалась ему смешной. Уже давно прошли те времена, когда рыцари ломали копья ради прекрасных дам и шли за ними на край света. В нынешний век Урбании человек разленился. И стоит ли так утруждать себя, как некогда делали наши предки, чтобы найти нужного человека (при условии, что он не должен много денег)? В стране, где на каждые две девушки приходится один нормальный парень (а так и есть, если исключить алкоголиков и наркоманов), девушку себе найти не сложно, было бы только желание. Именно эта мысль и посетила Вик-

тора в ту минуту. Он улыбнулся, и прикурил вторую за последние пять минут сигарету. Анна. Красивое имя, красивая девушка. Он готов был поклясться, что раньше никогда ее не видел и не слышал даже о ней, и, скорее всего то, что она приснилась ему, являлось всего лишь простым совпадением. Ему снились в жизни яркие сны, и не раз, пусть и не такие отчетливые и красивые, снились и разные девушки, и что же, он искал хоть одну из них? Нет, не дождетесь. В любом случае, воспоминание о ней пройдет, жизнь закрутит и смешает все чувства как ингредиенты в коктейле. Стоит ли тратить время на мысли, если, в конечном счете, это ни к чему не приведет?

Но она так красива. Он не мог не отметить этого, как и того, что его тянуло к ней со страшной силой. Виктор растерянно поставил чашку на стол, и присел на диван. В нем боролись два великих начала. Одно из них каждой клеточкой хотело увидеть незнакомку из сна, а другое шептало на ухо, что все это не стоит и гроша. Сердце боролось с мозгом, так бывает всегда. Голос первого Виктору был еще непонятен, так как он в свои взрослые годы никогда не влюблялся, и эта непонятность пугала. Он не хотел даже размышлять, какие чувства навеивают ему мысли о незнакомке, чтобы не сбылось то, о чем он догадывался: открывшаяся глубина попросту поглотит целиком. Поэтому оставалось идти от обратного – прислушиваться к мозгу, который работал очень даже неплохо. Даже не раздумывая, Виктор вывел для себя про-

стые истины. Первая была в том, что девушка, скорее всего, является плодом воображения, пусть и красивая и умная, но, тем не менее, всего лишь фантом. Мечта, как он сам ее назвал, – слишком хороша, чтобы быть реальной. В то, что пришедшее могло когда-либо происходить с ним наяву, он не верил, равно как и во все сверхъестественное, не говоря уже о каких-то прошлых жизнях. Сам Виктор искренне верил в Бога, считал себя православным, старался не грешить и не желать людям зла, но в то же время очень сильно сомневался в наличии ада и рая. Он вообще был натурой, в которой сочеталось несочетаемое, отчего являлся очень интересным человеком. Вторая истина говорила, что даже если предположить реальность существования девушки, то найти ее, зная только имя, в миллионном городе невозможно. Он перерыл в уме все возможные варианты, и понял: не зная фамилии, или хотя бы места, где девушка появляется, столкнуться с ней нос к носу настолько же вероятно, насколько наступить в метро на крокодила. Третья истина говорила, что девушка, будь она даже трижды реальна, не обязана жить именно в том же городе, в котором живет Ильин. Если посмотреть глобально, то даже не обязательно, что она живет в России. Все говорило о том, что найти ее невозможно. В эти мысли вмешалось сердце, немного притихшее, под гнетом здравых рассуждений, но, наконец, подавшее свой голос. Оно сказала, что если судьба, то девушка по имени Анна еще объявится в его жизни, ну а до тех пор не стоит ломать голову. Эта мысль

как компромисс немного примирила голову с чувствами.

Раздался телефонный звонок. По мелодии Виктор узнал: звонит Варвара, его любовница. Рабочий телефон, несмотря на строжайший запрет начальства, находясь на выходном, Ильин выключал. Его мало интересовало, что думает об этом директор магазина и иже с ним, законно считая выходной созданным исключительно для того, чтобы радовать, а не угнетать рабочими вопросами. Об этом знали все, и Денис, начальник Виктора, смирился, зная, что против своих принципов Ильин не поперет, даже под угрозой увольнения; хотя Ильин считал это не принципами, а просто частичкой свободы, необходимой каждому.

Варвара. Со вкусом у Ильина все было в порядке. Он никогда, даже в юности, когда самый большой выброс тестостерона и вечно голодные глаза, не бросался на зов первых попавшихся девушек, предпочитая сам находить тех, кто ему был по вкусу. Он уважал себя, и, видя это, его уважали и посторонние. Хотя, может, это происходило, потому что ему везло, и недостатка в женском обществе он никогда не испытывал? Будь он обделен этим, так спокойно на вещи смотреть уже не получилось бы. Кто знает? Варвара была из тех женщин, что привлекают чем-то магнетическим. В ее присутствии путались мысли не у одного мужчины, и неважно было, одинок ли человек или состоит с кем-то в связи. По знаку зодиака она была скорпионом, и астрологи, говоря, что это самый притягательный знак, в ее отношении не ошиба-

лись. Высокая, стройная брюнетка с черными глазами и пухлыми губами, она заводила Ильина одним своим видом. Варвара работала администратором в ювелирном бутике, расположенном рядом с магазином Виктора, и как-то он зашел туда присмотреть колечко для своей, теперь уже бывшей, подруги. Слово за слово, и познакомились. Первые пару недель они просто общались, пересекаясь в обеденные перерывы, или распивая кофе после работы. А потом был корпоратив, устроенный коллективом магазина бытовой техники в кафе неподалеку, на который Виктор позвал ее. Они отлично провели вечер. Случилось так, что Ильин перед этим поругался со своей девушкой, и домой ему ехать совсем не хотелось, ну а глаза подвыпившей Варвары, в которых он читал даже больше, чем хотелось ей, непреодолимо манили. Ночь была чудесная. Измена? Да. Но Ильин и так прекрасно понимал, что участившиеся скандалы у него дома ни к чему хорошему не приведут, и расставание с Вероникой неизбежно. Потому он просто форсировал события, решив порвать с ней в ближайšie же дни. Его останавливало только то, что у подруги в жизни был тяжелый период, и бросать ее в самый пик проблем было бы подло. Поэтому, по истечении двух недель, когда она сама наконец-таки заикнулась об их взаимонепонимании, он облегченно вздохнул. Так и разбежались.

С Варварой отношения были совсем иного рода, нежели прежде, с Вероникой. Взаимопонимание было полное. Ни ему, ни ей (как он думал, по крайней мере) серьезные от-

ношения и совместное проживание были не нужны. Детей у нее не было, и Виктор никогда не спрашивал причин, ну а сама она не затрагивала этой темы. Он замечал грусть в ее глазах, когда девушка случайно обращала внимание на карапузов, но, очень ценя ее как человека, беречь раны не хотел. . . . Она была умна, обладала дерзким характером, чувством юмора и потрясающей женственностью, когда оставалась с ним наедине. Он мог подобрать сто эпитетов, чтобы охарактеризовать ее положительные стороны, но в то же время Виктор прекрасно понимал, что эту женщину он не любит. Да, с ней хорошо и спокойно, она поддержит любой разговор, сделав его интересным, она хороша в постели. . . но эта женщина не его. Девушка, совместившая в себе и любовницу и друга, Варвара была ярким эпизодом в его жизни.

– Привет, как дела? – это было первое, что он спросил у своей любовницы, с ходу.

– Отлично, только по тебе соскучилась, – ее томный голос задел в Викторе те струны, которые задевает голос женщины, с которой ты был близок, невольно навеивая приятные воспоминания об этом.

– Я тоже. Вчера думал о тебе вечером.

– И я.

– Ты еще в гостях у тети?

– Уже нет. Я тебе говорила, что она вышла замуж?

– Нет.

– Так вот, у нее три месяца назад появился законный муж,

с которым мы не сошлись характерами, поэтому пришлось ретироваться на два дня раньше срока, иначе я бы ему лицо расцарапала.

– Ну, зная твой характер, я бы не удивился, – Виктор усмехнулся. – Это замечательно, что ты вернулась. Наверное, ты и позвонила сообщить мне эту приятную новость?

– Конечно. Разве я могла иначе? – спросила она, и Ильин готов был поклясться, что такой сладкий голос был у сирен, зовущих Одиссея на скалы. – А ты на работе? – в ее тон закралась горечь. Она даже не дала ответить, продолжив. – А то я тут в ванне отмокаю после долгой дороги, хотела тебя увидеть. Так жаль, что ты меня не видишь сейчас...

– Это не трудно исправить, – он лукаво улыбнулся. – Я выходной, так что жди меня через полчаса. Суббота, пробок не будет.

– О-о-о... это отлично, – в ее голосе был целый букет интонаций, и у Ильина прошел по спине озноб от предвкушения встречи. Его явно ждали.

– Все, – сказал он, – Я уже лечу. Потом пообщаемся.

– Давай. Дверь будет открыта.

Через полчаса, как и обещал, Виктор входил в квартиру Варвары. Она уже вышла из душа, и, облаченная в кружевной пеньюар, была поистине восхитительна. Он встал на пороге, любуясь ей как произведением искусства. Не смотря на то, что ничего похожего на любовь, Ильин не чувствовал, ему было очень приятно, когда такая красивая и знающая

себе цену девушка не равнодушна к нему. Виктор подошел к ней, и обнял.

– Хорошо, что ты вернулась раньше.

– Согласна... – она потянулась для поцелуя.

Уже далеко после обеда они сидели на лоджии на диване, поставив перед собой две чашки с кофе по-гречески. Виктор блаженно курил, а она, подобрав под себя ноги и прислонившись к нему, мурлыкала под нос какую-то песенку. Ему было спокойно, да и ей хотелось, чтобы этот миг продлился как можно дольше. Она тоже не любила этого мужчину, но он устраивал ее всем.

– Так как там тетя? Как провела время? – он поставил чашку на стол.

– Тетя нормально, а вот я не очень. Два дня еще, куда ни шло, а с приездом Дмитрия, новоприобретенного мужа тети, началось веселье.

– Он молодой?

– Да не очень. Тете пятьдесят пять, ему под шестьдесят. Нет, в общем-то, он может и неплохой человек, мужик хозяйственный, деньги в семью тянет, не пьет, с ней почти не ругается, но характер тот еще. Все должно быть, как он скажет, хотя, тете такой и нужен, она любит над собой власть чувствовать. Дмитрий, как и я, принадлежит к той породе людей, что на человека сразу вешают ярлыки, и если уж невзлюбим кого-то, то этого уже не исправить. Я не говорю, что это хорошо, но уж как есть. Ему не понравилась я. По

ходу, с первого взгляда. Мне же, видя такое отношение к себе, любить его уже автоматически было не за что. В общем, понеслось... Нет, он не оскорбил меня ничем, но подколы, взгляды исподлобья и тому подобное. Тем более, когда я к тете приезжаю тоже без особого энтузиазма, просто так, для поддержания отношений... В общем, я уехала раньше.

– Ну да, – Виктор начал загибать пальцы, считая. – Тебя хватило всего лишь на сутки в его обществе.

– Эх!.. Не будем об этом. В общем, у меня ничего интересного, – она сделала паузу. – А вообще странно, я знаю за собой, что плохого ни ему, ни тете не сделала, а почему же такая реакция?

– Ну, всем мил не будешь. Но, я так думаю, твой дядя, – Виктор хитро улыбнулся, – неровно к тебе дышит, вот и все. Ты его до этого не видела?

– Нет.

– Я думаю, он порядочный мужик, и потому не допускает фривольных мыслей по отношению к тебе, ну а так как с влечением бороться очень трудно, проще перевести его в агрессию. Он, скорее всего, с первого взгляда почувствовал желание, но под действием смущения за такие мысли, нашел выход в неприязни. Ему по-любому легче от того, что ты уехала. Понимаешь? Я, конечно, не последняя инстанция, но вижу эту ситуацию именно в таком ракурсе.

– У меня и у самой мелькнуло такое подозрение.

– Да. То, до чего мы мужчины доходим логически, вы жен-

щины чувствуете интуитивно.

– Ты бы хоть побрился, – она погладила его щеку.

– Пусть кожа отдыхает, тем более я не мог задерживаться, зная, что меня ждут, – он замолк, и отвел взгляд, поглядев за окно. Что-то печальное промелькнуло в его взгляде.

– Ну вот, опять. У тебя с утра что-то мелькает в глазах... – она села к нему на колени. – Другая женщина появилась, пока меня не было? – она спросила это без какой-либо ревности, просто интересуясь, так как прекрасно понимала, что между ними отношения не будут длиться вечно. Виктор был прекрасным попутчиком, но это был герой не ее романа. Она спросила это полусуто, хотя именно это чувство возникло еще раньше, при встрече. Ильин как-то изменился в ее отсутствие, но чем именно, она не могла понять.

– Глупости, – он смущенно и скованно улыбнулся. – Даже не знаю, что тебе сказать.

– Скажи как есть.

– Но это действительно глупости, на меня нашло временное, ничего не значащее наваждение.

– Ну да... – Варвара заглянула ему в глаза. – Именно из-за глупости ты уже пять раз открывал рот, собираясь что-то сказать, но замолкал не начав. Я женщина, мне любопытно. Влюбился что ли, наконец?

– Эх, Варька. Я с ума сошел, а не влюбился... – он обнял ее за плечи, и крепко прижал к себе, поцеловав в шею. – В общем, мне приснился один сон, такой необычный, что я по-

путал все на свете.

– И что дальше?

– Во сне я был влюблен в одну девушку, и, проснувшись, к несчастью понял, что что-то из того сна вынес и в жизнь. Понимаешь? Это ничего не значит, я уверен, что никогда с ней не увижусь, и через некоторое время даже этот сон забудется, но отчего-то грустно и... – он замолк.

– И очень жаль, что она только приснилась. Тебе, как я вижу, очень хочется увидеть ее еще раз.

– Да. В этом все и дело. Ты не поверишь, сон был настолько ясный, что, проснувшись, я думал, что мне снится эта жизнь, а не та, во сне.

– А расскажи мне, что тебе снилось. И какая девушка. Мне любопытно.

– Это долго. Но ладно, как скажешь...

Когда он закончил, Варвара грустно вздохнула.

– Это целый роман, а не сон. Но очень интересно. Испания, Средние века. И что, ты будешь ее искать? Только не говори, что нет. Может, это твоя судьба? Мне бабушка рассказывала, что когда-то гадала на Крещение, и ей приснился молодой лейтенант. Она его искала, нашла, и больше не отпустила. Они с дедом почти полвека вместе прожили.

– Ты же взрослая девочка, а в такие сказки веришь... Ладно, гадание, но я же не гадал, мне просто приснился сон. Что теперь, с ума сходить? Брось. Мне никогда не найти ее, как не старайся. А если судьба, так сама столкнет с ней. У меня

нет ни времени, ни глупости, чтобы искать кого-то.

– Ты знаешь, вот потому люди и несчастливы, что разучились за всей гнилью жизни верить в чудеса. Ты скептик, я это знаю, но поверь в судьбу хотя бы в этом случае. Ты говоришь, нет времени? А на что ты его тратишь? Работа, с работы домой под телевизор, или к книге, или в гости, спать с нелюбимой женщиной. Прямо отличная жизнь. Ни семьи, ни детей, ни друзей, потому как встречи раз в пару месяцев – это не дружба, а ее догорающие черепки в горне. И что ты имеешь? Да ничего. Доброе временами сердце и справедливую душу, о которой никто не знает. День за днем, к старости по хайвэю на ста сорока. Ничтяк, молодец, мужик! – Варвара вспылила на него, задетая его намеком на инфантильность. – Да, мне почти тридцать, но я еще верю в чудо. Может, потому и не заостенела так, как ты. Твоя жизнь – это простое плавное течение под парусом в штиль; а ты попробуй по-другому, для себя же стараешься. Заживи наконец-таки, сделай что-то сумасбродное, получи кайф от этого. Ошибешься – да и ладно, но ты попробуешь хотя бы... – она замолчала, и закурила, отвернувшись.

– Варвара, – Виктор мягко развернул ее к себе. – Чего ты так нервничаешь? Тебе то, что до этого? Моя же жизнь...

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, понимаешь? Да, я тебя тоже не люблю, но ты очень много значишь для меня... – она посмотрела на Ильина так печально, что даже у него защемило сердце. – Ты никогда не любил в своей жизни, даже сам

как-то говорил об этом. А я любила, и любила как кошка. Я однолюбка, и снова никогда не сойду с ума, к сожалению. Ты меня никогда не спрашивал о моем прошлом, я это в тебе ценю, но, чтобы ты понял, я расскажу чуть-чуть. Десять лет назад я училась на втором курсе, и полюбила семейного человека. Он отвечал тем же, бурная связь, сумасшествие... одним словом моя первая любовь. Он собрался уходить из семьи, и сказал об этом жене. Ушел, мы жили вместе, я ждала ребенка от него, была абсолютно счастлива. Я тогда не думала ни о жене, ни двух детях, что он оставил. Мне было все равно. И вот, представляешь, однажды меня поймала на улице его жена с банкой кислоты. Она выплеснула ее мне под ноги, да так, что брызги попали на туфли и кожу, чтобы я поняла, что это. Она пообещала, что если муж не вернется за неделю, то пострадает мое лицо. Я ей поверила, она не шутила тогда. Она ушла, а я села на лавочку и призадумалась. Выводы были неутешительные – зная мужчин, я поняла, что только жена исполнит зарок, а рано или поздно, как не скрывайся, так и будет, он от меня уйдет. Я останусь с ребенком на руках, не нужная никому. И вот, как бы я его не любила, я сказала, что ребенок якобы не от него, подстроив слезное признание. Я знала, что он не простит подобного. Он ушел, его жену и его самого я больше не видела, они переехали в Санкт-Петербург. Он – чтобы забыть, а она – чтобы обезопаситься. Ребенка я потеряла, потому как пыталась покончить с собой таблетками... дура. С тех пор, видимо, в наказание,

радость материнства мне не доступна.... Вот так. И ты знаешь, прошло десять лет, а я все жалею, что испугалась и не попробовала что-то изменить. Может, расскажи ему все произошедшее, я бы сохранила отношения и обезопасила себя от его благоверной? Не знаю. Факт один – ничего не изменишь, и я корю себя, что не попробовала бороться с судьбой. И ты будешь укорять себя, что не попробовал. Я не сохранила любовь, а ты хочешь ее похоронить, даже не приблизившись. Да, приснилось, сомнения одолевают и не верится в реальность.... А ты поверь, что это – подсказки свыше. Борис, ведь ты хочешь увидеться с ней?

– Хочу... – он обнял ее и поцеловал. – Ты тоже значишь для меня очень много. Варька, я тебе клянусь! – он улыбнулся. – Если мне не получится найти любовь до тридцатки, я на тебе женюсь. И поверь, я буду идеальным мужем, за мной – как за каменной стеной будешь.

– Я знаю. Идет, если не женишься в течение двух лет, ты мой, – она притянула его к себе за воротник джемпера и страстно поцеловала. – Чтобы жить счастливо вместе, любить не обязательно.

– Согласен, – он выдержал паузу. – Ладно, я подумаю на счет твоих слов о судьбе и прочем. Скажи мне, как бы ты искала человека в миллионном городе, зная лишь его имя и внешность? На социальных сайтах искать? Так Анна самое распространенное имя в мире.

– Так ее Анна зовут? Что же, красивое имя. Да, ты прав,

сложно.... Хотя, если все подмешивают высшие силы, то и обратись к ним.

– Отличный совет! – Виктор язвительно улыбнулся. – Я бы никогда не догадался. Ты знаешь, но мне кажется, еще немного рановато к апостолу Петру на поклон являться к воротам рая, или в смолу....

– Перестань язвить. Ясновидящие с гадалками на что? Сходи к кому-нибудь, спроси помощи. Может, помогут за отдельную плату.

– Ну да, или на... обманут короче, – Виктор поправил себя. – За ту же плату. Ты же знаешь, я не верю им. Нет, согласен, есть по-настоящему знающие люди с определенными возможностями, но их единицы, и к правильному экстрасенсу попасть вариантов столько же, сколько вариантов выжить, играя в русскую рулетку на пистолете.

– Вот тебе визитка, – Варвара встала, и подошла к этажерке, чтобы вытащить из какой-то книжки закладку. – Я обращалась к этой женщине два года назад, и она мне помогла. Если она не перестала принимать, то поможет и тебе, как мне кажется.

– А в чем она тебе помогла? – Ильин не удержался от вопроса.

– Об этих вещах говорить не стоит, чтобы не пошло все наперекосяк, – она смягчила отказ улыбкой. – Будь умницей, сходи к ней.

– Ладно, попробуем, – он нахмурился. – Давай не будем

об этом, я сам потом решу...

Домой Ильин попал около часа ночи. Спать ему не хотелось, и приподнятое настроение говорило, что он отлично провел день. Выходной, проведенный вместе с привлекательной женщиной – один из лучших выходных для мужчины. Первым делом Виктор проверил почту. Ему пришло пять писем от знакомых, что было неожиданно приятно – то ни одного за неделю, а то сразу пять. Все-таки хорошая вещь социальные сайты – всегда можно быть на связи с теми, с кем можешь не встречаться по нескольку месяцев. Ответив на письма, Виктор ради интереса набрал в поисковике имя Анна, сам улыбаясь от идиотизма своей мысли. Он понимал, что даже с ограничением по возрасту, в пределах от восемнадцати до тридцати, девушек по имени Анна будет очень много. Интересно, сколько? Компьютер отказался искать девушку по имени Анна без фамилии, подсказывая хозяину, что тот действительно блаженный. Да, пусть в одной только России будет даже сто тысяч Анн. Мало, что ли? Их фотографии можно просматривать годы, да и не факт, что она зарегистрирована в сети. Так что, извините, сударь. Виктор почесал за ухом, и выключил несговорчивый агрегат. Немного почитав Диккенса, Ильин постелил постель и лег спать, решив, что с утра еще раз обдумает предложение Варвары о походе к гадалке. В подобные вещи он не очень верил, так как не считал единичный сон знаком судьбы. Сон пришел неожиданно.

Италия. Флоренция. Конец XVI века.

Что-то похожее на солнечный луч пробивалось сквозь толстое стекло красноватого цвета в тяжелой свинцовой раме. Это свечение, которое трудно было назвать, даже при желании солнечным светом, расплывалось бесформенным пятном на серых пыльных плитах пола. В церкви было пустынно, сыро и холодно, как в склепе. В солнечном пятне на полу, стоя на коленях, склонив голову и сложив руки, молился брат Викторิโอ. На глазах стояли слезы, он даже боялся поднять глаза и посмотреть на распятие, перед которым расположился. Быстрые слова молитвы, творимой полупшепотом, перемежывались со словами раскаяния. Это было не просто таинство, необходимое с его стороны для очищения совести, это был крик души. Да только звучал он очень тихо, и слова беглой итальянской речи, поминутно прерывающие латинский язык, на котором он читал «Отче наш», были едва различимы. Что же сделал этот молодой монах? К слову, брат Викторิโอ был красив, статен, и следы скромности и благодетели оставляли на лице ощущение внутреннего света и тепла. Казалось, что это ангел, а не семнадцатилетний мальчик склонился перед распятием Спасителя, и умоляет

его о милости и успокоении страстей.

Викторио был самым молодым монахом в мужском монастыре доминиканцев, и может, как самый молодой, еще не до конца смиривший страсти, он совершил ужасное преступление. Что это было? Убийство или кража? Нет. Богохульство или прелюбодеяние? Нет. Подлость или клевета на ближнего? Да нет же. Брат Викторио влюбился, и это было даже страшнее чем все вышеперечисленное. Как он мог? Да как он посмел! Теперь его душе гореть в аду, и терпеть муки до скончания века. Он никогда не предстанет перед Создателем, и не переступит порога рая. Он грешник, а для грешников во Вселенной есть только одно место, где они пребывают, хоть и в тепле, но навечно: Геенна Огненная. Теперь этого и боялся монах, молясь в слезах. А действительно, как он мог? Как же его угораздило-то? Что же скажет его наставник, если узнает? Наставник Викторио, отец Флориан подобрал его на улице, когда мальчику только стукнуло шесть лет. Мальчишка умирал от голода, грязный и оборванный. Питался Викторио помоями. Он, рискуя, что его разорвут бродячие собаки, ночевал перед ратушей, забившись к кому-нибудь на самый краешек порога, где обычно было хоть немного теплее. Как он пережил две зимы в таком состоянии? Он и сам не знал этого. Взрослые думают, что дети пяти-шести лет ничего не понимают в этой жизни, и совершенно не приспособлены к ней. Это кто как воспитывался. Конечно, когда ребенок растет в семье, где его любят и следят за каждым его шагом, он

в шесть лет будет верить в добро и пропадет на улице за час, сгинув бесследно. Викторию же, как и многие его сотоварищи, с которыми он некогда совершал набеги на рынок в охоте за фруктами, в шесть был маленьким волчонком, озлобленным и хитрым. Он уже знал, что к чему – кого бояться, кому верить, а у кого просить. А как по-другому быть? Хочешь ведь жить. Вот, например, его друга Марка взять. На глазах Викторию его заживо съели крысы, когда их двоих случайно заперли в подвале хлебной лавки. Они туда залезли поживиться припасами, не ожидая, что подвал пуст и хозяин перевез все запасы в другое место, так как их жрали хвостатые грызуны. Викторию спасся только тем, что мог быстро бегать и метко бить ногами этих наглых тварей. Он соорудил помост к спасительной форточке. Марку он помочь не мог, не успел. На того напали первого, вцепившись ему сразу в горло. Этот случай – только небольшой пример того, что пережил маленький Викторιο.

И вот, его подобрал отец Флориан, отмыл, выходил и накормил. И еще много чего рассказал и пояснил об этой жизни. Он сказал, что все дается свыше, что все происходит по велению Всевышнего, и каждый несет крест по своим плечам, ношу по силам. Он часто и помногу говорил с маленьким Викторию, и тот многое теперь знал. Он теперь знал смысл жизни: она – ничто; все, что имеет значение – только спасение души. Догматы католической церкви вошли как гвозди в голову к маленькому мальчику. Прочно, раз и на-

всегда. С детства Флориан приучал Викторио жить правильно – скромно, в труде, молитвах и укрощении плоти. Весь мир зло, а добро будет только потом, после смерти, и к этой мысли пора привыкать с детства. Флориан, как истый инквизитор, которым он был в молодости, ненавидел женщин. Он, быть может, и продолжил бы заниматься дознанием ведьм, но стал уже стар для этого, и отошел от дел, обосновавшись в родной для себя Флоренции. Он не раз говорил Викторио: женщины – зло, вместилище порока, и приводил примеры из Священного писания, которое после трактовки его хитрыми доминиканцами, подтверждало слова настоятеля. Викторио искренне верил, что это так, потому как примером для подражания и незыблемым авторитетом для него был Флориан, и раз тот что-то говорил, значит, так оно и было.

И вдруг Викторио, который до того успешно боролся с позовами плоти и грешными мыслями, угораздило влюбиться. Что же сказал бы отец Флориан на это? Да проклял бы, не иначе. Не зря же он говорил, что верный пример из жизни на тему верности женщины – мать Викторио, которая была публичной девкой, и бросила его маленьким, обрекая на голод. Викторио про мать сам, конечно же, ничего не помнил, но раз отец Флориан это говорил... И вот, Викторио предал идеалы и влюбился. В женщину, которой он даже не знал. Горе, грех, смерть души. Что же теперь будет? Это какое-то дьявольское наваждение. Она его даже во сне преследует. Когда она ему снится, они занимаются с ней таким...

тьфу! Это дьявол его искушает, не иначе. Хотя, зло ведь не может переступить порог церкви, так как это святое место, а он встретил ее именно здесь. Но это не важно, он просто знает, что это зло и точка. Но как она красива, сколько очарования в этой зрелой женщине. Кто бы только знал. Она ему напоминала какую-то святую. Может, видел ее на фресках, просто не может вспомнить? Ей было лет тридцать пять. Грациозная, статная фигура в неизменно темных тонах платьев, с легкой вуалью на шляпке; она была не иначе как знатной дамой. Раз приходила в эту церковь, значит либо жила неподалеку, либо что-то ей здесь было нужно, либо какие-то воспоминания связывали прошлое с этим местом. Он даже не знал ее имени. Сам Викторио жил в монастыре неподалеку, а здесь вел службы отец Флориан, и монах прислуживал во время их проведения. Викторио здесь и увидел эту госпожу месяц назад, и с тех пор очарован.

Сегодня Викторио собирал в городе милостыню для нищих, которых по распоряжению отца-настоятеля каждое утро кормили, запуская во двор монастыря, и собрав нужное количество денег в торбу, по пути в монастырь, решил зайти сюда, чтобы помолиться в уединении. Был будний день, народу в этой церкви бывало много только по воскресеньям и церковным праздникам. В остальное время она обычно стояла пустая. Как и сейчас. Монаху никто не мешал, и он каялся, каялся и молился. Он уже не мог сдерживать в сердце поток чувств, ему было необходимо поделиться ими с кем-

нибудь, иначе он сойдет с ума от переполнявшей его любви. Сердце и разум боролись как лев с драконом, не зная, чей верх возьмет. Он устал от этой борьбы. Ох, не знал мальчик мудрых слов Омара Хайяма, который жил задолго до того, да и пожалуй, в другом мире:

Ад и рай в небесах, утверждают ханжи,

Я, в себя заглянув, убедился во лжи.

Ад и рай – не круги во дворце мироздания,

Ад и рай, – это две половинки души.

Вот так и мальчик искал добро и зло, не зная, что все в нем. Чувствуя, что сходит с ума, преследуемый прекрасным образом и днем и ночью, он готов был умереть, лишь бы не мучаться так больше. И вот, доведенный до предела, разрывающийся между любовью и долгом перед отцом Флорианом с фанатичной верой в недобросовестность женщин, Викторю молился здесь.

Его уединение прервало шуршание шелка. Викторю обернулся, и увидел ее, ту, которую он так любил и ненавидел. Первым желанием или мыслью было кинуться прочь, спастись бегством от этого искушения, но тело не слушалось, и он заморожено смотрел как она плавно и грациозно идет к нему. Женщина обратила внимание на монашка, который в слезах молился перед распятием. Что-то в нем показалось ей знакомым, как будто она раньше уже видела его. Просто давно. Она тоже залюбовалась им, как и он ей. Анне Доменико показалось, что он излучает свет, настолько белым выгляде-

ло его лицо в этом полумраке, который годами, как туман, копился здесь. Она застыла в пяти метрах от мальчика, тоже молча, не нарушая его правил, и боясь спугнуть момент. Она сама не ожидала, что когда-либо так отреагирует на мужчину, так как была хоть и темпераментна, но очень умела в плане сдерживания своих чувств. Жизнь научила ее быть сильной и уверенной в себе, и мужчин она изучила очень хорошо за годы общения с ними. Она привыкла видеть мужчин напыщенными, наглыми и дерзкими, остроумными и сильными, но только до тех пор, пока они не встречают противника сильнее себя. Тогда, как она заметила, большинство ломается, и подстраивается под чужие правила. Ох, и натерпелась же она от этих представителей сильного пола, эмоций через край хватит.

Анна открыла свою жизнь в пятнадцать лет, когда ее, воспитывающуюся в строгости, дочь золотых дел мастера, мачеха выдала замуж. Это случилось после смерти отца, который простудился холодными февральскими ветрами, частыми в этом месяце. С детства отец следил за поведением дочери, воспитывал ее в строгости, богобоязненности и благочестии. С помощью библии он отгораживал Анну от свободных флорентийских нравов, которые его, выходца из Брабанта, просто ужасали. То, что творилось в темное время суток на улицах и за стенами многочисленных палаццо, он знал очень хорошо от своей новой жены Беллы. Что заставило его переехать в Италию и покинуть родные земли? Со-

гласен, фламандцы, как и их ближайшие родственники, голландцы, были (и остаются) истыми патриотами своей земли и покидают ее очень редко. Но у него была маленькая трехлетняя дочь, и он отлично понимал, что кроме него она никому не нужна во всем мире, и с его смертью не проживет и дня. Многострадальные нидерландские земли уже много десятков лет терзали войны, и края им не было видно. До того, как в 1556 году к власти не пришли испанские Габсбурги, жилось неплохо, и не смотря на все конфликты между семнадцатью частями Нидерландов, где в каждой провинции господствовал свой граф или герцог, процветала торговля и цеха. Но это прекратилось в одночасье, и жителям цветущей страны показалось, что тучи сгустились над ними, и солнце исчезло совсем с приходом захватчиков. Началась гражданская война, переросшая в Буржуазную революцию, длившуюся долгих сорок три года. Это было одно и то же, просто названия историки дают разные. Смысл был один – семь казней египетских обрушились на эти земли, и всадники апокалипсиса, говорящие на чистейшем кастильском наречии, вторглись на их земли. С первыми ветрами надвигающейся Буржуазной революции Карл Зондаг, отец Анны, и начал поглядывать в сторону юга, где царил мир. Он знал, что золотых дел мастера нужны в любой стране мира, а голландские мастера славятся на всю Европу, уступая только флорентийским. Когда Брюссель, как и многие другие города Брабанта, Фландрии и Голландии захлестнуло Иконоборческое восста-

ние 1566 года, с которого, в сущности, и началась война за независимость, названная революцией, он сбежал из страны. В суматохе, с которой кальвинисты громили католические монастыри и церкви, исчезали тысячи людей, дела до этого не было никому, и потому никто не заметил путника с маленькой дочерью на руках. Близких у Карла не было, и он никого и ничего не оставлял позади, кроме дома и мастерской. Он уже не увидел ужас, который опустошил страну за считанные месяцы. Этим ужасом был один человек, позвав которого для решения проблем с недовольными, Филипп II Габсбург, дал власть в руки демона. Альварес де Толедо, герцог Альба. Так его звали. В 1567 году его назначили правителем Нидерландов, и понеслось. Запылали города, людей топили заживо или сжигали в их же домах. То, как он расправлялся с восстанием, напоминало действия Ивана Грозного в Новгороде в январе 1570 года; но если Грозный утопил в Волхове не больше пятидесяти тысяч, то Альба перещеголял его на голову. По своей жестокости он мог сравниться, пожалуй что с самим Торквемадой, который к тому времени ровно семьдесят лет кормил червей. Но это к Анне уже не относилось, и Карл постарался забыть свою северную родину, хотя его сердце разрывала тоска и ностальгия по ней.

Белла. Мачеха. Она появилась в жизни Карла почти сразу по приезду в город, когда он только искал помещение под мастерскую. Чтобы его не ограбили по пути, он переодевался нищим, и так добрался до Италии беспрепятственно, в

лохмотьях и с посохом. Люди верили его окладистой седеющей бороде. Родная мать Анны умерла от чумы, когда дочери был год, и Карл хотел, чтобы Белла заменила ее дочери. Белла прикидывалась любящей и нежной, зная, что от нее этого ждут, но ненавидела падчерицу как могла. Деньги Карла. Вот что ее интересовало, и только. Она была молода, разница с мужем в тридцать лет обещала хорошее наследство в будущем. Муж любил новую жену, а она умело и хитро наставляла ему рога в течение всей совместной жизни. Но все это так, лирика. Главным для коварной женщины было после смерти мужа избавиться и от дочери, чтобы полностью наследовать состояние усопшего. Пусть и не громадные деньги, но их хватит до конца дней на безбедную жизнь. Выход был не сложен. Анна подрастала очень красивой девушкой, обещая в будущем стать только краше. Белла стала выходить с падчерицей в город, что прежде запрещал отец, и появились поклонники, которые от белокурой девушки не могли отвести глаз. Выбор был широк, но Белла остановила свой взгляд на Сандро, сыне богатого винодела, почетного гражданина. Сандро был не особо далек умом, но деньги и связи отца, любовницей которого была мачеха Анны, сглаживали этот недостаток. Да и ей какое дело, каков муж? Не Белле же с ним жить.

Выждав положенное количество времени, пока длился траур по Карлу, Белла выдала падчерицу за Сандро. Больше они с ней не виделись, чему Анна была искренне рада.

Муж любил ее, но это грубое создание не раз поднимало на жену руку по любому пустяку. Анна мужа не любила, хотя и родила ему троих сыновей. Ох, и натерпелась же она от него. Он гулял, позоря ее и себя, пил и играл. Единственным нормальным человеком из круга общения был свекор, отец Сандро. Анна одно время была с ним близка, и подозревала, что средний сын не от Сандро, а от его отца. Но это было давно. Теперь ни свекра, ни привязанности к нему не было в живых. Замужество дало Анне выход в свет Флоренции, так как свободные граждане этого города не были дворянами, и степень их знатности определялась только количеством денег в кошельке, заслугами перед городом, а так же связями, и дружбой с герцогами Медичи, правящими этой красивой жемчужиной Италии. И с тех пор Анна изучала эту жизнь, смотрела на козни людей, их подлость, лживость, жестокость и разврат. Весь этот котел пороков кипел в высших сферах Флоренции как уха у солдатского бивуака. Город, в котором выше всего ценилась красота и искусство, открылся для Анны Доменико во всей красе. За всеми пороками он был великолепен и бесподобен, и она влюбилась в него и его жителей, которые, конечно же, далеко не все плели интриги и искали выгоду. Да, пусть и были развратны и свободны в нравах, но что ж теперь, сжигать их всех на костре?

Анна и сама не заметила, как из благочестивой девушки, для которой грех был страшен как ладан для черта, постепенно превратилась в истинную флорентийку, которая на

эти вещи смотрит не так строго, и закрывает глаза на свои и чужие ошибки. Жизнь одна, и пока ты молод, нужно ей наслаждаться. Что на это сказал бы отец? Она знает, но отец умер, а она жива, и не стоит об этом. Невозможно оставаться монахом в вертепе, и двадцать лет жизни в высшем свете оставили свои следы, заставив мутировать ее принципы в более удобоваримые для Италии. Отец вырос в кальвинистской стране, где строгость воспитания была незыблема, грехи неизменно вели в ад, а люди прятали страсть и похоть глубоко в душе. Здесь, под ласковым солнцем Средиземноморья, люди не были ханжами, не прятали взгляда, когда накачивало желание, и честно как любили, так и ненавидели, не прикрываясь благочестием. Да и возможно ли поверить, что где-то есть ад, и тебе не простят грехи, когда ты живешь в раю, пусть и на земле? Стоит только пройти по необычайно широким для средневековья улицам Флоренции, посмотреть на высокие белые дворцы и красивейшие церкви и соборы, поднять голову к лазурному небу, и ты сразу это понимаешь. Этот город разошелся по всему миру славой своих имен – Боттичелли, Микеланджело, Донателло, Мазаччо, Да Винчи, Верроккьо, Рафаэля, Брунеллески, Бенвенуто Челлини и многих других, которые не всегда были гражданами Флоренции, но работали здесь и украшали ее своими произведениями, создавая колорит и характер. Само Возрождение пошло отсюда. Здесь ценили красоту, и все знали Анну Доменико, одну из самых красивых женщин Флоренции. Не

знал ее имени только Викторю, застывший под ее взглядом.

Ну почему же он казался Анне таким знакомым? Она готова была поклясться, что видела его раньше, но она не знала только, где. Красив. Но он монах, а она ненавидела монахов, потому как считала их лживыми и тайно порочными, что хуже, чем открыто греховные люди. Эта нелюбовь шла на подсознательном уровне, с самого детства, и даже строгий отец с этим не мог ничего поделать. Но этот монах ей нравился, привлекал ее, не вызывая брезгливости. Она не могла не заговорить с ним, сил бороться с искушением не было. Ей вдруг страшно захотелось узнать о нем как можно больше, и попытаться разобраться в себе, отчего же ее так магнитит к нему. Красивых юнцов во Флоренции хватало с избытком, были намного симпатичнее его, да и знатнее. А ей понравился именно этот. Почему?

– Я помешала твоей молитве? – наконец нарушила она молчание. При этих словах она немного прикрыла красивые, карие миндалевидные глаза, и чуть приоткрыла чувственные, пухловатые губы, отчего у Викторю пробежали по телу мурашки, и тепло разлилось в груди.

– Нет, сеньора. То есть, да. Немного, – Викторю и сам не заметил, как покраснел и сказал это дрогнувшим голосом. Язык начал заплетаться. Анна, конечно же, увидела его смущение, но причин ему не нашла, думая, что это вызвано исключительно ее неожиданным появлением, которое испугало монаха.

– Мне уйти? – она улыбнулась, чарующе и мягко. От ее глубокого, нежного, томного голоса у Виктории закружилась голова. Когда за провинности отец Флориан наказывал Викторию неделей ношения власяницы, последний испытывал куда меньшие мучения, чем сейчас. Ему бы и хотелось сказать Анне, чтобы она ушла, но он не мог. Если бы он это сделал, то ни за что бы себе не простил этого потом.

– Что вы, донна, – он опустил взгляд, но в голосе чувствовалось раздражение. Оно было на самого себя, но Анне так не показалось.

– Тебе не понравилось мое появление, – констатировала она, кивнув самой себе. – Что же, это понятно. Я тоже прихожу сюда, чтобы побыть в одиночестве, и моих слез никто не увидел. Санта-Мария Новелла славится красивейшими фресками и мертвой тишиной. Я сейчас уйду, чтобы не мешать.

– Не надо! – Виктории сказал это настолько резко и чистосердечно, что Анна поразилась. Она привыкла, что доминиканцы врут и прячут при разговоре с тобой глаза, но этот мальчик был противоположностью. – Не надо. Я сам уже заканчивал молитву.

«Он хочет, чтобы я осталась, но сам не рад этому, и так же хочет, чтобы я ушла», – думала Анна, – «что-то за этим кроется. Нужно разведать».

– А о чем ты молился? – Анна заглянула ему в глаза. – Я обычно за брошенных детей молюсь.

– О своей грешной душе, – мрачно изрек Викторิโอ, с такой серьезностью, что Анна не удержалась от смеха.

– Грешной душе? Не знала, что у монахов тоже есть чувство юмора. Сколько же тебе лет, что душа успела стать грешной?

– Не смейтесь, сударыня, ради всего святого, – Викторิโอ с укором посмотрел на нее. – Я серьезен.

– Я вижу. Так сколько тебе?

– Уже семнадцать.

– Еще только семнадцать, – поправила она. – И ты уже успел нагрешить?

– Да, сударыня.

– Что, хлеб спалил, когда пек? – ироничный взгляд наравался на холод в ответ. – Ладно, извини. Нет, я понимаю, когда бывшие солдаты приходят в монастырь отмаливать грехи молодости, коих скопилось предостаточно. Но ты же не солдат, и не воевал? – Она внимательно смотрела на него, и Викторิโอ сгорал под этим взглядом, таял как свечка.

– Нет. Я с шести лет воспитывался в монастырских стенах, в строгости и благочестии, – он спокойно смотрел ей в глаза. В голове не было и мысли, он только хотел, чтобы этот разговор длился вечно, не смотря на всю его щекотливость. Викторิโอ был скрытен по своей сути. С чего он с ней так откровенничает? Вот ведь вопрос.

– Но в монастыре сильно не нагресишь, даже при желании, – женщина строго посмотрела на него. – Ты убил ко-

го-то?

– Нет, сударыня, – Викторิโอ опустил взгляд, начав изучать пол. Он замолк.

– Значит, прелюбодействовал или воровал, – Анна заметила, что он не хочет говорить о грехе, но ей было очень интересно узнать истину. Обычное человеческое любопытство брало верх над тактичностью. Поэтому она сделала попытку вывести брата Викторию на эмоции, чтобы он сам себя выдал в порыве негодования. То, что его грех невелик, для нее не подлежало сомнению, настолько честным и порядочным выглядел монах. Не отравил же он, в самом-то деле пол монастыря?

– Нет, сударыня, – негодуяще возразил монах. – Как вы могли подумать, что я на такое способен! Ялюбил...

И тут Викторิโอ осознал, что под воздействием благородных чувств он сам себя выдал. Отступать уже не было смысла, но и продолжать не хотелось. Он вскочил, намереваясь броситься к выходу, но рука Анны мягко легла на его плечо, и он остановился, как будто встретился с каменной стеной.

– Пошли в садик за церковью, присядем, поговорим, – она подошла настолько близко, что он чувствовал ее дыхание. Загипнотизированный этим он готов был пойти за ней и в ад. – Если ты не против, конечно. Я могла бы тебе дать несколько советов, как себя вести.

Анна заинтересовалась этой ситуацией. Она на самом деле сочувствовала молодому монаху, и хотела помочь. Она

поговорит с ним, чтобы он не убивался так, и не лил слез по поводу греха, какой таковым не является.

– Да, пойдёмте, – Викторιο кивнул, а она взяла его под руку.

Садик представлял собой маленькое кладбище, на котором покоились священнослужители и знатные граждане Флоренции, жившие, видимо неподалеку от этой церкви. Плодовых деревьев там не было, но росли розы, тюльпаны, маки и другие цветы. Кусты ежевики и несколько рябин дополняли картину. Но это все летом, а сейчас был конец января, и землю покрывал тонкий слой снега, обещавший растаять в ближайшую оттепель. Они сели на каменную скамью возле одного из надгробий, в полуметре друг от друга. Скрытый от глаз прохожих высокой стеной, садик на заднем дворе идеально подходил для тайной беседы, тем более что стена выполняла вторую функцию – защищала от ветра.

– Так, рассказывай, – Анна начала первой.

– Да не о чем рассказывать, – Викторιο очень смутился, но не мог прервать этот разговор. Он только и желал в этой жизни, чтобы вот так сидеть возле нее, той, которую полюбил без памяти. Мысли путались, и он искал выход из положения. Сколько же мучений было в эту минуту. Он давал слово настоятелю, что никогда не доверится женщине, что он их презирает. И тут такое. – Я с ней незнаком. Увидел здесь, она прихожанка этой церкви. Я даже имени ее не знаю.

– А как она выглядит? – Анна не удержалась от этого чи-

сто женского вопроса.

– Она красива, грациозна... – Викторио, казалось, был далеко в эту секунду. – Наверное, знатная дама. Внешне? Она очень похожа на вас.

– Она молода?

– Ей за тридцать, похоже.

– Тогда проще. Многие дамы, и знатные и не очень заводят молодых... – она осеклась, вспомнив, что говорит с монахом. – Ты красив, и можешь рассчитывать на благосклонность. Пусть не станешь мужем, так что же? Она может быть твоей, если оценит. Ты только заговори с ней, познакомься...

Викторио во время этих слов сидел молча, опустив голову и слушая ее. Он поднял голову и перебил, мягко и с такой грустью, что у Анны защемило сердце. Его глаза принадлежали, казалось, не юноше, а взрослому, прожившему немало лет человеку и видевшему столько, что он устал ото всего. Боль в этих глазах читалась без каких-либо усилий.

– Сударыня, вы забыли. Я монах, брат Викторио. Так меня зовут. Монах дает обет безбрачия на всю жизнь, и даже думать о женщине тяжелейший грех, не то что любить ее. Как вы не поймете? Моя душа обречена на вечные муки после смерти. И это меня угнетает, а не то, как с ней познакомиться. У меня даже и мысли об этом не было. Ярываюсь между ненавистью к себе, как к клятвопреступнику, и любовью к ней. Пойти дальше я не могу, так как тогда не спасусь от ада, и предам своего наставника, который подобрал меня

на улице и дал жизнь, избавив от смерти. Не пойти дальше я тоже не могу, потому что сойду с ума. Я уже начал. И теперь как мне быть? Любить нельзя, а разлюбить невозможно. Не будь я монахом, я бы что-то сотворил с собой, но я не могу подвести так настоятеля.

– Бедный мальчик... – Анна посмотрела на него с состраданием. – Что же с тобой сделали? Ну кто тебе сказал, что любовь это преступление? Что это грех?

– Но это так. Для монаха, давшего обет. Да и не только. Женщина – вместилище порока... – Викторю и самому показалось, что говорит в эту секунду не он, а отец Флориан.

– С чего вдруг? – Анна удивилась. – С чего бы это?

– Ну как... – Викторю посмотрел на нее как учитель на школяра, забывшего где находится его родной город на карте. – Об этом в священном писании сказано. Экклезиаст: «Женщина горше смерти, она – петля охотника, ее сердце – тенета, ее руки – оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает, грешник будет ею уловлен...». И еще брат Шпреген и брат Инститорис писали это. Они писали, что Бог выделил мужчин, когда сотворил первым Адама. Женщина сотворена из его ребра, она лишь часть тела его. Ева – первопричина грехопадения, из-за нее все люди изгнаны из рая. А женщины лишь ее верные дочери...

– И ты сам в это веришь?

– Конечно...

– А ты вспомни, что матери – женщины. Она выкармли-

вают и растят детей, пока папаши гуляют, воюют или занимаются еще чем—либо. И они дают жизнь вам, монахам, которые потом ненавидят женщин. За что?

– Не спорю, но менее греховными они от того не делают, – Викторιο стоял на своем.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – Анна и не собиралась сдаваться. – Женщины вместилище порока по твоим словам. Предположим это. А для чего они были созданы, по-твоему?

– Чтобы искушать благочестивых мужей, – Викторιο опять удивленно посмотрел на нее. Как она может не знать такой простой истины, которую он знал еще лет в семь. – Чтобы заманивать их во грех и тем самым лишать рая, предавая их души злу.

– А, искушение от зла. Я это понимаю. А как же любовь? Это тоже искушение?

– Конечно.

– То есть любовь дается злом. Так получается?

– Получается так, – неуверенно ответил монах, запутавшись.

– Но насколько я знаю, Спаситель призывал к любви и добру. Или я ошибаюсь? – Анна хитро посмотрела на Викторιο. – Значит и любовь идет от Бога, раз она ему угодна.

Викторιο промолчал, не зная, что на это ответить. Потом он нашел мысль.

– Ну, любовь ведь разная. Мирянам любить не грех, согласен. А нам, монахам нельзя.

– Почему? Или ты опять хочешь сказать, что любовь негодна Создателю? Или любовь монахам дает дьявол?

– Ну, да, – неуверенно сказал Викторιο. – Он дает нам соблазн...

– Нет, подожди, – Анна не отступала. – О соблазне мы речь не ведем. Любовь от Бога, раз угодна ему. И нет разницы между тем, к кому она пришла. Ты же согласен, что все делается по Его воле?

– Согласен, – Викторιο запутался и сомневался. Его уверенность куда-то подевалась. Он пошел на прорыв, испугавшись ее правоты. Так все должно было встать на свои места. – Ты меня искушаешь греховными мыслями...

– Э, нет, – Анна не обиделась. Она понимала его поведение. – Я рассказываю тебе истину с которой ты согласился, потому что я доказала свою правоту. Ты же не хочешь сказать, что истина греховна?

– Нет, – Викторιο только сильнее запутался. Не было возможности не признать ее правоту. Уж что-что, а истина всегда угодна Богу. Любовь, значит, тоже. А как же быть с тем, что говорил ему отец Флориан?

– Вся проблема в том, что ты думаешь так, как тебя научили, и живешь не своей головой, а чужой, – Анна взяла его руку и положила между своих. – У тебя руки холодные.

– А как же быть? – Викторιο от этого прикосновения вздрогнул как от удара током.

– Научись думать сам. Размышляй. До этого ты жил не

своей жизнью. Любовь прекрасна и незабываема. Жизнь прекрасна, когда живешь ее сам, без чужих подсказок.

– Этот мир лишь земля скорби. Счастье ожидает только в раю, – Викторιο опять сказал заученную истину.

– А как надо жить?

– В труде и молитвах, – он посмотрел на нее. К нему возвращалась уверенность.

– А что будет в раю?

– Я не знаю... – Викторιο оступился опять, поддавшись неуверенности. – Там будет счастье, добро.

– А какая там будет жизнь? Труды и молитвы?

– Не знаю, – он замялся.

– Ладно. А зачем мы живем?

– Чтобы... чтобы... – он вспоминал, что ему говорил Флориан. Но тот ничего не говорил о том, зачем люди живут. Он только учил, как правильно жить, но для чего жить Викторιο не знал. Пришлось думать самому над ответом. После короткой паузы, во время которой Анна не мешала, он сказал: – Я думаю, что Он дает этот мир как испытание чистой душе, чтобы знать, кто достоин рая, а кто нет. Он это решает, взвесив грехи, которые мы совершаем в течение всей жизни.

– Неужели ты думаешь, что Создатель так жесток, что дает нам трудности и беды, а мы уже должны справляться с ними. Справился – победил, в рай. Не справился – проиграл, в ад. А он в это время наблюдает за нами, как за букашками, ставит опыты? – в Анне проснулся темперамент и она гово-

рила это так эмоционально, что Викторιο заворожено слушал, ловя каждое слово. – Вряд ли это так. У меня другая позиция, я ее расскажу сейчас. Но скажи, ответь на вопрос, зачем ты живешь на этой земле? Ради чего?

– Я не знаю, белла донна, я не знаю, – видит Бог, он, с таким счастьем и горечью сказал «белла донна», в переводе означающее «прекрасная дама», что у Анны Доменико проскользнуло нечто похожее на подозрение. Уж не она ли причина этой боли и радости? Нужно быть аккуратней с ним, и спасти его душу, не от греха, а от фанатичной веры, которая лишает человека рассудка и личности.

– Все, что ты говорил до этого, были слова твоего наставника. А ты включи свой разум и подумай теперь. Я буду говорить. Если что-то не понравится, – говори, перебивай. Я не против. Слушай же. Я прожила вдвое дольше тебя, и видела много больше, чем ты в своем монастыре. Мне есть, из какого опыта исходить в своих суждениях. Всю эту жизнь я была зависима от кого-то, но жила своей головой. На нее ни у кого прав нет, и мой разум остается моим в любом случае. Ты говоришь, что Бог ставит над нами эксперимент. Но это не так. Даже церковь называет нас всех его детьми, его творением. Мы все братья и сестры по библии. Неужели ему приятно смотреть на наши мучения? Нет. Спаситель учил любви, добру и радости. Если у каждого с сердце появится это, то не будет в мире преступлений и бед. Запомни это. Он создал этот мир чистым, отдав его нам, чтобы мы жили здесь и

заселяли его. Все зло исходит от людей. Мы сами творим его и грешим. Ни Бог и не дьявол не виноваты в этом. Именно человек убивает и ворует, и не под действием высших сил, а по своей порочности. Искушение, ты говоришь? Так не следуй искушениям и не будет греха. Все просто. Но нет, как же сложно отказаться от вкусной еды или от красивых женщин. Человек это все объясняет своей слабостью и несовершенностью. Так легко уходить от ответственности. Это на счет греха, но не все, что мы совершаем, является грехом. Любить – это первая обязанность человека, хотя бы, чтобы продолжить свой род, и в любви греха нет. Прелюбодеяние. Это такое страшное и громкое слово, что наводит дрожь. А что есть прелюбодеяние?

– Это порочная близость двух людей... – Викторю говорил уже не так уверенно как в начале разговора о грехе и душе.

– А она всегда порочна?

– Если вне брака, – он посмотрел на нее.

– А если она по любви? Нужен ли любви штамп в документах бургомистра, или запись в церковной книге? Или без этого люди любить перестают? Я, например, никогда не любила своего мужа, за которого меня выдали почти насильно. Я понимала, что откажись я от брака, моя мачеха меня тогда просто отравит или подстроит несчастный случай, и инстинкт самосохранения привел меня под венец. В первую брачную ночь мужу пришлось меня изнасиловать, потому что я не хо-

тела близости. И что? Это угодно церкви и не считается грехом, потому что совершено в брачном союзе? Скажи мне. Насилие тогда перестает быть грехом?

– Нет. Я согласен, что насилие есть грех при любых обстоятельствах. Но есть же гулящие грешницы...

– Ой, про шлюх я не говорю, – Анна улыбнулась. – Это грешницы, бесспорно. Я обсуждаю с тобой честный союз, близость двух любящих друг друга людей. Хотя, с другой стороны некоторые уличные девки намного честнее «порядочных» богатых матрон, хотя бы тем, что спят с мужчинами, чтобы выжить, в то время как знатные спят ради удовольствия и со всеми подряд. Но это отдельная тема для обсуждения. И еще о прелюбодеянии. Это наш основной инстинкт, и природа сильнее морали. Или воровство, например. Если маленький мальчик украдет кусок хлеба, чтобы выжить. Он один, ни денег, ни возможности их заработать, у него нет. Не укради, он умрет. Это тоже грех? Или Богу будет угодна смерть мальчишки?

– Нет, вряд ли Он хотел бы смерти ему, – Викторио кивнул.

– Так что мальчик, как я думаю, не грешит воровством, – Анна расправила складку на платье. – Он только выживает. Поэтому не все является грехом, и что есть грех решать Создателю, а не нам. А теперь о женщинах. Скажи, разве ненависть угодна Всевышнему?

– Нет, конечно.

– Разве Он не говорил, чтобы мы не судили никого? Как там? Не судите, и не судимы будете. Говорил?

– Так написано в писании... – кивнул он. – Не судите и не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

– Так почему же вы, монахи, ненавидите женщин? Разве вы не грешите этим? Разве вам дана свобода судить? Ненависть неужто Ему, значит, вы совершаете ошибку, поддаваясь исключительно вашим внутренним чувствам. Мы все Его творения, и как Он может, по-твоему, отдавать кому-то предпочтения? Или женщинам рай закрыт?

– Не закрыт, – он смутился.

– Тогда о чем речь? Пойми, что монахи ненавидят нас, потому что желают. Мы для вас искушение, но не от добра или зла, а от природы. И когда вы не можете бороться с искушением, вы начинаете в бессилии ненавидеть нас. Вы грешите ложью и клеветой, спихивая все на писание, подстраивая его под себя. А если так, то благочестивей вы открыто порочных? Они грешат только похотью, а вы той же похотью, только скрытой, и еще клеветой вдобавок. Как тебе это?

– Я не знаю. Я запутался уже, – Викторιο честно смотрел на нее.

– Тогда о жизни. Она нам дана, чтобы мы «плодились и размножились», насколько я помню. Но это только ширма. Она дается нам, извини за каламбур, чтобы мы Жили, а не существовали. Ты понимаешь разницу этих слов?

– Да, я понимаю. Не объясняй.

– А жить можно только в гармонии с собой, и для себя. Нет, само собой, ради наших детей мы идем на все, но не нужно забывать и о себе, ведь эта жизнь одна, и других не будет. Разве не стоит прожить ее так, что будет потом приятно вспоминать? Что мы оставляем после себя на этой земле?

– Ну, вы, миряне, потомство. Деньги и что-то подобное я не беру в расчет.

– И правильно делаешь. Да, детей. Потомство. Но мы не должны жить только ради них. Все наши отпрыски, и сыновья и дочери предают нас, по сути, когда женятся. Они устраивают свою жизнь, забывая про нас, тем самым. Отплачивают нам так за любовь и доброту на протяжении многих лет, за самопожертвование, то, что мы забывали о себе ради их блага. Спроси у любого, кто ему дороже, его родители или его дети? Кто-то промолчит, кто-то поменяет тему, и лишь часть честно заявит: дети. И они будут выращивать детей, чтобы те, в будущем так же предали их и устроили свою жизнь. Разве нет?.. – но монах молчал, опустив взгляд, и Анна продолжила. – Что получается? Как только дите уходит из дому, оно уже не принадлежит нам, а лучшие годы, потраченные на него, не возвратишь ведь. С появлением семьи человек приходит к родителям все реже и реже, чтобы потом, когда они уже старики, заглядывать раз в месяц, спросить как дела и убежать. Разве нет? Это не предательство? Поэтому нужно жить не ради кого-то, а ради себя. И нам дана эта жизнь, нам

самим, чтобы мы ее строили и решали что для нас лучше, а что хуже. Вот она, правда. А ты, – она протянула руку, схватив Викторю за затылок, и притянув к себе чисто мужским жестом. – Живешь ради отца настоятеля и монашеской братии. Ты предал себя, свою суть. Вот он грех, а не твоя чистая и платоническая любовь. Понял?

– Понял, – Викторю уже не сопротивлялся ее словам, не возражал. С его глаз неожиданно упали шоры, которые висели там долгие годы. – Ты так правильно говоришь...

– Тебе всего семнадцать и ты еще не заостенел в своих взглядах, только поэтому я смогла достучаться до тебя. Будь ты старше лет на десять, ты бы не воспринял меня и проклял как еретичку, потащив на костер, – но она не знала, что смогла его переубедить только потому, что он любил ее всем сердцем. Без этого он бы и слушать ее не стал.

– Но как мне теперь жить? – Викторю с надеждой и отчаянием посмотрел на нее. – Ты же поломала все, во что я верил и ради чего жил. Я же теперь не смогу пойти в монастырь и проводить часы в молитве... Мне это кажется бессмысленным теперь. Как мне жить? Ради чего?

В его голосе не было укора, это был только вопрос. Может, к самому себе, а может и к ней, как к самой умной из всех, с кем он разговаривал когда-либо. В эту минуту он показался Анне настолько соблазнительным, что у нее перехватило дыхание, и голова закружилась. Она притянула его к себе и нежно поцеловала. Он ответил на поцелуй, не размышляя и

не сомневаясь в своих действиях. Он просто хотел этого, хотел ее. Это, конечно же, был первый поцелуй в его жизни, пылкий и неумелый одновременно. Длился он недолго, и она потом мягко отстранила его от себя.

– Теперь ты знаешь, зачем жить? Пойми, в жизни есть много другого помимо молитвы и труда. Живи ради радости, не стоит проводить эту жизнь в монастыре.

– Да, теперь все выглядит намного проще, – он, как ни старался, не мог успокоить бешено бьющееся сердце, и страстно смотрел на Анну.

– Так что, будешь знакомиться со своей любовью? – она засмеялась, чисто и звонко. Доменико поняла после поцелуя, кто его дама сердца. – Меня Анна зовут. Анна.

– Анна! – повторил он в прострации. Она разгадала его. Как быть?

– Не бойся своих чувств, – донна нежно посмотрела на него. – Женщине всегда приятно слышать признание того, что ее любят. Значит, она достойна любви и для кого-то самая лучшая и единственная, счастье чьей-то жизни. Это стоит дорогого. А если какая-то женщина это не понимает, значит, она недостойна твоих чувств, и это не настоящая дочь Евы. Забудь ее в таком случае. Если даже женщина и не ответит на твои чувства, то постарается, если она умна, приблизить тебя к себе, потому что влюбленные на дороге не валяются и они самые преданные на свете люди, которым стоит доверять. Это тоже дорогого стоит. Понимаешь?

– Понимаю, – на лице Викторио играла улыбка, столь редкая для него. Она впервые за весь разговор осветила его, и Анна залюбовалась на это.

– Человек, который любил когда-либо, знает, что это такое, и постарается оградить другого от боли. Поэтому отказ будет мягок, а не резок.

– Анна, я вас люблю. Это так. А вы? – задал Викторио наивный вопрос.

– Я тебя еще не знаю, и ответить тебе не могу. Кто знает? Нужно время. То, что ты мне симпатичен, я могу сказать прямо сейчас. И еще, – добавила она после короткой паузы. – Ты почему-то дорог мне, и кажешься родным. У меня ощущение, что я знаю тебя уже не одну сотню лет. Что из этого выйдет, я не знаю. Только дай мне время.

– Как мне быть? – Викторио опечалился. – Куда теперь идти? В монастырь я не хочу возвращаться.

– Все просто. У меня дома вчера уволился слуга. Он переезжает в Сиену, где ему оставили в наследство какое-то маленькое состояние и дом. Так вот, приходи завтра утром ко мне. Я живу на Виа Дель Корсо, дом с зелеными дверями на квартале перед рыночной площадью. Я тебя приму на службу. Будешь жить у меня, у нас будет куда больше времени, чем сейчас, – она загадочно сверкнула глазами. – Ты согласен?

– Согласен, – живо воскликнул он. – Но меня будут искать...

– Кто? Настоятель? Да нужен ты ему, – Анна посмотрела на юношу. – У нас инквизиция почти не имеет силы, и доминиканцы не у руля власти. Тебе ничего не грозит, даже если найдут тебя. Мое семейство в большой дружбе с Медичи. Герцоги Тосканские сильнее твоих монастырских отцов. Знай это. У нас свободная республика. Забудь монастырь, да и Флоренция настолько большая, что возможности столкнуться со знакомыми почти нет. Будешь меньше на улице выходить, знаешь, где ходят твои братья?

– Знаю.

– Тогда все просто. Придешь завтра?

– Приду, – он встал.

– Тогда до завтра, – она тоже поднялась, и, прикрыв лицо вуалью, пошла прочь из сада.

Викторио переночевал в монастыре. Он ни словом, ни видом не выдал, что ему крайне противно находиться там. Он не остался бы, но исчезновение монаха с собранной милостыней походило бы на воровство, и ему не хотелось такого рода мыслей в чужих головах. При подобном обвинении его непременно начали бы искать. Оно понятно, его и так начнут разыскивать, но не так тщательно, как в случае преступления. Викторио открыл в себе хитрость. Он очень хотел, чтобы его не нашли и поэтому за одну ночь кое-что придумал. План был прост, быть может, даже наивен. Первым делом он случайно обмолвился одному монаху, с которым сдружился за годы общих трапез и молитв, что днем пойдет за город

немного побыть в одиночестве. Доминиканский устав, несомненно, был строг и не разрешал монахам любого рода появления вне стен монастыря, кроме как для сбора пожертвований, но когда большинство монахов днем расходились кто на работы, кто в свои кельи для молитв, а кто и собирать милостыню, свободы заметно прибавлялось. Тогда было возможно проскользнуть незамеченным. Все об этом знали, но никто не использовал этой возможности для побега, ведь монастырь – не тюрьма. Всего одно отличие лежит как пропасть между этими двумя заведениями с одинаковыми серыми камерами-кельями и решетками на окнах: в монастырь люди приходят добровольно. Викторิโอ знал, что монах никому не скажет об отлучке, и пойдет с этой новостью к отцу-настоятелю только в случае исчезновения брата. Котомку для сбора пожертвований монах принципиально оставил в своей келье, чтобы ни у кого не возникло подозрений в воровстве. С собой Викторิโอ взял гражданское платье, доставшееся ему от другого монаха, скончавшегося пару месяцев назад. Спрятанное под рясой, оно не привлекало внимания. Расчет молодого монаха был прост – за городом, в месте, которое он указал соседу, на берегу реки Арно, Викторิโอ оставил рясу, сложив ее аккуратно возле самой воды. Всем должно было показаться, что он полез купаться, и утонул. Конечно, подобное было бы странно в январе месяце, но с утра началась оттепель, и солнце днем палило нещадно, будто в мае. Для юга такое неудивительно, и желание иску-

паться действительно могло посетить брата Викторю, запарившегося под грубой шерстяной тканью толстой и теплой монашеской рясы. Найдя одежду и обувь, монаха, несомненно, сочтут утонувшим, ведь предпосылок для побега у него не было, как решит настоятель, уверенный в своем ученике. Так что мир праху...

Проделав операцию под кодовым именем «Свобода», уже днем Викторю стучал в двери дома Доменико. Ему открыл дворецкий, внимательно выслушал и позвал госпожу. Мужа Анны не было дома, и поэтому собеседование надлежало проводить ей. Никто не догадывался, сколько удовольствия она находила в этой обязанности. Викторю, хоть и был молод, но прекрасно понимал щекотливость положения госпожи, и поэтому никоим образом не выдал, что знаком с ней, следуя ее же правилам, заданным в начале беседы. Держась с Анной почтительно, и подчеркнуто заискивающе, как вел бы себя пришедший в дом к господам человек с улицы, Викторю обезоружил ее своей игрой. Она была рада, что не ошиблась в нем, уважая теперь и его актерское мастерство. У нее в голове не проскользнуло простой истины: человек будет каким угодно, и пойдет на все, чтобы только не подставить свою любимую, выдав ее. Собеседование было недолгим и простым. Она только задала несколько не сложных вопросов: откуда Викторю, где он работал до этого, и определила месячный испытательный срок. Викторю не солгал. Он сказал, что работал в одном из монастырей бенедиктинцев, слу-

кавив только в названии ордена, и добавив, что был слугой аббата. В остальном он отвечал честно. Они с ней договорились о плате, и управляющий пошел показывать Викторио его комнату, попутно знакомя с планировкой дома и кругом обязанностей. Они были просты – походы с кухаркой за продуктами, получение и отправка корреспонденции, и кое-что по дому, как например помощь при мелких ремонтах. Работа сложной не была, по сравнению с тем, чем занимался Викторио в монастыре. Тот, кто работал когда-либо на поле или на стройке меня поймет. Основа любого монастыря – молитва и труд, и это занимает большую часть суток, так что бывший монах к работе был привычен и считал ее необходимостью.

Викторио понимал, что свободы в общении с Анной он не получит, пока рядом будут находиться люди, лишние свидетели. Поэтому он ожидал знака с ее стороны, чтобы продолжить знакомство, основу которому положил день на кладбище Санта-Мария Новелла. Ждать пришлось неделю. Викторио знал, что сразу все не делается, и уж чему, а его терпению не было границ. Терпение дает молитва, и так как монахи изо дня в день молились минимум часа четыре (а доминиканцы и все шесть), то их терпение было просто резиновым. Бывший монах не сомневался, что нравится хозяйке, и понимал: она сама сделает все необходимое для их свиданий. Он же ловил счастье даже оттого, что видел ее по несколько раз на дню, иногда издали, и знал: с ней все в порядке.

Неделя пронеслась быстро. Работы было не так много, как

обещал управляющий; хоть она и не изматывала, но занимала много времени. Через неделю, когда Викторิโอ поднялся к госпоже забрать корреспонденцию, она, оглянувшись по сторонам, и не замечая никого вокруг, сказала:

– Возле Санта-Кроче есть домик. Он стоит отдельно от всех остальных, посреди фруктового сада. Сегодня в полночь приходи туда.

Викторิโอ кивнул, и его сердце радостно забилося. Поклонившись и забрав почту, он стрелой помчался по адресатам, окрыленный любовью. Вот оно. Счастье. Выбраться ночью из дома, как уже понял Викторิโอ, не стоило особого труда. Свободные флорентийские нравы ничего не имели против того, чтобы слуги тоже отдыхали, в не рабочее время. Поэтому те могли беспрепятственно входить и выходить из дому в любое время. Никто не спрашивал, куда они направляются и когда их ждать, главное чтобы с утра все были на месте, бодрые и готовые работать. Что такое кражи и грабежи во Флоренции не знали. Это случалось очень редко и каралось смертной казнью, да и люди воспитывались в страхе перед этим грехом, поэтому двери в домах не запирались. Конечно, в богатых домах были стражники из числа слуг, и лишний человек пройти не мог.... В общем, так или иначе, но когда Викторิโอ ночью выходил из дому, его не задерживали. Дорога была не очень долгой.

Викторิโอ открыл дверь одноэтажного приземистого домика, сложенного из плоского белого кирпича. Внутри до-

мик оказался довольно-таки просторным, благодаря то ли умелой планировке, то ли светлому тону стен, но главное он показался бывшему монаху уютным. Прихожая вела в зал и дальше в спальню. В зале горели свечи в двух больших медных канделябрах, на столе стояли блюда с разнообразными фруктами и две бутылки вина, но Анны нигде не было видно. Викторιο со стуком захлопнул дверь, и, видимо привлеченная этим звуком из спальни вышла его госпожа. Легкое, обтягивающее шелковое платье темно-серого цвета подчеркивало безупречность ее форм, которым могли бы позавидовать многие двадцатилетние девушки. Перед Викторιο стояла сама грация во всей своей красоте. Он заворожено застыл на пороге комнаты, забывая даже вздохнуть и боясь моргать, чтобы не исчезло столь прекрасное видение. Она коснулась нитки жемчуга на шее и весело улыбнулась.

– Что же ты застыл?

– Я восхищен... – он был не в силах сказать что-то еще, смотря на ее распущенные пышные волосы, золотившиеся под светом свечей и волнами спадающие на плечи.

Анна плавно подошла к нему, взяла за руку, и, привстав на цыпочки, поцеловала.

– Пошли, – и она медленно повела его за руку к столу. – Сегодня ты у меня в гостях, я хозяйка этого райского места.

– Вы и моя хозяйка, – с улыбкой произнес Викторιο.

Анна прекрасно поняла его двусмысленность. Улыбка говорила, что это не укор, а намек на любовь, и поэтому она

не рассердилась на него.

– Не вы, а ты! Запомни это, – она все же шутливо погрозила ему пальцем. – Здесь я не госпожа, а просто хозяйка. Как только ты переступаешь порог этого дома, все условности между нами стираются. Понял?

– Понял, – он кивнул, и сел первым, забыв об этикете. Стоило ему только опуститься на стул, как он сразу же подскочил, как на угольях. – Прости, я забыл все правила...

– Кавалер! – Анна звонко рассмеялась, и рывком усадила его на стул. Она сразу же посерьезнела и добавила: – Я скоро рассержусь, если ты не прекратишь эту комедию. Я понимаю, что ты серьезен, и это, поверь мне, ни к чему. Если ты продолжишь видеть во мне донну Доменико, а не простую женщину, мы ни к чему не придем. Я тебе еще раз повторяю: мир за стенами этого домика другой, а здесь – это здесь. Это отдельная республика, и здесь полное равноправие. Ты скован, но это пройдет, привыкнешь. Главное, ни о чем не думай. Просто отдыхай.

– Хорошо, – он улыбнулся. – Извини.

– Если кому-нибудь на ногу наступишь, тогда извинишься, а здесь ты не виноват. Это твоя суть, – она села к нему на колени, и прижалась щекой к его скуле. – Так лучше? – спросила она шепотом, почти касаясь губами его уха.

Вместо ответа он глубоко вздохнул, и обнял ее, крепко сжав. Он сидел, и вдыхал аромат ее волос. Почему-то ее пышная грива, касающаяся его лица, пахла корицей и вани-

лью, и этот еле ощутимый аромат неожиданно дурманил его разум. Его сердце защемило от нежности, и это было ново. Анна погладила Викторио по голове, и поняла, что в ее сердце закралось нечто похожее на влюбленность. До конца она, конечно же, разобраться в себе еще не могла, но уже различала нежность и дикую страсть. Он называл ее соблазном, но на самом деле это бывший монах был для нее ходячим искушением. Она отстранилась, и посмотрела в глаза.

– Будешь вино?

– Не знаю. Я его никогда не пил.

– Тогда попробуй. Это прекрасный кагор, – она налила его бокал до краев.

– За нас, – он глотнул, и ему понравилось это тепло. Он не спеша выпил весь бокал.

– Возьми, – Анна протянула ему яблоко. – Быть может, монахи и правы, что боятся нас, считая лукавыми искусительницами, – она горько улыбнулась. – Но мы без этого не можем.

Викторио взял яблоко, посмотрел на него, и откусил кусок.

– Мне все равно, главное, что ты рядом. Я об этом и мечтать не смел.

– Поверь, неделю назад я и сама не могла о подобном подумать. Сегодня среда. В прошлую среду мы с тобой впервые встретились, – она задумчиво посмотрела на Викторио, изучая черты лица. – Тогда, в церкви, когда ты обернулся ко

мне, твое лицо показалось мне настолько знакомым, что я на мгновение застыла. Нигде раньше мы не встречались?

– Нет. Я это точно могу сказать. Ты меня не замечала во время службы, а если бы я тебя встретил раньше, то этого никогда бы не смог забыть. Поверь.

– Верю. Да, в церкви я смотрю только на лики, до людей мне нет дела. И тем более я никогда не приглядывалась к монахам... но ты так знаком мне. У меня ощущение, что я тебя знаю не одну сотню лет. С тобой так спокойно, – она погладила его по щеке.

Он немного стусевался, а потом привлек ее к себе, и поцеловал.

– У меня такое же чувство. Я при взгляде на тебя хочу что-то сказать, но не могу вспомнить, что.

– Ты знаешь, – она лукаво улыбнулась, – а мне когда-то один человек сказал, что мы живем не одну, а девять жизней.

– Но это...

– Понятно, противоречит догматам веры. Этот человек был астролог, и он смотрел будущее по карте звезд, составленной на основе даты моего рождения. Он много говорил, и большинство уже сбылось. Но не в этом суть... не хочу вспоминать его предсказания. Просто он сказал, что у нас девять жизней, в основе которых лежит какая-то цель, и мы должны ее выполнить. Если это так, то быть может, мы встречались с тобой когда-то в прошлом?

– Не может быть, мы же живем только раз...

– А ты забудь то, что тебе вдалбливали в голову с детства, и на секунду отрешись от этого. Может, это правда? Откуда тогда мы так близки друг другу, едва только познакомились? – она налила ему еще бокал. У монаха, который никогда не пил, в голове уже немного зашумело от кагора.

– Может, и правда, – Викторιο выпил. – А если это так, то, может, мы еще и в будущем встретимся?

– Может быть. А как мы друг друга узнаем? – Анна задумчиво наклонила голову набок, переведя взгляд на букет роз в углу комнаты.

Он проследил за ее взглядом, и, не задумываясь, произнес:

– ...калье роса.

– Откуда это? – она посмотрела на юношу. – С чего ты так сказал?

– Не знаю, – он растерянно улыбнулся. – Это было первое, что пришло мне на ум.

– Когда мой отец был всего лишь подмастерьем, он работал у испанца родом из Севильи. Они провели вместе много вечеров за работой, и старый мастер любил рассказывать о своей родине и о городе, в котором родился. В Севилье так раньше называлась одна из улиц, на которой жили мастера и торговцы самого различного профиля. Она была очень длинная и красивая. Я не знаю, может она и сейчас там есть, не важно. Свое название она получила от большого камня в начале улицы, на котором было изображение бутона розы,

высеченное в древности чьей-то умелой рукой. Там еще была надпись на неизвестном языке. Влюбленные завели обычай складывать цветы возле того камня. По преданию, тогда никто и никогда не мог их разлучить. Инквизиция повелела утопить камень в реке, увидев в этом обычае что-то языческое. Но ту улицу так и продолжали называть: Калье Роса, что в переводе означает просто «Улица Розы». Я уже забыла рассказы отца об Испании и Севилье, но эту легенду помню. Но откуда тебе это пришло на ум? – Анна загадочно посмотрела на Викторю.

– Не знаю. Может быть, твой астролог не такой уж и еретик, – он пожал плечами. – Может я жил там когда-то давно?

– Может, – Анна прижалась к нему. – Что же, пусть будет Калье Роса. Я тебя непременно узнаю, и через тысячу лет. Клянусь.

– Я тоже, – Викторю погладил ее спину. Вино брало верх над скованностью, и он страстно поцеловал госпожу. Она не менее страстно ответила, и через минуту в зале их уже не было.

Так понеслись дни и ночи, и ничего больше не имело значения, кроме их встреч в домике посреди фруктового сада. Днем серость, будничность и работа для Викторю, скука и однообразие для Анны. Но все обрывалось с приходом ночи. Они срывались в домик при первой удобной возможности, как только муж Анны уезжал по делам, или уходил в загул. И в том, и в другом случае, его не бывало дома по двое –

трое суток, что вполне устраивало жену. Вскоре Анна поняла, что не представляет своей жизни без Виктории. К тому времени прошел всего месяц с ночи в домике, когда они были впервые близки. Ее не раз посещало ощущение дежавю при совместных вечерах с Викторией, и она понимала, что их знакомство все-таки не случайно, обещающая продолжение в будущем. Она успела привыкнуть к нему, привязаться. Ей нравилось в нем все – от веселого характера до пылкости. Что еще? Это было смешение чувств, от материнской нежности до страсти последней любви. Последней? Вся ирония в том, что Анна прекрасно понимала: эта любовь первая настоящая в ее жизни. Смешно и грустно полюбить впервые в тридцать пять лет. Поистине – любовь это вирус, и у Анны иммунитета против нее не было. Поэтому следовало ожидать осложнений. Да, первоначально она ко всему подходила как к мелкой интрижке, думая, что, утолив страсть, ее разум успокоится, но все оказалось куда серьезней, и с каждой новой встречей ее чувства только усиливались. А что Викторией? Он был неизменен в своих чувствах, и их глубина день ото дня только усиливалась. Так всегда бывает, когда платоническая, еще немного детская любовь перерастает в настоящий накал страстей, во взрослое пылкое и безжалостное чувство, неразделимое с постелью. Такая любовь, какая была у него, не горит, а пылает, не греет, а сжигает дотла. В ее огне пропадает все, как в печи крематория. Слава Богу, такая сильная любовь бывает нечасто, иначе весь мир походил бы

на одну большую психиатрическую лечебницу, в которой все были бы счастливы, но безумны. Глупо так любить: ты не видишь жизни без этого человека, потому что вне встреч с объектом любви ты не живешь, а существуешь, а наедине перестаешь быть личностью, подавляясь влиянием. Но тогда, на их счастье, никто никого не думал подавлять, подчинять или использовать. Безумие было обоюдным, и они ловили свои крупинцы счастья зимними холодными ночами. Анну, кстати, очаровывали перемены, произошедшие с ее возлюбленным. Он стал смелее, мужественней, в нем проснулся природный темперамент. Так бывает, когда недавний мальчишка становится мужчиной. Главное, он ее обожал.

Итак, прошел месяц. В одну из ночей, когда по голым веткам сада скользила снежной ватой вьюга, они лежали, отдыхая, и наслаждаясь теплом от печки. Викторю повернул голову к Анне, и задумчиво произнес:

– Что же с нами-то дальше будет?

Анна вздохнула, глубоко и печально. Она и сама понимала, что подобный разговор уже давно должен был произойти; накипело. Попытки его завести уже были, не целенаправленно, просто к этой мысли приводила тема разговоров, и тогда Анна глушила подобное на корню. Она просто сама боялась думать: «А что же дальше?». Это было очень странно для взрослой женщины, живущей до того исключительно разумом, а не чувствами, но это было так. А что же дальше-то? Она понимала, что ничего хорошего. Вроде все было просто,

если бы не чувства. У большинства богатых и знаменитых флорентиек были молодые красивые любовники, и иногда даже мужья, зная об этом, закрывали глаза, потому что сами были не без греха. С виду крепкие и мирные семьи вмещали в себя такие страсти и пороки, что инквизиторы могли только мечтать об их телах. Но все знали одну простую истину: любовники долго не задерживались. Дамы, натешившись за пару месяцев, благополучно их бросали и заводили новых. Это было правило, и именно поэтому мужья могли спокойно относиться к своим подозрениям. В случае Анны так просто закончиться не могло. Она лучше бы лишилась своей души, чем Викторю. В этом и заключалась загвоздка. И потому задумываться о будущем ей не хотелось. Как же не повезло ей в том, что Викторю не родился в богатой и влиятельной семье. Тогда муж в случае чего ничего не смог бы сделать, и долгая связь не считалась бы грехом в глазах остальных. Впервые в жизни ей приходилось задумываться, что она мать троих детей, и скандал навредит сыновьям. Они были от нелюбимого мужчины, но это были ее дети, и она желала им только хорошего. Поэтому ее интересовало мнение окружающих. Почему она не родилась простой прачкой? Это было бы замечательно. Все было бы проще. Главное, чтобы с ней рядом находился Викторю.

– Я не знаю милый, что же с нами будет, – Анна перевернулась на живот и легла ему на грудь. – Я не знаю.

– Я люблю тебя и не представляю жизни без наших сви-

даний. Я понимаю, что ты рискуешь всем, когда вот так, со мной. Но ничего поделать не могу. Отказаться от тебя я не в силах. Это сильнее.

– Я знаю. Но я – ладно. Ты понимаешь, чем ты рискуешь?

– Понимаю. В случае чего моим делом напрямую займется святой суд инквизиции, как клятвопреступником. Я на костре гореть не буду. Скорее всего, это будет казнь на дыбе, но не прилюдно, а в каком-нибудь подвале. Ну, а если захотят устроить показательную смерть, то повесят на площади, чтобы потом даже на кладбище не хоронить, не отпевать и не служить панихиды.

– Ты так спокойно об этом говоришь? – Анна удивилась. – Тебя не пугает судьба?

– Смерть? Нет. Муки ада? Да. Боль пыток? Пугает. Но это все не важно, если тебя не будет рядом. Смерть – это только избавление от мук сердца. Я, быть может, говорю слишком напыщенно, но я верю своим словам, и говорю как есть на душе. Главное, чтобы ты была рядом. Ты, я уверен, знаешь, чем тебе это грозит.

– Знаю. Но не инквизицией. Герцоги Тосканские хорошие хозяева, и богатых флорентийцев в обиду церковникам не дают.

– Хоть это хорошо. Рано или поздно, не смотря на то, что мы с тобой умело прячемся, все станет явным. Кто-то что-то заметит, заподозрит и проверит. Да и твоему мужу кто-нибудь может доложить, что мы часто бываем в отлучке в

одно и то же время.

– Мне нечего возразить. У нас с тобой как будто включился инстинкт самоуничтожения, но отменить его мы не в силах. Да, можно что-то придумать. Отлучаться в разное время, и сократить количество встреч; мне подкупить молчание слуг; отравить мужа, в конце-то концов... – она грустно улыбнулась этой мысли. – Но это все не вариант. Слуги, подстегиваемые алчностью, почуяв деньги, тем вернее доложат мужу в надежде получить куш. Травить мужа я не хочу. Да и ни я, ни ты, не согласимся сократить количество встреч, чего бы это не стоило. Разве нет?

– Конечно. Мне и ночи с тобой мало, и разлука будет похуже дыбы.

– И я так считаю. И поэтому мы ничего придумать не сможем. Ты веришь в судьбу?

– Я не знаю, – Викторιο стусебался. – А что это подразумевает?

– Вера в предопределенность всего происходящего. Чему быть, того не миновать, как говорит поговорка.

– Верю. Я не знаю, это противоречит догмам или нет, но верю.

– И я верю. Если нам суждено с тобой пропасть, то мы пропадем. И наоборот.

Викторιο глубоко вздохнул. Ему нечего было добавить.

– Не грусти и не думай о том, что будет, – на ее глазах выступили слезы. – Понимаешь, я всю жизнь что-то расчи-

тывала, сопоставляла и анализировала. Просчитывала варианты. Я устала от этого. Так жить невозможно. И тут ты. Ну откуда ты взялся на мою голову? Мое счастье и мое горе. Моя любовь. Я уже стала раздумывать о том, что моя молодость почти что прошла, и тут ты даришь то, чего у меня никогда не было. Я люблю впервые. И так никогда не полюбить больше. Я много думала о своих чувствах, и я в них уверена. Как и в твоих. Впервые в жизни я не хочу ни о чем думать, я хочу просто быть любима и любить. Наслаждайся тем, что есть. Толку размышлять, если будущего не изменить? Что сделано, то сделано. Что бы не случилось, я рада, что ты у меня есть. Спасибо тебе за это. После этого и умирать не страшно, – она заплакала. – Вся моя жизнь была серостью и ничемным убийством времени. А теперь я живу. Так это не стоит разве любой расплаты? Платить за все надо, это истина. Так что не отравляй меня вопросами о будущем, и забудь об этом. Потом – это потом. А сейчас – это сейчас. Хорошо?

– Хорошо. Спасибо тебе за все, – Викторико поцеловал Анну. – Ты моя жизнь.

– Я знаю. Жаль потерянного времени. Несвоевременно нас судьба свела. Если бы я тебя встретила раньше, – столько бы времени мы выиграли. Ты знаешь, – она на секунду прервалась, обдумывая, – такое неправильно говорить, но я ждала тебя всю жизнь.

– Я люблю тебя, – он зарылся в ее волосы. – И не будем больше думать. Ни о чем. Будем просто жить.

Просто жить. Хорошие слова. Но мы предполагаем, а Бог располагает. Муж Анны, хоть и был дураком, тем не менее, с годами стал немного внимательней, чем в молодости, и многое из увиденного им на своем пути пошло на пользу жизненному опыту. То, что его жена стала словно порхать, как бы она не пыталась это скрыть, он заметил почти сразу. Не стоило много думать, чтобы понять причину. Женщина, которая ни с того, ни с сего становится счастливой, либо влюбляется, либо заводит хорошего любовника. И то и другое для собственника было одинаково мучительно. Он ведь в отличие от тех мужей, которые закрывали глаза на измены жен, любил ее. Но Сандро был трусом. Ой, каким еще трусом. Он не однажды поднимал руку на жену, потому что ловил в себе страх перед ней и осознавал свое ничтожество по сравнению с ее интеллектом. Его это начинало бесить, он нервничал, и чтобы хоть немного отпустило, бил супругу. Но это было раньше. Когда сыновья немного подросли, он прекратил ссоры с женой, чтобы дети все же уважали мать, и в его отсутствие не распоясались. Так он думал. Мысли о том, что дети понимают все почти с рождения, у него не промелькнуло. Но сыновья, на счастье Анны, пошли разумом в нее, и понимали, что мать обижают ни за что, и поэтому всегда принимали ее сторону. Благодаря тому, что их дом был огромен, Сандро не сразу удалось узнать об отлучках жены, которая благополучно миновала всех слуг при ночных уходах. Но, как всегда: кто-то что-то, да и заметил. Это произошло

примерно в начале марта, когда Анна с Викторией находились в связи около двух месяцев. Эта новость только превратила подозрения Сандро в уверенность. Теперь оставалось найти, кто любовник. Сандро перестал спать ночами, изводя себя разными мыслями и догадками, но ничего не смог добиться. Наконец, его осенила мысль: надо проследить за женой. Он этого раньше никогда не делал, но все бывает впервые.

Сандро в один из дней, как обычно, предупредил супругу, что его не будет ночью. Он сказал о переговорах с поставщиками, что в переводе обозначало таверны и девок. Анна это прекрасно понимала. Сандро, конечно же, никуда не отправился, а притаился недалеко от входа в особняк. В одиннадцать жена вышла из дома, а муж, кутаясь в черную накидку, тенью пошел за ней, соблюдая расстояние и осторожность. Он это проделал не хуже любого шпиона, и даже лучше из-за личной заинтересованности. Путь до Санта-Кроче был не так уж и долог, и Сандро, проводив Анну до порога, сам растянулся недалеко от входа на куче опавшей еще осенью листвы. Через некоторое время на дороге появился одинокий путник, который шел напрямую к двери дома. Когда гость заходил, Сандро видел его нечетко, немного сбоку, но лицо все же показалось знакомым. Винодел решил не сходить с этого места, пока не докопается до истины, и ждать утра, чтобы тогда проследить за любовником. Так и получилось, и когда соперник привел мужа к порогу собственного дома, Сандро очень удивился, лишившись дара речи. И то-

гда шпион понял, кто же это. Кроме нового молодого слуги, никто больше из жителей дома Доменико не подходил на эту роль, да и лицо, увиденное в полутьме ночью, очень подходило Викторио. Слуга с хозяином всегда был почтительным и немногословным, и Сандро никогда не мог бы подумать, что на нем остановится выбор жены. Он-то думал: какой-то благородный отпрыск или мужчина, а тут простолюдин, да еще и слуга того же дома. Мысли, что Викторио стал слугой только из-за Анны, у ревнивца не возникло. Теперь оставалось только принять решение, что же со всем этим делать.

То, что его жена влюблена, Сандро чувствовал спинным мозгом, осознавая: для нее это явно не было просто увлечением. Это очень наглядно показала сцена прощания на пороге той лачуги. Уж его не проведешь. Ладно, если бы просто любовник, он бы стерпел, или что-то придумал не сильно страшное, ограничился бы увольнением слуги. А это! Она его любит. И для Сандро подобное было нестерпимой мукой. Он прекрасно сознавал, что Анна никогда не испытывала к нему, как к мужу теплых чувств. А здесь какой-то мальчишка пленил такую гордую женщину, сделал за пару месяцев то, что не под силу было богатому и любящему Сандро за двадцать лет! Ни в какие рамки не лезет. С этим надо что-то делать. Мечь, одна только мечь может помочь. Но нужно придумать что-то необычное, чтобы досталось обоим. Понятно, что настоящий мужчина в порыве ревности и боли ворвался бы в дом еще тогда, когда винодел следил за женой, и нашин-

ковал бы голубков шпагой, как капусту. Но загвоздка: я повторюсь – Сандро был трусом. И что ему оставалось? Только мстить. Первой пришла в голову мысль изобличить жену перед светом, но она была отвергнута. Как это так, признать себя рогоносцем перед всеми? О судьбе детей после подобного скандала, Сандро не думал. Его интересовала своя, а не их репутация. Ладно, но что же тогда?

На третью ночь в голове пьяницы созрело решение, план мести, если его так можно назвать. Основная мысль было проста: если Анна любит Викторю, то наверняка худшим наказанием будет его потеря. Что же, эта птица не того полета, чтобы нанимать сборов для его устранения, проще отравить, как крысу. Чего-чего, а во Флоренции ядов всегда было предостаточно; выбирай, если сможешь, любой. Тем более никто и не хватится сироту без рода и племени. Сандро решил действовать незамедлительно. Торговля ядами была противозаконной, об этом во Дворце Сеньории приняли законопроект еще при Козимо Старшем. Намного сильнее с ней начали бороться после возвращения Медичи во Флоренцию в 1569 году, но везде были исключения. Для начала Сандро раздобыл яд у старого знакомого аптекаря, который задолжал виноделу крупную сумму и был готов на что угодно, лишь бы угодить кредитору. Само собой, он будет молчать как рыба, лишь бы не продали с молотка его дом и лавку. Теперь оставалось продумать детали операции, но это для ограниченного ревнивца было непросто. Многие вари-

анты прошли через его голову, но по тем или иным причинам были отменены. Одно он знал четко: в собственном доме травить нельзя, дабы избежать скандала и возможной смерти кого-то еще. Оставался только домик для свиданий. Чтобы самому все узнать, Сандро отправился туда днем. Дверь ему открыл какой-то старик, от которого всю разило перегаром и луком.

– Добрый день, господин, – поприветствовал его субъект, приглушенно икнув.

– Добрый, добрый. Твой дом?

– Мой.

– Ты в нем постоянно живешь?

– Почти что. Иногда у племянницы ночью.

– Слушай, старый сводник. Ты сдаешь это помещение для свиданий одной благородной даме, и можешь не отпираться, я это знаю. Ты знаешь, что с тобой будет, если обо всем узнает ее муж? Он очень страшный человек, и в глубокой дружбе с герцогами. А ты покрываешь преступление, и тебя будут пытаться, чтобы узнать все факты! Либо же по-тихому зарежут, чтобы ты никому ничего не сказал. Понимаешь это?

– Да, сеньор, да, – старик моментально протрезвел и говорил все это дрожащим голосом. – Я больше...

– Слушай меня. Есть выход. Я – друг семьи. Необходимо, чтобы дама образумилась. Понимаешь?

– Понимаю. А что...

– Не перебивай меня, – Сандро повысил голос. – Она

должна влюбиться, то есть, снова полюбить мужа! – Сандро и сам удивлялся, как складно он сочинял на ходу. Видимо, его мозг проснулся от своего дремотного состояния в кои то веки, и теперь выдавал мысль за мыслью, наслаждаясь, что ему впервые за сорок лет дали поработать. – А для этого ты получишь эликсир, благодаря которому она полюбит своего мужа. Понял?

– Сеньор, – жалобно запричитал пьяница, – но это же колдовство, а я с колдовством никогда не сталкивался...

– А ты выбирай, пытки или это. Что лучше?

– Я не знаю...

– Я тебе дам тысячу золотых флоринов. Ты такой суммы никогда не держал в руках, я уверен, – он посмотрел на лицо хозяина дома, и увидел широченную счастливую улыбку.

– За такие деньги я отраву в питье Его Святейшеству подмешаю! – старик хлопнул в ладоши.

– Хорошо. Ты сам стол сервируешь?

– Чего-чего?

– На стол еду подаешь ты или нет?

– А, это. Нет, племянница моя.

– Они пьют вино?

– Кагор.

– Отлично. Просто отлично. В кагор ты и подмешаешь эликсир. Как она с тобой связывается, когда готовить еду?

– Я на рынке по утрам торгую сыром, и она подсылает слугу, а он уже договаривается о вечере.

– Понятно. Ну, завтра все это и сделаешь. Я в это же время принесу деньги и эликсир. И только попробуй что-то исполнить не так! Тогда ее муж придет прямиком к тебе. Ну, а если все сделаешь как надо, она вернется в семью и ты никогда больше ничего о ней не услышишь. Все ясно?

– Все ясно, сеньор.

– Хорошо. До завтра.

Все было как нельзя лучше, – думал Сандро. Он знал, что его жена не пьет вина. Она не употребляла те крепкие вина, которые он пил сам, и во время семейных трапез никогда не прикладывалась к бутылке. На званых вечерах мужчины обычно сидели отдельно, и Сандро просто не мог заметить, что пьет его жена, но раз уж она не пила никогда при нем, значит не пила вообще. У Сандро неожиданно проскользнула мысль, что он может чего-то не знать о своей жене, и что она может тоже употреблять вино, но тут вмешалась ненависть к слуге. Что же, пусть и так, значит ей же хуже. Пусть лучше умрут вместе, чем она будет любить другого. С ее потерей он свыкнется, ведь его любовь после измены сильно поостыла. Но что это за мысли? Если Сандро в чем-то уверен, значит, так оно и есть, и если он знает, что его жена не пьет вина, значит это непреложная истина. И точка.

Настало двадцатое марта, день, когда Сандро решился на месть. Все шло так, как он задумал. Для начала он предупредил жену, что уедет из города на пару дней по делам, а потом днем пришел к старику-пьянице, и тот подтвердил утреннее

появление Викторิโอ на рынке с повелением готовить стол на вечер. Сандро принес хозяину дома тысячу монет и сильный яд, две капли которого убивали в течение пары часов. Наступил вечер. Сандро не отважился присутствовать при отравлении, а отправился напрямиком в таверну, где намеревался хорошенько покутить и переночевать, чтобы утром узнать последствия своего плана.

Что муж уедет, Викторิโอ был предупрежден Анной еще утром, и это обстоятельство крайне радовало, так как супруг последние две недели безвылазно торчал по ночам дома. У Анны промелькнула мысль, что он может что-то подозревать, но тупое безразличие мужа обмануло женщину. Быть может, ей просто захотелось обмануться этим, чтобы продолжилось столь долгожданное счастье? Кто его знает? Но в ту ночь они договорились о встрече. Она, как обычно отправилась в дом раньше Викторิโอ, и он, выждав час после ее ухода, сам тронулся в путь. Март выдался теплым, безветренным. Ранняя Пасха обещала скорое наступление жары и начало лета немного раньше, чем обычно. Об этом и думал Викторิโอ, когда ноги буквально несли к женщине, в которой заключалась вся его жизнь. Он по привычке влетел с улыбкой в дом. И остановился. Анна, вопреки обыкновению, не стояла на пороге зала. Ее не было видно. Она всегда встречала его своей шикарной, нежной улыбкой и влюбленными, сияющими глазами, чтобы кинуться на шею, забыв обо всем, и страстно целовать. Но на этот раз ее не было. Викторิโอ ис-

пугался, но тут пришла мысль, что женщина может просто отдыхать в спальне, уснув в ожидании любимого. Он кинулся в спальню. Его любовь лежала на кровати, хрипло дыша. Ее скрутила невыносимая боль, и испарина покрывала лицо. Викторιο откинул со лба мокрые волосы, и наклонился к Анне.

– Любимая, что с тобой? Что случилось? – он покрыл поцелуями ее лицо, шепча это в лихорадке. Он испугался впервые в жизни, не за себя, за нее. Его мысли смешались, все тело била мелкая дрожь, и руки вмиг стали холодными.

– Милый. Ты пришел. Наконец-таки, – ее голос был слаб, еле слышен. Казалось, это шелестит ветер, а не она разговаривает с ним. Она закричала в новом приступе боли. Он был недолог, но Викторιο показался вечностью. После приступа женщина опять обмякла, часто дыша. Викторιο вытер выступившие не ее глазах слезы, и сам заплакал, переживая.

– Что у тебя болит?

– Все внутри. Просто огнем жжет. А иногда особенно сильно, нестерпимо просто.

– Я бегу за доктором... – он хотел подняться, но она вцепилась в его руку.

– Не надо, милый. Мне уже не помочь, – на ее губах появилось что-то вроде улыбки, но какой-то мученической, невыносимо-грустной.

– Ты что? Да как ты такое можешь говорить? Я...

– Не надо никуда ходить. Ты не понимаешь, это яд. Ви-

но...

– Как это яд?

– Вино отравлено. Я его никогда не пила, и решила в кои-то веки попробовать в ожидании твоего прихода... – ее опять скрутила боль. Викторιο заскулил, именно на это походил издаваемый им звук. Он хотел отвернуться, чтобы не видеть ее мучений, но не смог оторвать взгляда от ее лица. Его глаза застилали слезы, и он их вытер рукавом камзола.

– Любимая, да что же это? Что же это? – только и смог произнести он. Ее отпустило, она растянулась на кровати, сгребая пальцами покрывало.

– Бутылка не была запечатана, но я не обратила на это внимания. Через десять минут началось это...

– Яд! – страшно воскликнул Викторιο, до которого за пеленой чувств наконец-таки дошла эта мысль. Он понял, о чем она говорит.

– Да, яд. Я выпила бокал. Это муж, не иначе.

– Муж? – бывший монах оторопел.

– Да, Сандро. У меня нет врагов, у тебя тоже. Только он мог это проделать. Он отлично знает, что я не пью вино.... Да, везде есть исключения.

– Он догадался...

– Догадался. Мне тоже так показалось пару дней назад, но я отогнала мысль, не захотев верить. Зря... Да и сегодня он как-то странно на меня посмотрел перед ухом... дом... – опять ее прервали нечеловеческие мучения. Теперь приступ длил-

ся дольше, и когда прекратился, Викторิโอ показалось, что прошел час. Конечно, это было не так, но он готов был поклясться на библии, что секунды текли много медленнее чем обычно. Ее мучения опять прекратились на короткое время.

– Любимая, что же делать? – он даже не вытирал слез.

– Ничего. Живи дальше без меня, – она улыбнулась, чисто и искренне. Ее взгляд прояснился. – Я не чувствую больше боли. Она ушла. Возьми мою руку.

– Я и так ее держу все время, – он осекся.

– Значит, я ее не чувствую. Это конец. Накрой мои ноги, мне холодно. Я люблю тебя...

– Ты бы знала, как я тебя люблю... ты моя жизнь! – Викторิโอ сам растянулся у нее на ногах, дрожа всем телом. – Не умирай, я умоляю... Не надо. Не оставляй меня здесь. Мне нечего здесь делать без тебя.

– Перестань, ты же мужчина. Всегда будь им. Не надо убиваться так, – она сфокусировала взгляд на нем. – Не надо. Викторิโอ, прости меня за все. Это я сгубила тебя и твою душу. Муж хотел тебя отравить сегодня, поэтому хорошо, что я выпила это вино, а не ты. Я бы без тебя не смогла жить...

– А я смогу?

– Сможешь. Ты молод, вся жизнь впереди. Спасибо за все тебе. Мне не жалко умирать, когда я испытала такое...

– Мы еще встретимся, я клянусь. Знай это. Я за тобой и в ад пойду. Знай это. Спасибо, что ты заставила меня жить, а не существовать в той келье монастыря до конца дней. Лю-

бимая... любимая...

– Я здесь еще, – она хлопала глазами. – Я ничего не вижу... Увидимся, конечно увидимся... Калье Рос... – она не договорила.

Викторио все понял. Он прикрыл ее глаза, поцеловал в губы и встал над кроватью, держась за спинку. Он чувствовал, как болело его сердце. Почему-то плакать больше не хотелось, как-то пусто было, как-то мертво внутри. Он вытер глаза, и наклонил голову, глядя на Анну. В голове всплыли слова: «ты же мужчина». Да, это, несомненно, так. Опустела голова, мысли прекратились. Он просто стоял, не в состоянии до конца осознать потерю. Нет, это невозможно, это, наверное, снится. Это происходит не с ним. Был третий час ночи. Неожиданно внимание Викторио привлекло движение. Он обернулся налево, туда, где был самый темный угол комнаты. Из густого мрака в углу выделился силуэт. Он вышел на свет, и Викторио увидел высокого красивого мужчину тридцати лет, закутанного в широкий плащ. Короткие темные волосы и черные глаза, взгляд которых был прикован к телу на кровати. Викторио не испугался, он как-то буднично спросил, отрешенно глядя на незнакомца:

– Красивая, правда? – его не удивило, что этот человек буквально вырос из стены или сгустился из тьмы угла. Викторио прекрасно понимал, что в комнате до этого он был один. Но какая теперь разница? Все, что имело значение в этой жизни, теперь умерло вместе с Анной, и кто бы ни

был этот незнакомец, хуже уже не будет. А незнакомец резко обернулся к Викторио.

– Ты меня видишь?

– Вижу. А что, не должен? – бывший монах устало провёл рукой по глазам. Может, так галлюцинация исчезнет? Но незнакомец стоял на своем месте, глядя на него с интересом.

– Не должен. Ты не испугался, и не спрашиваешь, кто я такой?

– Мне все равно, кто ты, и что здесь делаешь, – Викторио снова посмотрел на Анну.

– Но почему ты меня видишь? – гость изумился. – Уже лет двести никто не задавал мне вопросов.

– Мне всё равно... Красивая... какая же она красивая.

– Очень. Даже я давно такую красоту не видел. Ох, и до чего же иногда противна моя работа... – гость и сам залюбовался Анной. По этим словам Викторио догадался кто перед ним.

– А говорят, что ты с косой ходишь, и вообще старухой называют, – он перевел взгляд на мужчину.

– Врут. Мое имя Самаэль, я ангел смерти. Я прихожу рано или поздно ко всем, но кроме некоторых покойных меня никто не видит. А тут ты.

– А что я? Я тоже умер вместе с ней, – Викторио даже не врал.

– Пока нет. Тебя в моем списке нет.

– Так исправь это. Я тоже хочу, – безучастно и устало мо-

нах повернулся к незнакомцу.

Незнакомец обомлел. Его очень редко просили о подобном.

– Зачем тебе это?

– Чтобы успокоиться. Разве ты не понимаешь, что мне незачем жить? Я любил эту женщину. Она была для меня всем. Теперь ее нет, и меня нет. Есть только боль. И зачем мне ее терпеть всю оставшуюся жизнь?

– Но ты молод, тебе всего лет восемнадцать отроду. Со временем боль уйдет. Будет другая, поверь мне. Я видел миллиарды людских судеб, и так бывает всегда.

– Но так не будет со мной.

– Не верю.

– А ты пойми, что я завтра пойду и убью человека, который отравил мою любимую. За его смерть меня схватят и четвергуют. Так что лучше забери меня сейчас, пока никто не умер, и на моей душе нет этого греха. Ты же сам решаешь, кому пора?

– Мне дают список, но я могу по своему усмотрению менять его. Я редко сам являюсь к людям. Просто она была особенной, чистой. Такие души попадают прямо в рай.

– Так сделай это. Поменяй список.

– Не буду. Ты зачем-то нужен еще здесь.

– А она... – Викторю в ярости показал рукой на кровать – не была нужна? Что же ты наделал... как ты мог!

– Ты ждешь извинений? – незнакомец улыбнулся. – Ты в

чем-то обвиняешь смерть? Ты повышаешь на меня голос?

– Если бы мог, я бы тебя убил, но я знаю, что бессилен. Я тебя не боюсь, и прошу о такой мелочи.... – Викторιο опустил руки.

– Живи пока, утоли свою жажду мести, убей Сандро Доменико. Он есть у меня в списке на завтра. Видимо, потому и есть, что ты его убьешь.

– А потом ты придешь за мной?

– Не знаю. У меня имена только на два дня вперед, – незнакомец тепло улыбнулся. – Меня видят либо очень светлые души, либо очень черные. Ты из первых, наверно, потому ты мне и нравишься.

– Ну, если так, исполни мою просьбу. Я умоляю... – Викторιο сложил руки как при молитве.

– Нет. Сейчас нет, но я запомнил тебя. Если вдруг, когда-нибудь, мы встретимся снова, и ты меня еще будешь видеть, то можешь просить меня о чем угодно. Понял?

– Понял. И ты исполнишь?

– Исполню. Пусть это будет тебе утешением в утрате. Мне жаль, что все так... но это судьба. Так прописано свыше. Смирись, – ангел смерти посмотрел на него с каким-то участием, жалостью, но тут же черные глаза снова стали пусты и бездонны, и он растворился в воздухе.

Наутро Викторιο в домике посреди фруктового сада уже не было. С собой он прихватил большой нож, который торчал в остывшем окороке на столе. Цель была ясна, – Сандро.

Только он еще интересовал Викторิโอ. Его месть была хладнокровной, в том смысле, что он даже ненависти не испытывал. Его не душила ярость, он не чувствовал ничего. Он просто знал, что должен так поступить.

Сандро только выходил из таверны. Было шесть утра, темнота почти отступила, но холодное серое утро со свинцовыми тяжелыми облаками не пускало солнечные лучи. Царили мрачные сумерки. Он поежился от холода, протирая заплавленные глаза на опухшей от вина толстой морде. Ему на ум пришла мысль, что месть уже свершилась, и он улыбнулся. Но улыбка сразу угасла. Месть совершена, и теперь его жизнь вновь войдет в свое русло, погружая душу в однообразие. Винодел почувствовал усталость, наверное, впервые за его век. Ему даже на миг стало жаль Викторию, такого молодого и красивого, но это чувство померкло. На его место пришло злорадство – он жаждал скорее увидеть глаза своей жены после смерти любовника. Сандро с улыбкой завернул в переулок, и наткнулся на Викторию, стоящего прислонившись к стене чьего-то дома. Бывший муж оторопел, ведь меньше всего он хотел видеть убиенного, коим считал бывшего слугу.

Ничего сверхъестественного в том, что они встретились, не было. Викторิโอ отлично знал таверну, где любил отдыхать Сандро, потому как ему о ней не раз говорила Анна, которая в период младенчества детей вытаскивала мужа отсюда. Она это делала не из сострадания, а потому что хоте-

ла еще сохранить тогда доброе имя семьи. Все без толку, и она смирилась с этим со временем. То, как пьяница пойдет домой, Викторιο угадал чисто интуитивно. Ему показалось, что через этот переулок дорога короче, и он был рад, что не ошибся. Сандро обомлел от увиденного, и в испуге застыл на коричневой брусчатке переулка.

– Ты? Но как? – через силу выдавил он.

– Ты убил Анну, а не меня. Она пила вино, – Викторιο, не торопясь, вытащил из-за пазухи нож, и сделал шаг к Сандро.

– Подожди.... Горе мне, горе... как я мог?.. – он жалостливо и растеряно протянул к Викторιο руки, а бывший монах с силой воткнул ему в живот нож, даже не дрогнув, и провернул с полным безучастием на лице. Нож так и остался в теле, когда винодел оседал на слякоть подворотни, сползая по стене. Он что-то хотел сказать, но Викторιο его уже не слышал. Бывший слуга повернул за угол, продолжая путь по улице, склонив голову.

Мысль о самоубийстве пришла неожиданно, но Викторιο ее отмел как недостойную. Он воспитывался в монастыре, и как бы глубоко не пал, не мог совершить подобный грех. Второй была мысль сдать властям, и быть казненным за совершенное убийство, но Викторιο стало противно страдать на допросах за справедливое наказание, каким он считал расправу над Сандро. О совершенном он ничуть не сожалел, и не хотел быть позорным преступником в глазах остальных. Сразу всплывет его прошлое в монастыре, и к тому же Анну

объявят злодейкой-совратительницей молодого монаха. Ему не хотелось подобной тени на ее репутации, ведь для него даже ее имя было свято. Когда он проходил по Понте Веккьо, на глаза попалась стража, делающая обход. Викторิโอ в секунду принял решение. Солдаты были нужны везде, и смерть на поле брани никогда не считалась самоубийством. Что же, значит, он еще поживет немного, а там уже как судьба покажет. Смерть на войне часта и неожиданна. Во Флоренции оставаться было опасно, и Викторิโอ пошел к воротам, уводящим из города на Болонью, и дальше, на север, где в лазури раскинулась жемчужина Адриатического моря – Венеция, ведущая нескончаемую войну против турок в завоеванной Далмации. Может быть, Святой Марк, покровитель Венеции, будет к нему милостивее, чем Иоанн Креститель, покровителя Флоренции? Викторิโอ печально улыбнулся этой мысли, и продолжил путь.

Виктор проснулся, и сел на кровати, протирая глаза. В окно пробивалось восходящее солнце, в лучах которого комната окрасилась в золотисто-розовые тона. Флоренция. На сей раз Италия. Виктор пару раз мотнул головой и поплелся на кухню, чтобы налить холодной минеральной воды. После выпитого стакана этой бодрящей жидкости в голове прояснилось, и он наконец-таки проснулся. Ильин налил еще один стакан и сел на подоконник, отрешенно глядя на стену перед собой. Он замер телом, но его мозг заработал как часы, отсчитывая мысли. Итак, несомненным было то, что Виктор никогда не был в Италии, не читал о ней книг и не смотрел передач CNN или National Geographic об этой культурной стране. Нет, историю Древнего Рима он знал отлично, но это никак не увязывалось с историей Средневековья, Возрождения, Барокко или Рококо. Об этих периодах Ильин не знал ничего, по крайней мере, о том, что происходило на территории Апеннинского полуострова. Само собой, что и из фильмов с участием Адриано Челентано, Виктор свой сон вынести не мог, и значит, это было что-то другое.... Та же девушка, только старше, он сам еще пацан.... История любви, снова необычайно живая и красочная.... Невероятно завораживающий сон. Ему до сих пор кажется, что под нога-

ми поскрипывает песок попеременно с известью на старом тракте из Флоренции в Болонью. Интересно, а добрался ли он тогда до Венеции, или нет? И что было потом? Как бы там ни было, но второй сон развеял все сомнения о том, что с Ильиным это все происходило прежде. Сны из прошлой жизни... Отлично, приплыли. Да, пусть его скептический ум и смирился с неожиданным вмешательством высших сил, но он все равно еще огрызнулся язвительными намеками на сумасшествие своего хозяина, подмешивая предложение обратиться за помощью не к экстрасенсу, а к квалифицированному психиатру.

Виктор погрузился в пережитый сон, вспоминая его в деталях, стараясь понять что-то, не упустить малейшую возможность получить ответы на мучившие его вопросы. Он вспомнил все эпизоды сна, от первого до последнего – и домик в саду, и встречу в церкви, и смерть Сандро. И ее... Стоп, а незнакомец! Как там его? Самуил? Нет. Самуэль? Нет... А, Самаэль! Вспомнив это имя, Виктор вздрогнул, представив черные, холодные как вороненая сталь, глаза мужчины из сна. Хотя, о чем он, какого еще мужчины? Ильин кивнул пару раз своей мысли. Не мужчины! Такие глаза могут быть только у самой смерти, просто в обличье человека....

И вот на этой мысли операционная система Виктора Ильина дала сбой, и ему пришлось перезагружать свой мозг. Так получилось по причине столкновения двух догадок, про-

диктованных логикой: если Виктор принимает реальность сна, думая, что все происходило в прошлой жизни, то и незнакомец реален. Значит, ангел смерти лицом к лицу с Ильиным... Отлично просто. Виктор никогда не верил в чертей, барабашек и вампиров вкупе с НЛО, а тут встреча с сущностью, превосходящей их по классу втрое. Вера в Бога жила в сердце Виктора с рождения, но к своему сожалению, в страшном раскаянии за неверие, он сомневался в реальности ада и рая. И тут такое! Да, пусть это происходило пять веков назад, но время не меняет сути вечных устоев мироздания, кто бы что ни говорил. Получается, что есть и бесы, и оборотни, и все, что Виктор считал пустым суеверием языческой Руси? Хотя, почему только Руси? Если поглядеть на остальные страны и народности, то у всех без исключения есть в легендах и преданиях эти сущности. Пускай сейчас фильмы и классика современной литературы пытается привить романтический образ скитальцев и отшельников этим тварям, но не стоит забывать, что в основе всего лежит зло, животное стремление убивать, существуя за счет жизни других.... Черт, а не слишком ли далеко его занесло в мыслях? Далеко от сна. Итак, если это все реально, то получается, что и умирать не страшно, потому что отправишься прямиком в место, где ты не будешь одинок и есть продолжение жизни. Значит, не нужно сомневаться в выборе, тратить время на размышления о сути бытия и моральные изыскания о смысле жизни, а стоит просто наслаждаться солнышком, цветоч-

ками и т.п. Что же, Ильину эта мысль нравится.

Но тут мозг подкинул новую идею, как всегда испортив скептицизмом радость от приобретенного знания. Что, если тогда от пережитого горя в голове Викторю все помутилось, и он разговаривал не с Самаэлем, а, предположим, с гардиной у окна? А что? Виктор не раз видел, что могут исполнять люди по белой горячке, либо же просто под белым. Пусть тогда человек не употреблял ничего, но, поддавшись горю, разве не мог он помрачиться рассудком, и ему это все не могло привидеться? Могло. И душа Ильина отдалась на растерзание первой составной части любого ума – сомнению. Не хотелось бы разочаровываться в новой вере.... И тут Викторю пришла на ум идея: а что если посмотреть в Интернете информацию по имени этого ангела? Должно же там быть хоть что-то.

В поисковике Виктор набрал «Самаэль», и ему выдало тысячи ссылок на сайты. Он нажал на одну из них, и глубоко вздохнул. «Под эгидой зороастризма...», – так звучала фраза вверху страницы, и Ильину она совершенно не понравилась. Он нажал на другой ярлычок ссылки. На монитор выплыла пентаграмма, и Виктор, не удержавшись, плюнул на пол, выругавшись. Только сатанистов ему не хватало. Два десятка других ссылок не дали ничего нового, пока он не наткнулся на какой-то сайт, на главной странице которого обозначалось, что этот ресурс является полным собранием мифов, преданий и легенд народов мира, и создан для людей, желаю-

щих познать неизведанное. Далее шло примечание администратора с просьбой относиться ко всему только как к фольклорному наследию прошлых времен, и Ильин улыбнулся подобному примечанию. Он набрал вторично, но уже в поисковике сайта имя из сна, и прочитал информацию на пяти страницах. Как понял Виктор, фигура Самаэля являлась неординарной во многих верованиях и религиях. По библии, именно он приходил за душой Моисея, но тот его дважды прогнал – один раз победив в споре, а второй раз, отвоевав место под солнцем силой, превратившись в огонь. Это был посланец Всевышнего, ангел смерти. По другим источникам, Самаэль обозначался как демон с двенадцати головами, сеющий зло. Третьи данные называли его слугой Зла, падшим ангелом, и утверждали, что он стоит во главе каких-то легионов тьмы. Голова Ильина пошла кругом от обилия информации и мелькнула мысль, что в воскресенье, в семь утра нужно спать, а не лазить по ссылкам в Интернете. Виктор закурил, и решил пробежать еще три сайта наугад, и если тогда не узнает ничего нового, то отправится спать. Два не принесли ничего, а вот третий сайт открылся сразу на гравюре какого-то неизвестного итальянца по имени Джакопо. Виктор обомлел – на гравюре был изображен тот незнакомец из сна, ангел смерти Самаэль. Те же черты лица, то же сложение тела, но единственное, чего не смог передать художник – это неестественную бледность лица и мертвенную пустоту глаз. Хотя, эту картину писал безвестный итальянец Джакопо, а

не гений Леонардо, и поэтому нельзя было требовать от полотна полного совпадения с оригиналом, олицетворяющим смерть. Виктор перевел дыхание. Его только на мгновение кинуло в жар, но потом сердце выровняло ритм ударов и все стало как прежде. Ильин подумал, что отныне в этом запутанном испытании, начавшемся вчера ночью, не стоит больше доверять скептику-разуму, а во всем нужно полагаться на чувства. Получалось, что Самаэль реален, и значит, была реальна и девушка.... И тут в голове возник один простой вопрос: что же их связывает? Нет, понятно, что любовь. Но почему из века в век они вдвоем? Почему все время их разлучает судьба? Какую миссию они с Анной исполняют на Земле? А еще, почему именно он и именно она из миллионов людей должны проходить через это? И почему именно в этот момент жизни снятся эти сны, не раньше и не позже? Ильин запутался в этих вопросах, пришедших на ум, и не знал, с какого начать разбираться и искать ответы. К этому его подстегивал мозг, противясь непонятному. Мыслитель глубоко вздохнул, и пошел на кухню варить себе кофе.

Сидя с чашкой и сигаретой, он наконец-таки навел порядок в голове и приступил к планомерному разбору вопросов и ответов. Понятно, что с уверенностью что-то сказать он не мог, но хотя бы догадаться, было в его силах. Так или иначе, но после двух часов напряженной работы ума Ильин сдался, так как в голове появилось еще больше вопросов, и ни одного вразумительного ответа. Догадок было множество, от

кармической связи до искупления грехов, но ни одной догадке Виктор не верил. Ясным оставалось одно – Анна погибает каждый раз после их встречи, то есть получалось, как он понял, если бы они не встретились в той или иной жизни, то трагической развязки можно было бы избежать. В таком случае каждый жил бы своей жизнью. Но, так как этого не происходило... Ирония судьбы, издевка: она их сводит вместе, и хочет, чтобы они друг друга не любили! Но это невозможно, чувства пересиливают все. Они с Анной точно два мотылька летят на свет, но не к обычной лампочке, а сразу в костер, погибая мгновенно. Хотя, существует другая вариация происходившего с ними. Что, если Анне судьбой написано каждый раз погибать не своей смертью, а Виктор послан не в искушение, а во спасение? В таком варианте прекрасно понятно, почему она снится ему именно сейчас: ей угрожает опасность, и он должен помочь. А что если он не успеет? Ильина при такой мысли пробил озноб. Он неожиданно для себя открыл, насколько родной и дорогой стала для него эта девушка, не смотря на то, что они в этой жизни ни разу не встречались, и даже не разговаривали. Какая-то нежность спирала дыхание при воспоминаниях о ней, и Виктор наслаждался этим, почти физическим чувством.

И как же ее искать прикажете? Он глубоко вздохнул и прикрыл лицо ладонями. Оставалось обращаться только к высшим силам, к экстрасенсам и колдунам, потому что сам он ее найти не в состоянии. На глаза попалась карточка с номе-

ром телефона и именем ведуньи, оставленная на столе вчера ночью. Было почти десять утра, Виктор решил, что она уже должна проснуться, и набрал номер. В трубке послышался сигнал вызова.

– Алло! – ответил почти сразу спокойный голос, принадлежащий, как показалось Ильину, женщине за сорок, уставшей ото всего.

– Доброе утро. Мое имя Виктор, мне дала ваш номер знакомая, сказав, что вы можете мне помочь.

– Я не принимаю в воскресенье. Исключение делаю в очень редких случаях, только когда дело не терпит отлагательств. В воскресный день магические дела не делаются.

– Если бы дело терпело, я бы не стал вас беспокоить в выходной, потому как сам ценю свободное время.

– А что у вас случилось? – ее тон перешел на будничный. Интонация соответствовала выражению: «Как вы все меня достали...». Колдунья продолжила: – Отворот? Приворот? Порча?

– Нет, другое...

– Лечение, отчитка, оберег? – она не меняла тон.

– Да нет же! – Виктор немного повысил тон. – Я уверен, вы с подобным никогда не сталкивались...

– Изгнание бесов? Неужто?..

– Нечто иное, в двух словах не опишешь.

– Приезжайте, – она это сказала почти с придыханием, нетерпеливо и требовательно. – Но я не обещаю, что именно

сегодня буду работать с вами.

– Приеду. По крайней мере, хотя бы расскажу все обстоятельства дела, а вы уже решите все остальное.

– У вас есть мой адрес?

– Он обозначен на визитке. Во сколько мне подъехать?

– Через час.

– Буду. До встречи.

– Жду.

Через час перед Виктором открылась дверь дома с открытой террасой, в котором проживала колдунья. На пороге стояла женщина в возрасте, лет около шестидесяти. Виктор подумал, что голос, звучавший в трубке телефона, должен был принадлежать человеку лет на двадцать моложе. Может, это вовсе не она общалась с ним?

– Добрый день, – Виктор вежливо кивнул головой. – Это я вам сегодня утром звонил, мы договаривались о встрече.

– Добрый, добрый... – она улыбнулась, проговорив приветствие звонким мелодичным голосом, в котором Ильин безошибочно распознал тот, что слышал час назад. – Так это у вас случилось нечто необычное?

– У меня, – он переминался с ноги на ногу. – Мое имя Виктор.

– Вы представлялись мне по телефону. Меня зовут Марина Васильевна, хотя, несомненно, вы это прочитали на визитке. Проходите.

Она открыла дверь шире, и Виктор прошел в дом. Он ми-

новал прихожую, где скинул куртку и переобулся в тапочки, и они вошли в гостиную, чтобы присесть за невысокий столик мореного дуба, развалившись в удобных кожаных креслах. Как понял Виктор, именно в этой комнате и проходил прием посетителей. Он огляделся по сторонам. Просторная гостиная имела минимум мебелировки. Находясь на метр ниже уровня первого этажа, она располагалась своеобразной нишей, из которой вели ступени вправо, на первый этаж, и прямо, на лестницу, уводящую вверх по широкой дуге. Дом строился со вкусом, подходя под итальянский стиль. Виктор в этом немного разбирался, потому что сам не один раз задумывался о собственном частном доме, и в успокоение души сам составил план того, каким он должен был быть. В ходе работы над схемой своего будущего дома-мечты, Ильин перерыл кучу литературы и излазил весь Интернет, пересмотрев не один дизайнерский проект, в том числе и похожие на этот. Проектируемый дом Виктора был отдельной историей, и описывать ее было бы слишком утомительно, поэтому я вернусь к гостиной. Гостиная была никак не меньше шестидесяти квадратных метров. Из предметов интерьера присутствовали стол и два кресла, покоящиеся на круглом большом ковре, плазменная панель на стене, пара картин с пейзажами моря, две диагонально отстоящие в углах этажерки с книгами, и тумбочка под телевизором с домашним кинотеатром. Полы, покрытые дорогим ореховым ламинатом, и бесчисленное множество красивых цветущих растений до-

полняли картину. Виктор, входя в этот дом, ожидал увидеть какие-нибудь канделябры с черными свечами, рога или череп, ну, или же на худой конец магический хрустальный шар в черной комнате с приглушенным светом, но как он не высматривал, ничего подобного не заметил. Дом как дом, обычная гостиная и ощущение, что пришел в гости к переехавшим соседям для знакомства. Ильина винить было не в чем. Хрустальные шары, черный цвет и курящиеся благовония – это обычный стереотип, которому верит большинство людей, ни разу не попадавших к настоящим проводникам из этого мира в иной. То ли благодаря телевизору, где экстрасенсы в кино более похожи на северных шаманов, чем на европейских обывателей, либо же из-за шарлатанов, делающих из магии шоу, но люди приходя к ведунам, ожидают увидеть нечто выходящее за рамки. Когда же с первого взгляда ничего не впечатляет, просящий разочаровывается, что попал к обычному с виду человеку. Только попадающие к деревенским колдунам, видя связки трав, иконы и всевозможные предметы – помощники в магических делах, получают удовлетворение от визуального эффекта загадочности. Но в городе встретить подобное почти невозможно.

– Вы разочарованы чем-то? – Марина Васильевна улыбнулась. – Ожидали увидеть здесь прислуживающих мне чертей и скелеты, подвешенные к потолку?

– Нет, что вы! Всего лишь несколько летучих мышей и паутину за русской печкой, – Ильин тоже улыбнулся. – Из-

вините мне мое незнание, я впервые в жизни обращаюсь за помощью к людям, общающимся с потусторонним.

– У вас присутствует толика скепсиса в голосе. Если вы не верите, то зачем тогда пришли? – она серьезно посмотрела на мужчину.

– Вы ошиблись, я верю. Но моя вера обрелась только вчера, и поэтому мне сложно еще к ней привыкнуть, как и любому другому, кто не верил в сверхъестественное почти тридцать лет.

– Любопытно! – хозяйка с интересом посмотрела на него, отметив про себя, что с этим молодым человеком общается иначе, чем со всеми другими проходящими к ней за помощью. На каждого, кто приходил к ней за отворотом, приворотом, оберегом, избавлением от порчи и всем подобным, сразу обрушивался шквал сведений, причем вполне правдивых, и она брала человека в оборот. Немного подавляя волю своей атакой, она добивалась, что ее во всем слушали и делали все в точности, как она говорила. С Виктором это было без надобности, так как он пришел с чем-то иным, и она, прочувствовав его энергетику, не заметила ничего похожего на порчу или пагубное воздействие высших сил. Перед ней сидел обычный человек, но с очень мощным биополем, скрытой силой, которую можно было направить как на пользу, так и во вред. – А у вас не было в роду кого-нибудь занимавшегося магией?

– По матери точно нет, а по отцу я не знаю, видел его

последний раз в роддоме, – Ильин пожал плечами, а хозяйка дома рассмеялась его шутке. – А почему интересуетесь этим?

– Энергетика у вас мощная, чистая и сильная как родник, – она закурила. – Поэтому и спрашиваю. Такой тип энергии возможен, только когда несколько поколений людей живут праведной жизнью, либо если кто-то из бабушек или дедушек лечил людей.

– Ну, на счет первого сказать ничего не могу, отца праведником назвать только блаженный сможет, – Виктор глубоко вздохнул. – Не будем об этом. Меня к вам привели проблемы.

– Очень странно, потому как я не вижу порчи, сглаза или пробелов в вашей ауре, из-за которых возникают неприятности. – Марина Васильевна подняла брови. – Быть может, вам только кажется, что у вас что-то идет не так?

– Не кажется, – Виктор тоже закурил, получив разрешающий знак хозяйки. – Со мной все очень не просто. В общем, есть одна проблема, одна, но немаленькая, – он замолк на пару секунд, делая затяжку.

– Любовь, наверное? – она разочарованно развела руками. – А говорили...

– Меня не интересуют ни отвороты, ни привороты, ни даже повороты! – Ильин пренебрежительно скривил губы. – Я вижу сны из прошлого, из моих прошлых жизней, – он выпалил это на одном дыхании, собравшись, как следует перед

тем. Сказал, и начал внимательно смотреть на хозяйку, ожидая реакцию.

– А... – она оторопела – Вы уверены? – теперь скепсис звучал в ее голосе.

– Вполне, – Ильин горько ухмыльнулся. – Быть может, угостите меня кофе? А я все обстоятельно расскажу.

– Да, давайте выпьем, – Марина Васильевна странно посмотрела на гостя, еще не веря его словам, и позвонила в колокольчик. На зов вошла горничная, молодая девушка в чистом фартуке. – Мила, принесите нам кофе по-венски и что-нибудь к нему.

Горничная кивнула и исчезла за поворотом коридора.

– У вас прислуга? – Ильин удивился в свой черед.

– Вы, наверное, на основе этого и обстановки дома подумали, что мои услуги стоят дорого? Что-то похожее проскользнуло у вас во взгляде.

– Скорее нечто подобное промелькнуло у меня в мыслях, – Виктор кивнул. – Но я не думаю, что магия является настолько доходной статьей вашего семейного бюджета. У вас успешный муж или сын?

– Муж. Саша сейчас в Таиланде, он никогда не возражал, что я помогаю людям. Это моя судьба. А на счет денег – я беру столько, сколько люди считают нужным мне давать, сама же никогда не устанавливаю цен. Я не зарабатываю, я живу лечением других.

– Я понял.

– Так что вы хотели рассказать? С чего вы вообще взяли, что сны не просто плод фантазии?

– В одном из снов я общался с ангелом смерти, его имя Самаэль. До того момента я ни разу не слышал о нем и не видел его. Запросив данные по этому существу в Интернете, я наткнулся на датированное семнадцатым веком изображение Самаэля. Во сне и на гравюре было одно и то же лицо.

– Интересно, а чем я могу вам помочь? – Марина Васильевна склонила набок голову. – Избавить вас от сновидений я не в силах.

– Я и не прошу. Дело в том, что все сны крутятся вокруг истории любви между мной и красивой незнакомой девушкой. Из сна в сон меняются декорации, люди, события и обстоятельства, века, наконец, но неизменно я и неизменно она. Мы влюбляемся, сходимся, и она погибает. Я подозреваю, что ей грозит опасность, но чтобы помочь мне необходимо ее отыскать. В этом я и хотел попросить вашей помощи.... Спасибо! – добавил он Миле, которая принесла кофе с пирожными.

– Я даже не знаю, чем я могу вам помочь, – Марина Васильевна развела руками.

– Я понимаю, что это почти невозможно, – он кивнул – Просто вы человек, знающий много больше меня и большинства других жителей нашей планеты, потому как вы общаетесь с потусторонним. Если вы здесь бессильны, то извините, что отнял у вас время, я уйду. Мне очень важно найти

ее, понимаете?

– И все-таки здесь любовь, – она улыбнулась.

– Не без этого.... – Ильин смутился.

– Ох! Что же делать-то? – хозяйка дома задумалась, и через минуту добавила: – Приходите ко мне во вторник, как только стемнеет. Попробуем что-то сделать с вашей проблемой, а до того я обдумую пути решения.

– Хорошо. Я вам больше не нужен? – Виктор хотел встать.

– Подождите, – Марина Васильевна подняла руку, останавливая гостя. – Расскажите мне детали сновидений, я попробую подобрать ключ. Быть может, в них промелькнуло нечто важное, подсказка какая-нибудь. Вы, надеюсь, помните сны?

– Ну, на память я не жалеюсь.... – и Виктор начал обстоятельно излагать детали сновидений.

Когда он закончил, стрелка на часах показывала начало третьего. Колдунья кивнула, обещав во всем разобраться, и они отправились к двери. Марина Васильевна выглядела задумчиво, она явно впечатлилась рассказом Виктора. Грустно вздохнув на прощание, она прикрыла дверь, обронив перед этим фразу. Из всей пространности сказанного, Ильин понял, что ему поверили, и колдунья за всей неординарностью своей жизни скучает по простой человеческой любви. Что же, так всегда: что-то теряем, а что-то находим....

Вернувшись от колдуньи, Виктор сел на кухне за стол, и, откинувшись на спинку стула, закурил, выпуская дым в по-

толок. До вторника делать было нечего, и это его угнетало. Мысли возвращались к незнакомой девушке, как бы он не хотел отвлечься от этого. Неожиданно у него возникла одна идея, именно идея, а не мысль. Есть неплохой анекдот, показывающий разницу между этими двумя понятиями: В купе поезда едут двое, новый русский и интеллигент. Новый русский грустит всю дорогу, а второй пассажир наблюдает за этим. Наконец, первый перехватывает на себе взгляд, и говорит:

«Друг, мне скучно, и если ты угадаешь о чем я думаю, то за каждую правильную мысль я тебе дам по сто баксов!».

«Давайте. Вы едете, как и я, из Сочи, значит, отдыхали там, судя по загару».

«Правильно!»

«Если с вами нет жены, то отдыхали не с ней, а с любовницей!».

«Верно, держи еще сотню».

«Ну, а раз так, то вы грустите, потому что возвращаетесь к жене, и думаете о ней».

«Факт! Держи еще».

«Она вам опротивела, и вы думаете, как бы от нее избавиться...».

«Брат, возьми-ка кусок зеленых!».

«За что? Мы же по сто договаривались!».

«По сто за мысль, а это – уже идея!».

Вот и Виктора посетила идея, пусть и совершенно другого

плана. Людей разыскивают с помощью фотографии или фоторобота, что намного упрощает работу наших органов правопорядка, и Виктор подумал об этом. Да, фотографии Анны у него, конечно, не было, но так как он помнил образ этой девушки в мельчайших деталях, то мог хотя бы попробовать нарисовать ее. Была одна проблема – еще со школы Ильин не мог сдружиться с карандашом, и рисовал в своей жизни исключительно танчики и машинки на уроках алгебры. Но если надо, ради такого дела, тем более поймав вдохновение, он непременно нарисует Анну не хуже Боттичелли или Микеланджело, ну, или хотя бы попытается сделать это. С трудом отыскав карандаш и чистую бумагу, он положил их перед собой на стол, переместившись из кухни в зал. К сожалению, красками он рисовать не мог, даже не знал, как их смешивать, и поэтому приходилось довольствоваться обычным графитом.

Началось все с поиска в Интернете пособия для учеников художественной школы. Его разработчик, когда расписывал вводный курс на год, и подумать не мог, что в России обитают индивидуумы, способные освоить технику рисования за полтора часа, как сделал это Виктор. По окончании штудирования учебника на манящей белизне листа формата А4 стала прорисовываться сетка координат, по которой предстояло строить изображение. По идее она очень облегчала жизнь начинающим художникам, но что с ней, что без нее Виктору было непросто. Прошел еще час, и на бума-

ге появилось творение. Чуда, как ожидал Ильин, не произошло, и Боттичелли с Микеланджело могли только перевернуться устало в гробу, если бы видели то безобразие, которое исполнило молодое дарование из далекой России. Что-то непонятное, исполненное грусти, похожее на рисунок психически неуравновешенного третьеклассника, с разными по величине глазами на выкате и перекошенным в блаженной улыбке ртом, это мало походило на столь желанный для Виктора образ из снов. Ильин выругался, не найдя в себе сил сдержаться, и скомкал изображение, подскочив в кресле чтобы пойти покурить.

Через десять минут, уже успокоившийся, начинающий мастер-портретист расположился снова в том же кресле перед другим листом, пока еще чистым. На сей раз, Виктор никуда не спешил, и решил потратить намного больше времени для создания портрета, но постараться сделать его качественно. Прошло немного времени, и пришлось включить верхний свет, потому что стемнело. Работа заняла два с половиной часа, и по их истечению на Ильина с полотна глядели красивые темные глаза девушки двадцати лет. Она вышла очень даже симпатичной, но совершенно не походила на Анну. Чуда опять не случилось, изображение вовсе не выглядело реалистичным, как хотел бы того Виктор, походя на что-то из мультиков, стилизованное и не имеющее души. Горе-художник тяжело вздохнул и положил голову на руки, оперевшись на стол. Темнота вечера за окном сгустилась, по-

крывалом расстелившись над городом, и рассеивали ее одни лишь фонари да фары машин. За время ваяния портрета заметно похолодало, прошел дождь и на землю начал опускаться туман, постепенно становясь более плотным. Ильин поднялся с кресла и отправился на кухню за кофе и бутербродами, так как на последние четыре часа он выключал все потребности организма, и теперь природа требовала своего.

Допивая кофе, Виктор отметил, что уже девять вечера и время летит незаметно. Отступить от начатого было не в его правилах, и он после короткой передышки продолжил упражняться в изобразительном искусстве. Ровно в десять Ильина отвлек стук в дверь. К тому времени он успел только расчертить с помощью линейки сеть линий контура. Виктор встал и пошел к двери. За окном, на которое портретист кинул взгляд, стелился туман, походивший теперь по своей консистенции на молоко. Ильин открыл дверь, и удивился. На пороге сидел кот, обычный кот черной масти, без единого пятнышка белой шерсти. Большого размера, но не раскормленный, пушистый, но гибкий, он своими изумрудно-зелеными глазами смотрел на Виктора, как будто вопросительно, слегка нагнув голову. Виктор высунулся из двери и осмотрелся. Вокруг никого не было, не было и звука удаляющихся шагов, которыми обозначил бы себя стучавший до этого в дверь. Ильин пожал плечами, подумав, что тот, кто заставил его открыть дверь, уже успел сбежать вниз или притаился где-то поблизости. Потом взгляд перешел на кота, который

все так же сидел на полу, не меняя позы. Виктор любил домашних животных, ничего не имел против собак, кошек и прочих городских обитателей улиц, но впускать к себе уличного кота не хотелось. Кот, в отличие от своих сородичей, не пытался проскользнуть между ног в тепло квартиры, и даже не вставал, чтобы потереться о Виктора, чему тот, зная повадки четвероногих, удивился.

– Извини, друг, у меня не приют для животных! Ты дверью ошибся. Иди к хозяевам, не похож ты на голодного дворового оборванца, слишком ухоженный, – и Виктор закрыл дверь.

Стук не повторился, и Ильин опять принялся рисовать. Его на этот раз хватило на полчаса. По истечению этого времени захотелось покурить, но сигареты, как назло, закончились. Делать нечего, было нужно идти в магазин. Ильин отодвинул листок, на котором успел только отобразиться четкий овал лица, и отправился за никотином. Открыв дверь, он удивился вторично за вечер: кот сидел на том же месте, только нагнув голову книзу.

– Ну ты и настырный! – Виктор переступил порог и захлопнул дверь. Кто-нибудь другой, может быть, и отпихнул бы ногой животное, но Виктор никогда не воздействовал на слабых силой. Он нагнулся и погладил кота. Рука дрогнула, когда прикоснулась к холодной шерсти на загривке, но тут в голову пришла мысль, что на улице далеко не лето, и ничего не мешало коту выскочить туда и вернуться обратно за ми-

нугу до выхода хозяина квартиры. На ласку кот не ответил, ни мурлыканьем, ни трением о руку, а всего лишь покосился на гладившего и подмигнул одним глазом. Виктору подумалось, что животное наделено разумом, но он лишь улыбнулся этому, и пошел вниз. Через несколько минут, возвратившись к двери, Ильин вновь увидел того же кота. Вздыхнув и пробурчав под нос проклятье, он сел на корточки и посмотрел на животное.

– Друг, ты точно уверен, что хочешь войти? Из меня хозяин неважнецкий, дома бываю редко и на ласку скуп. Тебе бы к старушке напротив, она кошек обожает.

Кот встал и поскреб лапой дверь в квартиру Ильина. Тот вздохнул и открыл ее. Кот остался на месте.

– Вам, сударь, приглашение требуется? Ну, тогда входите, сеньор, милости просим, – он улыбнулся.

В ответ котяра, не заставив себя долго ждать, вальяжно зашел в квартиру, осматриваясь, как осматривался бы обычный гость по сторонам. Не хватало только вопроса: «Так, так, ну и как ты поживаешь, друг?».

– Пошли на кухню, покормлю тебя.

Кот двинулся налево, в кухню. Хозяин достал из холодильника колбасу холодного копчения, и, отрезав три здоровых куска, покрошил ее на кубики. Когда перед котом поставили миску с угощением, тот кивнул головой, делая поклон, но не притронулся к еде, а лишь развернулся и отправился в зал.

– Как хочешь!

Виктор вернулся к рисунку, попросив нового обитателя квартиры не отвлекать его от сложного занятия, и начал работать. Он сделал всего пару штрихов, когда понял, как ужасно у него устали от напряжения глаза. Шутка ли, в течение шести часов, почти без перерыва, при ярком свете люстры выводить на листе черту за чертой сложный портрет? Мысль о сне пришла сама собой, но бросать начатое не хотелось. Виктор нашел компромисс со своей совестью – просто полежать в кресле с прикрытыми глазами хотя бы несколько минут. Он откинулся назад, и почти сразу погрузился в глубокий сон, один из тех, что сложно прервать даже выстрелом из ружья под ухом. Само собой, он не видел, как кот спрыгнул с подоконника и вальяжно прошествовал к хозяину. Животное с быстротой молнии прыгнуло на кресло, вскочило на грудь Виктора и замерло своей мордой в десяти сантиметрах от его лица. Ильин, уже находясь в полудреме, открыл глаза и погладил нового друга.

– Эх, брат, если бы ты умел рисовать! Изобразил бы мне Анну, а то я, сколько не пытаюсь, не могу, – на этой грустной иронии глаза снова закрылись, и тело погрузилось в сон.

Утро началось с удивления. Ильин, хоть и спал сидя, проснувшись за час до будильника, почувствовал легкость во всем теле. Он встал, потянулся, и случайно кинул взгляд на стол. На него со вчерашнего листка с только начатым художеством, теперь смотрел портрет красивой девушки с

пышной гривой волос, чуть приоткрытым ротиком и томным взглядом. Именно такой впервые увидел Анну Виктор в своем сне, в блеске солнца на пороге лавки Алехандро де Ихо. И на портрете, на волосах Анны, действительно, более тонкими и светлыми штрихами были обозначены отсветы солнечного света, переходящие с волос на смуглую кожу лица. Ильин замер и наклонился к столу, протирая глаза. Сомнений не было, на него, как живая, смотрела Анна Доминго. Шок прошел, и Виктор дрожащей рукой прикурил сигарету, даже не удосужившись подойти с ней к окну. Объяснение чудесному появлению портрета было одно – что горе-художник все же просыпался и в полусне рисовал девушку. Наверняка это происходило при почти полном отсутствии сознания, иначе остались бы воспоминания о работе. Конечно, это объяснение не составляло труда разбить на осколки при помощи логики, но Виктор не спешил этого делать. Он знал одно: посторонних никого не было, не кот же, в самом деле, рисовал эту картину? Конечно же, нет. Но рисунок был, и значит, отцом его был Ильин. А что? Один знакомый композитор рассказывал, как он уснул за столом, пытаясь написать мелодию, а, проснувшись, нашел исписанный нотной грамотой лист. Во сне происходит неведомая работа мозга, и новоиспеченный художник решил, что он подвергся приступу лунатизма, но не просто ходил по квартире, а принялся рисовать, заканчивая многострадальный образ. При очередном взгляде на гордое личико испанки Виктор улыбнулся. Теперь

хотя бы ее частичка с ним. К чему нужен был портрет, он еще не решил, но был уверен, что тот рано или поздно пригодится.

Утро прошло как обычно. Кот опять отказался есть, хотя, никаких признаков, что он болен не наблюдалось. Единственное, что настораживало Ильина в коте, так это его холодная шерсть. Поначалу он думал, что кот еще не согрелся, придя с улицы, но когда эта живность провела ночь в квартире, холодок шкуры должен был исчезнуть насовсем. Около восьми Виктор оделся и направился к входной двери. На работу не хотелось совершенно, и он остановился на полпути. В то же мгновение между его ног проскользнул кот, и, развернувшись, прижался спиной к двери, уставившись во все глаза на хозяина. Последний сделал неуверенный шаг вперед, и кот заурчал. Еще шаг, и котяра выгнулся дугой, шерсть на загривке встала дыбом, как у льва перед атакой, когти впились в паркет, и раздалось подвывающее утробное ворчание, сменившееся шипением, почти змеиным, но более громким. Не смотря на малый размер зверя, Виктора пробил страх, и холодный озноб, как сотня ледяных рук, пополз по спине. То, что с этим котом что-то не так, он подозревал с самого начала, но не мог понять, на чем основано это ощущение. Ильин отскочил назад, в зал. Кот перестал шипеть, но остался на месте, приняв сидячее положение. Виктор сел в кресло и уставился на зверя. Тот смотрел на него в ответ. Такая дуэль глазами продолжалась больше минуты, и ни один

не отступал. Первым не выдержал человек. Ильин, чувствуя опасность, схватил со стены нож, висевший там в окружении своих братьев, и поднялся на ноги. Коллекция ножей и кинжалов досталась от прадеда по матери, геолога и яростного охотника, который со всех краин бывшего Советского Союза вез охотничьи трофеи и купленные там ножи. В то время большинство этих изделий делались вручную и стоили очень недешево, но прадеду было все равно. Нож в руке Ильина некогда принадлежал семье известных уральских кузнецов, и это был подарок их потомка, которому прадед Виктора спас жизнь на охоте. Как того заверили, нож насчитывал отроду несметное количество лет, и был сделан из настоящего булата. Так или нет, но гвозди он рубил не притупляясь. Ручка представляла собой кожаный ремешок, намотанный на черенок ножа, удобно сидела в руке и не боялась времени. При истлевании такой рукоятки не представляло большого труда перемотать ремень или заменить его новым. По форме нож очень напоминал финку, но был несколько длиннее и имел заостренный с тыла конец острия для подрезки шкур. Хорошее оружие.

Ильин двинулся на кота. Тот приподнялся на задние лапы, но затем осел, приготовившись к прыжку. Виктор находился в трех метрах от зверя, крадучись приближаясь к нему, но остановился, заметив, что у бьющего по полу хвостом кота из пасти высовывается не обычный язык, а раздвоенное змеиное жало. Человек замер, прекрасно понимая, что пе-

ред ним вовсе не кот, а какое-то существо иного порядка, сущность не из этого мира, и именно из-за этого холодная шерсть и необычный язык. Немедля Виктор начал отступать назад, и зайдя в зал, моментально закрыл дверь в коридор. Возник вопрос: что же делать? Ответа не было. Нет, Ильина не захлестывала паника и чувства подобного рода, но спокойствия в душе тоже не наблюдалось. Он сел в кресло и закурил, положив нож на колени. По идее, как он понял, если бы кот хотел убить его, то непременно исполнил бы задуманное ночью, пока человек беззащитно спал в кресле. Этого не случилось, а даже наоборот, при пробуждении был найден портрет Анны, который при всем своем рвении и желании Ильин выполнить не мог. Да ведь он сам же просил, уже в полудреме, нарисовать Анну, обращаясь к коту! Тот и нарисовал. Получается, что это существо не враг, а друг, и поведение можно объяснить только тем, что Виктора не пускают за порог, чтобы оградить от какой-то опасности. Что же, ради этого поведение кота оправданно. Виктор встал, положил нож на стол, и открыл дверь в коридор. Зверь лежал возле двери.

– Друг, ты меня ограждаешь от чего-то? – он сел на корточки в паре метров от кота.

Кот медленно приподнялся и кивнул головой. Именно кивнул, осознанно и вальяжно.

– Если я выйду из дома мне не сдобровать?

Кот опять кивнул.

– Ты не кот, не так ли? Ты просто принял этот образ?

Опять утвердительный знак.

– Ты разговаривать не умеешь?

Зверь отрицательно покачал головой.

– А писать? Ведь ты же нарисовал портрет вчера ночью?

Два зеленых глаза посмотрели на Виктора как на идиота. Тот поежился и понял суть взгляда – слишком много вопросов сразу. Ильин повторил вопрос о возможностях кота. Тот отрицательно покачал головой, мол писать он не умеет, а рисовал портрет действительно он. Что же, некоторые великие художники были безграмотны, и это не мешало им гениально рисовать. С помощью односложных вопросов Виктор добился от животного некоторых сведений. Кот пришел по своей инициативе, и его никто к Ильину не подсылал. Своего сверхъестественного происхождения животное не отрицало, но, к сожалению, не могло сказать, кем является, потому, как все догадки Виктора на счет него отрицались. Так, кот показал, что он не злой дух, не черт, не оборотень, не вампир и не колдун. На большее количество вопросов о сути зверя фантазии у человека не хватило. На вопрос, добро ли кот, тот отрицательно покачал головой. На вопрос, является ли он злом, зверь лишь улыбнулся, хитро обнажив свои острые тонкие зубы. Ильин опешил.

– Но ты для меня друг?

Кот кивнул.

– Ну, наверное, тебе что-то от меня надо?

Опять отрицательный жест.

– Ты помогаешь мне бескорыстно?

Кивок.

– Но почему? Ах, ну да, ты же не скажешь, – Виктор замолк, задумавшись. Он очень хотел правильно подобрать вопрос, чтобы узнать у кота, почему тот помогает ему. Потом он понял, как это сделать. – Ты помогаешь мне из личной заинтересованности?

Кот кивнул.

– Но если это не выгода... – Ильин задумался. – Ага. Из какого-то чувства ко мне?

Кот кивнул. Дальше на опешившее животное посыпались вопросы насчет того, что это за чувство. Виктор перечислил не меньше сотни, и только на три был утвердительный ответ. Это были любовь, признательность и дружба. Тут мозг Ильина заработал с удвоенной силой. Получалось, что незнакомая сущность пришла к нему на помощь из самых благородных чувств ни с того, ни с сего? Они ведь никогда раньше не встречались. Или встречались?

– Мы встречались с тобой раньше?

Кот подтвердил.

– В прошлых жизнях?

Животное подняло лапу. По-видимому, это означало, что они виделись лишь в одной из прошлых жизней.

– Я тебе помог чем-то?

Зверь отрицательно покачал головой.

– Вот блин, а что же тогда? Да, я понимаю твой жест, ты не можешь сказать. Я сам догадаться должен. Логика, ау! А, знаю. Если я тебе не помогал, но ты ко мне хорошо относишься, значит, мы были близки. В родстве мы состоять не могли, так как ты не человек... а ты был человеком?

Жест в ответ означал одно: никогда. Зверь никогда не имел человеческой природы.

– Значит, мы действительно не могли быть в родстве. Мы были влюблены, быть может, друг в друга? Бред несусь, – Виктор оценил жест кота, который прямо как человек постучал лапой по своей голове. – А, мы дружили!

Кот кивнул.

– Но ты же не был человеком. Как могут дружить два существа из разных миров? – риторический вопрос нашел неожиданный ответ в хитрой улыбке кота. – Я догадываюсь. Я был таким же, как и ты?

Зверь подтвердил догадку.

– Но сейчас я человек?

Кот подтвердил и это.

– Ничего не понимаю! – Виктор сполз по стенке и сел на паркет в прихожей. – Я человек, но когда-то им не был. Весело. Опять больше вопросов, чем ответов. Я не такой, как все?

Животное кивнуло.

– Хотя в чем-то плюс, – Ильин не сдержал ироничной улыбки. – Никогда не любил быть похожим на других. И так,

что же еще спросить у тебя? Знать бы, хотя бы, кто ты! И кто я тоже не мешало бы. Ты ведь все знаешь обо мне?

Кот кивнул.

– И об Анне?

Кот отрицательно покачал головой.

– Но раз ты нарисовал портрет, ты ее видел?

Кот кивнул.

– Ты не знаешь, как ее найти?

Кот опять отрицательно покачал головой.

– Значит, ты не всемогущ?

Жест означал: нет.

– Об Анне тебя бессмысленно спрашивать что-то?

Утвердительный ответ.

– Ты, наверное, для меня как какой-нибудь ангел-хранитель?

Зверь так быстро закивал головой, что Виктору показалось, она отвалится. Вот он и главный ответ. Кот помогает Ильину, оберегая его, но с поисками Анны помочь не может, так как предвидит только будущее Виктора. Что и требовалось доказать.

– Слушай, а ты вообще голоден или в принципе не ешь земную пищу?

Зверь ответил на вопрос как обычный кот, когда ему хочется чего-то пожевать, то есть подпрыгнул в воздухе возле человека, и потянул его за штанину зубами на кухню.

– Что же ты ешь? Может, мясо подойдет, сырое мясо?

Животное закивало как заведенное. Виктор достал из морозилки кусок говядины и поставил его размораживаться в микроволновку. Через полчаса кот доедал полкило мяса. Этот звереныш оказался много прожорливей, чем мог показаться с первого взгляда, и расправился с едой в мгновение ока. После трапезы зверь потянулся и пошел на диван, чтобы прилечь.

– Друг, а на работу-то хоть можно уже идти? – Виктор посмотрел на часы. – Ого. Уже почти десять. Почему интересно директор не звонит?

Кот подтвердил, что Виктор может отправляться на место службы. Значит, опасность уже миновала. На вопрос, пойдет ли он с Ильиным, зверь лениво зевнул и положил морду на лапы. Он идти никуда не хотел после такого плотного завтрака.

– Ты же никуда не исчезнешь?

Животное, не поднимая головы, покачало ей из стороны в сторону, и лениво прикрыло глаза.

– Ну, спи. До вечера.

Всю дорогу до магазина Виктор думал о пережитом сегодня утром, и не знал, радоваться тому или грустить. Серая и скучная жизнь за два выходных дня превратилась в сплошную загадку без конца и края. Теперь он знает, что не такой как все, у него появилась любовь, и еще друг, которого он не видел, может тысячу лет, а отныне получает от него посильную помощь. С таким букетом новостей и изменений в жизни

ни любой психиатр примет Ильина с распростертыми объятиями и еще напишет на основе диагноза труд, затмевающий по значимости «Теорию бессознательного» З. Фрейда. Виктор опять подумал об Анне. Ему было до безумия интересно, чем она занимается сейчас. Но, только эта мысль проскользнула в голове, показался родной магазин, и Виктор подумал, что придется врать второму заму. Внимание Ильина привлекла карета скорой и ГАЗель следственной группы ППСМ. Что-то произошло. Он отпустил такси и поднялся по ступенькам. Магазин был закрыт, но внутри сновали люди в форме. Виктор кивнул охраннику на входе и тот открыл дверь.

– Привет, Слава, – он пожал руку контролеру. – Что тут произошло?

– Да ... полный, – Слава матюгнулся. – Всеволоду Валерьевичу голову проломили.

– Как?

– Да как. Просто, молотком. Короче, мужик один заявился сдать телевизор на ремонт, ну, кинескоп обычный, цена ему пара тысяч от силы. А ты же сам знаешь, гарантия – год. Так как ты опаздывал, Всеволод Валерьевич вышел сам с ним общаться, тот начальство запросил. Слово за слово, мужик нервничать начал. Ему объясняют, что поменять товар как он хочет без предварительной экспертизы невозможно, иначе заместитель сам этот телевизор купит в случае чего, а мужик упирается, мол, меняйте и все, не колышет. Наш тоже

начал спокойствие терять, но сдерживался, пока мужик не стал на личности переходить. Тогда Всеволод Валерьевич не выдержал, послал клиента, а тот схватил молоток и ударил его по голове...

– А молоток он откуда взял?

– На столе выдачи лежал, его Денис с отдела «белой» техники забыл. Он с утра поддоны сколачивал под холодильники...

– Понятно. А народного мстителя упаковали?

– Как положено. Сразу. Его грузчики помяли немного, скорая помощь за ним приезжала, – не без удовольствия улыбнулся Слава.

– Небось, и сам руку приложил, – Виктор строго посмотрел на контролера.

– Нет, только ногу. Я к нему первым подскочил.

– А ты не подумал, что камеры, расположенные по периметру зала покажут избиение этого пассажира? И что он теперь может заявление накатать на тебя и на грузчиков? И пойдете со всей строгостью по статье за телесные повреждения.

– Так грузчики его в подвале, там камер нет, – Слава растерялся.

– Ну, зато ты молодец, во всей красе. Грузчики умнее, хоть и без высшего образования как у тебя, – Виктор ехидно улыбнулся. – Теперь на наш магазин всех собак спустят. Ты рад?

– А что мне делать оставалось?

– Подойти к нему сзади или спереди, на что духу бы хватило, и ударить его по голове табуретом, лучше ребром.

– Так я бы его убил! – Слава оценил белый, еще советский табурет возле стойки диспетчера.

– Этому животному так и надо. Тогда бы это была самозащита, пока он держал молоток в руке. А это-избиение. Ладно, может, менты нормальные попадутся. Они уже изъяли запись с камер?

– Нет, в кабинет никто не заходил. Это все минут двадцать назад случилось, менты только приехали, и этого гражданина вынесли за минуту перед тобой, с черного входа.

– Молись на меня, Слава, – Виктор хлопнул контролера по плечу. – Я с жесткого диска удалю твои художества, оставив только нападение на Всеволода. И еще скажи всем, чтобы никто не знал, отчего мужик стал калекой. Понял? С лестницы упал, наверное.

– Я понял, Виктор Олегович, спасибо, – Слава протянул руку, искренне благодаря своего спасителя.

– Не за что, – Виктор сделал вид, что не видит жеста Славы. – Работай, горе луковое. И без косяков. Тебе еще от начальника охраны попадет... Да, а, кстати, где Григорьевич?

– Будет через полчаса. Он за городом был, – Слава не обиделся на игнорирование Виктором рукопожатия, прекрасно зная характер замдиректора, оставлявший желать лучшего. В Викторе хорошей чертой было то, что он делал добро, не

ожидавая благодарности за это.

Виктор ожидал, что все проблемы с милицией придется решать ему, но через десять минут прибыл начальник охраны фирмы в сопровождении исполнительного директора филиала, и Ильина выгнали из кабинета в торговый зал. К обеду магазин заработал в прежнем режиме, и уже ничто не напоминало об утреннем происшествии. Директор филиала прекрасно понял, почему была стерта часть записи с камер наблюдения первого этажа, и поблагодарил Виктора за нежелание выносить сор из избы, отдавая на растерзание органам правопорядка охранника Славу. После двух, когда уехало начальство, Ильин остался один на один со своими мыслями и рабочими вопросами магазина, которые затянули настолько, что день прошел незаметно. Завтра вернется Денис Витальевич, директор. Вот кому будет проблематично объяснить все произошедшее....

В девять, закрывая магазин, заместитель директора вздохнул с облегчением. Такого напряженного и трудного рабочего дня на его долю уже давно не выпадало. Такси отвезло домой. Родную фирму стоило поблагодарить хотя бы за это. Бесплатное такси по первому зову очень ценная штука, особенно когда твоя собственная машина в ремонте, и сделать ее Виктору обещали к концу недели. Кто же знал, что в его, почти новенький, Вольво захочет въехать перепуганная девчонка на Мазде? Да, она очень сожалела о содеянном и оправдывалась, что ее подрезали, после чего бедняжка не

справилась с управлением, но Виктору от ее извинений легче не стало. Утешало, что страховка покрыла все расходы, но срок ремонта в две недели казался почти вечностью для человека, не отпускаявшего из рук руль, уже пять лет...

Дома ждал кот, который, как и обещал, за десять часов никуда не испарился. Встречать хозяина он не вышел, но лишь только Виктор появился на пороге зала, зверь, лениво валяющийся на диване, прям как человек, поднял переднюю лапу, приветствуя.

– И тебе привет. Ты голоден?

Кот отрицательно покачал головой и снова положил ее на лапы, внимательно из-под прищуренных век наблюдая за Ильиным.

– Слушай, а у тебя имя-то есть?

Кот кивнул.

– Но ты не можешь мне его назвать! – Виктор кивнул. – Я бы и сам мог догадаться.

В ответ зверь спрыгнул с дивана и подошел к человеку.

– Ты что-то хочешь?

Утвердительный знак. Кот осматривался.

– Что-то хочешь показать мне?

Опять животное кивнуло.

– Что-то важное?

Кот проигнорировал вопрос, и подошел к огромному застекленному книжному шкафу в половину стены, на котором остановил перед тем свой взгляд. На полках шкафа, ру-

кой хозяйина квартиры, ценящего порядок, были приклеены таблички с буквами алфавита для удобного поиска нужных книг.

– Ты хочешь, чтобы я достал какую-то книгу?

Кот сделал отрицательный жест.

– А что тогда? А... там же буквы наклеены. Ты мне что-то по буквам покажешь?

Зверь кивнул. Виктор подошел к шкафу и начал поочередно указывать на буквы, следя за реакцией кота, кивающего каждый раз при совпадении задуманного с предлагаемым. Через пять минут получилось, что животное указало на пять букв – А, З, Е, Л и Ь.

– Азель? – прочитал Виктор.

Кот затряс головой, говоря: нет!

– Альзе?

Опять та же реакция.

– Елазь?

То же самое. Поочередно называя варианты, Ильин потратил на это полчаса. Наконец, наступил момент, когда он исчерпал запасы фантазии, перечислив все возможные сочетания этих пяти букв. Виктор закурил, с подозрением глядя на кота.

– Может ты издеваешься?

Кот со всей серьезностью отрицательно покачал головой.

– Но буквы хоть те?

Утвердительный ответ.

– Значит, сочетание неверное. А что же делать? Я перебрал все возможные варианты, пришедшие мне на ум. И их было немало.

Отрицательный знак. Значит, не все варианты были озвучены.

– А что это хоть за слово? Твое имя?

Кот кивнул.

– Я понял. Ладно, друг, я больше не знаю, что говорить. Давай, я тебя буду называть Азель? Это наиболее созвучное из имен.

Животное кивнуло, на удивление охотно. Наверное, это сочетание букв действительно было наиболее близким к его настоящему имени.

– Азель, Азель! Что-то до боли знакомое мелькает в твоём имени. По крайней мере, в озвученном имени, если быть точнее.

Кот промолчал, как это и следовало сделать четвероногому, но притупил взор, и хитрая улыбка пробежала по его губам. Он о чем-то думал.

Во вторник вечером, когда Виктор забежал после работы домой, чтобы привести себя в порядок перед визитом к колдунье, Азель встретил его у самой двери, и начал крутиться у самых ног.

– Что, соскучился? Ты сейчас ничем не отличаешься по повадкам от обычного домашнего кота.

Зверь кивнул, и сел возле двери, а Ильин отправился напрямиком в ванную. Когда человек уже собирался выходить, он заметил, что кот не покидал своего боевого поста возле двери.

– Что, опять опасность? Ты меня и сейчас не выпустишь? – Виктор нагнулся к животному, смотря ему прямо в глаза.

Азель помотал головой, и кивнул на дверь, мол, пошли быстрее.

– Так ты со мной поедешь? Ты знаешь, куда я направляюсь?

Кот кивнул, и Виктор подчинился его воли. Такси прибыло по времени, и Ильин, запустив кота назад, сам сел на переднем сидении, назвав адрес.

– С животными нельзя, – таксист покосился на кота, удобно распластавшегося на замше чехлов и смотрящего в окно.

– За него не переживайте, проблем не будет. Он домашний и по улице не ходит, так что стерилен абсолютно.

– Но шерсть на чехлах останется... – таксист опять перевел взгляд на кота.

В ответ Азель ответил тем же, и так недобро покосился на водителя, что тот неожиданно перекрестился и больше не говорил за шерсть и животных, тронув машину со свистом шин. Может, именно благодаря такому взгляду со стороны кота, таксист с Ильина содрал за дорогу почти вдвое меньше положенного, спеша скрыться из тихого переуллка, куда привез пассажиров. К суеверному страху таксиста добавило эмоций еще и то, что он понаслышке знал о доме в итальянском стиле, к которому направлялись человек с котом. Ему не один и не два человека из попутчиков и просто знакомых рассказывали о своих обращениях к колдунье, владелице участка. Поэтому кот с человеческими глазами несколько не выбивался из колеи слухов.

Гостям открыла Марина Васильевна собственной персональной, давно ожидающая Виктора. То, что он пришел с котом, ее насторожило.

– Добрый вечер! – Виктор поздоровался первым.

– Добрый. А кто это с тобой? – она недоверчиво посмотрела на животное.

– Друг.

– И давно вы дружите? – это звучало даже без иронии. – Сколько ты знаком с этой живностью?

Два дня. Он сам ко мне пришел.

– Я только не пойму, зачем ты его с собой привел?

– Он сам попросился, а после того как мне этот кот спас жизнь, я ему не отказываю.

– Потом расскажешь. Но мне он не нравится, зло какое-то от него исходит, – колдунья покосилась на зверя.

– Ну, он лучше, чем кажется.

– Ладно, входите. Пусть будет так. Но он останется ждать здесь, животному нельзя туда, куда мы идем.

– Почему?

– Много вопросов.

– Азель, жди здесь.

Кот кивнул. Виктор прошел с Мариной Васильевной через холл, в котором проходил прием в воскресенье. Завернув за угол, они подошли к лестнице, ведущей вниз. Лестница удобно примостилась за кашпо с раскидистой пальмой, и была мало заметна для невооруженного глаза. Сохраняя молчание, гость с хозяйкой стали спускаться вниз, и через три пролета ступени вывели их в комнату размером пять на четыре метра. Коридор, минуя это помещение, уводил дальше, вглубь подвала, и чисто машинально Ильин проследил за его ходом. К сожалению, густой мрак не дал рассмотреть того, что находится в следующей комнате.

– Там котельная, – колдунья перехватила взгляд гостя и автоматически ответила на немой вопрос.

Комната в которую они вошли, из-за скудности обстанов-

ки представляла собой нечто похожее на келью или подсобное помещение. Стены из грубой кирпичной кладки, видимые в коридоре, здесь были обиты черной непрозрачной тканью по всему периметру. По центру стоял большой квадратный стол из нелакированного дерева, на котором расположились чашки разного размера, ножи, свечи и несколько книг, вернее тетрадей, исписанных убористым почерком с «Ять», что обличало их, минимум столетнюю, историю. Этажерка, стоявшая в углу, вызывала в Викторе уважение хотя бы тем, что не развалилась от веса стоявших на ней банок с различными перемолотыми травами и корнями, и бутылей с разноцветными жидкостями. Возле стола примостились четыре низеньких дубовых табурета. Довершали картину два огромных зеркала, стоящие друг напротив друга, вмонтированные в стены, ровно по центру комнаты. Зеркала были занавешены коричнево-палевой, выцветшей тканью, но Ильин понял, что это такое, потому как краешки выбивались из-под самодельных гардин, раскрывая тайну. Бетонный пол, побеленный потолок, и полная пустота, давящая на сознание – вот и все, что подметил про себя гость.

– Мрачноватая комната, – Виктор не удержался от высказывания, нервно поведя плечами.

– Для занятий лучше не придумаешь. Там еще одна есть, – хозяйка отошла от гостя в один из углов, и приподняла штору.

За шторой оказался вход в другое помещение, меньшего

размера. Там на стенах висели несколько икон, на тумбе в углу расположились псалтырь, тропарь, молитвослов и библия, а возле них стояла пятилитровая бутылка с прозрачной жидкостью. По центру же комнаты была кушетка, сваренная из толстых стальных уголков, вмонтированных в пол. Жесткий матрас без покрывала и маленькая подушка, лежащие на кушетке, не предполагали удобства. Странности этому месту добавляло и то, что по углам кушетки были вмонтированы в пол четыре огромных кольца, от которых как змеи отходили толстые цепи с наручниками кандалов, наверняка служащие для приковывания человека к железному лежбищу. Противоборствуя со средневековой лежанкой изяществом, у стены стояло кресло-качалка, над которым застыло на стене бра в виде цветка лотоса. Ильин поднял глаза к потолку и увидел вмонтированное в потолок узкое длинное зеркало, распластавшееся строго над кушеткой. Гость перевел взгляд на хозяйку, и в его глазах застыло недоумение.

– Это что, камера пыток? Не хватает чего-то! Наверное, крюков для мяса и различного вида ножей... – он опять пожегся. Холод, или нервы, но его спину уже давно терроризировали мурашки.

– Нет, что вы, – Марина Васильевна улыbnулась. – Это совершенно другого рода помещение, здесь никого не мучают. Здесь лечат. Хотя, конечно, человеку, не знающему природу вещей, эта комната может показаться камерой для заключенных.

– Но что это? Эти кольца на цепях явно кандалы. Или вы скажете, что они подходят под стиль этой комнаты? Рустика, если не ошибаюсь? Аскетизм и первозданность во всех деталях?

– А вы давно сарказмом страдаете? Я же говорю, здесь лечат людей, а приковывают больных для их же блага.

– Я вам верю, просто не смог удержаться от шутки. А библия здесь причём? Ей лечат? – уже серьезно, с бескрайним любопытством Виктор подошел к тумбе.

– Ей. Вы слышали когда-нибудь об экзорцизме?

– Нет. А что это?

– Изгнание бесов из человека.

– А... – Ильин начал переосмысливать увиденное и услышанное. Пауза была короткой. – Я понял. Я в каком-то фильме видел подобное, там человек на кровати по комнате летал... Но я считал все это легендой, людским суеверием!

– Вы заблуждались, как и многие. Даже религия не отрицает, что в человеческое тело могут вселяться существа иного порядка. Рассказы об этом встречаются и у мусульман, и у иудеев, и у буддистов, и у христиан. Вы слышали, например, о двух тысячах бесов, которых изгнал Спаситель из одного человека?

– Да, что-то слышал, но тоже думал, что это придумали люди.

– Об этом написано в библии, Евангелие от Марка, глава 5. Говорится, что когда Спаситель причалил к берегу Гада-

ринскому, и вышел из лодки на сушу, ему в ноги кинулся человек, вопрошая, доколе будут длиться его муки. Человек тот был одержимым, спал в гробах и имел силу необыкновенную, такую, что рвал цепи и разбивал любые оковы как стеклянные. Спросил Христос, как имя его, и ответил ему человек, что имя ему Легион, ибо много их. Спаситель изгнал бесов из того человека, вселив их в свиней... Так что экзорцизм известен как метод лечения с незапамятных времен. Только сам термин возник несколько позже, производя от греческого «экзорсо» – клятва... Ладно, что-то далеко я вдаюсь в историю.

– А кушетка вмонтирована в пол, чтобы не летала? – Ильин застыл с раскрытым ртом, как мальчуган, увидевший впервые в жизни самолет.

– И для этого тоже.

– И как это происходит? Лечение само, я имею в виду.

– Это долго рассказывать... Вообще, зрелище не для слабонервных, и с ума сойти можно от увиденного. Представьте сами, каково это, когда девочка говорит на нескольких языках мужскими голосами... Да и вообще, столько всего я видела во время этого ритуала, что уже ничем не удивить.

– А что главное в лечении?

– Узнать имя того, кто сидит в больном. Зная имя намного легче подчинить его воле Господа. Тогда уже можно торговаться, выманывать, угрожать или смирять. Без имени все это невозможно.

– А цепи?

– А иначе и не удержать. Шестерых мужиков не хватит на одного больного. Я раньше канатом привязывала, так один пацан, лет так десяти, порвал его, пришлось тогда четверговой солью и распятием умирять. Бедный ребенок.

– Да, жестоко, – Виктор посмотрел на пол, и заметил на бетоне под кушеткой какие-то символы, выцарапанные чем-то острым. – А что это? – он показал на них пальцем.

– Не важно. Вам не понять. Лучше посмотрите, на что бесноватые способны, – колдунья подошла к кровати и указала на одну из ножек, исцарапанную до блеска глубокими бороздами, как будто ее собирались перепилить напильником.

– Чем это? Надфилем? – Ильин тоже нагнулся.

– Ногтями, – хозяйка показала пальцем на тумбочку. – А это орудия лечения. Святая вода и священные книги. Еще елей, ладан и четверговая соль, но я их отдельно держу.

– И давно изгоняли в последний раз?

– Года два прошло, слава Всевышнему, – она перекрестилась. – Изматывающая работенка. Я бы лучше бетон мешала лопатой, чем этим занималась. Но когда приходят люди со слезами на глазах, я не могу отказать. А так – держи пост пару недель, не спи несколько суток, и думай, как бы самой не перепало... Ничего хорошего нет. Ладно, пошли отсюда. Попробую помочь.

– А что вы решили на счет меня?

– Я поначалу думала вызвать кого-то из тех, – она ткнула

пальцем в пол, – но поостереглась. Лишний раз с этим связываться не очень хочется, потому что каждый вызов может оказаться последним. Хотя, они знают все, и рассказали бы многое. Я после последнего вызова зареклась делать подобное.

Марина Васильевна отодвинула штору одного из зеркал, и Виктор на поверхности стекла увидел какие-то символы, выцарапанные с остервенелостью чем-то острым. Ильин провел рукой по поверхности зеркала, но она оказалась на ощупь абсолютно гладкой.

– Это с обратной стороны зеркала. Вот я страха тогда натерпелась.... – она глубоко вздохнула.

– Да уж, весело колдунам жить, – гость уважительно покачал головой. – Не соскучишься.

– И не говорите.

– Так что вы решили, чем сейчас займемся?

– Я вам буду гадать. Таро и воск. Извините, но больше мне вам помочь нечем.

– Спасибо на этом огромное.

– Начнем с воска.

Колдунья налила из большой бочки в коридоре воду в одну из чаш, поставила ее на стол и жестом призвала Виктора подойти ближе. Затем она срезала у одной из свеч верхушку, мелко порубила ее в железной пиале и зажгла спиртовку, на которую водрузила нехитрый тигель с воском. Пока воск переходил в жидкое состояние, колдунья наклонилась над во-

дой и начала что-то шептать, с каким-то тихим присвистом. Вода не поменяла цвет, не начала кипеть, как показали бы в каком-нибудь фильме ради специального эффекта, но она пришла в движение, закрутившись, как при перемешивании ложкой, против часовой стрелки, от чего у Виктора волосы на голове встали дыбом. Он никогда не думал, что с помощью слова можно так воздействовать на вещи, и ему было от этого не по себе. Колдунья же прекратила свой непонятный монолог с чашей, и, сняв пиалу с огня, рывком выплеснула воск в воду. Капли моментально застыли, образовав целую картину на поверхности, и вода начала замедлять свой бег. Ильин нагнулся над чашей, но увидел лишь непонятную сеть из клякс и пятен, соединенных вместе, похожую то на узор от мороза по стеклу, то на осколки разбитого графина, но с закругленными углами.

– Что ты видишь?

– Если честно, то ничего определенного. Просто капли воска на воде. А должен что-то видеть?

– Должен. Вот, посмотри сюда... – она показала пальцем на точку в сетке капель. – Видишь три полосы, параллельные друг другу?

– Да.

– Это дорога. Скорая дальняя дорога, – Марина Васильевна надела очки, и принялась внимательно, по кусочкам осматривать восковое полотно. – А вот человек, над которым нагнулась большая фигура. Видишь это?

– Да, вижу. Человек на коленях, что ли? – Виктор тоже всматривался в чашку, распознавая по мере подсказок отдельные картинки в общей системе. Да, картинки были скорее абстрактны и не всегда очень четки, но колдунья их безошибочно угадывала.

– Да. На коленях, и фигура за спиной. Видишь, рога у нее? И хвост еще?

– Вижу.

– Это тот, с кем ты пришел сегодня. А человек на коленях – это ты....

– Вы не ошиблись? – Виктор посмотрел на колдунью. – Может, это не я?

– Да нет, это ты. Я читала слова, чтоб все как есть показывало, и эта фигура твоя. Про посторонних здесь ни слова, только о тебе.

– И что это значит? Мне грозит опасность от этого существа? – Ильин неуверенно закончил фразу.

– В гадании нет ничего определенного и односложного. Ни в одном, и не важно, гадаешь ты на воске, на картах или на дыме. Видишь, как это существо простирает над тобой руки?

– Вижу...

– Это жест защиты, оберега. Оно тебя оберегает от чего-то. А вот собака. В этой позе это новый друг. Ну, наверное, об этом коте речь и идет. Вот кресло. Раздумья о чем-то. Вот голубь, какие-то вести тебя поджидают. Вот ворота, ка-

кая-то тайна, а это ключ, находка или разгадка. Вот это лестница, перемены в жизни. Вот, по-моему, лев. Это сила... – и колдунья продолжила толкование фигур и картин на воде.

Виктор слушал внимательно, но ничего особо впечатляющего не услышал. Слезы, деньги, разговор с кем-то, удача и преграды, через которые стоит перешагнуть. Вот, собственно, и все. А потом его взгляд упал на одну фигуру. Это был четкий прямоугольник, в центре которого расположилось отверстие в виде креста, немного неправильной формы. Рядом плавала фигурка сломанной свечи, со все еще горящим фитилем.

– А что это? – Виктор показал на замеченную картину.

– Клякса обычная. Не обращай внимания, – тон Марины Васильевны немного изменился.

– Но вы же любые кляксы толкуете. Разве это не гроб? А это не свеча? – Виктор занервничал. – Хотя я и далек от гадания на воске, но этот символ яснее ясного.

– Согласна. Это смерть, известие о ней, пришедшее со стороны.

– Понятно, – у Виктора в памяти мелькнула фраза, сказанная за несколько минут до этого колдуньей: о посторонних здесь ни слова, все только о тебе. От этих слов, всплывших в памяти, возникло ощущение, что гадающая просто врет, и гроб – не известие, а то, что ждет впереди. Но Ильину очень захотелось поверить увещаниям женщины, и он подавил все мысли и ощущения. Он любил жизнь.

Марина Васильевна истолковала еще несколько фигур, в принципе, ничего не значащих, вроде покупки новой вещи или неожиданного гостя, и закончила с гаданием на воске. Она взяла чашку и вышла с ней из комнаты, чтобы вернуться через минуту уже с пустой посудой.

– Ну что, перейдем к Таро? – она подмигнула Виктору. – Я за всю практику ни разу не наблюдала, чтобы эти карты вращались. Если предсказанное на них не сбывается, то значит, пророчество было неправильно истолковано.

– Будем надеяться, что они принесут ответы на мои вопросы.

– Посмотрим.

Колдунья вынула из кармана черную деревянную коробку, и достала оттуда колоду карт.

– Думай о сложившейся ситуации, о своей Анне и задай про себя вопрос: как быть? Сможешь?

– Да.

– Я тебе дам карты, а ты их будешь тасовать. Затем, перетасовав их хорошенько, ты сдвинешь левой рукой к себе, и разложишь. Понял?

– Понял. А как раскладывать?

– Справа налево, рядами по семь карт. Всего шесть рядов выйдет.

– А тут вроде больше в колоде?

– Не задавай глупых вопросов, и следуй указаниям.

Гадалка взяла принесенную колоду, и, перебрав ее, разло-

жила карты на две стопки, одну толще, а другую тоньше. Из толстой колоды она отсчитала двадцать карт, и перемешала с тонкой стопкой. Полученную колоду она протянула Виктору, сделав знак мешать. Ильин послушно кивнул, и принялся тасовать карты. Прошло около минуты, когда колдунья произнесла:

– Задай вопрос, сними карты и раскладывай.

Ильин проделал все, как ему сказали, разложив Таро на шесть рядов по семь карт в каждом, справа налево, сверху вниз. Он закончил расклад, и колдунья склонилась над столом, изучая расположение и сочетание арканов. Виктор тоже наклонился к столу, но не ради толкования, в котором ничего не понимал, а ради того, чтобы изучить карты, подобные которым он никогда в жизни не встречал. Кто никогда не видел Таро, всегда внимательно их изучает, увидев впервые. Для человека, не посвященного в таинства гадания, все кажется не более чем набором загадочных изображений и непонятных символов. Конечно, привыкшему к игровой колоде с дамами и тузами в новинку смотреть на фигуры дьявола или мага, шута, шагающего в пропасть или человека, повешенного за ногу, изображенные на старших арканах. Этим и отличается знающий от незнающего. Первый видит в фигуре шута Безумца (Дурака), предостережение от неверного шага, а второй видит всего лишь человека, который шагнет в пропасть. Первый видит в аркане Отшельника высшую степень знаний и мудрости, а второй всего лишь

фигуру странника с фонарем, бредущего по горам. ...

– Какие интересные карты, – Виктор не удержался от восклицания. – Сразу видно, что они предназначены для предсказания судьбы. Сплошная тайна.

– Это великая сила, – колдунья подняла взгляд на гостя. – Одно из чудес мысли, сочетание не сочетаемого, кладезь знаний, тайная мудрость.

– Ну, я вижу только загадочные картины, и не более. В чем же здесь тайные знания заключены? – он с интересом посмотрел на женщину.

– Есть легенда, что эти «загадочные картины», как ты их назвал, не что иное, как книга Тота, древнеегипетского бога мудрости и тайных знаний. По легенде эту книгу написал он сам на 78 золотых табличках, по количеству которых и число карт в колоде. Есть 22 высших аркана, пантеон. Они – главные, на основе этих карт и складывается гадание, а младшие арканы – лишь помогают и уточняют толкование. Старшие арканы не имеют масти, а младшие арканы относятся к четырём мастям – это жезлы или посохи, чаши или кубки, пентакли или монеты и мечи. Во всех картах есть тайный смысл. Каждая определенная карта младших арканов отвечает за свое время года и определенный период в нем. Вот, например, видишь 3-ку и 4-ку мечей? Это события с 4 по 13 и с 14 по 23 октября соответственно. Каждая карта соответствует своему созвездию и своему дому, сочетая в себе все черты, характеры знака зодиака, к которому вдобавок

она принадлежит. Вот, видишь, например, мужчину – возницу упряжки? Это аркан Колесница, седьмой старший аркан, знак зодиака Стрелец, планета – Юпитер. Аркан победителя, который смог подчинить себе своих врагов и противоборствующие силы, черное и белое с помощью личного мужества и заслуг. Каждый старший аркан имеет свой порядковый номер. Видишь, вот аркан Дурак? Это нулевой аркан. А вот – Смерть, тринадцатый аркан. Все это нумерология, наука о числах и о взаимосвязи чисел с судьбой. Любое число означает что-то свое, определенный заряд знаний и силы. Вот, видишь Мага, первый аркан? Вот здесь, в углу, символ. Это Алеф, буква древнееврейского алфавита, цифровое значение – единица. Число человека, идеальной натуры, цельной личности, лидера. Число здоровья.... Каждый аркан обозначает свой материал, вещество. Это уже другая наука, алхимия. Слышал о ней?

– Слышал. Алхимики из свинца хотели сделать золото с помощью философского камня...

– Это только поверхностное. На самом деле алхимия философская наука о равновесии мира, причинах явлений и взаимосвязи малого, микрокосма, с великим, макрокосмом....

– Точно-точно! Я же встречался с подобным у Гёте в Фаусте. В первом акте, когда к нему является Мефистофель в образе пуделя...

– Я рада, что мы поняли друг друга. В общем, каждая кар-

та уникальна и то, что я перечислила – лишь малая толика всего заключенного в этой колоде.

– Понятно. В каждой свое значение.... А что обозначает вот эта карта? Дурак, как вы его назвали. Глупость?

– Вовсе нет. Он обозначает риск, расплату даже, быть может. Видишь собачку, которая тянет Безумца назад за штанину?

– Вижу.

– Она предостерегает его от следующего шага. Собачка – это судьба, с которой Безумец затеял игру. Да, кажется, что он не замечает очевидной опасности, но на самом деле он все прекрасно видит, и не факт что шагнет в пропасть. Он бравирует, рискует, играет. Да, он может заиграться, но может и добиться от судьбы того, чего хочет достичь своим блефом. Судьба его останавливает, предостерегает от выпавшего стечения обстоятельств. Он ей еще нужен. Но он идет вперед, и, значит, избежит гибели, добившись тем другого отношения к себе, потому, что Случай пойдет на уступки. Это безрассудная, но незамедлительно дающая свои плоды политика....

– А что это за колесо?

– Это десятый старший аркан, Колесо Фортуны. Первый закон мироздания. Видишь два существа на колесе? Одно белое, другое темное. Одно поднимается вверх, а другое опускается вниз. Белое существо – образ богини влаги и добра Тефнут, это львица, она движется в небо. Черное – это бог пустыни и зла Сет, он же чудовище по имени Тифон,

смесь человека, льва, крокодила, бегемота и шакала, он движется в огонь искупления. Все думают, что добро победило, но это временно. Колесо не застыло, оно не может застыть, и поэтому через какое-то время добро падет, как зло, а зло поднимется к трону. И наоборот. Так было всегда, есть и будет, и одно добро никогда не будет кататься на колесе, ведь чтобы оно крутилось, ему нужно равновесие, а добру противовес в виде зла.

– Ни чего себе! И это все в одной карте? Да, удивительная колода. А вот, аркан Смерть. Я правильно понял, что она косит головы и крестьянина и короля и рыцаря лишь потому, что ей все равно кого?

– Да, перед ней все равны, плоть станет землею, а земля плотью. Это неизбежно. Наши предки, славяне, говорила так: «Рожденный неизбежно умрет, а умерший неизбежно родится!». У них даже был такой праздник, день возрождения природы, Коловрат.... Ладно, что-то далеко я зашла в своих рассказах. Дай мне минуту осмыслить раскладку, и я перейду к толкованию.

– Конечно, как скажете.

– Ну, в общем, все не просто! – произнесла колдунья через некоторое время. – Все не так просто, как казалось мне по началу...

– Не томите, рассказывайте.

– Это гадание называется цыганским, по нему я легко могу узнать твое прошлое, настоящее и возможное будущее, а

так же что ты за человек. Оно никогда не врет, да вообще, Таро никогда не врут. Ну а тут возникла некая нестыковка в большинстве выпавших сочетаний.

– Может, гадание неверное? Я слышал, что карты могут врать по своим причинам, из-за гадания в церковные праздники, например...

– Праздников сегодня нет. Тем более, это Таро. Когда расклад не удастся, и карты отказываются давать ответы, в раскладе выпадает 79-я, так называемая белая, пустая карта. Здесь ее нет, гадание можно считать состоявшимся и правдивым. Просто необходимо поразмыслить обо всем. Я начну с прошлого, а потом перейду к настоящему, и по ходу толкования определю окончательный расклад.

– Я свое прошлое знаю, может, без него обойдемся?..

– А давай я сама решу, с чего мне начинать? Или ты без моей помощи обойдешься? – Марина Васильевна строго посмотрела на Виктора. – Когда сам гадать начнешь, тогда и советы давать будешь. В общем, так! Видишь, вот шестерка чаш? Это древность, прошлое, предки. Вот Маг, связанный с этой шестеркой... это тайные знания. В прошлом ты был... А ты никогда магией не занимался?

– Нет.

– Значит, это происходило не в этой жизни, чему я не удивлюсь в свете последних событий. Либо же не с тобой, а с кем-либо из твоих предков, как я тебе уже говорила при первой нашей встрече. Кто-то был очень необычным чело-

веком, это сочетание карт случайно в раскладе не выпадает, слишком сильная вещь.

– А что, если бы подобное сочетание не в трактовке прошлого, а в раскладе на будущее выпало?

– Это означало бы посвящение в древнее таинство, либо же значимое археологическое открытие. Так, что еще у нас здесь?... Ага, девятка мечей. У тебя было очень нелегкое прошлое. Я вижу потери, разлуки, бедность и богатство.... Слушай, да этих карт хватило бы на три полновесные, закрученные и нелегкие жизни, а не на одну, и то в самом начале. Тебе же тридцати еще нет?

– Нет.

– Вот и я о том же, – колдунья грустно вздохнула. – Ощущение, что Таро показывают историю жизни тысячелетнего старца.... В недалеком прошлом ты находился под влиянием матери. Без отца рос?

– Ага.

– Понятно. У тебя мать добрая и умная женщина, настоящая хранительница домашнего очага. Вот она, королева пентаклей. Совсем недавно я вижу влияние еще одной женщины. Вот, видишь перевернутая королева мечей? Коварная, злая, алчная и ищущая выгоды во всем...

– Это по-любому моя бывшая, Ника, – Виктор кивнул. – Поначалу думал, что овечка, а она оборотнем оказалась. Ладно, это все так, лирика...

– Недавно приобрел нечто ценное... квартира?

– Машина. Дорогая.

– Я вижу эмиграцию! В другие страны не переезжал?

– Нет. Может, служба в армии? Я далеко от этих мест служил.

– Вряд ли. Ладно.... Просто видишь, вот и вот? Эти две карты – отъезд из родных мест на длительное время, не год и не два точно. Так. Еще вот они, преграды, следом за ними достижение какой-то великой цели.... – она предалась в пояснение толкования, но ничего больше ценного или значимого не назвала. – Как я понимаю, тебя больше будущее интересует?

– Да.

– И еще одно в прошлом. Ты сидел в тюрьме?

– Нет.

– Странно. Тут ошибки быть не может. В далеком прошлом у тебя выпал приличный срок. Вот и вот, Башня и десятка мечей около нее. Видишь?

– Вижу, но я не сидел.

– Ощущение, что расклад действительно охватывает и твою настоящую и твои прошлые жизни. Я не знаю даже.... Обычно Таро говорят только о прошлом, как я понимаю в одном, настоящем воплощении, а у тебя все перерождения смешались в толковании воедино. Это меня и ставило поначалу в тупик. Вот, например две карты. Это сочетание означает военную службу в высоком ранге. Награды, почести...

– Значит, Викторιο тогда не умер в Венеции, а дослужил-

ся... – Виктор замолк.

– Чего?

– Мне снился сон, я его вам рассказывал. Помните монаха? Он же военным решил стать, может, об этом карты и говорят?

– Невероятно, но, скорее всего, – ошарашено произнесла колдунья.

– А нет ли рядом бедности?

– Есть, перед этой службой. Крайняя нищета.

– Это оно и есть. В этой жизни я богатым никогда не был, но и не голодал, сыто питался.... Что дальше?

– Болезни, раны и увечья, видимо, как следствие военной службы. С прошлым все. То, что сейчас. Любовь, мой друг, у тебя любовь. Вот старший аркан Влюбленные. Это сильная привязанность. К кому? А вот она, королева посохов, умная, сильная и любящая тебя. Ты приручил дракона в лице этой женщины?

– Почти. Это моя любовница, я действительно к ней сильно привязан. Сильная, цельная, дерзкая и хитрая. Несомненно, умна...

– И любит тебя.

– Я бы не сказал, – он с сомнением посмотрел на колдунью.

– Зато я бы сказала, – она ответила смелым и открытым взглядом. – Ладно, смысл спорить? Не мне с ней жить. Ты много думаешь, и о ней, и о будущем. Изводишь себя мысля-

ми. Вот, смотри, видишь, подряд идут раздумья, хлопоты и печаль? А вот старший аркан Повешенный, это жертва, что-то, чем ты рискуешь сейчас; переломный момент в жизни, необходимость определиться и расквитаться со всем навалившимся. А вот семерка посохов. Это начало трудного этапа, она связана с Повешенным. Ты осознаешь, что стоишь на перепутье, и должен сделать правильный выбор? Путь будет нелегким, учти. Не ошибись только. Зная твою ситуацию, я скажу, что ты должен выбрать: либо спокойная жизнь, либо проблемы в лице девушки, которую ты ищешь. Вот оно, видишь? Два пути, спокойствие и счастье, или беды с неопределенностью, – она водила пальцем от одной карты к другой, сопровождая свои жесты пояснениями. Перед Виктором четко развернулась вся картина, какой она была. – Подумай.... Вот они, шестерка пентаклей и тройка мечей. При ошибочном выборе тебя ничего хорошего не ждет.... Слушай, откажись ты от этой девушки, – Марина Васильевна посмотрела на Ильина с жалостью. – Откажись, сынок. Вот же есть у тебя любовница, которая тебя любит. Женись на ней, будь счастлив, здоров, пусть она тебе нарожает детей. Ты понимаешь, вот по этим картам я вижу твое будущее, и там ничего хорошего нет если ты найдешь ту девушку.

– Поясните?

– Попробую. Карты дают вариацию событий при данном стечении обстоятельств, как ручей, выводя от истока к устью, от прошлого через настоящее к будущему. Вот, на-

пример, ты решил, во что бы то ни стало найти эту девушку из снов. Это твой выбор, и по этому выбору соответственно строится будущее. Откажешься от намерений, и тебе будет дано иное. Понимаешь?

– Понимаю, но я не хочу потом жалеть о том, что даже не попытался найти ее.... Рано или поздно я буду старым, предположим, я женюсь, как вы советуете, на Варваре, любовнице, и проживу счастливую жизнь.... Но я люблю Анну, девушку из сна, и не факт, что с годами эта любовь уйдет. Судьба связывала нас не раз и не два, и каждый раз я что-то делал не так, отступал ли, делал неправильный выбор, или же что-то еще, но оставаться вместе нам не получалось. Теперь я хочу это исправить. Моя душа, мое сердце требует этого, и как наркоман я не могу бороться с этой ломкой....

– Но цена слишком высока. Понимаешь?

– Нет, вы же ее не озвучили....

– Хорошо. Вот старший аркан Дьявол. Он связан с этой Аней. Вот она, королева чаш, не только самая любовная карта, но и очень коварная. Дьявол означает пороги и проблемы, жертвы с твоей стороны. Анна очень импульсивная натура, ветреница, я бы сказала. Вот за ней старший аркан Отшельник. Дурной знак, нужно быть осторожным. Это подсказка свыше в лице усталого Странника, держащего фонарь знаний.... Дальше идет двойка чаш, это появление сильной любви, а в выпавшем сочетании с девяткой чаш, это встреча с любимой. Данные две карты означают, что разрастаясь,

этот огонь сожжет тебя, целиком подчинит и не оставит выбора. Эта любовь затянет тебя как сеть в омут.... А следом Правосудие. В данном раскладе это предостережение, мол, не надо идти сюда, двигаться навстречу своей любви. То, что это испытание дано тебе свыше, говорит Колесо Фортуны, судьба. Ты пойми, что все эти карты не могут просто так выпасть, случайно оказаться в одном ряду с твоей избранницей. Я бы прямо сказала: на тебе, дружок, приманку, которую ты с удовольствием съешь, но переварить ее будешь не в состоянии. Знаешь, что такое несварение желудка?

– Знаю! – буркнул Виктор. – Очень мучительная вещь. Опасная.

– Ага. Да тебе ведь все равно, ты не отступишь, – она произнесла это не только с раздражением, но и с некоторой долей уважения. – Эх! Озвучить, что будет дальше?

– Озвучьте.

– Итак, ты сделал выбор, и за этим следует поспешный отъезд. Вот он, видишь? Рыцарь посохов с девяткой пентаклей. Скоро уже.... Следом идут Властелин ветра... прости, рыцарь мечей и рыцарь чаш. Эти две карты означают встречу с важным человеком, очень значимым. Что дальше? Вот они, слезы и тоска, переживания и тревоги, трудности и потери, опасность, наконец, – палец Марины Васильевны скользил от одной карты к другой. – Между ними объяснение в любви, вот эта шестерка мечей. Дальше Императрица, близкая развязка.... А за ней.... – она замолкла.

– Я вижу. Это то, о чем я думаю?

– Да! – после недолгого колебания подтвердила колдунья. – Именно в этом раскладе, выпадающем столь редко, это и есть наивысшая степень угрозы, и как следствие... Да ты сам видишь.

Виктор кивнул. Перед ним, завершая все ряды карт, последними в толковании и раскладе, лежали друг с другом восьмерка мечей и старший аркан Смерть. Она скалилась безгубым черепом, обнажив в страшной улыбке все свои длинные и крепкие зубы, отчего-то не человеческие, а скорее волчьи, настолько острыми и кривыми были клыки. Ей было действительно безразлично, кого косить своим оружием, малых или старых, женщин или мужчин; это легко угадывалось в черных дырах глазниц... У Виктора по спине пробежал озноб. Вспомнился и восковой гроб в чашке с водой, и свеча на нем. По двум гаданиям его ждала она... Хотя, не в первый раз. Справится как-то, главное, чтобы с Анной встретиться, спасти ее от гибели. На этот раз он никому не позволит причинить ей вред. Никому.

– Я все понял, – произнес Виктор. – Больше ничего не выпало?

– К сожалению, – колдунья развела руками. – Я бы и рада, но только это. Так что сам теперь решай, нужна ли она тебе.

– Эх! Знаю, за гадание спасибо не говорят, но вы знаете, насколько я вам благодарен за помощь... – он вытащил бумажник, но Марина Васильевна огрела его таким сердитым

взглядом, что Ильин поежился.

– Даже и не думай. Забудь о деньгах. Лучше, если жив будешь, загляни ко мне с девушкой, которую ищешь. Мне очень любопытно, чисто как женщине, какая она, – колдунья улыбнулась. – Ради кого такой мужчина как ты рискует всем.

– Заеду, непременно. Мне кажется, что со мной все будет в порядке, – он подмигнул. – Чтобы карты не напророчили, но я не верю плохому.

– Дай Бог. Ладно, пойдем, провожу.

Они вышли на порог, и попрощались. Азеля нигде не было видно. Виктор тихо позвал его, но никто не ответил. Он позвал громче, но ответа опять не последовало. Третий зов, но кот так и не появился.

– Ну и ладно! – Виктор глубоко вздохнул. – Ты не первый кто меня оставляет.

Беспокойства за животное у него не было. Это не обычный кот: машина его не собьет, люди не принесут вреда, да и не потеряется как домашний питомец. Как пришел, так и ушел. В конце то концов, это же здравомыслящее существо, само выбирает с кем быть. А может, миссию свою выполнил, и Ильину больше не грозит опасность? Виктор отрицательно покачал головой, и спустился со ступенек. Может, вернется? Привык он к товарищу.

Азель мерной и важной поступью оставлял позади квартал за кварталом, чертыхаясь на себя и думая, как бы проскочить между... этих, ну, как их... в общем, понятно. Вылезти сухим из воды, целым из игры, которую он затеял. Нет, она началась задолго до его появления в доме Виктора Ильина, и начали ее двое, те, кто стоял выше Азеля. Один из них был его первый начальник, а второй нынешний. Само собой, кто же у демона может быть начальником? Тут и догадки строить бессмысленно, и так все понятно. В аду он погрелся прилично, это первая его командировка на землю за пятьсот лет, и то, он сам напросился на нее. По старой памяти, чтобы помочь другу. Патрон не возражал, ему очень хотелось расстроить планы противоборствующей стороны в отношении Виктора, но напрямую, тем более сам, вмешиваться в это дело он не смел, чтобы не нарушить хрупкое равновесие, устоявшееся в последнее время. Ну а так, сделать маленькую неприятность, – это, пожалуйста. Потому он и отпустил Азеля для исполнения поручений. Конечно, обо всех планах Всевышнего в отношении Ильина, ни Азель, ни его хозяин не знали, но могли догадываться, что встреча Анны с Виктором в планы Творца не входила. Поэтому кот и пришел к Виктору, чтобы помочь ему, и оградить того от смер-

тельной опасности. Азель знал четко: его помощь имела свои границы, и напрямую отвести человека к его возлюбленной он не мог; не мог и подсказать, где та живет. Он мог лишь предостерегать от неожиданностей и давать защиту. Чем закончится вся эта история, Азель не знал, он мог лишь догадываться. Да, у него был дар предвидения, но это, поистине капризное дарование, показывало будущее только когда само того хотело, и заставить себя увидеть что-то про Ильина, кот не мог. Ох, нелегко же было ему. Он разрывался между страхом перед хозяином, которому хотел услужить, перед Творцом, которого боялся разгневать вмешательством в дела провидения, и сочувствием к некогда очень близкому другу в лице Виктора. Поэтому и выходило: поможешь – будет кара, а не поможешь – вдвойне, и от начальства и от совести. И не известно, что хуже. Разум искал выход, который никак не желал находиться, и ситуация складывалась прескверная. Больше всего раздражала игра по правилам, отступить от которых было равносильно смерти. Не настолько Азель силен, чтобы противоречить судьбе, и быть сам по себе, независимым от чьих-либо приказов.

Игра, игра. Начало Азель помнил очень хорошо, это все происходило на его глазах, еще до рождения царя Соломона, которому пришлось потом служить.... Ладно, то уже совсем другая история. Хотя поистине был легендарный человек, как столб – не сдвинешь, не своротишь. Никто ему начальником не был, сам по себе жил, и демон-кот хотел бы так

же. Ох, как хотел. Чтобы его никто не трогал. И завершилась бы эта игра без вмешательства кого бы то ни было, и не находился бы сейчас посланник зла в этом городе на мокрой улице. И зачем только Виктор начал вспоминать прошлое? Живут же люди, и не помнят, кем же они раньше были, и проблем никаких нет. А Ильину начало снится прошлое. Хорошо, что только земная жизнь.... Нет, встречи с Анной судьба ему не подарит, этого быть не должно. Вот, не далее как вчера была первая ласточка – Ильин не вернулся бы с работы живым, не заставь его кот опоздать. И это только начало. Чем ближе будет подходить Виктор к разгадке, тем искусней и продуманней будут ловушки. И все почему? Двое бьются из-за одного потенциального работника. Только, кому же он будет служить? Вот ведь вопрос. Один хочет получить себе Виктора обратно, и ради этого не жалеет средств, а другой покажет: вот, посмотри что творит добро, разлучает тебя с твоей судьбой, иди ко мне! А что на кону? Престиж. Земную жизнь Виктора в расчет брать не стоит, смерть – это переход в другое состояние. И только. Дали бы ему самому выбрать. Хотя, нет, такого никто не допустит. Виктор несомненно выберет Анну, а Азель знает чем это грозит....

Кот отвлекся от своих мыслей, ему захотелось пить. Что же, вот и подходящий объект, бродячий пес. Кот крадучись начал подходить к жертве, стараясь быть в тени забора. Всего-то двадцать метров, еще несколько шагов, и можно брать разгон. Но собаки – не люди, они отличаются отличным слу-

хом, и редкой способностью предчувствовать опасность. Пес повернулся к коту, и увидел нечто такое, что заставило его с визгом кинуться прочь, набрав с места невероятную скорость. Нет, зверь не был маленьким, этот пес и сам не раз лакомился представителями семейства кошачьих, встреченными им на улице, но здесь... Лучше было убежать, потому что такое свирепое зло, какое было в этом коте, он не встречал и у людей, отстреливающих бродячих собак. Здесь оно было иное. Кот, было, кинулся за псом, но понял, что догнать того уже не представляется возможным. Если бы он мог плюнуть, то непременно сделал бы это. Но оставалось только упомянуть вслух пару знакомцев из ада, присовокупив ругательство, и отправиться в путь. Ничего, он еще напьется. А пока нужно идти к Анне. Главное, чтобы он не опоздал. Время играет против него.

Анна только что вернулась от подруги, и думала, чем бы ей заняться. Отец пребывал где-то за городом, видимо у своей очередной пассии, и скука осеннего вечера от этого только усиливалась. Выходные прошли как обычно, и во вторник она отработала первый в своей жизни полный рабочий день, в аналитическом отделе, смежном финансовому в котором друг отца, дядя Слава, был начальником. Работа как работа, сиди себе, собирай данные по финансовым потокам фирмы и передавай их дальше по цепочке аналитикам, чтобы те отсеивали полезное от ненужного и решали, куда стоит направ-

лять инвестиции, а куда нет. Конечно, это было всего лишь мизерной частью всей работы отдела, но Анна касалась пока что только этой части, неопытного специалиста к серьезной работе не допускали.

Чтобы хоть как-то убить время, она залезла в секретер, где хранила все свои драгоценности, и достала шкатулку с колье, кольцами, серьгами и всевозможными подвесками, кулончиками и брошками. Созерцание камней всегда приносило ей спокойствие и увлекало, заставляя забыть обо всем. Перебирая каждую из вещей, она вспоминала что-то свое, событие или день, обстоятельства, при которых то или иное украшение попали к ней. Большинство купила она сама, некоторые вещи достались от бабушки по отцу, а остальное ей дарили, и не всегда в роли дарящего выступал отец. Он знал, что Анна, когда захочет всегда в состоянии купить себе любую понравившуюся вещь, и поэтому дарил редко, только что-то исключительное. Вот, например этот набор, – золотое кольцо и серьги с великолепными сапфирами, утонченная дорогая работа. Да, есть поговорка, что лучший подарок девушке – это бриллианты, но Анна предпочитала рубины или изумруды. Ее любимым украшением стала диадема с пятью красивейшими рубинами, которую отец привез из Испании пару лет назад. Диадема не была литой, по виду складывалось ощущение, что она сплетена из тонкой проволоки, настолько ажурно, насколько бывает ажурной паутина. Как сказал отец, это очень древняя вещь, и ее выполнил какой-то (Анна

забыла имя) ювелир еще во времена, когда весь юг Испании принадлежал маврам. Арабские мотивы, несомненно, были определяющими при изваянии этого предмета ювелирного искусства, и девушке оставалось только восхищаться техникой мастера. Узкие дуги диадемы постепенно расширялись, медленно переходя ближе к середине в сеть тонких переплетений, широким овалом, в центре которого пять крупных рубинов выстроились в цепочку по размеру, от меньших с краев до большего в центре. Чтобы понять насколько это красивая вещь, ее необходимо увидеть, я же могу только описать, и то, скупо и блекло.... Зато Анна любовалась в полной мере. Она не раз примеряла ее перед зеркалом, и диадема исключительно шла девушке, подчеркивая красоту овала лица и пышность медовых волос; но случая одеть ее еще не представлялось. Анна не принадлежала к тому типу женщин, которые увешивают себя драгоценностями по поводу и без, от чего те делаются не предметами искусства, а елочными игрушками, которых много. Она относилась к вещам просто, и считала, что носить на себе более трех украшений безвкусно. Но каждый раз, когда Воскресная видела эту диадему, она боролась с диким желанием носить ее дома, просто так....

После испанского украшения взгляд Анны остановился на простеньком серебряном колечке с бирюзой, которое по своей стоимости и изяществу явно шло вразрез с остальным содержимым секретера. Она задумчиво взяла в руки это кольцо и поднесла к лицу, рассматривая. С диадемой кольцо объ-

единяло лишь одно: хозяйка тоже никогда не надевала его на людях, но не потому, что не представилось случая, а потому что скромное украшение не подходило для торжеств. Да и не любила Анна серебро, равно как и бирюзу. Но ее нелюбовь не распространялось на это кольцо. Это был подарок одного мальчишки, относящийся еще к временам, когда Анна училась в обычной средней школе, ее отец не достиг высот финансового благополучия, и что-то похожее на первую любовь вторгалось в ее жизнь. Это был девятый класс, за предшествующее лето Анна очень изменилась внешне, придя первого сентября настоящей женственной красавицей, разяще отличаясь от того сорванца в юбке, которого привыкли видеть ее одноклассники. Она сама поняла это, выхватывая краем глаз заинтересованные взгляды в свою сторону. И это было приятно. На второй неделе обучения нашелся тот обожатель, который подарил кольцо. Это был ученик той же школы, но учившийся на класс старше, симпатичный парнишка по имени Михаил. Конечно, кольцо он принес в дар не сразу, для начала заведя с ней отношения. Анна от него ничего не ждала, встречаться с ним и не думала, ей просто было интересно с этим мальчишкой, и только. Он же любил ее, безумно. Она и сама не заметила, как начала принимать его ухаживания, и подобие дружбы переросло в нечто более серьезное. Это случилось уже в десятом классе. Оглядываясь назад, Воскресная и не сомневалась, что никогда не любила того паренька, но это были ее первые отношения. Да во-

обще, все тогда было впервые.... Вот и это кольцо он подарил ей тоже, после... я бы сказал первой ночи, проведенной вместе, но это было бы слишком поэтично. Так, после двух часов чего-то похожего на секс, примитивно-неумелого, но захватывающего сильнее, чем самые изысканные адюльтеры во взрослом возрасте, только потому, что это было впервые.

Анна улыбнулась, вспоминая тот эпизод. Подарок в честь того, что она превратилась в женщину. Романтично. Особенно романтично выглядело это тогда, когда Михаил рассказывал ей легенду о происхождении бирюзы. По его словам, на Востоке верили, что бирюзой становятся сердца влюбленных, которым не суждено быть вместе, и которые чахнут друг без друга. Именно поэтому бирюза дарит счастье в любви. Кусочки бирюзы подкладывали в кровать к новорожденным девочкам, и те, выходя во взрослом возрасте замуж, подносили ее в дар мужу, символично даря и свое сердце.... Но это были лишь легенды и предания, в которые Анна давно уже перестала верить, хотя тогда она слушала, раскрыв от восхищения рот. Вроде бы и недавно все это было, но ей казалось, что с того дня прошла целая вечность. С Михаилом не сложилось, он переехал после развода родителей в Белоруссию, оставшись с матерью, так и не доучившись в одиннадцатом классе. Связь с ним оборвалась, хотя и не без вины Анны, которая отвечала на письма неохотно и редко, впрочем, как и на звонки, отдавая себе отчет, что временная влюбленность исчезла из ее жизни вместе с объектом, который ее внушал.

Так было проще и Михаилу, который изводился по Воскресной, но потеряв ее из виду начал смиряться с судьбой. С тех пор Анна никогда не испытывала к кому-то чувств, даже отдаленно напоминающих те, что были по отношению к первому мальчишке, хотя парней в ее жизни было не так уж и мало. Отец с ним так и не познакомился; тогда она стеснялась, а теперь же и знакомить было не с кем.

В дверь позвонили, на часах было девять вечера. К слову сказать, отец не любил прислуги и слышать о том, что кто-то посторонний будет жить с ним под одной крышей, не хотел. Хватало того, что приходила домработница, которая и стирала и готовила и убирала, а кого-то кроме нее он и видеть не желал. А зачем? Подать на стол? Дом семейства Воскресных по размерам не был величественными хоромами в тысячу квадратных метров, всего-то два этажа и восемь комнат, и больше одного человека, чтобы следить по хозяйству не требовалось. Анатолий Борисович был очень даже простым человеком по своим запросам, и считал, что жилище должно быть уютным, а в его рамки уюта особняки не вмещались, если там не жило, по меньшей мере, восемь или девять человек. Анну подобный расклад вполне удовлетворял, к роскоши она относилась недоверчиво, скорее всего, как следствие небогатого детства, ну а по хозяйству, при желании она могла бы справиться и сама, что и делала по выходным, когда домработница не приходила. К охране у Воскресного отношение было тоже отрицательное. Размещать охрану было негде, а

перебираться в другой дом как я уже говорил, он не хотел, да и считал, что грабить есть кого и помимо «скромного» директора фирмы. Нет, конечно, дураком он не был, система сигнализации и наружного наблюдения в доме была отличной, дорогой и действенной. Объект был подключен к тревожной кнопке, и как заверяли Анатолия Борисовича, бойцы вневедомственной охраны приезжали в течение пяти минут, и поэтому за сохранность своего жилища он был спокоен.

Воскресная спустилась вниз, и заглянула в камеру наблюдения за улицей. Перед дверью стояла молодая женщина, зябко поводя плечами, на руках у нее был запеленатый младенец. Анна прекрасно понимала, зачем явилась эта особа. Район, в котором она жила не зря в народе называли «Поле чудес», бедных жителей там никогда не видели, и что такое грызть от безвыходности сухари знало в лучшем случае человек десять, и то, по далеким воспоминаниям из детства. Именно поэтому очень часто сюда заглядывали просители милостыни, и таких девушек как эта, Анна видела не реже раза в неделю. Овчинка, конечно же, стоила выделки, рисковали только тем, что могут нарваться на проклятия и угрозы в свой адрес, ну а если кто-то подавал, то редко это была сумма меньше ста рублей. Воскресная была как раз из тех, кто подавал. Она не была наивной, понимала, что большинство из этих попрошаек очень даже неплохо живут с таких вот подачек, и это проще для них, нежели искать работу, но Анна была доброй по своей сути девушкой, и если Бог учил

делиться, то нужно следовать его наставлениям. Этому тоже научил ее отец, который, не афишируя, а просто для себя тратил на благотворительность очень не малые деньги, начав этим заниматься с тех самых пор, как почувствовал себя более или менее уверено в материальном отношении. Конечно, занимаясь меценатством в России, человек рискует, что его деньги разворуют еще до того, как они попадут к нуждающимся. Воскресный же очень не любил, когда за его счет кто-то наживался, и поэтому отчислял деньги другу, человеку, имеющему свой фонд помощи детдомам, домам престарелых и лечебницам для душевнобольных. То, что его друг не разворовывает средств фонда, Анатолий Борисович был уверен, зная его не один десяток лет, и доверяя. Кстати сказать, друг Воскресного был совершенно не бедным человеком, никого не зовущим в помощники, и основавшим фонд на собственные финансы. Через сеть работников, он сам закупал необходимое для учреждений и отправлял грузы по назначению....

– Что надо? – Анна ответила звонившей женщине в домофон.

– Добрый вечер! Помогите вам Господь! Подайте что не жалко. Я нуждаюсь, ребенка кормить не чем... со вчерашнего дня ничего не ела!

– Жди.

Анна не особо поверила увещаниям попрошайки, но в глубине души мелькнула мысль: «А что, если она не притво-

ряется?». Петр I говорил, что лучше помиловать десять виновных, чем казнить одного невинного, а Анна считала, что лучше подать десяти фальшивым нищим, чем отказать одному нуждающемуся. Поэтому она пошла на кухню, достала из оставленной там сумки сто рублей и вышла во двор. Как только она открыла дверь на улицу, чтобы подать нищенке милостыню, ее с силой толкнули назад, и в одно мгновение широкая тень зажала одной рукой рот, а другой схватила за шею, не душа, но удерживая.

– Стой, не трепыхайся, – голос был груб, и полон издевки. – Будешь кивать. Есть кто дома, кроме тебя?

Анна мотнула головой.

– Никого нет? – тень удивилась. – Точно?

Анна подтвердила.

– Вася, проверь.

На сцену действия вышел тот, кого называли Васей. В его руке слабо блеснуло что-то металлическое, и Анна, оценив очертания предмета, поняла, что это нож. Вася кинулся в дом. Его быстроте и ловкости можно было позавидовать, хотя по очертаниям тела Вася скорее напоминал медведя, чем гомо сапиенс.

– Сейчас братик вернется, и если ты не соврала, у тебя останется два уха.... – тень ободряюще улыбнулась, и хотя фраза не была закончена, Воскресная поняла, что ей грозило бы в случае лжи.

Вася вернулся меньше чем через минуту, и кивнул в сто-

рону дома, приглашая пройти внутрь. Тень последовала этому жесту, не отпуская Анны.

– Молодец, честная. Уважаю, – с той же издевкой тень сквозь зубы проговорила это Анне на ухо. По характерному оканью Воскресная поняла, что нападавший не был рожден на юге, и скорее всего, прибыл откуда-то с Верхнего Поволжья.

Анну усадили в холле на кресло, и Вася, отрезав от гардины пару полос, крепко привязал хозяйку к сиденью. Тень отняла руку ото рта Анны, и встала перед ней. Это оказался молодой мужчина, лет около тридцати, высокий и сухой, с большим бугристым шрамом на шее. Как подумала хозяйка, если кто-либо из людей и походил на животных, то этот субъект был из них, угловатое лицо очень походило на козлиную морду, а черные короткие кучерявые волосы смахивали на шерсть. Воскресная не плакала, не кричала, и не глядела испуганно на человека перед ней, чему тот был крайне удивлен.

– Почему ты не кричишь? – он не удержался от вопроса, впервые встречая подобную реакцию у жертв.

– А зачем? Частный дом, никто не услышит, – Анна пожала плечами. Она не была отчаянной, но смелости ей было не занимать. К смелости примешивалась еще и крайне полезная черта – сохранять самообладание при любой ситуации. Это качество невозможно развить, оно либо дано от рождения, либо нет.

– Ха! Сечешь! – мужчина одобрительно кивнул. – С тобой проблем не будет. В курсе, зачем мы здесь?

– Явно не по дому помочь прибраться, – Анна ухмыльнулась, с грустью думая о рубиновой диадеме. Ей не было жалко все остальное, но эту вещь она ценила особо. Кольцо с бирюзой грабители взять побрезгуют. – Берите что надо и уходите. Мне не нужны проблемы, на помощь звать не буду.

– Кто с тобой живет?

– Отец.

– Когда он приедет?

– Нескоро, – Анна понимала, что враньем ничего не добьется, и, сказав, что отец вернется через десять минут, она бы мужчин не спугнула. Нищенка не вошла с ними, значит осталась сторожить, и предупредит в случае чего нападавших. Те же успеют подготовиться к встрече хозяина. Это мелькнуло в голове за мгновение до ответа, и поэтому Анна сказала правду.

– Не врешь?

– Смысл? Мой отец не терминатор, с вами вряд ли справится.

– Хорошо, – мужчина подвел итог. – Сама скажешь, где деньги?

– А вы разве мысли читать не умеете? – сарказм не был хорошей чертой в подобной ситуации, но был необходим и для успокоения сердца, и как ничтожное средство отмщения за диадему, в потере которой Анна не сомневалась.

– Девочка... – грабитель начал заносить руку.

– Стой, – спокойно произнеся это, Анна мотнула головой, чтобы убрать прядь волос с лица. – На втором этаже, в спальне драгоценности, в секретере. Здесь, за картиной с ручьем сейф. Из остального только бытовая техника. Можете и холодильник забрать, мне он все равно не нравится, – но ее уже не слышали, Вася по знаку товарища кинулся наверх, а тот занялся сейфом.

– Код?

– 68fr90fz. Как ввести сам разберешься, – Воскресная глубоко вздохнула. Она знала, что отец не переживет если с ней что-либо случится, а деньги – это так. Приходят и уходят. То, что не назови она код, ее будут пытаться, Анна не сомневалась. Об этом очень красноречиво говорили глаза обоих грабителей. Промолчать о сейфе тоже не представлялось возможным, без денег те двое не уйдут.

Угол обзора не был особо хорош, но Анна прекрасно видела ту часть комнаты, где располагался сейф, и лестницу, ведущую наверх. Мужчина со шрамом, который остался внизу, снял со стены картину, и перед ним тускло засеребрила дверца бронированного сейфа.

– Тут еще замочная скважина.

– На ключ не закрыто. Можешь проверить, введи только код.

– Смотри мне, – он, не оборачиваясь, погрозил пальцем.

Грабитель ввел сказанный ему код, и открыл сейф. Внутри

лежали перемотанные резинками пачки с деньгами.

– Сколько здесь? – он обернулся.

– А я откуда знаю? Я их, что ли клала внутрь? – Аня недоуменно посмотрела на него. – Еще б теорию относительно сти спросил у меня....

– Дерзишь! – он грозно скривил губы. – А не боишься?

– Да ты вроде не такой уж и страшный! – она женским взглядом окинула его силуэт.

Грабитель сначала напрягся, а потом улыбнулся, не очень добро, но весело.

– Что же, мне б тоже не понравилось, что меня грабят.... – он махнул рукой и отвернулся к лестнице. – Вася! Что там?

– Все ничтяк! – голос был приглушен, но выражал крайнюю степень радости.

– Так он не немой? – Анна удивилась.

– Нет, он не разговорчивый просто. Брательник мой.... – он спохватился, что сболтнул лишнего, и сам себя оборвал. Что-то расслабилась девчонка, это ограбление или визит вежливости? Не боится, ты погляди, сильная. Он уважал таких. – Вася, хватай, что есть и пошли. Пора.

Вася спустился через минуту, в руках он держал тугой сверток, в котором Анна узнала покрывало со своей кровати. Вася, видимо, не отличаясь особым умом и сообразительностью, просто замотал в покрывало все, что нашел в секретере, куда Анна положила драгоценности перед тем как спуститься вниз.

– Там столько всего!!! – Вася был похож на школьника, которого освободили от учебы на целую четверть, столько слышалось неподдельного счастья в его голосе.

– Потом поглядим. На улицу.

– Братуха, погоди, – Вася посмотрел на Анну таким взглядом, что ей стало не по себе.

– На это нет времени, – мужчина, видимо, очень хорошо знал своего брата, и понимал ход его мыслей.

– Но ты же слышал, ее батя придет не скоро, никто не помешает....

– Пошли. Сдадим это и я тебе таких сниму.... Не порть девчонку.

– Стой, – Вася начал злиться. Всем известно, запретный плод сладок. – Тех я и сам снять могу. А ты погляди сюда, какая!!! – он вожделенно оценил глазами Воскресную. – Таких красивых я ни разу не....

– Статья другая, сечешь? – грубо оборвал его брат. Анна замерла, прекрасно понимая, о чем идет речь, и даже не смотря на ее самообладание, ей стало жутко.

– Вы же взяли что хотели... – волнение в ее голосе было неподконтрольно.

– Закройся, – Вася прикрыл ей рот широкой ладонью, вжав голову в кресло. – Слышишь, братуха. А ты не забыл, чем обязан? Кто тебя с кичи вынимал? И это... – он провел пальцем по горлу в том месте, где у его брата был шрам. – Забыл?

– Не забыл, – тот опустил глаза. Если бы не брат, то вот уже десять лет как он покоился бы в сырой мордовской земле без креста и без гроба, так, наскоро прикопанный теми, кто его резал. А брат выручил.... И вот уже десять лет как напоминает об этом, при любом удобном случае. – Давай быстрее, я на улице.

Анна глухо замычала, и попробовала дернуться, но ее примотали к креслу очень туго, со знанием дела.

– Ничего, ничего... – Вася хищно улыбнулся. – Тебе понравится....

Васин брат взял деньги и драгоценности и пошел на улицу. Ему было стыдно поднять глаза, но он не смог не посмотреть в последний раз на красивую девчонку в кресле. На него смотрели с тоской и жалостью ее карие глаза, умоляя помочь. Вася прав, у него таких шикарных девиц тоже никогда не было, но против брата не пойдешь. Жалко ее, хорошая девка, смелая, дерзкая, умная....

– Слышь, Вась, кинь мне ножик, я не хочу, чтобы ты ее порезал, как любишь. Да, и отпечатки за собой сотри потом. Я свои уже убрал, – он подобрал брошенный братом нож, и вышел, погружившись в свои мысли.

А Вася, никуда не спеша, завязал Анне рот оставшимся от гардины лоскутом, и встал перед ней, любуясь. В его глазах было что-то бесовское, звериное. Он молчал, а она понимала, что все кончено, тихо заплакав от обиды и бессилия. Ее захлестнул ужас, волной накатываясь на сознание. То, что

это животное хотя бы прикоснется к ней, было недопустимо, не то что....

– Брат знает, что я люблю, и как, – Вася ощерился, коричневые зубы любителя чифирия смотрелись мерзко. Он достал из кармана куртки складной нож. – Забрал один – не беда, у меня другой есть.

Анна похолодела. Перед ней был не просто насильник, а садист, свихнувшийся урод от которого можно было ожидать чего угодно. Потому-то он и не спешит, растягивает удовольствие, расписывает действия, наблюдая реакцию. Он играет. Перед глазами все поплыло.

– Я последний, кто тебя видит такой красивой, – он многозначительно подмигнул. Глаза Воскресной начали закатываться, она уже не понимала что происходит.

Вася распрямылся, хрустнув позвонками, и с удовольствием раскрыл нож. Позади него раздалось глухое ворчание. Вася обернулся, от неожиданности вздрогнув. Он явно не ожидал, что кроме него и жертвы еще кто-то может находиться в комнате. На пороге застыл большой черный кот, худой, но широкогрудый. Кот сменил ворчание на утробный вой.

– Брысь, скотина, – Вася зло оглянулся, прицениваясь, чем бы кинуть в кота.

А кот нагнул голову и крадучись пошел вперед. Азель (а это был он) облизнулся. Теперь-то он утолит голод. Вася опять обернулся к коту, и, не найдя ничего подходящего в комнате решил просто пнуть животное. Исполнить задуман-

ное не удалось, когда нога прошуршала на том месте, где за мгновение до этого сидел кот, Азель уже подпрыгнул в воздух, и почти приземлился на Васину голову. Тот машинально отмахнулся, и кота откинуло в угол. Будь на его месте домашнее животное, избежать травм не получилось бы, но перед Васей было даже не живое существо, а просто зло. Вася замер, ожидая реакции, его чутье подсказывало, что с этим котом что-то не то. Быть может, не только собаки, но и коты подвержены бешенству? И от чего Вася не пошел на ветеринара, как советовал его дядя – врач? Тогда бы не пришлось грабить и сидеть уже трижды в свои сорок один.... Хотя, натура сильнее характера, всегда возьмет свое рано или поздно. А кот, проскользив пару метров по полу, рывком поднялся на ноги, и застыл наизготовку. Шерсть на загривке встала дыбом, заблестев как от лака, спина выгнулась, и голова склонилось на бок, оскалив пасть. Если коты обычно шипят от страха, то эта особь зашипела на Васю от злости, и он это прекрасно понимал. Азель побежал вперед, а человек приготовился к новому нападению. Бросок, и Вася еле успел увернуться от нападавшего животного. У человека мелькнула мысль поймать кота за что-нибудь, когда тот будет прыгать снова, и там уже хорошенько приложить об стену или угол. Какой бы тот ни был бешеный, при таком ударе сдохнет как миленький. Получилось немного не так, как думал Вася. Да, ему удалось поймать кота за лапу, но тот в мгновение впился в руку острыми, как бритва зубами

и прокусил, а вернее перегрыз одно из сухожилий на лучезапястной кости и вену артериальной дуги кисти. Рука Васи автоматически разжалась, и он завопил от нестерпимой боли. Кот отскочил от него, а человек смотрел на текущую из раны кровь, не веря своим глазам. Васю захлестнула злость – эта тварь осмелилась нападать на него! Да еще и прокусила руку. Грабитель широко расставил руки и сам бросился ловить кота, который и не думал убегать. Как только человек «открылся», как говорят в боксе, забыв об осторожности в приступе ярости, Азель прыгнул на него. Цель была четкой – шея. Вася отсрочил свою смерть только тем, что у него в правой руке все еще оставался раскрытый нож, о котором он во время быстрой схватки с котом забыл. Реакция у человека была очень даже неплохой, но он только в последний момент успел воспользоваться ножом, когда кот уже вцепился в шею когтями передних лап. Вася всадил нож по самую рукоятку, и откинул кота в угол, под лестницу. Сердце бешено колотилось, одна рука сжимала окровавленный нож, а другой человек схватился за голову, не замечая раны на руке. Что это была за тварь? Глаза грабителя перенеслись на Анну, которая лежала в кресле без сознания, но ничего делать с девушкой уже не хотелось. Вася перевел взгляд на нож в руке. Он зарежет свидетельницу, к чертям все эти игры. С какой-нибудь другой развлечется, а брату необязательно знать, что здесь произошло. Шаг к девушке, но его внимание привлекло движение под лестницей, которое он уловил боковым

зрением. Что, этот хвостатый еще жив? Вася обернулся к лестнице, и с ужасом увидел, как из темноты угла показался кот, живой и здоровый. Только в коте что-то поменялось, что-то, вызывающее в грабителе ужас... Глаза. Они теперь светились красными, огненными всполохами. Раздвоенный змеиный язык шуршал по сухим губам, и от этого в голове человека все помешалось. Это был не кот, черт его подери. Дошло наконец-таки. Азель зевнул, обнажив кривые острые зубы, и присел на задние лапы.

– Что ты за тварь? – дрожащим голосом Вася передал то, что мелькало в его голове.

Кот захихикал, издавая схожие с гиеной звуки, и только подмигнул в ответ. Человек замер, и страх закрался в сердце, сжимая его обручами, как бондарь бочку. Выпад на месте, и Азель начал расти, увеличившись в размерах втрое. Теперь на Васю улыбаясь, глядело что-то похожее на кота, ростом с годовалого мастиффа, с длинной пастью и морщинистой, страшной мордой. На ушах появились кисточки, а хвост облез, и лишь на его конце остался клочок густой палевой шерсти. Широкая грудь и массивные лапы довершали картину. Эта тварь повернула набок голову, хрустнув позвонками толстой шеи, и приковала к Васе взгляд. Человек начал пятиться назад, и не выдержав, опрометью кинулся в сторону двери. Входная дверь захлопнулась перед его носом, и рухнувшая сверху тяжесть впечатала грабителя лицом в дерево обшивки. С ним было покончено за минуту, жажда заставляла

Азеля пить быстро и с остервенением.

Анатолий Борисович сидел в спальне своего загородного дома, который когда-то в прошлом был всего лишь дачей на участке в шесть соток. Поселок, в котором находилась дача, построили в советское время для рабочих одного из крупных и процветающих заводов, чтобы людям было где отдыхать, сажать картошку и собирать по осени виноград. Девяностые внесли в размеренную жизнь поселка свои изменения – место, близкое от города, расположенное в полукилометре от цепочки торговых центров как нельзя лучше подходило для людей, ищущих покой, но которые из-за дел не могут отказаться от проживания в городской черте. Теперь бывший дачный поселок превратился в пригород, и здесь на постоянной основе жило огромное количество человек. Анатолий Борисович радовался, что заблаговременно успел выкупить пару соседних участков, до того, как взлетели цены на землю в данном месте. Благодаря этому он отстроил очень неплохой дом, возле которого расположился японский садик с беседкой и прудом. Сегодня он приехал сюда не с друзьями, как обыкновенно делал, а с любовницей. Исключение для этой девушки делалось не в честь какого-то особенного отношения к ней, а лишь потому, что квартира для такого рода свиданий находилась на ремонте, и ближайший месяц не представлялось возможным ее навещать. Выбора не оставалось, Воскресный притащил любовницу сюда,

что ему было не по душе.

– Милый, я приготовила, – раздался приятный звонкий голос с первого этажа. Слышимость была хорошей, Воскресный предпочитал широкие проемы и незапертые двери. Всегда и везде.

Он ничего не ответил, затушил сигарету и поднялся с кровати. Да, прошли те времена, когда он набрасывался на любовниц с порога и не знал усталости после бессонных ночей. Теперь приятней было качество, а не количество. Он даже начал получать удовольствие от совместных просмотров какого-либо фильма или простого молчания перед камином, сидя на полу с бокалом красного сухого вина в руке. Это не была походка старости или уход молодости, это просто была неизбежность того образа жизни, который он вел последние десять лет. Кто-то гуляет в молодости, а потом в семейной жизни затихает; кто-то гуляет всю жизнь; ну а Анатолий Борисович не погуляв особо в юном возрасте, пустился во все тяжкие в тридцать пять. Сорвался что ли? Хотя, кто ему указ? Он холост, никому не изменяет, живет для себя.

Внизу его ждал ужин, поданный заботливой рукой – каперсы, слабосоленая семга, жаркое и полголовки бри. Воскресный не выделял для себя ни одной национальной кухни и часто на его столе можно было видеть даже не сочетаемые друг с другом продукты, главное чтобы они нравились ему. Идея приготовить жаркое принадлежала его пассии – Дарье. Анатолий увидел в этом попытку поднять его настроение,

чтобы была возможность о чем-то попросить, как то покупка шубки или спонсорство в приобретении новой машины. Но у любовницы не было настолько далеко идущих планов, она просто хотела порадовать этого сухаря, нечуткого к проявлениям любых чувств и знаков заботы. Воскресный часто готовил сам, не видя в этом ничего сверхъестественного для мужчины, не ожидая слов благодарности и удивления в глазах своих подруг. Просто он считал это нужным. Девушки в его квартире или доме хозяйничали на кухне очень редко – проще было заехать в любое место, где хорошо готовят, и взять еду с собой.

– Уже? – он сел за стол. В этом вопросе следовало читать: «Спасибо, что так быстро приготовила».

– Уже, – Дарья улыбнулась. – Тебе нравится?

Вместо ответа последовал простой кивок, правда, смягченный улыбкой. Настроение у Воскресного было лучше, чем обычно. Что же, пусть просит шубу или машину, он не имел привычки экономить на девушках, с которыми спал. Изначально к любым отношениям он подходил как к своего рода сделке: взамен постели он дает деньги, ну а удел девушек терпеть его не самый лучший характер. Своих любовниц Воскресный не контролировал – их дело с кем спать и где гулять, главное чтобы он об этом не знал. А как иначе? Как бы ты не подкупал и не запугивал, если женщина захочет изменить – она это сделает, а так как Анатолий связывался исключительно с умными девушками, то вариантов что

он узнает об измене оставалось ничтожно малое количество. Хотя, какая измена? Они-то ему не жены, да и вообще никто, так, проходящие и уходящие. Изменить может только тот, кому ты доверяешь, а к любовницам доверия нет. Воскресный покупает только тело, и то, на некоторое время, ну а разум или тем более сердце, купить нельзя. Единственное, было два условия, – он не терпел, когда женщина наглела, начиная клянчить вещь за вещью, или когда пытались залезть к нему в душу. С такими он прощался сразу, при первом же проявлении подобного. Красивых девушек полно, умных и красивых меньше, но и их хватает, так что в одиночестве явно не останется.

Про каждую из своих любовниц Анатолий Борисович знал многое, и вся информация была ценной. Зная в себе нелюбовь к тому, что девушки о чем-то просят, он старался опережать события, давая им сам, что по его мнению было необходимо. Одну из бывших, зная ее мечту жить отдельно от родителей, он одарил квартирой. Нет, это не были апартаменты в сто квадратов – однушка недалеко от центра. Но это была своя крыша над головой, начальный этап, который даст толчок к лучшему. В том, что со временем эта девушка достигнет остального задуманного, он не сомневался. Другая мечтала побывать в Европе. Что же, на прощание он подарил ей банковскую карту с круглой суммой и тур по десяти странам. Она это заслужила. Любые отношения не длились дольше полугода. А зачем? Так никто ни к кому не успеет

привыкнуть, и надоест друг другу тоже. Он обрывал связь иногда даже без повода, и всегда получалось, что это происходило по его инициативе. Так он жил, так было жить интереснее.

– Жаркое получилось? – голос Дарьи вырвал его из потока мыслей. Уже минут десять он жевал автоматически.

– Да, вкусно, – он перевел взгляд на собеседницу. Зеленые глаза пассии засветились от удовольствия. Уж не влюбилась ли в него эта девочка? Это было бы хуже для нее. Нет, что за мысли? Ей хорошо с ним, он это знает, она его уважает и относится с нежностью. Неудивительно, что ей хочется сделать что-то для него, и когда она видит положительную реакцию, само собой ей это приятно. Потому и блеск в глазах. За две недели, проведенные вместе с ней, он еще не успел раскусить девушку, узнать до конца. Это радовало, обычно любовницы разгадывались за один вечер наедине с ним. Сейчас она должна спросить, о чем он думал, так делали все остальные. Его серьезный вид притягивал подобные вопросы, как магнит, тем более что по выражению лица было невозможно угадать ход размышлений, и это лишь подстегивало любопытство.

– В Москве ходил в Третьяковскую галерею, как хотел? – Дарья продолжила поедание каперсов.

– Хм, – Анатолий Борисович поперхнулся киндзмараули. Чего-чего, а подобного вопроса он не ожидал. Эта девочка его удивила. Надо же. Это показатель. Через неделю отно-

шений он мог с готовностью предсказать ход мыслей своих любовниц, и в девяноста девяти процентах не ошибался. А здесь такое. – Нет, некогда было.

– Там много замечательных произведений. Ты знаешь, наверное, так как передавал пороки и чувства людей Микеланджело, так ни до, ни после него не удавалось никому, – Дарья подняла бокал с токаем.

– Это субъективное мнение. Тициан мне нравится не меньше, чего стоят хотя бы его библейские сюжеты, – Воскресный поддержал разговор. О подобном с девушками разговаривать ему еще не приходилось, не смотря на то, что жизнь сталкивала со многими представительницами слабого пола. Даша его удивила повторно. Ладно, когда с тобой заводит разговор об искусстве девушка из интеллигентной семьи, которая привыкла к обсуждению поэзии Блока или произведений Караваджо с пеленок, но у Дарьи отец был моряк, а мама бухгалтер. Да и сама девушка не принадлежала к обычному типу всезнаек и отличниц, вращалась в разномастных компаниях, и ее хобби было не, скажем, посещение театров, а катание на сноуборде, обличая натуру, привыкшую не созерцать, а действовать. – Да и среди представителей голландской школы живописи есть немало отличных мастеров. Рембрандт, хотя бы чего стоит.

– Ну, на вкус и цвет... – она пожала плечами.

– А как ты относишься к нашим мастерам?

– Смотря к кому. Мне нравятся маринисты.

– Мне тоже. Да и вообще, мне по-настоящему близки и понятны картины только наших великих художников. Ни один Рубенс, Леонардо да Винчи или Микеланджело не смогли передать грусть так, как это сделал Саврасов на полотне «Грачи прилетели» или Куинджи в его «Ночи на Днепре».

– Быть может. Я люблю портреты или сценические полотна, а ты предпочитаешь пейзажи.

– Хорошо. А ты видела картину Константина Васильева «Ожидание»? Девушка со свечой перед заиндевевшим окном с узорами по стеклу?

– Да.

– Да? И что? Микеланджело никогда так не передаст душу, как удалось этому художнику, хотя его великим не называют. Я видел много картин, но похожей на эту не встречал. Настолько остро чувствуется в ней накал скрытых эмоций. Да это море чувств под покрывалом зимы!

– Анатолий! – Дарья любила его называть на французский манер, так как Толик или Толя для Воскресного подходило так же, как Марисабель к дойной корове. В ее голове не могло уложиться, что этого мужчину она назовет, как семилетнего мальчика. – Я и не замечала, что ты можешь настолько улавливать эмоции. Ты скрытый романтик, – она очаровательно улыбнулась, подняв на него взгляд.

Анатолий Борисович понял – это тоже была своего рода проверка, но истинные ее цели ускользали. Эта девочка не перестает удивлять. Вывела на какие-то эмоции, и смотрит,

что из этого будет. Определяет что он за человек. То, что она не просто так это сделала, он чувствовал спинным мозгом, зная цену подобным ощущениям, помогавшим не раз в его жизни. Да и вообще, умный человек редко когда делает что-то не подумав заранее, а Дарья была не из тех, кто привык просто трепаться по мелочам, ей было приятней промолчать, чем сказать какую-то ничего не значащую чепуху.

– Ты преувеличиваешь. Любой человек должен быть чуток в эмоциональном плане, как мне кажется, – Анатолий поменял тему, вдвойне щекотливую для него – он не любил разговаривать о себе, и еще больше не любил общаться на темы, о предмете которых ничего не знал. Ну а живопись его коньком никогда не была. – А тебе всегда была интересна живопись, или ты на счет Третьяковки спросила для поддержания разговора?

– И то, и то. Ты начал о чем-то размышлять, и мне стало неудобно, поэтому я нашла тему которая тебя бы заинтересовала.

– Вот она, женская хитрость, – Воскресный поднял бокал. Про себя он подумал, что самая верная тактика удержать возле себя человека – заинтересовать его. Это и есть та изюминка, которую мы ищем в своих вторых половинках.

– Быть может, – Дарья потупила взгляд.

– Сколько тебе?

– Двадцать четыре, – она удивилась. Он впервые поинтересовался ее возрастом.

– Ты очень умна для своих лет. Не считай это комплиментом, девушке такое неправильно говорить. Это факт.

– Ну, мне кажется, дуры тебя не сильно интересуют.... Поэтому я здесь.

– С чего ты взяла? Может, ты первая умная девушка на моем пути. А так я искал тех, с кем было бы проще.

– Проще? Нет. С ними тебе не интересно. Или я не права?

– Права. Умна, красива и самоуверенна. Страшное сочетание – под каблучки таких девушек целые народы попадали, – Анатолий Борисович хитро улыбнулся. Эта девушка заставила его быть таким, какой он есть, без масок и игр. С ней это не нужно, он понял. Да и сама она, не смотря на загадочность, старается быть с ним открытой.

– Ты преувеличиваешь, я просто девушка, а не стратег, вынашивающий планы завоевания мира или... – она замолчала, но он понял, что она хотела досказать. Она осеклась, чтобы не сболтнуть лишнего, но тем сама себя выдала.

– ...или чего-то еще, – закончил он за нее. – Или кого-то еще? Как правильно?

– Первое, – ее голос прозвучал не на той интонации, значит он прав.

Одно из правил психологии Воскресный освоил очень давно, еще до того как открыл впервые книги Фрейда. Это были оговорки. Он понял, что чем меньше человек хочет, чтобы его фраза прозвучала, тем яростнее она будет пытаться просочиться наружу, принимая самые необычные формы.

Особенно это озвученные фразы с частицей «не». В их толковании стоило эту частичку опускать. Подсознательно Анатолий своей фразой сказал следующее: «Я не против, чтобы ты взяла надо мной верх, ты этого достойна» или же «Я боюсь, что долго так не выдержу, сдамся». Она же ему ответила, недосказав нужную фразу, испугавшись своих слов, испугавшись, что он разгадает смысл: «Я уже работаю над этим». Вот и поговорили. Анатолий молча подкурил сигарету, и улыбнулся, глядя на Дарью. Дарья тоже улыбнулась, но смущенно. Ему удалось завести в тупик своей пронизательностью, и, как она догадалась, он разгадал ее, хотя и не до конца.

– Значит, вынашиваешь планы относительно меня? – он зарядил эту фразу прямолинейно, высматривая реакцию.

– Не обольщайся! – она даже не моргнула, ее лицо осталось непроницаемым, с хитрой улыбкой на губах. Сказано это было твердо, но чарующе-игриво.

– Даш, а если нет, то, что ты здесь делаешь? – он спросил это излишне мягко, так как понимал, что при неправильно выбранном тоне спровоцирует своим вопросом конфликт.

– Ты меня пригласил! – она сделала вид, что не поняла вопроса.

– Не притворяйся, ты знаешь, о чем я, – он допил бокал. – Многие были со мной из-за денег, но ты не из них, это видно. Другие чувствовали во мне источник связей. Ты, насколько я знаю, карьеру не делаешь. Из просто благих побуждений,

от чувств ли, ко мне сюда вот так как ты приходишь единицы. Я не буду перечислять причин, я обозначил лишь следствия. Итак, почему ты здесь? – он посмотрел ей в глаза, но она отвела свой взгляд. – Ладно, не отвечай, как хочешь. Что мне на самом деле? Я рад тебя видеть, и причины не так важны, – он поцеловал ее.

Она промолчала, а потом спросила:

– Можно один вопрос?

– Давай без «можно» обойдемся, ладно? Что хочешь спрашивать без всякого вступления, я с тобой откровенен, – Анатолий Борисович изменил своим принципам. Если эта девушка и попробует залезть ему в душу, он сопротивляться не будет. Ей это можно.

– Ты сказал о расчетах девушек. А были ли с тобой те, кто любил тебя? Или всегда одноразовые отношения?

– Я думаю, что не было. Были две влюбленные в меня, но у них эта дурь из головы улетучивалась быстро, как только они понимали, что ответа ждать не приходится.

– Понятно. Так ты сам никого не пускаешь в свое сердце. Кто же так умудрился тебе туда нагадить? – вопрос, судя по интонации, был скорее риторическим, чем прямым. Она и не рассчитывала, что ей ответят, задумчиво глядя в бокал с токаем.

– Могла бы и сама догадаться, ты же умная девочка, – Анатолий Борисович рассмеялся. – Включи логику.

– Жена?

– Она самая. Я в жизни любил только раз, одну ее, ну а с тех пор как-то не приходилось. Ты права, я сам никого не пускаю в свое сердце и душу, но если когда-нибудь встречу такую, что при одном ее виде буду таять – я, не раздумывая, женюсь, ну а пока... – он махнул рукой.

– По-моему, это первый вечер, когда ты не отмалчиваешься. Мне казалось, что ты вообще сухарь, каких мало.

– Я и есть сухарь, просто с тобой... – он почувствовал, как что-то кольнуло его сердце, так неожиданно и больно, что он замолк и схватился рукой за грудь.

– Что такое? – Дарья выглядела встревожено.

– Не знаю! – он как-то странно посмотрел на нее, вид у него был очень взволнованный. – Что-то случилось. Анна, – он встал из-за стола.

– Что? – не поняла Дарья.

– Анна. Дочь. Что-то с ней, – Анатолий Борисович кинулся в прихожую, по пути достав из кармана телефон и набирая номер Анны. Ее телефон не отвечал, это лишь усилило тревогу.

Дарья кинулась следом.

– Ты уезжаешь?

– Да, черт возьми! – он даже не смягчил тон. – Я знаю, что что-то не так. Мне нужно домой.

– Я буду ждать, – она отвернулась, чтобы он не успел заметить грусть на ее лице.

– Жди. Я приеду, – он выскочил на улицу.

Такого рода предчувствия, как он их сам называл, Анатолия Борисовича посещали редко, и всегда безошибочно указывали на проблему. Он им доверял, а они его не подводили. Ему нужно домой, по-любому.

Путь до дома занял каких-то полчаса. Пробки уже исчезли, и по ставшим заметно свободнее улицам Анатолий Борисович проехал без задержек. Единственная остановка оказалась незапланированной, и виноваты в ней были служители ГИБДД. Из-за нервов Воскресный несколько раз нарушил правила дорожного движения, спеша быстрее добраться домой, и как назло на перекрестке, делая поворот, он пересек две сплошные линии разметки, срезая угол. По новым правилам дорожного движения, это было равносильно выезду на встречную полосу, и стоящий патруль не мог пропустить такого куша. Гаец кинулся наперерез, махая жезлом и мысленно потирая руки от предвкушения наживы. Воскресный по началу думал проехать мимо, но потом осознал, что за ним погонятся, ну а в городе даже пятисотсильную машину догнать на милицейской десятке не составит труда. То ли дело было бы это на трассе.... Пришлось принять вправо, и в мгновение ока подбежал инспектор.

– Добрый вечер, инспектор ... – представился гаишник, но его фамилия ничего не говорила для Воскресного, и поэтому тот пропустил ее мимо ушей, не удосужившись запомнить.

– Здравствуй, лейтенант, – Анатолий Борисович сам вышел из машины, подавая документы. Он не был гордецом,

и не считал, что деньги дают возможность относиться к другим людям как к мусору. – Знаю, что нарушил. Давай на месте решим, я спешу. Я очень спешу.

– Это лишение на шесть месяцев... да вы еще и пили... – Лейтенант поначалу немного растерялся, потому, как не привык, что из таких дорогих машин к нему выходят сами, а не отдают документы через форточку, канюча, когда же их отпустят или угрожая звонками высокопоставленным лицам с погонами на плечах. Но как только он почувствовал перегар, сразу взял себя в руки, перебирая в уме суммы, которые можно было бы содрать с нарушителя.

– Сколько, лейтенант? – Воскресный, теряя терпение, немного повысил голос. Он и не собирался торговаться.

– Сто... – Лейтенант немного втянул голову в плечи, сам поражаясь своей дерзости. Но сумма была названа. А что поделаться? Молодого да зеленого, всего два года назад окончившего академию МВД, его старшие товарищи учили в назначении сумм исходить из стоимости машины, которую он остановил. Перед лейтенантом стоял хромированный «Бэнтли».

– Рубль за месяц лишения, итого двадцать. Больше не дам.

– Не пойдет....

– Слушай, ты доброту за слабость принимаешь? – Воскресный назвал три фамилии. – Слышал о таких? Я мог бы, не разбираясь с тобой набрать любого из них, и общался бы ты с ними. Я же, понимая, что нарушил, не делаю этого, а

предлагаю тебе нормальные деньги, ну а ты реально нагнешь, – Анатолий Борисович достал телефон из кармана куртки.

– Стойте, стойте. Сядем в машину...

На том они и порешили, и через минуту Бэнтли опять понеслась через город.

Когда Анатолий Борисович вырулил на свою улицу, и подъезжал к дому, он заметил нищенку с запеленатым младенцем, стоящую по диагонали от его ворот, на другой стороне улицы. Она делала вид, что качает ребенка, но ее глаза пристально шарили по улице, поминутно останавливаясь на калитке, ведущей во двор дома Воскресных. Анатолий Борисович был очень внимательным человеком, с прекрасно развитым чутьем, которое подсказало, что с нищенкой что-то не так. Анатолий проехал, не останавливаясь, и завернул в проулок, чтобы сделать круг и вернуться оттуда же, откуда только что выехал. Единственное, теперь он оставил машину за углом, а сам пошел пешком, тем прогулочным шагом, каким ходят люди, которым некуда спешить. Что ему стоило это показное спокойствие и невозмутимость, знает один только Бог... Анатолий Борисович двигался по той же стороне улицы, по которой метрах в ста от него стояла нищенка, все еще изображавшая образцовую мать. Как подумал Воскресный, если она так яростно будет укачивать ребенка, еще хотя бы полчаса, то его, либо стошнит, либо же из этого недоросля вырастет опытный капитан дальнего плавания, даже не по-

дозревающий о наличии на земле такой хвори, как морская болезнь. Нищенка обратила внимание на мужчину, идущего к ней, но беззаботный вид и отрешенный взгляд, присущий пьяным и дуракам, спутал все подозрения сообщницы грабителей, и ее бдительность притупилась в отношении этого господина. Она отвернулась от Воскресного, снова поглядев на калитку. Где же эти черти запропастились? Их вот уже полчаса как нет. Анатолий Борисович, между тем уже находился в пяти метрах от женщины, но по-прежнему несколько ее не интересовал, ведь хозяева домов в этом районе не ходят пешком, как она думала. Это и сгубило воровку; ведь как же часто мы ошибаемся, отдаваясь на веру шаблонам общественного мнения, и собственным ярлыкам, однажды повешенным на кого-то, и не снимаемым до того момента, когда уже становится поздно.

Проходя мимо воровки, Анатолий Борисович заметил, что ребенок в ее руках перетянут пеленками слишком неестественно, и малец, будь он настоящим, непременно задохнулся бы в этом коконе. Это подстава. Не раздумывая, Воскресный в мгновение ока схватил нищенку за ворот правой рукой, а локтем левой руки надавил ей на горло, вжав в стену чьего-то дома. Она захрипела и выронила сверток из рук.

– Почему ты все время смотришь на ворота этого дома? Отвечай! – Анатолий немного ослабил давление на горло, давая возможность вдохнуть воздух в грудь.

– Иди... – нищенка по-видимому хотела сказать грубость, определив Анатолия с местом дислокации на ближайшее время, но не договорила.

Воскресный никогда не поднимал руку на представительниц слабого пола, но на этот раз он сделал исключение, которое, как известно, бывает во всем рано или поздно. После короткого, но сильного удара по печени нищенка начала оседать на асфальт, но Анатолий Борисович рывком поставил ее на ноги, и с правой руки добавил не менее сильный удар в область селезенки, зажав воровке рот во избежание криков. Но это было излишне, даже если бы та и захотела заорать, то не смогла бы, у нее сперло дыхание. Первая боль была тупой, но сильной, ошеломляющей, вторая боль стала нестерпимо-острой, обжигающей как каленое железо. Вместе они дали непередаваемую полноту ощущений, от которой воровка захрипела и заворочала белками глаз, силясь вздохнуть. Через десять секунд Воскресный повторил свой вопрос.

– Не бей... там живет мой... – нищенка начала свою речь с вранья, и это было ее ошибкой.

– Да я там живу, овца! – Анатолий Борисович опять ударил, но уже костяшками пальцев по ребрам, прекрасно понимая, какая же это боль. Он подождал, пока нищенка отдышится, и добавил: – Ты понимаешь, что я тебя инвалидом сделаю? Живи потом, как хочешь. Что происходит в моем доме?

Она хранила молчание, и тогда он не выдержал, начав ее

уничтожать. После третьего удара по корпусу ее ноги подломились, и она прошипела:

– Не надо...

Анатолий остановился.

– Там Вася с Гошей, грабят твой дом.

Большого Воскресному знать и не требовалось. Он снял с себя пояс и крепко замотал за спиной руки нищенки, обхватив их прежде вокруг фонарного столба. Воровка повисла на этом подобие дыбы; теперь она никуда не денется, как бы ни старалась. Да и на помощь кого-то звать бесполезно, на этом районе каждый сам за себя.

Воскресный не стал, как герои боевиков вламываться через парадный вход, он был слишком умен для этого, прекрасно понимая, какую опасность может принести дочери несвоевременным появлением на сцене событий. Для бесшумного проникновения в ограде участка имелся черный вход – узкая калитка в самом углу забора, почти незаметная невооруженному взгляду человека, не знающего о ее существовании. Смазанные петли не скрипнули, замок не щелкнул, и Анатолий Борисович беспрепятственно попал внутрь. Участок, на котором расположился дом Воскресного был не большой, но все равно достаточно просторный, чтобы разместить дом с пристроенным к нему гаражом на три машины, сарай-кладовую, сад, газон и широкий двор, вымощенный крепкой брусчатой плиткой. Центральный вход на участок находился прямо по центру, это и были ворота с отдель-

ной дверью-калиткой, пробитой в кирпичной ограде. Ворота выводили во двор, и тот в свою очередь подводил к крыльцу. Въезд в гараж оставался справа от крыльца, там же, где начинался газон с красивым розарием, фонтаном и маленьким водоемом в котором плавали водяные лилии. Слева от крыльца до самого забора соседей тянулся садик, усаженный грушами и яблонями, так красиво цветущими по весне. Хотя вся эта красота в темноте осеннего вечера было невидима, как не видим был и Воскресный, крадущийся через сад. Крался он к Гоше, сидевшему спиной к саду на деревянной скамье, нервно курившему одну сигарету за другой. Торопить брата мысли не было, хотя такое желание присутствовало, незвученно сидя где-то в подсознании.

Анатолий Борисович крался за спиной грабителя не потому, что боялся, он мог смело зайти и с фронта. Но в таком варианте налетчик мог предупредить своего подельника криком, и кто его знает, что тогда будет с Анной, если вдруг второй грабитель решит сделать из нее заложницу. Зачем все усложнять? Первого Анатолий устранил тихо, затем проберется в дом, и там уже будет видно, что станется со вторым. К тому же у товарища может быть нож, а лишние отверстия в теле Воскресному были без надобности.

Поначалу Воскресный думал сломать Гоше шею, но потом отказался от этой мысли – душегубом он никогда не был. Зачем человека лишать жизни? Поэтому второй мыслью, ставшей окончательным решением, было просто оглушить и свя-

зять. Под рукой не было ничего подходящего для свершения задуманного – ни булыжника, ни полена, ни увесистой палки, ни арматуры, но Анатолий знал свою силу, и в принципе орудия пролетариата ему были ни к чему. Одна только мысль преследовала Воскресного: как бы ни пришибить человека на скамье. Подошел Анатолий бесшумно, как бесшумен был и взмах руки, но грабителя что-то заставило обернуться в последний момент, и он только успел заметить чей-то кулак, после чего выключили свет. При ударе что-то хрустнуло, и Гоша свалился как куль с мукой, перекинувшись через скамью. Воскресный вздохнул и перекрестился. Его кулак попал почти в висок, и веры в то, что грабитель выживет, было мало. Но, завершая задуманное, Воскресный не останавливаясь, прошел в сарай, взял там скотч и на всякий случай перемотал тело словно мумию. Если выживет, то никуда не денется.

Теперь оставалось только попасть в дом. Войти через парадный вход не представлялось возможным – много шума. Поэтому предстояло пробираться через гараж. Тем лучше, потому что на кухне, куда выводила дверь, лежали ножи, с которыми Анатолий обращаться умел очень сносно, и у налетчика не было шансов. Крадучись, зажав в руке нож, Воскресный попал в зал. Азеля уже и след простыл, и труп Васи лежал на животе, застыв в бесформенности, с непередаваемым ужасом на лице. Анна приходила в себя.

Анатолий Борисович застыл в ступоре. Он ожидал уви-

деть что угодно, но не это. То, что грабитель уже мертв, для него стало откровением (а в безжизненности Васи сомнений не было). Анатолий морально готовил себя к драке, схватке, но подготовиться к гробовому молчанию невозможно; оно действует тем сильнее, когда начинается, словно скользкая холодная змея вместе со страхом заползает под свитер. Первым в голове возник вопрос: кто это мог сделать? Кто разорвал грабителю шею, словно бумагу? Воскресный в ужасе присел в кресло, смотря на обескровленное тело. Кровь выпили, на полу не было даже капли. Анна издала стон, и ступор прошел в мгновение ока. Отец кинулся к дочери, забыв обо всем, спеша развязать ее и привести окончательно в чувство. Перерезать лоскуты гардины труда не составило.

– Аня, Аня.... Как ты? – спросил он, пару раз легонько хлопнув по щекам.

– Ты?.. Папа, откуда? – она вполне осмысленно посмотрела на него. – Пап, как мне было страшно...

– Все кончено, я здесь, и ты в безопасности.

– А где они? – она осмотрелась вокруг и заметила за спиной отца две ноги в армейских ботинках, принадлежащие Васиному труп. Остальное тело оставалось скрытым от глаз спиной Анатолия Борисовича.

– Все хорошо. Они больше не опасны, – Воскресный отстранился, и Аня увидела, что стало с Васей.

– Это ты его?..

– Нет. Я надеялся, ты мне расскажешь о том, что тут про-

изошло.

– Я была в обмороке, я не знаю.

– Как они проникли в дом?

– Я открыла... – на глазах Анны выступили слезы. – Прости, пап, ты мне не однажды говорил, что не стоит открывать...

– Не важно, главное с тобой все в порядке. А что... как они тебя вынудили открыть дверь?

– В дверь позвонила нищенка с просьбой дать немного денег, и когда я открыла, в дом ворвались эти... – она показала в сторону улицы.

– А что дальше?

– Они шарили по дому, и чтобы меня не пытали, я сама сказала, где что лежит....

– Правильно, правильно... – он прижал ее к груди. – Деньги хлам. А почему они сразу не ушли?

– Один вышел на улицу, а этот хотел меня... со мной... – она не нашла подходящего слова.

– А второй? – Анатолий Борисович зарычал, судорожно сжав кулаки.

– Второй заступался за меня, но ничего не смог сделать. Это два брата, тут старший лежит. Второй пытался удержать этого...

– Смог бы, если бы захотел, – его лицо стало суровым.

– Он ему чем-то обязан был... ты его не убил?

– Да нет, жив он. Так ты говоришь, он пытался тебя защи-

щать?

– Да. Это громко сказано, но отступил он только тогда, когда понял что брат и ножом пырнуть может, если тот продолжит упорствовать.

– Понятно. Но кто же этого убил? – Анатолий Борисович подошел к Васе. – Ему горло перегрызли.

– Стой! Я помню какого-то кота. Он зашел как раз, когда Вася хотел меня порезать... – лицо Анны побелело от страха. – Я как сквозь туман помню рычание, крики... это тот кот его...

– Я не помню, чтобы у котов были такие челюсти, – Воскресный оценил размер отметин на шее. – Что же это за тварь была? Дверь закрыта, может, оно еще в доме? – он в тревоге начал осматриваться вокруг, когда заметил осколки стекла в углу комнаты. Эта тварь выбила окно и ушла. Можно успокоиться. Анатолий решил отложить поиски истины на потом. Главное, с дочерью все было хорошо.

Воскресный рывком поднялся на ноги, и вышел во двор. К его удивлению, Гоша уже пришел в себя и пытался перевернуться на живот.

– Не дергайся, – Анатолий Борисович достал нож и обрезал скотч. Гоша поднялся на ноги, шатаясь как пьяный, его стошнило. На лицо было сильное сотрясение мозга, под обоими глазами уже начала проявляться опухоль. В таком состоянии вор был безобидней котенка.

– Где то, что ты взял?

Гоша не ответил, лишь показал рукой под лавку, где лежала спортивная сумка.

– Твой брат мертв, тебе фора полчаса, после чего здесь будет следственная группа.

Глаза грабителя выразили безмерное удивление, он открыл рот, но тут же закрыл его, не зная, что сказать.

– Иди. Благодарю мою дочь, она за тебя заступилась.

– Век не забуду, – Гоша поклонился и, шатаясь, побрел на улицу.

Анатолий Борисович выждал пятнадцать минут, и позволил своему товарищу, подполковнику УРа. Тот, не задавая лишних вопросов, выслушал, и через десять минут прибыла опергруппа. Видимо, их предупредили к кому они едут, и поэтому с Воскресным держались очень вежливо. Товарищ подполковник приехал тоже, но немногим позже своих орлов. Он заперся с Воскресным в кабинете, и они обсудили как себя вести и что говорить Анатолию Борисовичу. Странную кончину Васи спихнули на мифического питбуля, который якобы жил в доме Воскресных, и при нападении загрыз грабителя, после чего сбежал. Анатолий Борисович знал, – дело прикроют.

Вернувшись домой, Виктор сел в кресло, и немигающим взором уставился в стену. Он задумчиво закурил; в правую же руку легли костяные четки, перебирать которые вошло в привычку.

Гадалке он верил, верил и своим ощущениям, не предсказывающим ничего хорошего. Ему нагадали смерть. Что ж, оттого, наверное, и печаль, которая присутствовала в его сердце, поселившись в нем после первого сна. Печаль-предчувствие, печаль-прощание. Все истории любви между ним и Анной заканчивались в прошлых жизнях плохо. Так почему же в этот раз должно быть исключение? Наивно было бы полагать это, наивно и смешно. Единственное, всегда умирала она, а он уже выбирал, жить ему или нет... видимо, в этот раз будет наоборот.

Тяжелый вздох.

Препятствия, неприятности и опасности его несколько не пугали, и даже наоборот было интересно схлестнуться с ними, позволив силе духа преодолеть преграды. Не пугала и смерть. Но умереть – значило расстаться со своей любовью, с тем, что вдохнуло в него ту жизненную силу, которую он теперь черпал горстями, и не видел ей предела. Только потому он и печалился. Он с тоской посмотрел на свою прошлую

жизнь, из ровности которой его вывело появление девушки во сне. В этой жизни, в принципе, ничего и не было интересного, незаурядного и захватывающего. Он толькопил, ел, спал, да приобщался к женскому полу. Неожиданно к Ильину пришло понимание простой истины. Он открыл для себя, что есть грехи, которые не были занесены в скрижали Ветхого и Нового Завета, хотя и являются ничуть не менее тяжкими, чем, скажем, убийство. Например, такое преступление (грех) – это бесцельное существование на этой Земле, и если ты, совершая убийство, причиняешь зло кому-то, то проводя день за днем в примитивном регрессе личности, ты убиваешь себя, свою суть. Это ли менее тяжело? В Нагорной Проповеди Иисус сказал, что нужно возлюбить ближнего своего как самого себя. Значит, себя любить не только можно, но и нужно? А как можно любить себя, убивая разум и свою жизнь примитивной тратой времени? Нет, эгоизм тоже не есть хорошо, но о себе забывать не стоит, нужна золотая середина. Леонардо да Винчи сказал: «Железо ржавеет не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет». Вот так и Виктор чах, перебираясь изо дня в день... А теперь же у него появилась цель – спасти Анну от опасности, сохранить ей жизнь, в кои-то веки сделать что-то значимое и положительное, и ради этого стоило тратить и время и жизнь. Виктор обрел жажду жизни и силу в любви.

Любовь, быть может, сама по себе и не являлась бы в его

судьбе тем, что кардинально изменит мироощущение, но все дело в препятствиях. Если бы Ильин просто влюбился, то жизнь текла бы, как и прежде, с той лишь разницей, что рядом появился кто-то родной; если же к чувствам примешать опасность, то это подстегивало Виктора как шпоры доброго скакуна. Как это так? Судьба мешала ему быть с Анной столько раз подряд, и он должен отступить? Никогда, пусть ему это и будет стоить жизни. А смерть... Он ее не боялся, да и в сущности, что он оставлял здесь? Друзей? Он им не нужен, у них есть свои семьи и заботы поважнее, чем тратить свое время на друга юности. Ну да, выпьют с горя водки, поспоминают, прослезятся, и забудут через полгода. Так всегда бывает. Варвара? Она его не любит, и привыкнет к потере быстро; заведет себе любовника получше, чем Ильин. Да, без слез не обойдется, но что нас не убивает, то делает только сильнее. Мать! Как он мог забыть о ней? Хотя... У нее своя жизнь, скоро должна появиться дочь, сводная сестра Виктора... так что как бы ни было ей тяжело, привыкнет... Да и вообще, что за мысли? Виктор резко и сильно потрянул головой, отгоняя карканье предчувствий. Он молод, силен, и не собирается отдавать концы в ближайшие десятилетия. Не дождутся. И пускай гадалки говорят и пророчат что угодно, все они ошибаются, иначе и быть не может. Все эти мысли лишь малодушие, неглубокие укусы страха вызванного протестом сознания к вынужденным и непредвиденным переменам. Не иначе. А жить он будет, только бы найти ее, только

бы успеть спасти. Есть только один путь к счастью, и он заключен в блеске красивейших карих вишен ее глаз. Только бы обрести их, не в мечтах, а в реальности....

Мысли Виктора переключились снова к решению задачи, над которой его мозг бился уже четыре дня, показавшиеся ему четырьмя вечностями. Как сказал один умный сыщик, в любом деле есть зацепки, их просто нужно отыскать. Что было у Ильина? Портрет и имя, только и всего. Эту задачу нельзя было даже назвать уравнением, ведь там минимум три составляющие. Это дело было просто загадкой, решить которую могло только появление чего-то еще кроме знания внешности и имени девушки. Например, фамилия. Виктор не сомневался: зная ее фамилию, он добился бы успеха. Что может быть проще? Пусть даже Иванова или Кузнецова. Ну, предположим, было бы в таком случае десять тысяч девушек с таким именем и фамилией, он бы с каждой увиделся, даже мельком подстроил встречу. Да, оставалось только найти адреса... Хотя, как он мог забыть мамину подругу, тетю Лену, работницу ЗАГСа? Та, конечно не бесплатно, но за нормальные деньги нашла бы и передала в руки Виктора самый полный список по интересующей его фамилии. В России, были бы только деньги, можно найти и получить что угодно, даже черта достанут из ада, не то, что адреса Ань Ивановых, Петровых или Сидоровых. Знать бы только фамилию.... Но если бы, да кабы.... Фамилии все равно не было.

Если бы Виктор точно знал, что она, скажем, живет в цен-

тре, он обошел бы пешком все дворы и закоулки, придумал бы сотни историй, одна интересней другой, чтобы люди непременно рассказали, где ее найти (при условии, что знают ее). И пусть потратил бы он на это даже не один месяц, он бы, в конце концов, ее нашел, он упертый. Но таким образом обойти весь город не представлялось возможным. Да и смысл? Несколько месяцев – это слишком долго. Это очень долго при условии, что Анне угрожает опасность, в чем он даже не сомневался. Да, искать кого-то в городе с численностью свыше миллиона можно только если ты знаешь о человеке все, вплоть до того как часто он дышит....

Если бы Виктор точно знал ее возраст, дату рождения, он повел бы поиски по руслу учебных заведений; оббегал бы на крайний случай все ВУЗы и техникумы, лицеи и колледжи, с вопросом не учится ли там Анна. Ради интереса Ильин зашел на поисковик в интернете, и набрал запрос об учебных заведениях родного города. Компьютер выдал список из 86 ВУЗов и порядка 60 заведений среднего и специального образования. Не так уж и много.... Но с другой стороны, что если она еще школьница? Ведь невозможно предугадать точно, сколько же ей лет, потому как в одной жизни ей двадцать, в другой почти сорок. Может, теперь она еще классе так в пятом учится? Понятно, что он дождался бы когда она вырастет, но для начала ее найти еще надо... Да и вообще, почему он во всех своих предположениях исходит из того, что они живут в одном городе? Не раз уже думал, да и сам прекрасно

понимал, что она может быть даже не россиянкой, а скажем норвежкой. В этом есть большая доля вероятности. . . . Но он знает – это не так. Чутье Ильина еще не подводило, и оно говорило, что Анна дышит с ним одним воздухом и ходит по одним улицам, просто в разное время. . . .

Если бы. . . . Да, если бы. Он очень хотел ее найти. Вдруг в голове промелькнула мысль: вот ты ищешь ее, из кожи вон лезешь, сходишь с ума, а что если она и не полюбит тебя? Разве этого не может быть? На самом-то деле, это не исключено. Хотя, нет. Что за малодушие с его стороны? При каждой встрече их как током пробивало чувство, по своей силе сравнимое с грозой, и исключения в этот раз не будет. Они созданы друг для друга, как показало прошлое, и если он ее найдет, то обретет счастье. Никакие гадалки с их тревожными и недобрыми пророчествами не могут заставить его свернуть с пути к намеченной цели. Счастье впереди, он знает направление.

Взгляд автоматически перенесся на часы, стрелки показали одиннадцать часов. Долго же он предавался своим размышлениям. Виктор включил телевизор, по какому-то местному каналу начинались новости. Ильин автоматически просмотрел несколько репортажей о событиях в мире и стране, и когда начались криминальные новости региона, пошел на кухню готовить чай. Из зала отчетливо слышалось бурчание журналиста:

– . . .Сегодня вечером на дом известного в кругах бизнес-

элиты директора крупного строительного холдинга «Молот» Анатолия Воскресного, произошло вооруженное нападение с целью ограбления. Как сообщили источники, близкие к расследованию, один из нападавших был обезврежен, а другому удалось скрыться. Ведутся поиски. С места событий передает наш корреспондент Илья Адамов. Илья, вам слово.

– Здравствуйте, Вячеслав....

Виктор перестал прислушиваться к голосам из телевизора, потеряв интерес. Об Анатолии Воскресном он слышал, как и многие другие жители города. Его компания была одним из основных застройщиков городской черты, и в рекламе особо не нуждалась. Но Ильину до чужого богатства дела не было, и в данную минуту его больше интересовала почти закончившаяся заварка в банке. «Завтра нужно будет купить чай», – отметил он про себя. Заварив чай, Ильин вышел в зал. На экране уже переключались на другой сюжет, но Виктор успел заметить фотографию человека с подписью «Анатолий Воскресный», о котором и велась речь до того. Ильин вспомнил, что видел его раньше – он около года назад покупал в магазине, в котором работал Ильин, бытовую технику для кухни. Что-то около четырехсот тысяч вышло, Виктор тогда еще работал старшим продавцом и обслуживал покупателя сам.

– Хороший мужик! – сказал Ильин вслух. Ему понравилось, что Воскресный тогда с ним держался просто, без напыщенности и высокомерия; пропустил пару шуток и под-

держал разговор о немецкой технике, поделившись впечатлениями о Мюнхене и Берлине. Именно простота, образованность и ум собеседника произвели тогда благоприятное впечатление на Ильина; ну а так как у него была очень хорошая память на лица, то узнать Воскресного не составило труда.

– Что ж... – заметил сам себе Ильин – будем надеяться, что никто не пострадал.

И его мозг начал работу заново, отыскивая возможности встретить девушку из сна, Аню Воскресную. Не мог Виктор знать, что в тот день, когда Анатолий Борисович покупал бытовую технику, его дочь тоже должна была пойти с ним, но отказалась от своих намерений, подвернув ногу. Тогда вмешалась судьба, и они не встретились... хотя, может, так и надо было? По крайней мере, жизнь им подарила по еще одному беззаботному году.

Виктор вышел с кружкой чая на балкон и присел в широкое мягкое кресло. Так ему думалось легче. Конечно, никто из ученых еще не доказал положительное влияние крепкого черного чая с сахаром на работу мозга, но те, кому не раз в жизни приходилось принимать волевое решение, подтвердят, что озарение приходит не сразу, и кружка чая с сигаретой помогают в этом как нельзя лучше. Свежий ветерок продувал балкон насквозь, благодаря открытым настежь окнам, приносил бодрость и ясность сознания. С высоты двенадцатого этажа в кристально чистом, клубящемся воздухе Вик-

тор отлично различал очертания предметов, и все картины лежащего внизу района: две полосы оживленных широких улиц, освещенных ярко-желтыми фонарями, и парк с нешироким прудом, и стоянку авто под открытым небом. Машины по улицам неслись сплошным потоком, и, значит, несмотря на довольно позднее время, город жил своей быстрой и яркой жизнью. Ильин не мог себе представить, что можно жить где-то, где мало людей, нет машин и шума улиц. Как ему казалось, в такой тишине можно легко сойти с ума. Да, он был горожанин от мозга до костей. «Такое позднее время, а никто не спит!» – пронеслось в его голове. Виктор вздохнул, и вспомнил время, когда о таком количестве машин, как было сейчас, не думали, и не предполагали, что возможны такие понятия как пробки. Всего-то лет так семнадцать-восемнадцать назад на всех жильцов подъезда, в котором проживал Ильин, приходилось... – Виктор начал загибать пальцы, – ну да, семь машин, и из них не было ни одной иномарки. А сейчас во дворе поиск места для стоянки на ночь превращается в войну. Слава Богу, Виктора это никогда не касалось – с появлением машины он купил и гараж за домом, и поэтому в глазах местного населения считался настоящим счастливчиком.

Хотя, однажды, все же вышел конфликт и у него, когда Виктор поставил машину не в гараж, а перед домом, так как приехал всего на пару часов. Стоило только подняться к себе, как почти сразу снизу раздался звук автомобильной сиг-

нализации, в котором Ильин безошибочно разобрал сигнал своей машины. Выглянув в окно, он увидел какое-то тело, которое крутилось возле его Хонды. Виктор, недолго думая спустился вниз. Во дворе стоял рослый мужик, и с недовольным видом шарил глазами по окнам в поисках хозяина автомобиля.

– Потерял кого? – Ильин подошел к человеку.

– Твоя колымага? – мужик перевел взгляд на подошедшего.

– Моя, – Виктор осклабился. Его, почти новую, черную Хонду СВВ так еще никто не называл.

– Убирай, – это был ультиматум, произнесенный в приказном порядке грубым тоном.

Виктор ошалел от такой наглости, но из этого состояния его в мгновение ока вывела злость, поднявшаяся из глубины души, как волна. Ильин еще держал себя в руках. Помахать кулаками – дело несложное, но у него было правило – не делать этого, пока возможно, без ущемления своего достоинства, решить дело словами. Это правило пришло после того, как на глазах Виктора один его друг, не рассчитав силы, убил в драке человека. . . . Последствия были печальны, в то время как повод к драке ничтожен. Ильин своевременно сделал выводы, прекрасно зная свой характер, и понимая, что подобная участь рано или поздно может постичь и его. Он скрипнул зубами, и очень недобрым тоном поинтересовался:

– С чего вдруг?

– Моё место... живее, – уверенный в себе, здоровый, крепкий мужик молодого и сухого парня как противника даже не расценивал. Видимо он, за свои сорок лет, либо не раз выходил победителем из драк, либо же просто не раз запугивал людей внешним превосходством в силе.

Виктор молча подошел к человеку и встал лицом к лицу, не вынимая рук из карманов. Он посмотрел мужику в глаза и произнес:

– А ты ничего не перепутал, дядя? – в голосе Ильина, помимо его воли, просквозило столько безграничной ярости, что мужик отшатнулся, вжавшись спиной в Хонду. – Мужик, мне по жизни и без тебя забот хватает, и поверь: заниматься тобой желания нет; но если придется, я займусь тобой. Вплотную.

Человек при этих словах изменился в лице, в глазах мелькнул испуг. И дело было не в смысле слов, а в том, с какой уверенностью и твердостью они были сказаны. То, что Ильин не пытается просто запугать и не рисуется, чувствовалось на подсознании. Это было простое предупреждение, не более того. Мужик молчал, и Виктор медленно, не отрывая взгляда, отступил на два шага, после чего отвернулся и пошел в подъезд. На первой ступеньке, уже успокоившись, он развернулся, и, облокотившись на перила, посмотрел назад. Человек еще стоял в той же позе, прислонившись к крылу машины. Он переваривал услышанное.

– Посмотри, сколько мест! – Ильин описал круг рукой, –

А тебе, если еще раз прикоснешься к моей машине, я руки поломаю.

При этих словах человек автоматически отскочил от машины и кивнул. . . .

Виктор улыбнулся, вспомнив этот случай. Да, хватает таких персонажей.

Но как быть с Анной? Мысли Ильина опять потекли в русло поисков, и разум принялся блуждать в темноте догадок. Виктор знал, что нет на свете ничего лучше своевременно данного правильного совета, и именно в таком совете он нуждался в тот момент. Только одна проблема возникала в его ситуации – совета дать было некому. Ильин вздохнул и залпом допил чай. Никого вокруг, Виктор как всегда один. Даже Азель, к которому человек успел привыкнуть, вопреки своему обыкновению относиться недоверчиво ко всему новому, ушел от Ильина. «От меня даже кот ушел!» – пронеслось в голове Виктора. Он покачал головой в такт своей мысли. Часы показывали полночь. Поняв, что голова работать отказывается, заблудившись в пустых догадках, он решил лечь отдыхать, проверив прежде почту на своей странице в социальной сети, мало ли кто написал? В режиме онлайн находился его старый приятель, Игорь, и Виктор, задумчиво почесав нос, написал: «Здорово! Как жизнь? Слушай, дай совет: как найти человека, если есть только его фото и имя, и ничего больше?». Ильин отправил сообщение, и принялся ждать. Это не был крик души или попытка найти

опору в ком-либо, просто товарищ Виктора работал в УРе, и о том как найти человека знал не в пример больше кого бы то ни было. Через две минуты пришел ответ, который Виктор прочитал с надеждой: «Привет! Как сам? Чего не спится? Я в норме. А на счет поисков – расклей объявления о пропаже, с фотографией. Пообещаешь вознаграждение, так тебе из-под земли достанут кого надо!».

– Вот это дело! – Ильин кивнул сам себе.

« Я тоже как обычно, все в порядке. Работа и дом... Уже спать пойду. Спасибо за дельный совет! Привет Жанне», – перечитал он свое сообщение и отправил товарищу. Вот что значит головастый опер. Сразу, не задумываясь, дал направление для движения. А Виктор голову ломал четыре дня... Ну и ну, ведь так же просто все. Ага, завтра нужно взять больничный и вплотную заняться делами. Хватит уже на пятой точке ровно сидеть. Больничный. Да, не вовремя второй зам в больницу попал. Ладно, завтра будет день, и придет решение вопросов, иначе и быть не может.

И с легким сердцем Виктор отправился в кровать.

Стояла осень, солнечный холодный день, и, судя по черным ветвям, с которых только-только перестали осыпаться листья, было начало ноября. Виктор шел по мостовой, заваленной красными и желтыми обрывками воспоминаний о весне, перекатывающихся от порывов налетавшего ледяного ветра и тонко при этом звеневших о чем-то своем. Доро-

га, рассекающая спальный район, с двух сторон переходила сначала в невысокий бордюр тротуара, а потом в пятиэтажки серого и унылого бетона. Скрашивала картину осени лишь полоса деревьев, между тротуаром и стенами домов, на которой клены и липы раскинули свои широкие ветви, которые то тут, то там постукивали и царапали по стеклам окон вторых и третьих этажей. На асфальте лежала тень от домов, было утро, и солнце еще не поднялось высоко над горизонтом, еще не растопило лед в одиноких лужах, скопившихся в редких выбоинах сухой дороги. Улица вводила бесконечно вперед, и Виктору казалось, что ни перекрестков, ни подворотен она не имеет. Однообразие картины, ее серость и темнота неосвещенности не действовала вопреки ожиданиям на нервы, не угнетала, и даже наоборот Ильину было отчего-то весело, легко и свободно. Он шел посреди дороги, поднимая вверх голову, где в темно-синем, вовсе не южном небе, стояла почти полная, серебристая луна, загадочно тарачась своими кратерами, которые люди издревле считали чертами круглого лица с глазами, ртом и носом, и, быть может, поэтому у любой национальности в язычестве были богини ночи, отождествлявшиеся с луной. А еще, как показалось Виктору, у этого небесного лица были брови, которые застыли в немом удивлении на миллионы лет: что же вы делаете, люди?.. Люди. Виктор не раз оглядывался вокруг, заглядывался на окна и балконы, надеясь увидеть кого-то из обывателей, но никого не было. За домами, где открывал-

ся вид на гаражи и детские площадки, на лавочках, примостившихся на тротуаре, и даже в попавшемся по пути скверике, словно специально созданном для уединенных свиданий, его взгляд не пересекся ни с чьим другим. Ни людей, ни кошек, ни собак, ни птиц. Мерность шелеста кружащихся по асфальту листьев, скрип черных ветвей, шуршание порывов ветра и удивительно чистое, мерное дыхание были единственными шумами, долетавшими до ушей Ильина. Отсутствие живых существ совсем не пугало, и наоборот от этого было тише, спокойней, и чистота мыслей казалась кристальной, а пустота улиц, их безмолвие, являлись необходимостью равновесия природы.

Долгий квартал закончился, и улицу, по которой шел Виктор, начали пересекать проулки и переулки, уводящие по таким же прямым в неизвестность. Закончился вскоре и спальный район, перейдя в промышленную зону, или же окраину города. Слева возвышался высокий бетонный забор, за которым виднелись лишь несколько огромных кирпичных труб, из которых вырывался клубами белый дым, прибываясь ветром к земле, и растворяясь в пустоте. Справа открылся пустырь, покрытый клочьями заиндевевшей невысокой травы зелено-пожухлого цвета, уходящий к видневшимся вдалеке новостройкам в двенадцать этажей, а впереди замаячило широкое, приземистое здание в три этажа, окруженное черным решетчатым забором. Виктору захотелось подойти к нему. В его ногах усталости не было, и, незаметно для себя, Ильин

прошел расстояние до неизвестного строения буквально за пару минут. Стоя возле ворот, Виктор понял, что это школа, судя по дворику, крыльцу и видневшемуся за зданием футбольному полю с беговой дорожкой. Захотелось зайти внутрь и подняться на третий этаж, где, как казалось Виктору, находился актовый зал. Нет, я не правильно выразился: Ильин знал, что там находится актовый зал. В вестибюле мелькнуло знакомое сочетание мозаики пола и колонн, и Виктор осознал, что находится в школе, где некогда учился. Он удивился, ведь его школа находилась в совершенно другом месте, стояла в окружении яблоневого сада на окраине города, где домов выше двух этажей и в помине не было, не говоря уже о заводе. Да и фасад удивлял, ведь в школе, где учился Ильин, было два этажа, а не три... Оставив все мысли на первом этаже, Виктор поднялся по ступенькам наверх.

Дверь в актовый зал открылась сама собой, пропуская парня и девушку, и так же сама собой закрылась, без хлопка. Ильин удивился при виде людей, что люди не заметили его, и особенно тому, что парочка оживленно болтала, но, ни звука не доносилось до ушей Виктора. Он хлопнул в ладоши, и услышал свой хлопок. Со слухом все было в порядке, не в порядке было со всем остальным. Это не испугало Ильина, и он, пожав плечами, открыл дверь, войдя в помещение. Типичный для школы актовый зал распахнул перед ним свою панораму. Два ряда колонн, пол циклеванного паркета, ряды стульев, три парты у стены, и компания молодых людей,

судя по лицам, явно не школьников. Собравшиеся вокруг посередине зала, удобно расположившись на стульях со спинками, они слушали одного парня, который играл на гитаре. Ни мелодии, ни песни, Виктор не слышал, и его это уже не удивило. У Ильина было ощущение, что он присутствует на съемках какого-то фильма о комсомольском звене, присутствует в качестве лишней лампы или штатива под камеру, настолько незаметна была его роль в происходящем. Потеряв интерес к поющей компании, Виктор решил присесть в уголке и о чем-то подумать. Он завернул за колонну, и обомлел. Его взору открылось окно с широким подоконником, та часть актового зала, которая была раньше невидима. Обомлел он, конечно же, не от вида заштатного окошка с деревянной, плохо окрашенной рамой, а от грациозного силуэта девушки, сидящей вполборота на подоконнике, спиной к Ильину. Грива пышных, медовых волос опускалась до середины спины. Сидевшая девушка о чем-то думала, или же просто грустила, наблюдая за полетом последних листьев во дворе, и подперев голову рукой. Обычно от неожиданности у Ильина по спине пробегали мурашки, но в тот миг холод заменило тепло, разлившееся в груди как после ста граммов спирта, и, ударив в голову, оно вскружило ее. Пульс участился, и все сменилось ощущением легкости, очень схожим с чувством затяжного падения при прыжке с парашютом или при попадании самолета в воздушную яму....

Виктор, не дыша, подошел к девушке, и, любуясь ее силу-

этом, как зачарованный взял прядь медовых волос и поднес к губам. Он даже не прикоснулся к ним, а вдохнул аромат ванили, исходивший от локонов, и разжал пальцы. Девушка обернулась, испуганно вскрикнув от неожиданности, но потом что-то похожее на удивление проскользнуло в ее взгляде, и на губах появилась улыбка, растерянная и наивная. Она смотрела на его лицо, и, казалось, хотела запомнить Виктора на всю жизнь, настолько медленно двигались ее зрачки от подбородка к глазам, отмечая каждую черточку. Ильин раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог придумать ничего другого, кроме как закрыть его. Он снова раскрыл рот, но язык упорно не хотел ворочаться, и вместо какой-нибудь избитой и банальной фразы вырывалось лишь непонятное полу-ворчание, полу-мычание удивленного оттенка. Наконец он смог выдать:

– Это ты?

– Вроде, я, – Анна рассмеялась. – Интересный способ начинать разговор. Кто-нибудь может не понять, и обидеться.

– Но я... я...

– Ну, начнем с того, что я тебе снюсь, как и ты мне, – она подмигнула, и прислонилась к стеклу.

– Да! – выдохнул Ильин. – Согласен, хотя сон не может быть так реален... Когда ты спишь, ты не понимаешь, что ты спишь, а я сейчас понимаю это лучше чем никогда. Да и наяву тебя встретить вряд ли смог бы...

– Честно, я тоже поначалу думала, что ты всего лишь мое

разыгравшееся воображение, красивый сон, навеянный каким-то фильмом... Но ты, судя по всему реальный человек, – она несильно поцарапала его щеку. Он вздрогнул.

– Я реален. Как и ты, насколько я могу судить, – Виктор глубоко вздохнул, спрятал лицо в ладонях, и снова выпрямился.

– Я не исчезла... – она опять улыбнулась.

– Я и не ждал этого, – Виктор сел рядом. – Я не знаю, ты мне поверишь, или нет, но эта наша встреча не первая, мы...

– ...были вместе, когда-то в прошлом. Так? Тебя ведь Виктор зовут?

– Так, – он удивленно посмотрел на нее. – А...

– Откуда я все это знаю? – ее улыбка растопила бы и лед, а о том, что творилось с лихорадочно бьющимся сердцем Виктора, я просто промолчу. – Я тебе тоже снилась?

– Да. Теперь я все понимаю. А тебе что снилось?

– Англия. Девятнадцатый век. А тебе?

– Испания, пятнадцатый и Италия, шестнадцатый века. Мы... Я не могу слов найти...

– Поцелуй меня. К чему слова?

Он послушно выполнил просьбу. Ильин и не знал, что в сердце может вмещаться столько щемящей нежности.

– Твои волосы пахнут ванилью, – сказал Виктор, глядя ее по щеке.

– А у тебя глаза такие же теплые.

– Они просто тебя видят, только поэтому.

Анна обвила его шею рукой.

– Почему это только сон?

– Я не знаю. Я ищу тебя, но не могу найти. Я люблю тебя, но совершенно не знаю какая ты...

– Нет, ты меня знаешь, как и я тебя.

– Но разве возможно... неужели ты не изменилась, и все та же Анна, которая тогда зашла в лавку моего отца? – Ильин грустно улыбнулся.

– Все та же, хотя я не знаю, какой я тогда была. Я знаю, что все такая же, – тихо и задумчиво произнесла она.

– Я люблю тебя. Люблю... – только и смог сказать он. – И сам не знаю за что...

– Любят не за что-то, а вопреки всему. Вот и ты так.

– Я с ума схожу...

– Не надо. Все будет хорошо, – грусть в ее голосе не соответствовала словам. Она просто почувствовала нестерпимую печаль, как будто заглянула в будущее, как за занавеску в спальне.

Виктор прижал ее к себе, крепко и порывисто, зарывшись лицом в волосы.

– Как мне тебя не хватает... Я ищу тебя, и все без толку. У меня есть столько, что я хотел бы сказать тебе... – он отстранился и посмотрел в ее глаза.

– У меня скопилось не меньше... Жди, скоро увидимся.

– Тебе что-то угрожает. Я чувствую это. Почему-то каждый раз, когда мы находим друг друга случается какое-то

несчастье и ты... ты...

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Я умираю, – она погладила его по щеке. – Но не в этот раз, ты слышишь? Я никому не позволю помешать нам....

– Я боюсь приближаться к тебе, чтобы не навлечь беду, но и в стороне держаться не в силах. Я разрываюсь на части... – он произнес это с таким горем, что ее сердце дрогнуло.

– Что бы ни было, я жду нашей встречи, а жизнь уже покажет остальное, – она чарующе улыбнулась.

– Я тоже жду, с нетерпением жажду момента, когда увижу тебя... – какой-то шум, раздавшийся позади него, заставил его от неожиданности повернуться. Это компания открыла шампанское, хлопнув пробкой. Неожиданно Виктор начал слышать все звуки вокруг: и шелест ветра за окном, и песню гитариста, и шуршание одежды молодых людей. – Извини... – он вновь повернулся к Анне, но недоговорил. Вместо своей судьбы он обнимал колонну возле окна, прижавшись к ней всем телом. Анны нигде не было. Ильин прислонился лбом к холодному окрашенному бетону и его глаза увлажнились. – Прости меня, милая... – только и прошептал он. У него в груди была дикая ярость, которую сдерживала лишь непередаваемая печаль. Ее опять отняли у него. Будто душу вынули из тела.

– Мужчина, с вами все в порядке? – это спросила какая-то девушка из толпы.

– Да ты не видишь, он пьян! – сказал кто-то с хохотком.

Ильин отстранился от колонны, и пошел к выходу, шатаясь как пьяный. Ему было безразлично, что думают вокруг. Выйдя за дверь, он нелепо взмахнул руками и упал на пол.

Ильин проснулся, открыл глаза и посмотрел в темноту комнаты. Опять они разминулись. Он сжался в комок, и с силой смял одеяло. Какой дурак! Ну отчего он не спросил ее, где она живет или хотя бы, какая у нее фамилия. Идиот. Дебил. А ведь счастье так близко было, один вопрос, один ответ и его поиски закончены были бы. Ох! Ну и... Зла не хватает. Прележав так несколько минут, Ильин сел на кровати. О сне можно забыть, теперь до утра он будет ворочаться и так ничего и не добьется. Знает же себя. Какой-то сон стал непонятный, тревожный. Раньше, когда он ложился спать мог легко провести в объятиях Морфея десять часов кряду, и не заметить особо. Теперь пять-шесть часов хватает с головой, чтобы не хотеть спать днем, а за восемь можно выспаться на три дня вперед. Не такой ли сон у стариков? Кто его знает, Виктор не помнил себя пожилым. Он закурил, и пошел к входной двери. Кто-то явно царапал ее чем-то острым, как будто гвоздем. На пороге сидел Азель, с довольным видом, и его приподнятое настроение чисто интуитивно почувствовал Виктор. Несомненно, это кот царапал по стальной двери лапой, что, скорее всего, и разбудило Ильина. Он вздохнул.

– Приглашения ждешь?

Кот кивнул.

– Ну так проходи. Нагулялся? Вроде бы же не март месяц... хотя, и ты не кот, – пробурчал он себе под нос.

Виктор закрыл дверь и включил свет в коридоре.

– А чего морда в крови? Плотно поужинал кем-то? – Виктор не испугался довольно свирепо мелькнувшим глазам кота. – В ванну, и бегом. Пока не умоешься в квартиру не войдешь...

Ильин досадовал и тому, что волновался уходу кота, и тому, что не получилось досмотреть сон. Кот смирился, и, нагнув голову, поплелся в ванну. За тысячи лет характер Виктора не изменился.... К этому можно было только привыкнуть. Ничего, потом, когда Ильин все узнает, он не раз скажет Азелию спасибо, и извинится к тому же....

На следующее утро, на работе Виктор стоял перед директором, который в задумчивости жевал колпачок ручки. Решение вопроса о том, как получить больничный, как и думал Ильин, пришло неожиданно, по пути на работу. Именно его Виктор только что и изложил своему шефу.

– Так ты говоришь Сашу назначить?

– Да. Сам подумай, нам с тобой не справиться, да и отдыхать надо все-таки.

– А он сможет?

– Он старший продавец у «черных», ты же сам его готовил в замы, но потом к нам перевели Всеволода, и назначили его

на это место.

– Я и забыть успел об этом. Да, это выход. Прозэкзаменуешь его в «Офисе» и «Складе»?

– Конечно, хотя он и так в этом волочет. Он несколько раз подменял меня в некоторых вопросах, когда завал был, и справлялся при этом отлично.

– Хорошо. Но ты же не просто так эту тему поднял? Есть что-то еще, кроме обеспокоенности отсутствием второго зама?

– Что-то еще. У меня дела, мне нужно на неделю исчезнуть.

– Приплыли. Магазин...

– Как стоял, так и будет стоять. Ничего не произойдет, – Виктор сочинял на ходу. – У моей матери в субботу свадьба. Мне надо быть в Москве. Они не планировали, решились на этот шаг неожиданно, и я не могу не поехать.

– Но ведь...

– Денис, я ее не видел три года. Этого мало? – Ильин жестко посмотрел на начальника и оперся кулаками о стол. – Ты когда на море резко сорвался, на две недели, и попросил меня выйти за тебя, я тебе хоть слово сказал? А я в отпуске был, между прочим, и так его и не догулял. Я же вошел в твое положение, понял, что тебе это необходимо...

– Ладно, ладно! Не наседай, – он потер переносицу. – Я согласен. Ох! И сколько тебе времени надо?

– Я же говорю, неделю. Ты же сам понимаешь... Ладно,

потом отдохнешь, сколько хочешь, я за тебя поработаю. Мне позарез нужна эта неделя.

– Бери. А Саня что, без выходных работать будет?

– А ты ему пообещай место Вячеслава.

– Но я же его обману...

– Чем? Парень в коме, в лучшем случае ближайшие полгода он будет на больничном. Уволить его не имеем права, но вместо него кто-то работать должен же! Я говорил об этом с директором филиала, он сказал, что введет место третьего зама, временно. Так что все в порядке.

– Ладно, – директора задело, что его подчиненный разговаривал с начальством через его голову, но зная странное влияние Виктора на людей, он не удивился и успокоил себя. Ильин не копал под шефа, и даже наоборот прикрывал его не раз от глаз начальства, когда это было необходимо. Директор же это прекрасно понимал и платил уважением и доверием, чем никто другой в их магазине не мог похвастать, хотя число его работников переваливало за сорок человек.

– Вот и славно. Сейчас я займусь Саньком, а завтра он выйдет вместо меня. Директору филиала сам позвонишь?

– Сам, – Денис помрачнел. – Может, ему не обязательно знать о твоём отсутствии?

– Если кто-нибудь ему стукнет об этом, тебе же хуже будет. Скажи, что я на выходном, все равно они завтра уезжают на корпоратив в Сочи. Им не до нас с тобой будет.

– Хорошо. Зови Петренко, будем его муштровать...

Вечером Ильин шел в сторону дома с радостью на сердце, что было полной противоположностью тому настроению, с которым он ехал утром на работу. Во-первых, ему позвонил механик с новостью, что машина готова и завтра можно ее забирать, с самого утра. Это означало свободу передвижения по городу, независимость от прихоти общественного транспорта или от загруженности таксистов, что радовало Ильина вдвойне, так как поездки на такси влетали в копеечку. Во-вторых, под вечер, на работе он заглянул в Интернет, где нашел адреса трех типографий, подходящих ему расценками и месторасположением, в одной из которых он думал распечатать портрет Анны. Партия в 10 тысяч экземпляров выходила не очень дешево, но и не совсем дорого. Если честно, то Виктор, не знающий расценок, изначально думал отдать вдвое дороже, и обрадовался возможности сэкономить. Ну, и в-третьих, на его настроение влияло нахождение фирмы, специализирующейся расклейкой объявлений. Так как Ильин родился не вчера, то прекрасно понимал размеры конкуренции, возникающей при попытке занять свободные места своими объявлениями. Для него не было секретом, что ребята из таких вот фирм срывают частные объявления, чтобы повесить свои, которые они расклеивали уже не бесплатно. Бесплатные доски объявлений были только по названию такими, за все приходилось платить, и как понял Ильин, ему лично 10 тысяч объявлений обойдутся недешево. Ну и пусть, главное, что давали гарантию того, что за

день плакаты усеют город, повиснув на каждом столбе. Виктор решил поверить на слово. Да и если так разобраться, самому такое количество объявлений не переклеить и за неделю. Проще заплатить.

Утро, как и думал Виктор, началось с автомастерской, где радостный автослесарь пересчитывал немалую выручку за починку машины. Ильин осмотрел машину, пожал мастеру руку и поехал в типографию, удивляясь волшебнику, который починил машину так, что на кузове и следа от аварии не осталось. Не зря этого человека рекомендовали...

В девять утра перед открывающимися дверями главного входа в типографию Виктор Ильин в нетерпении переминался с ноги на ногу, смоля сигарету за сигаретой. Наверное, так волнуются отцы перед дверями роддома, ожидая, когда в окно им покажут родившееся чудо. Волнение Виктора тоже можно было понять – наконец-таки он приблизился к цели, и его от покорения очередной ступени отделяло всего несколько минут. О встрече он договорился еще вчера, по телефону, и вот, пробило девять, открыли двери, он вошел. Назвав свою фамилию на ресепшене, он был препровожден к менеджеру, с которым все обстояло детально обговорить. Разговор был недолгий, и после него Ильина отвели к девушке, загружающей в компьютер изображения для последующей печати. Увидев в руках клиента портрет, та сразу почувствовала к явившемуся приятному молодому человеку симпатию, догадываясь, что за этим визитом скрывается нечто

волнующее и романтическое. Ее подозрения перешли в уверенность, когда на мониторе компьютера под изображением красивой девушки, красным шрифтом возникла следующая надпись: «Разыскивается прекрасная незнакомка по имени Анна. Нашедшему или сообщившему ценную информацию о ее местонахождении полагается вознаграждение в размере 3 тыс. €». После этих строк следовал номер мобильного телефона Виктора. Девушка-наборщица вздохнула, подняла глаза к потолку, а затем перевела на Ильина заинтересованно-волнующий взгляд:

– И что, серьезно заплатите? – в ее глазах промелькнуло нечто похожее на досаду. Она тоже молода, красива и притягательна; почему же ее никто не разыскивает? Особенно такой мужчина как этот – щедрый и уверенный в себе.

– Заплачу. А если назовут ее адрес, то вообще озолочу.

– Любовь... – тихо-тихо, почти себе под нос промурлыкала наборщица, со слегка грустной улыбкой.

– Я уверен, такую красивую девушку, как вы – Виктор игриво подмигнул – тоже ищет кто-то. По-другому и быть не может...

– Спасибо... – она опустила взгляд, смущенная, что разгадали ее мысли, но в глазах светились огоньки удовольствия.

– Я после обеда приду. Мне к менеджеру подходить?

– Да, – она взглядом проводила Виктора до дверей.

– До встречи, – он обернулся на пороге, и послал ей очаровательную улыбку, на которую она ответила тем же. Ильин

был не из тех, кто может просто пройти мимо красивой девушки. Безразличным к женской красоте он собирался стать только в глубокой старости.

По пути домой он заглянул в офис фирмы, профилем работы которой была расклейка объявлений, где договорился о стоимости услуг, и о времени, когда сможет подвезти заказ. Разговор с представителем фирмы был коротким, и вмещал в себя исключительно цифры и пожелания клиента. Виктор пожелал видеть объявления везде, где только можно, и пообещал, что сам проверит выполнение обязательств. За ту немалую цену, что он платил, его желание выглядело вполне закономерным.

Сев в машину, Ильин понял, что он что-то забыл; что-то важное. Устроившись поудобней, и включив старый добрый ирландский рок, он начал думать: что бы это могло быть? Перебрав в уме некоторые варианты, он удостоверился, что в поисках Анны все идет планомерно, без упущений; дома он не забыл выключить воду, газ или нечто подобное, и не оставил дверь открытой. Что же тогда? Варвара! Его как по голове стукнули. У нее же сегодня день рождения, а он забыл об этом со своими поисками. О себе напомнили угрызения совести. Да, друг, что имеем – не храним, потерявши – плачем.... Первым движением души было кинуться к телефону и позвонить любовнице, но потом ему подумалось, что для тридцатилетия это слишком примитивно. Захотелось сделать сюрприз, что-то значимое и приятное для той,

кого он безгранично уважал и ценил, и поэтому вместо дома Виктор поехал в ювелирный магазин. Он знал о страсти Варвары к камням, и трудности выбора подарка отпадали сами собой. Единственное, в выборе украшения нельзя было ошибаться, – все-таки любовница работала в ювелирном бу- тике, а не на картофельном поле, и в камнях разбиралась не хуже самого Фаберже.

В магазине милая девушка с безупречно приветливой улыбкой показала ему все, что он хотел, но из огромного количества украшений Виктору не понравилось ни одно. Он хотел что-то особенное. Наконец, в восьмом по порядку магазине его поиски увенчались успехом. Ему досталось очаровательное кольцо чистейшего по цвету белого золота с крупными, нежно-фиолетовыми аметистами. Виктора заверяли, что это эксклюзивная вещь из новой коллекции, но этим заверениям он особенно не верил. Для него была важна красота самой вещи, а не дань новым тенденциям моды, тем более что в ювелирном искусстве ценилась классика форм, по крайней мере, у людей со вкусом. В старину аметисты не дарили, и покупали неохотно, так как этот камень считался «вдовым», совсем не приносящим удачи в браке, но Ильин, даже зная это, не удержался от покупки, тем более что он считал народные верования закостенелым архаизмом. В общем, покупкой он остался доволен, как остался доволен и продавец такой славной продажей; главное, чтобы это кольцо понравилось Варваре.

Кто-нибудь посторонний непременно удивился бы трагедиям, которые произвел в этот день Виктор. Но не самому их наличию, а тому, откуда у простого заместителя директора, пусть и успешного, но все же среднего магазина бытовой техники, столько денег. На самом деле, удивляться было нечему. Нет, само собой Ильину никто не оставлял наследства. Просто у него на плечах была голова, вот и все. Должность заместителя директора подразумевала твердый оклад в двадцать пять тысяч рублей, возможность в свободное время выписывать проданный им товар «на себя» (на счет месячного объема индивидуальной реализации), и редкие премии. Если работать по правилам, то в лучшем случае набегало сорок-сорок пять тысяч. Немало для обычного работяги, но и совсем немного, если оглядеться на нынешний уровень цен. Поэтому данная сумма Виктора не устраивала. Чтобы поднять уровень дохода, приходилось импровизировать, что у него получалось неплохо. Схем, по которым есть возможность заработать немного «левых» денег, когда ты работаешь в торговле, на данный момент человечество придумало немало. Есть почти законные, есть и совершенно противозаконные схемы, как простые, так и сложные. Ильин работал на золотой середине. Главное во всем этом было не наглотаться и не светиться перед другими своей прибылью. Что же, на это у Виктора ума хватало. Что ему грозило в случае раскрытия состава преступления? Увольнение, не более того. Все, что он делал под статью о мошенничестве не попадало.

Когда Ильин работал простым продавцом, деньги делались примитивно – через скидки, как настоящие, так и мнимые, через подарочные сертификаты и через «левую» торговлю дополнительными аксессуарами, которые он иногда «забывал» доложить людям в коробку с техникой, особенно если эти дивайсы не были прописаны в заводской комплектации. Так работали многие, у кого хватало ума так работать. Много или мало, но к зарплате набегало до тридцати тысяч в месяц только на таком «леваке». Когда он стал старшим в отделе, ему начали «отстегивать», чтобы он прикрывал других. Это еще добавило немного выручки, но по-настоящему мир торговых махинаций Виктор начал открывать, только заняв место заместителя директора. В немногом он до сути доходил сам, но во многом перенял опыт других. Хорошим подспорьем (я не скажу учителем) стал директор, который обучал Виктора особенностям работы в 1С. Тогда-то Ильин, задавая наводящие вопросы, понял принцип списаний, определения кондиции товара и все тонкости остатков, как плюсовых, так и минусовых.... В общем, как бы то ни было, но Ильин с ходу научился работать в новой должности и извлекать выгоду из этого положения. Теперь простенькие схемы заработка заменили более сложные. Деньги начали делаться на некондиционном товаре, как на настоящем, так и на том, который делали таким, чтобы уценить; на плюсовых остатках, на пересорте, и на бонусных программах фирмы. Потом добавились махинации с «ломастерами» – товаром, прихо-

дядим или уходящим на ремонт, что тоже принесло немало денег, но кульминацией схем стал момент, когда Ильин подружился и переговорил с кредитными экспертами. Тогда-то на ум пришло понимание, что можно извлекать пользу и из кредитов. Систему я описывать не буду – это долго; да и ни к чему народу знать о том, как на нем зарабатывают деньги.... Итог один – Ильин купил себе хорошую машину, и останавливаться на этом не собирался. Он уже видел, как можно работать, занимая должность, скажем, того же самого директора филиала или финансового директора фирмы. Горизонты его радовали, хотя и не сильно. Все казалось простым. Главное, Виктор был уверен – от своих понятий и принципов во всех этих махинациях он не отступил ни на шаг. Принцип был прост: делай что хочешь, но не допускай, чтобы при этом страдали твои коллеги, не подставляй других и не наказывай рублем ни в чем не повинных продавцов, которым и так несладко живется. Что же, Виктор добился желаемого – за его пересорты и недостатки никто не платил, кроме родной фирмы, хватало ума так проводить документацию. Обмануть подчиненного – подло, обмануть же систему – дерзко и сильно.

После обеда Виктор приехал в типографию, где его ждали десять тысяч четких, одинаковых изображений Анны. Эти свежеотпечатанные объявления о розыске, приятно и своеобразно пахнущие типографской краской, были перевезены в фирму, которой надлежало их расклеивать. Там их разда-

ли расклейщикам, пообещав, что к полудню следующего дня все листовки займут надлежащие им места. На сегодня все поставленные задачи были осуществлены, оставалось только ожидать звонков. Ильин кивнул своим мыслям о том, что только очень светлая голова могла придумать мобильный телефон. Кто изобрел мобильник, Виктор не знал, но мысленно снимал шляпу перед этим человеком. Страшно представить, как люди умудрялись сидеть дома в течение целого дня, ожидая важный звонок, боясь отлучиться даже на минуту. Ладно, если бы это было полвека назад, но на самом-то деле даже двадцать лет назад о существовании мобильника в России никто и не подозревал. Люди договаривались о свиданиях за неделю....

Виктор попал домой около четырех часов вечера, теперь было самое время заняться Варварой, точнее, ее днем рождения. Он набрал ее номер.

– Алло, привет, – сказал он, когда она сняла трубку.

– Привет, – в ее голосе чувствовалось столько грусти, что он невольно напрягся. Ему стало жаль эту гордую и красивую женщину, вынужденную брести по миру в одиночестве. Наверняка она проснулась сегодня утром с мыслью: «Уже тридцать.... И что дальше? Что у меня есть?».

– Как дела, солнышко? – в его голосе невольно просквозила нежность.

– Все как обычно, – она смягчила тон, но грусть не ушла.

– На работе?

– Ага. Замотали сегодня, устала.

– Приезжай сегодня ко мне.

– Я так устала... – тон не обманывал, если бы к нему не примешалось немного досады. Конечно, она же думает, что Ильин забыл о ее празднике.

– Просто приезжай. Посидим, вина выпьем. У меня пара фильмов в коллекцию добавилось. Что толку дома сидеть?

– Я не знаю...

– Пожалуйста. Мне это нужно, – Виктор редко кого-либо о чем-то просил, она об этом прекрасно знала, и поэтому не могла отказать.

– Хорошо. Я пораньше сегодня освобожусь, около восьми к тебе приеду.

– Целую. Жду.

– Пока.

Теперь за Виктором оставался ужин. Что же, готовить он любил и умел. Квартира Ильина мало напоминала холостяцкое жилище, каким его рисовали в своем воображении некоторые женщины. В нем не было раскинутых по углам грязных дырявых носков, пыли и паутины в закоулках между мебелью и вечно невымытой посуды. За чистотой Виктор следил неукоснительно, хотя особой педантичностью не отличался, и не все вещи находились на положенных им местах. По крайней мере, его квартира была готова к приему гостей в любое время, хотя сами гости бывали здесь редко.

На ужин Виктор приготовил мясо с овощами, богато сдоб-

ренное специями; запек в духовке осетрину под винным соусом с лимонным соком и травами и нарезал пару салатов. Одним из них был любимый Варварой цезарь, а другой салат состоял из вареного бычьего сердца, сыра, орехов, зелени, чеснока и майонеза. Фрукты и овощная нарезка довершили меню, и когда в начале девятого Варвара переступила порог зала в квартире Ильина, она не удержалась от удивленного возгласа – настолько красиво и аппетитно был накрыт стол.

– Какой повод для застолья? – улыбаясь спросила она, заранее зная ответ.

– Догадайся с первого раза, – он подошел к ней сзади и поцеловал в шею, обняв. В его руке уже лежала коробочка с колье. – С днем рождения, милая.

– О... – только и смогла сказать она, открыв коробку. – Как красиво. Это аметисты?

– Я знаю, как хорошо ты разбираешься в камнях, но эти, насколько я могу судить, самого чистого оттенка.

– Согласна, они великолепны, – она развернулась, и страстно поцеловала его. – Спасибо!

– Эти камни – всего лишь знак внимания, – он улыбнулся, – ты и сама отлично знаешь, сколько значишь для меня.

– Знаю, – она прижалась к нему, с нежностью заглянув в глаза.

– Присядем? – ему на мгновение показалось, что гадалка не ошиблась, говоря о любви Варвары.

– Да. Я ужасно проголодалась.

– Я тоже.

– Неужели ты не ешь, когда готовишь? Я не могу так.

– Конечно, перехватываю пару кусочков, но это только подстегивает аппетит.

Варвара выдержала некоторую паузу, а потом спросила:

– Значит, ты не забыл о моем дне рождения?

– Нет. Как я мог забыть о нем? – он посмотрел на нее с теплотой.

– Мне показалось.... – она перехватила его взгляд, и потупила свой. – Как поиски продвигаются? – Варвара сочла лучшим перевести тему.

– Дал объявление о розыске за вознаграждение. Сейчас люди алчные, так что хоть кто-то, да и подскажет где мне искать... – он хотел сказать «Анну», но, посмотрев на Варвару, решил, что будет лучше не называть имени и не акцентировать внимание на предмете его поисков. Хотя бы один вечер он не будет портить настроение своей любовнице, так как прекрасно понимает: любой женщине неприятно сознавать, что у нее есть соперница. И пусть Варвара не любит Виктора, но собственничество в какой-то мере присуще всем, тем более что она этого и не отрицала никогда.

– Хитро. А гадалка не помогла? Или ты к ней не обращался?

– Не помогла. Она нагадала столько всякой чепухи... воистину, каждый должен заниматься своим – гадалки ворожить, а менты разыскивать людей. Например, идею с розыс-

ком мне подкинул старый товарищ, опер.

– Ну да, кому как не ему знать об этом. А что тебе гадалка нагадала?

– Да... бред всякий, – голос его подвел, Варвара все поняла.

– Но ты в этот бред поверил. Меня не обманешь, – она строго посмотрела на мужчину.

– Хм! Ну да. Я и не знаю. Она подтвердила, что я живу далеко не первую жизнь, и с той девушкой я как-то завязан на уровне высших сил. Она сказала, что передо мной на выбор два пути... помнишь, как в сказках – направо пойдешь, коня потеряешь? Ну, вот и у меня так. Если буду с Анной, то мне по всем показателям не жить; если же я успокоюсь и отступлю – меня ждет счастье.

– И что ты?.. – ее карие глаза блеснули под красивыми дугами бровей.

– А я не привык отступать, – голос Ильина стал тверд. – Это испытание, и я его пройду, во что бы то ни стало. Я не боюсь.

– Если любишь – действуй! – она погрузилась, запив горечь ответа сухим вином.

– Да не уверен я, что люблю ее. Понимаешь, она – это цель, я одержим; ну а любовь – это нечто другого плана. Только когда я ее увижу, пойму все.

– Два варианта: быть или не быть?

– Ага. Как у Гамлета.

– Но я убедилась по жизненному опыту, что всегда есть третий вариант.

– Только я его не вижу... – он вздохнул.

– Я тоже...

Он взял ее руку, и поцеловал.

– Ты красивая, сильная, умная, нежная и изысканная женщина. Спасибо тебе за все.

– И тебе, – она села ему на колени и обняла, крепко прижавшись лицом к его шее. Кровь прилила ему к сердцу, отчего кинуло в жар. С ним рядом такая шикарная женщина, он заслужил ее чувства к себе, но нет, ему нужно гоняться за химерой... Да кто его знает, какая она, эта Анна? Может, это любовь всей его жизни, а быть может, это просто пустышка. Виктор знал четко только одно: он ни за что не хотел потерять Варвару.

– Милая, обещай мне, что как бы ни завернула нас жизнь, ты всегда ответишь на мой звонок, и не сделаешь вид, что тебя нет дома, если я приду к тебе в гости....

– Обещаю. Я подумала о том же. Я ни за что не хочу тебя потерять.

– Как и я....

Они замолчали. Каждый думал о своем, и лишь стук сердца раздавался у них в ушах. Слова были не нужны, они понимали друг друга на клеточном уровне. Такое бывает хоть раз в жизни с каждым человеком на этой Земле, и это прекрасно.

Анатолий Борисович встал из-за стола. Его друг тоже встал с радостной улыбкой, приветливо взмахнув руками. Воскресный только что выписал чек на миллион, который должен был пойти на пожертвования детским домам и домам престарелых. Он был верен себе, и не реже раза-двух в месяц приезжал к товарищу повидаться, и прибавить свою долю к финансовому потоку поступлений в фонд. Валентин, товарищ Воскресного, был признателен за эти вложения в свое дело. Без таких вот пожертвований фонд заглох бы с невероятной силой.

– Спасибо, Толя. Выручил в который раз.

– Не за что. Пока у меня есть что вносить, я буду помогать.

– Я и не сомневался в тебе. Так ты не останешься на обед?

– Нет. Даже и не думай. Так, как твой повар готовит мясо.... – Анатолий Борисович замолк и покачал головой.

– Тебе не нравится, как он готовит? – Валентин удивился.

– В том то и дело, что нравится. Под такое мясо я не удержусь от рюмки-другой водочки, а мне еще весь день за рулем ездить. Понимаешь ход моих мыслей?

– Понимаю. Ну, ладно. Вольному воля, а спасенному – рай...

– Всегда бы так.

– Это точно! Но ничего страшного – я к тебе в воскресенье на обед заеду. Примешь?

– А то. Приготовлю что-нибудь так, как твой повар и вовек не сможет.

– Было бы хорошо. Кстати, а что там вчера у тебя случилось?

– Ух! И не спрашивай. Меня ограбить пытались, Анну чуть не убили.

– Аня в порядке?! – в голосе Валентина почувствовалось живейшее участие. Своих детей ему Бог не послал, и Анна была вместо родной дочери. Он выразился бы по-другому и другим тоном, если бы не видел полное спокойствие Анатолия.

– Да, в полном порядке. Только перенервничала. Они ничего не успели взять, я их спугнул.

– Понятно.

– А ты откуда осведомлен о вчерашнем? Неужели все уже успели узнать о нападении?

– Нет, не все принимают такое участие по отношению к твоей персоне, как я, – Валентин рассмеялся. – Ты же понимаешь, у всех есть свои осведомители, причем во всевозможных инстанциях, от органов до СМИ. Мы узнаем все первыми, еще до того, как обыватели успеют увидеть что-либо по телевизору.

– А меня что, по телевизору показывали?

– Тебя лично нет, но фотографию на весь экран выдвига-

ли: так, мол, и так, присмотритесь, богатые тоже плачут.... И имя озвучивали. Дело было вчера вечером, вернее почти ночью в выпуске криминальных новостей.

– Все-таки не удержали... – пробурчал под нос Анатолий, вспоминая вчерашнее обещание своего товарища, который заверял, что информация не просочится в прессу и на телевидение. Просочилась... – Эх... Да ладно, шило в мешке не утаишь.

– Что верно, то верно.

– Поеду я, дел невпроворот.

– Заезжай, а если нет – в воскресенье увидимся.

– Идет. Ну, давай, до встречи.

– Счастливо, – Валентин пожал руку Воскресному и проводил его до двери.

Когда Валентин остался в одиночестве, он набрал секретаря по конференцсвязи.

– Тома, малыш, мне никто не звонил?

– Звонили, Валентин Павлович. Вами интересовался Белов, Сергей Юрьевич. Я сказала, что вы будете после двух, как вы и просили. Он ответил, что заедет в три.

– Хорошо, Томочка. Меня ни для кого, кроме Белова нет. Ферштейн?

– Так точно, – сама того не подозревая, по-военному ответила секретарь.

– Умница, девочка, – Валентин повесил трубку. С женщинами, особенно с подчиненными, он был всегда очень лас-

ков, и тем самым входил в доверие, скрывая под этой маской свой очень непростой характер. Не раз в его жизни это помогало в сложных ситуациях. К счастью Валентина за него женщины готовы были идти в бой, и с радостью прикрывали его шкуру, думая, что он идеален, и создан для них.... Но это к нашей истории никоим образом не относится, и я не буду рассказывать ту часть жизни Валентина Павловича Саргасова.

Им интересовался Белов. Три слова, но сколько же они значили! Валентин налил полный бокал французского пятнадцатилетнего коньяка и выпил.

– Толик, Толик... – сказал он, и сел, подперев голову руками. Память повернула его мысли вспять.

Анатолия Воскресного он знал еще с тех пор, как они играли в футбол. Матчи проходили между двумя конкурирующими районами, и стоили немало поломанных рук и ног (челюсти и носы я даже не считаю), настолько ожесточенной и бескомпромиссной была игра, пыл которой подстрекали ежедневные стычки между отдельными представителями противоборствующих сторон, переносимые на футбольное поле. В жизни Валентина и Анатолия выпало так, что жили они по разные стороны баррикад, на разных сторонах широкой улицы, служившей границей между районами, своеобразной линией фронта; и поэтому в футбол ребята играли в разных командах. Поначалу они дрались не на жизнь, а на смерть, «мирясь» только на время проведения матча, ко-

торый иногда походил больше на регби, чем на классический английский футбол. Потом, не раз замечая друг друга в толпе дерущихся, парни выработали друг к другу своеобразное уважение, которое в свою очередь, в более взрослом возрасте перешло в «пакт о ненападении». После окончания школы судьба их развела, Валентин с матерью переехал на другой конец города, и Анатолий вскоре забыл о нем. Встретились они, по иронии судьбы там, где никогда бы и не думали встретиться – в Хабаровском крае, где несли нелегкую службу в одной части, в танковых войсках. Землячество ощущается тем лучше, чем дальше заносит людей от родных мест, тем более что попали парни в один призыв. Если бы Валентин с Анатолием встретились на гражданке, столкнувшись нос к носу на улице, то попросту пожали бы друг другу руки и разошлись, ну а на службе шапочное знакомство переросло в настоящую дружбу. По-другому и быть не может, когда два нормальных пацана спина к спине бьются против шестерых, попадают на учения, где живут в одной палатке, выполняют ночные марш-броски, через день ходят «гуськом» на «сопку радости», и, наконец, вместе же пьют спирт и бегают в «самоход». Это сплотило их в течение нескольких месяцев сильнее, чем некоторых простое общение в течение всей жизни. Потому-то и вышло, что вернувшись на дембель они не потеряли друг друга из виду, а упрочили дружбу совместными гулянками и походами на танцплощадку. А потом жизнь завертела, закрутила.... Толик пошел на стройку, и

в скором времени женился, ну а Валентин, оставаясь убежденным холостяком, пошел учиться на экономиста, и после этого остался в финансовом мире.

Началом карьеры стала служба в ОБХСС, куда его, по знакомству, определили родственники отца. Там Валентин особо не терялся, и потихоньку с помощью взяток начал закладывать фундамент своего будущего состояния. После государственной службы, на которой он обзавелся необходимыми связями и знаниями, судьба покидала Валентина по частным учреждениям, где он неизменно умудрялся урывать причитающийся кусок пирога, пока не настал момент, когда он сказал себе: баста! Пора открывать что-то свое! Так появился фонд помощи обездоленным, который Валентин Павлович открыл без чьей-либо помощи, своим потом и кровью. Под эгидой этого фонда проворачивались такие махинации по отмыванию денег, что его хозяину по ночам нормально уже не спалось; но он не жаловался, обрастая материальными благами как еж иголками. Не зря говорят, что риск – дело благородное, это понял и Валентин, когда по окончании бандитских 90-х фонд вышел в своей работе на постоянную, сворачивать с которой и не думал. Все были счастливы: хозяин фонда получал свои доходы, да и детские дома не нуждались, большая часть поступающих денег действительно уходила к ним. Как получалось красть так, что никто и не догадывался? Да просто. Валентин еще в юности неплохо изучил человеческую психологию, и понял что подавляю-

щее большинство жертвующих на благотворительность делает это для острастки совести, как бы отмаливая свои грехи, и отслеживать дальнейший путь финансовых затрат никто и не собирается. Все просто: дал, и совесть чиста. Не ездить же самому, в самом-то деле по детским домам и домам престарелых с подарками! Воистину, некоторым проще возвести новую церковь, от фундамента до колокольни, чем хоть раз искренне помолиться перед иконой, попросив прощения за сделанное.... Было и еще одно: лишь единицы приносили пожертвования, не афишируя своих действий, большинство же выставляло себя напоказ: вот он я, смотрите! Эх, люди.... Не купишь ведь себе места в раю, Господь взяток-то не принимает! Какой прок от жертвования пусть даже и миллионов, пусть даже и на благое дело, если грешить в остальном? Неудобна Ему показуха в добрых делах. Не зря же в Нагорной проповеди сказано: «...и пусть правая рука не знает, что делает левая...», т.е. не задумываясь дарите благо, не ради чего-то, а просто потому что так должно быть.

Но Валентину до всего этого дела было мало, ему давали, и он брал, себя при этом никогда не обделяя. Его лишь удивляло, что Анатолий может так безоговорочно доверять, не требуя отчета, хотя он, несомненно, был очень умным человеком, которому к тому же небезразлично, на что идут его деньги. Но тут же приходила мысль, а вернее, вспоминалась черта характера Воскресного: он доверял очень редко, но если доверял, то безгранично. Он не понимал, что старый друг

сильно изменился со времен их молодости, не замечал того, или же делал вид, чтобы не разочаровываться. Исход был один: его надували без зазрений совести, и лишь половина жертвуемых сумм уходила по назначению.

Не зря говорят: предавший однажды предаст и еще раз. Так вышло и с Валентином. Пользуясь доверием друга, предавая его в «мелочах» – финансовых операциях, он решился и на настоящее предательство, когда в его жизни появился Сергей Юрьевич Белов.

Первый раз этот субъект явился месяц назад, без звонка, без предупреждения. В тот день Валентин сидел в своем кресле, на работе, и о чем-то думал, когда вошли трое – Белов и два его телохранителя, которые осмотрели кабинет и скрылись за дверью. Сергея Юрьевича Валентин видел до этого не раз, но не вживую, а по телевизору. Тот пост, который он занимал в городской администрации, позволял ему давать частые интервью и вот так, без стука заходить в любые двери. Визит заставил напрячься, но Саргассов вида не подал. Он лишь поздоровался и предложил гостю, держащемуся как истинный хозяин, сесть в кресло напротив. То, что визитер вряд ли пришел предложить деньги на меценатство, сомнению не подлежало. Белов принадлежал к той категории людей, кто видит не людей, а цифры, которые могут эти люди дать, и ради хорошего куша не побрезгует ничем. Земля слухами полнится, а слухов об этом господине Валентин Павлович слышал предостаточно. На секретаря, за то, что

та впустила чиновника без звонка, Валентин не злился, он прекрасно понимал: у Тома никто ничего и не спрашивал, прежде чем войти, как ничего не спросят и у самого хозяина кабинета, если будет нужда. Причины визита пока оставались тайной, и причиняли беспокойство. Не в шахматы же пришли играть?

Сергей Юрьевич, сев в кресло, откинулся назад и внимательно посмотрел на хозяина кабинета, изучая его взглядом не менее пристально, чем некоторая категория девушек изучает богатого клиента. Валентин достойно выдержал взгляд; когда его принимали в ОБХСС, он выдерживал и не такие взгляды, которые кидали волки куда круче Белова, успевшие и повоевать, и поработать с КГБ. Саргассов лишь улыбнулся. Улыбка значила только одно: не испугаешь, и не такие пытались! Белов, видимо, это понял, и достал сигарету, ища глазами пепельницу. Наглость, с которой Сергей Юрьевич вошел и держал себя, сквозившее в его взгляде пренебрежение и напыщенность, сделали с Валентином свое дело, и он почувствовал дикое раздражение, почти переходящее в открытую злобу.

– Только если в карман, – голос Саргассова выдал только презрение.

Белов удивленно посмотрел на хозяина кабинета, и понял, что переборщил в своем показном превосходстве, которое в данном варианте не производило никакого эффекта, кроме обратного.

– У вас не будет пепельницы? – мирным тоном поинтересовался Сергей Юрьевич.

– Конечно же будет, тем более для дорогих гостей... – голос Валентина стал любезным и гостеприимным, он улыбнулся, как будто даже искренне, но Белов напрягся. Нечасто встречаешь улыбающуюся гиену, которая выказывает радушие. Белов тоже многое слышал о Саргассове, его делах и его фонде, да и к тому же очень много информации накопил в последнее время, заинтересовавшись этим субъектом. После детального анализа личности Валентина Павловича он прозвал его Гиеной, падальщиком, и в своем кругу никак иначе величать и не думал.

Валентин не соврал, пепельница действительно нашлась в одно мгновение. Сергей Юрьевич закурил, и теперь Саргассов, в свою очередь, начал присматриваться к гостю. Если не возмутился наглой фразе, то значит ему что-то нужно от Валентина, и это не радовало. Конечно, никого не обрадует, когда в гости приходят не зависящие от тебя обстоятельства и неприятности в лице всего-навсего одного человека, который объективно сильнее по всем показателям. Саргассов не хотел тянуть кота за хвост и начал первым.

– Итак, дорогой Сергей Юрьевич, чем я обязан такому неожиданному визиту? – учтивости Валентину было не занимать. – Вы бы хоть уведомили меня заранее, а то я часто в разъездах бываю, могли меня не застать. Я бы огорчился, узнав такую новость от своего секретаря.

– Полно вам, Валентин Павлович, – Белов перенял манеру общения только отчасти. Он тоже терпеть не мог долго переливать из пустого в порожнее. – Я точно знал, куда еду, и что вы в данный момент находитесь в офисе.... И это я вам буду крайне обязан, если мы в ходе сегодняшнего разговора придем к общему знаменателю и упрочим наши отношения на будущее.

Фраза не значила толком ничего, кроме того что Валентин сегодня нормально не поспит, маясь новыми проблемами. Начало было не радужное.

– Как вы красиво излагаете ваши мысли, будто с листа читаете. Мне бы так... – Валентин закатил глаза к потолку. – К сожалению, я отвык от подобного выпрненного и возвышенного делового языка. Годы общения с рабочим классом, знаете ли... Я могу попросить вас излагать мысли как можно более доступно? Не все понимаю, к сожалению.

Белов молча проглотил подкол. Правильно, к чему намеки? Все понимают, что разговор выдастся непростой, и не стоит его усложнять пышными фразами. Не на королевском приеме, все же. Да и тянуть не имело смысла, Саргассов в прощупывании не нуждался, ведь Белов очень хорошо подготовился, прежде чем вот так прийти в гости.

– Итак? – Валентин вопросительно уставился на Сергея Юрьевича.

– Я пришел договориться с вами по одному вопросу, касающемуся вашего знакомого, Анатолия Борисовича Воскрес-

ного.

– И чем же он вас заинтересовал?

– Я вам позднее скажу. В данном случае мне нужен человек из его окружения, в частности это вы. Вы сами понимаете, не к каждому из тех, кого знает Воскресный, я могу прийти, по объективным причинам.

– Пока не понимаю. Интересно, по каким же объективным причинам вы пришли именно ко мне?

– Потому что вы не питаете к нему особых симпатий, не смотря на то, что очень к нему близки и он считает вас своим другом.

У Валентина пробежали мурашки по спине, и мелькнула одна мысль: откуда этот старый черт знает о том, что Валентин, как ему казалось, никогда ни перед кем не показывал?

– С чего вы взяли?! – возмутился Саргассов, почти искренне. – Мы с Толей с детства дружим, вместе служили и я никогда...

– Хватит! – не резко, но все же настойчиво, прервал Белов изливания Валентина. Он не хотел ломать комедию и терять на это время. – Вы это в мемуарах напишете. Меня разводить не надо.

Сергей Юрьевич достал из папки в своих руках несколько скрепленных между собой листков. На них были столбцы цифр с отметками банка. Он отдал эти листы Саргассову. Валентин посмотрел на то, что ему дали и положил листы на стол.

– Что это? – безразличие было деланным.

– А вы, с высшим экономическим образованием не знаете, да? – Сергей Юрьевич улыбнулся, и от его улыбки Валентину чуть не стало дурно. – Не надо строить из себя невинность. Это движение средств на ваших счетах. В частности эти три листа – выписки движения средств за период текущего года со счетов Воскресного на счет вашего фонда и дальнейшее их распределение. Скажите, – он выдержал паузу, – а вы своего друга обкрадываете тоже из лучших побуждений?

– Но это возмутительно! – сценическому мастерству Валентина Павловича позавидовал бы каждый третий профессиональный актер России. – Я...

– Вы... – Белов сделал жест, оборвавший словесные возлияния Саргассова. – Я не поп, и грехи не по моей части. Вы же умный человек, и прекрасно понимаете, что эти бумажки просто так не достанешь. Я к вашему фонду подкапался вплотную. Статья 159 УК РФ, Мошенничество, сиречь хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием... у вас будет пункт четвертый, а он наказывается сроком до шести лет лишения свободы и штрафом до миллиона рублей. Мне ли вам рассказывать? Отсидите не так уж и много, но я позабочусь, что на свободу вы выйдете бомжем. К этому ли вы всю жизнь стремились? Один звонок и налоговая приступит к вам вплотную, и даже ваши друзья в этом ведомстве побоятся вас прикрывать, чтобы самим не поехать

за вами.

Валентин Павлович опустил голову. За один ход с начала партии мат можно поставить только в жизни, даже в шахматах это невозможно. Вот так, за мгновение, всего парой предложений кто-то разрушил спокойствие последних лет. И не шутит же! У этого субъекта связи ведут в Москву, проще против локомотива с монтировкой выйти, чем против такого переть.... Заказать его, что ли? Нет человека, нет и проблем...

– Я не настроен воевать с вами, – Сергей Юрьевич примерно догадывался о ходе мыслей Саргассова. – Я вам хочу предложить выгодную сделку. Вам терять нечего, совести у вас с рождения нет... – он хихикнул. – Обкрадывать бедных сирот и стариков не каждый сможет, – презрение переросло в насмешку.

– Мы будем обсуждать мои личные качества? – Саргассов поморщился.

– Нет. Вы любите деньги, и я тоже. Просто пути их добычи у нас разные, – Белов написал на бумажке цифру. – Это вам, в евро.

– А... – протянул Валентин Павлович, не зная, что сказать. – Я что убить кого-то должен?

– Убить кого-то дешевле стоит... – с некоторой грустью сказал Белов. – Этой суммы вам хватит, чтобы прикрыв свой рискованный фонд, вы переехали куда-нибудь в Испанию и жили там припеваючи до конца жизни.

– Ох, и крепко же вы за Толика взялись, – Валентин поправил на своей шее галстук жестом, каким палач поправляет веревку на осужденном к повешению. – Я наверное даже знаю, в чем он вам дорогу перешел. . . .

– Оставим. Это не должно вас интересовать. Как видите, выбора у вас нет. Вы согласны сотрудничать? – Белов спросил это скорее для формальности.

Валентин Павлович кивнул.

– Что от меня требуется? – спросил он.

– Кое-что узнать о Воскресном и поделиться со мной информацией. Вот список вопросов, – Белов достал из папки два листка формата А4. – Это то, что без вашей помощи даже мне узнать не по силам.

Валентин пробежал глазами текст.

– Шифр кода к сейфу? – озвучил он один из вопросов.

– Ага, – Белов ухмыльнулся, и встал. – Работайте. Через два месяца все пункты этого списка должны быть известны мне. Иначе вы сами знаете итог. Вы мне нужны только для этого, и тогда средства, чтобы свалить Воскресного, будут у меня в руках. . . .

И Белов, не прощаясь, вышел. Валентин Павлович связался с Тamarой и сказал, что его ни для кого нет. Потом он достал из холодильника бутылку водки и начал пить ее прямо из горла. Было о чем подумать. Визит оставил неизгладимые впечатления. Саргассов был действительно очень умным и образованным человеком, и прекрасно понимал все грани и

тонкости предложенной ему игры. Еще не начав глубоко думать о создавшейся ситуации, он уже кое-что знал о ней и сам себе озвучил некоторые причины, по которым сегодня к нему в офис пришел Сергей Юрьевич.

Во-первых, Валентин прекрасно знал причины неприязни Белова к Воскресному. Белов имел долю в одной крупной строительной фирме, которая, несомненно, стала бы лидером в своей отрасли по Северокавказскому региону, если бы не существовал Анатолий Воскресный и его ОАО «Молот», которому принадлежала пальма первенства во всем, что касалось городской застройки. «Молот» за десять лет своего существования подмял под себя всех, кого мог и не мог. В уме у Саргассова крутилась огромная сумма, в которую он примерно оценивал годовую выручку фирмы Воскресного на рынке жилищного строительства, но Валентин даже примерно не попадал в реальную цифру дохода. Ему не хватало всего-навсего тройки впереди остальных цифр, и то, что предложил ему Белов, было просто крошкой от пирога.

Во-вторых, Валентин Павлович прекрасно понимал, почему Белов действует так аккуратно и скрытно во всей этой игре. Переть на Воскресного буром было, по меньшей мере, неразумно, потому как тот задавил бы Сергея Юрьевича как клопа, не смотря на всю его крутизну. Белов был шишкой местного масштаба, хоть и со связями в Москве, в то время как Воскресный напрямую сотрудничал со столицей, в которую уходила львиная доля прибыли фирмы. Денег бы-

ло жаль, но это гарантировало полную неприкосновенность. Связям, которые имел в Москве Анатолий Борисович, могли позавидовать не только коммерсанты, но и представители местного самоуправления.... Прекрасно понимая, кто на самом деле есть друг его юности, Саргассов удивлялся смелости поступка Белова.

В-третьих, для Валентина было очевидно, что Белов просто физически не может заказать какой-нибудь несчастный случай с летальным исходом. В этом варианте развития событий, до сути произошедшего докапывались бы с двух сторон, из которых одна была страшнее другой. (И можете мне поверить, непременно докопались бы...). Первой стороной, которая захочет разобраться в случившемся будет все та же Москва. Людям из столицы, не смотря на хорошее отношение к Воскресному, по сути дела было безразлично, жив он или мертв, но они (которые никогда не мелькают по телевизору) вмешательства в свои дела не терпят. Так как почти все держалось на авторитете Воскресного, его резкий уход поднял бы волну, люди потеряли деньги, и в этом случае Белов смело мог заказывать себе местечко на кладбище, выбирая, какое ему ближе. Выбор полоски земли в два метра затруднялся бы только одним: хватит ли на это у Сергея Юрьевича денег, так как москвичи, перед тем как хоронить, отобрали бы у него все до копейки. Было и еще одно обстоятельство – Анатолий своим умом и хитростью сдерживал жадные руки Москвы в ЮФО по части монополизации стро-

ительства. Если предположить, что на Белова и не выйдут (что вряд ли!), то все равно с резким уходом Воскресного столица непременно поставит над «Молотом» своих людей, и попросту задавит остальные фирмы (что само собой Сергея Юрьевича не устроит). Второй стороной, которую затронула бы смерть Воскресного, были его друзья, и не такие, как Валентин, а настоящие, те, кто за годы успел прикипеть душой к Анатолию, любя его за сильный и радушный (по отношению к своим) характер. Друзья у Воскресного были везде: в милиции, в суде, в прокуратуре, и даже среди «преступных элементов», так уж выложила карты судьба. Все они не раз обращались к Анатолию Борисовичу как к посреднику в переговорах, да и между собой общались только благодаря дружбе с ним. Поэтому на след того, кто мог повлиять на скоропостижную смерть директора «Молота», выходили бы всем миром. И можно не сомневаться, что представители всех структур, которые я перечислил, будучи умными людьми, пришли бы к единому мнению, и докопались бы до истины. В этом варианте Белов просто исчезнет, пропадет без вести, и никакая охрана и связи ему не помогут; да и смерть от рук москвичей, делающих все из расчета, будет просто детским утренником по сравнению с тем, что сделают друзья Воскресного из мести. Исходя из этих трех причин, Саргассов понимал, почему Белов гребет жар чужими руками и исподтишка. Хотя по-другому, и быть не могло....

Самого же Валентина помимо его воли засунули между

молотом и наковальней, и голова крутила шестеренки в поисках выхода. Выпитая водка вопреки своей природе оказала на Саргассова отрезвляющее и успокаивающее действие, и мысли из лихорадочных превратились в спокойные. Через некоторое время Валентин понял, что нащупал несколько выходов из создавшегося положения, и чтобы лучше во всем разобраться он набросал на листке бумаги схему. Получилась своеобразная пирамида, вершиной которой был приход в офис Белова, а вниз расходились варианты дальнейшего развития событий, с плюсами и минусами.

Первый выход заключался в том, чтобы рассказать обо всем Воскресному, обрисовав собственную святость и злодейство Белова, не скупясь на выражения, факты и доводы. Минусом было то, что Белов неминуемо сотрет Валентина в порошок, потому как Воскресный, докопавшись, что друг обкрадывал его много лет подряд, конечно же, мстить не будет, в память былой дружбы, но и не заступится за Саргассова в делах с Беловым. Конечно, Анатолий обязательно уничтожит Сергея Юрьевича, но и Валентину Павловичу несдобровать. В лучшем случае светит реальный срок с конфискацией имущества, а в худшем завещание вступит в силу раньше времени. В общем, в первом варианте плюсов для Саргассова не было никаких. Даже если предположить, что в обмен на ценную информацию Воскресный пообещает защиту, то он выполнит свое обещание, но тогда Валентин станет его врагом. Быть врагом Воскресного опасно для

жизни и Валентин понимал: его скушают без хлеба.

Валентин на бумаге написал название второго варианта. Назывался он коротко – «Побег». Валентин не сомневался, что в случае побега Белов обязательно арестует его счета, а наличных денег вряд ли хватит, чтобы жить где-нибудь за границей. Хотя, стоп! Есть же никому не известные счета в Цюрихе, и там не так уж и мало.... Валентин Павлович встал из кресла и подошел к окну, аккуратно раздвинув закрытые жалюзи. На другой стороне улицы стоял черный БМВ с номерами городской администрации, и какой-то субъект, сидя на капоте этой машины, задумчиво курил, посматривая на окна офиса Саргассова. Это был один из двоих, кто входили к Валентину вместе с Беловым, кто-то из его охраны. Значит, за Саргассовым следят.... Что же, Белов был умен: только умный человек вот так выставляет наружное наблюдение, предупреждая Валентина, мол, не делай глупостей, все равно не уйдешь. Конечно, скрытое наблюдение, когда ты кого-то ловишь куда как лучше, но зачем ловить, если можно и не выпускать из клетки? Валентин кивнул своим мыслям, и сел в кресло. Наблюдатель по-любому не один, скрыться не получится, хотя Валентин и не хотел уезжать куда-то. Что-то еще держало его в этом городе, что-то, что он любил и не хотел терять.

Когда третий вариант лег на бумагу, это была работа на Белова. То, чего от Саргассова и хотели добиться. В данном варианте, если у Сергея Юрьевича все получится, Валентин

останется при деньгах, по идее, по крайней мере. Но это все поверхностно. Валентин решил разобраться в этом варианте обстоятельно, и чем больше он анализировал, тем мрачнее становился. Одно было ясно – Воскресный давно вызывал в Валентине зависть и страх, признаться себе в котором хватило смелости только недавно. Если бы Анатолий просто исчез из жизни Саргассова, тот только обрадовался. Если у Белова хватит сил задушить Воскресного в финансовом плане, подставить и скомпрометировать в глазах москвичей, то Анатолий Борисович уже не будет страшен и дела до Саргассова ему не будет, там бы свою жизнь сохранить. Но это если удастся свалить Воскресного, что было проблематично. Тогда Валентин Павлович сядет в самолет, прихватит с собой воспоминания о неласковой Родине и улетит туда, где теплее, чем в России. Но опять же, если Белов его отпустит и даст денег. До денег этот человек жаден.... Да хрен с ними, с евро, тут живым бы отпустили! Нет, живой, пусть и живущий за три моря, Саргассов будет опасен своими знаниями, и бесполезен. Его не отпустят, он жив, пока нужен. Станет не нужен – тихо скончается от инфаркта в своей постели, или захлебнется стаканом воды... это как подскажет исполнителю его фантазия. Было от чего пригорюниться.

От третьего варианта, в котором заключалось сотрудничество с Беловым, пошли стрелки вниз, и каждая из них обозначала свое решение проблемы. Под первой стрелочкой значился вариант кидалова. Валентин сотрудничает с Серге-

ем Юрьевичем, и когда тот удостоверится в надежности Саргассова и в исполнении пунктов контракта, владелец фонда исчезнет, оставив Белова разбираться с Воскресным. Валентин останется жив, при деньгах. Но это временно. Воскресный искать старого товарища не станет, зато Белов, если выйдет победителем из игры, не пожалеет ни времени ни средств, и непременно разыщет Саргассова. Тот только отсрочит свою гибель; да и наружку никто не отменял. На сей раз она будет скрываться, и Валентину не дадут доехать даже до аэропорта, устранив по пути. Под второй стрелочкой значился вариант собрать компромат на Белова и шантажировать его тем.... Ох, не успеет Саргассов сделать подобное за два месяца, не успеет. Да и стоит ему начать копать под Сергея Юрьевича, как слухи об этом разойдутся будто волны по поверхности воды, и последний непременно заметит, потому как старается держать руку на пульсе событий. Белов опередит события и размажет Саргассова по стене. И еще одно: врагов у Белова было много, и если бы существовал вариант собрать на него компромат, люди не переминули бы им воспользоваться. Явно, не у одного человека лежит досье на Сергея Юрьевича, но, видимо, толщина папок еще слишком мала, и не может содержать в себе угрозу; а ведь люди, собирающие по нему данные, куда серьезнее Саргассова. Третья стрелка вела к обмену. Это был вариант придержать ценные для Белова сведения на Анатолия Борисовича, в обмен на гарантию безопасности. Передать эти сведения в руки Сер-

гея Юрьевича финансист хотел, находясь уже где-нибудь в Африке. Только, настолько ли ценны эти данные, что Белов пойдет на обмен? Вряд ли. Не Саргассов, так кто-то другой. Да и опять же, найдут Валентина, все равно не жить ему. Стравить Белова с Воскресным во время передачи данных? Идея. Им обоим тогда будет не до Саргассова. А там будь что будет! В Аргентине Валентина вряд ли скоро отыщут. А какие там женщины... Валентин обвел этот вариант развития событий как один из возможных. На досуге нужно будет обдумать его более обстоятельно. Четвертая стрелочка повела к заказному убийству Белова. «Что же, это тоже неплохой вариант, нужно будет обсудить его с одним знакомым...» – подумал Валентин. И тогда он успокоился, и, успокоившись, начал работать на Белова, по крупницам собирая компромат на Воскресного.

Со дня того визита прошел ровно месяц. К моменту, когда Саргассов, погруженный в свои мысли и воспоминания допил бокал коньяка, дверь открылась и в кабинет вошел Сергей Юрьевич, о котором до того думал Валентин. На сей раз, он был без телохранителей, и вошел с улыбкой, от которой у Саргассова на душе светлее не стало.

– Добрый день! – гость присел в кресло.

– Добрый, – ответил Валентин. Руки для приветствия никто не тянул, оба испытывали по отношению друг к другу презрение, но оба были пока еще взаимно необходимы.

– Какие последние новости?

– Ну, с тех пор, как неделю назад я передал через вашего... – Валентин неопределенно махнул рукой.

– Григория, – подсказал Белов.

– Да, через Григория, передал документы, я кое-что еще нарыл, – Саргассов самодовольно улыбнулся. Падальщик, не зря же его так прозвал Сергей Юрьевич. Он уже начинал получать удовольствие от того, что предавал своего друга. Иногда человек оказывается даже более гнилым, чем сам о себе думает исходя из собственных поступков. – Вот, прочтите.

– Так... Ага. Счета... Клиенты... Проекты... – неужели он так глуп, что откровенничает с вами о своих планах? Хотя, он же доверяет вам...

– Не в этом дело. Видите ли, у меня тоже есть доверенные лица в его компании.... Не все довольны Толиком.

– Или слишком довольны вами. Старший юрист, Марина, не ваша ли первая любовь?

– Э-э... А откуда вы знаете? – Саргассов спросил это, и тут же отмахнулся рукой. – Не важно. Так и есть, старая любовь не ржавеет.

– Если ее периодически смазывать! – Белов многозначно поднял вверх указательный палец. – Ну, теперь и я точно знаю, откуда у вас эти сведения, – он перелистнул список.

– Это не все! – Саргассов вытащил из блокнота листок, и написал на нем цифры и буквы.

– Это то, о чем я просил вас? – Сергей Юрьевич довольно улыбнулся.

– Да, код сейфа.

– А мне говорили, его шифр, кроме самого Воскресного никто другой не знает, – Белов посерьезнел. – И, если честно, я думал, что у вас не получится достать подобное, – он подозрительно покосился на Валентина.

Валентин понял этот взгляд. Белов подозревает, что Саргассов в сговоре с Воскресным.

– На самом деле все относительно просто. Вы же знаете о налете на дом Толика?

– То, что на неделе случилось?

– Да. Это были мои люди. Там какая-то непонятка произошла, Гоша в бегах, а Васю порешили. Но Гоша через наши каналы сумел передать мне шифр.

– Я и не требовал от вас объяснений, – Белов улыбнулся с видом хозяина. Он знал: его начали бояться.

Валентин промолчал, спрятав горящий ненавистью взгляд.

– Что-то еще? – спросил он через пару секунд.

– Нет. Пока нет. Вам осталось раздобыть еще каплю информации, и Воскресный больше не будет вас и меня беспокоить. До встречи.

– До встречи, – Валентин даже не посмотрел на Белова; да и тот не обернулся на прощание.

Ох, и интересно же было узнать Валентину Павловичу, каким образом Белов собирается расправиться с Воскресным. Он понимал, что Анатолия подставят по работе, скорее все-

го, выставят перед москвичами козлом, и те сами возьмутся за Воскресного, но интересовал сам вопрос: с помощью чего Белову удастся это сделать? Какой он нарочет компромат? Валентина терзало любопытство, но он прекрасно понимал: Сергей Юрьевич ни за что не расскажет о своих планах, и совать нос не в свое дело на этот раз было опасно, подозрения сейчас ни к чему. «Что же, Толя, держись!» – подумал Валентин и откинулся в кресле. Что-то не высыпаться стал он в последнее время...

Анатолий Борисович вышел от Валентина и отправился напрямиком к Дарье. Он не видел ее со вчерашнего вечера, и даже не удосужился позвонить, хотя знал, что она волнуется. Да, конечно, вчера было не до нее, но послать смс-сообщение, что с ним все в порядке, он мог. Если быть честным, мужчина рассчитывал, что она позвонит сама, но на этот раз ошибся. Анатолий позвонил, чтобы определить, где находится его любовница, но девушка не ответила. Включив логику, Воскресный осознал, что Дарья закусила на него обиду, и ее на даче уже давно нет. Она могла быть либо у себя, либо у родителей. Скорее всего, если предположить что девушка испытывает к нему какие-то чувства, как он начал думать после вечернего разговора, то в одиночестве терзания будет переносить тяжелее, чем в компании родителей и друзей. Поэтому дверь ее квартиры никто не откроет (хотя, если она даже и дома, дверь все равно не откроют), в то вре-

мя как в доме родителей дверь будет кому открыть, даже если Даши там нет. Дверь Дашиной квартиры и в самом деле перед ним не открылась, как он и предполагал, поэтому путь продолжился к ее родителям в район Черемушки. Воскресный о своих пассиях уже на третий день знал все. По крайней мере, все номера телефонов, адреса, круг знакомств, кем и где девушка трудится и что от жизни хочет. Он считал что о чем-то большем ему сами расскажут, ну а такой набор сведений, помимо безопасности, помогал мало того что понять человека лучше, но еще и найти, когда это было необходимо, вот как сейчас.

Дверь квартиры на пятом этаже открыла женщина всего на пару лет старше Воскресного. Она внимательно окинула его взглядом, оценила элегантный вид и осанку, и только после этого произнесла:

– Добрый день.

– Здравствуйте. А могу я Дашу увидеть? – Анатолию было не по себе, потому что вот так внимательно его редко когда осматривали, да и приходил он к девушкам, когда открывали двери их матери, в последний раз, наверное, лет тридцать назад. Что-то не катит он больше на роль ухажера, да и дяди типа него за любовницей в дом родителей не приходят.

– Почему бы и нет, если она сама этого захочет.

Анатолий Борисович оценил ум матери Даши. По тому, как человек открывает дверь и по первым двум фразам в такой ситуации можно прочесть очень многое об интеллекте.

Она не спросила кто он ей, не стала пресекать встречу и не поинтересовалась о целях визита. Значит, была умна, тактична, давала дочери свободу, ну и наконец-таки сама уже догадывалась, кто перед ней стоит.

– Мне здесь подождать?

– А вы войдете? – мать Даши немного удивилась. Она точно догадалась кто перед ней.

– А почему бы и нет? – Анатолий улыбнулся. – Если конечно вы не будете против этого.

– Ни в коем случае, – она невозмутимо пожала плечами, и пропустила гостя. – Проходите на кухню. Я, правда, не знаю, Даша выйдет к вам или нет.

– Она заболела? – Воскресный не мог определиться. Судя по фразе Дашиной матери, либо дочь ей все рассказала, и она знает об ее обиде на Анатолия, либо же Даша просто впала в депрессию и ни с кем не общается.

– Если только головой, – мать пожала плечами.

Воскресный рассмеялся, не удержавшись.

– А в чем это выражается? Буйствует?

– Наоборот... Ладно, она сама расскажет, если захочет, – спокойствие было завораживающим.

Мать ушла, послышался голос Даши, говорящий с раздражением. Судя по громкости и тембру, эмоции бушевали как в итальянской драме, и, наверное, Анатолию посоветовали убираться ко всем чертям. Слов он разобрать не мог, но и без этого сам обо всем догадался. Первым движением души

было встать и уйти не прощаясь. Это говорила гордыня, но Воскресный ее переборол и остался сидеть на месте. Он подождет. Да и не стоит сейчас уходить, потому как это будет означать конец любым отношениям. Ни Даша, ни он сам никогда первыми на контакт после этого не выйдут. Что-то в этой девчонке его цепляло, но что он еще не понял. Одно он знал четко – уйти сейчас будет ошибкой.

Вернулась Дашина мать.

– Она не в духе? – спросил Анатолий.

– Да. Она никого не хочет видеть, – она облокотилась о косяк двери.

– Я пойду в таком случае, – Воскресный встал.

– Не стоит. Дочь выйдет через минут десять, жалея, что не вышла сразу, – по-видимому, мать отлично знала свое чадо, и хотела уберечь Дашу от ошибки, о которой та потом будет жалеть. Это правильно: «потом» может и не наступить, а проблемы и разногласия нужно решать сразу, как бы это иногда сложно не было. Так поступают цельные натуры, уверенные в себе. – Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста.

– Растворимого нет.

– Отлично, я его и не пью.

– Она в бешенстве, – мать Даши произнесла это после некоторой паузы. – Я ее такой уже давно не видела.

– Надеюсь, и не увидите, – Анатолий задумчиво потер переносицу.

Пока варился кофе, на кухне царило молчание, но стоило только Дашиной матери разлить напиток в две чашки, как из зала раздался гневный голос дочери.

– Он уже ушел?

– Нет. Сидит, кофе пьет, – мать ответила так, как будто самого Анатолия уже и след простыл.

Раздались быстрые шаги, и в кухню ворвалась Даша.

– Ты... – она находила слова для приветствия Воскресного. – Ты! – сказала, наконец, она, кивнув. Получилось не страшно, как она, наверное, хотела, а смешно.

Анатолий ждал, какой будет следующая фраза, спокойно созерцая любовницу. Гнев, который сразу обнажает человеческую суть, показывая душу, ей был к лицу. В гневе одни становятся мерзкими, другие дикими, ну а Даша была искренне-величественна.

– Если ты думаешь, что благодаря своим деньгам можешь относиться к людям, как к грязи, то ты ошибаешься! Я не одна из твоих бывших, которых ты покупал! Понял?! Я не служанка и не раба, чтобы ждать тебя, когда тебе заблагорассудится уехать. И приехать ли потом. Хочешь, чтобы в твоём доме появилась красивая вещь, так купи себе икебану, и она никуда от тебя не денется и всегда будет тебя встречать! Уходи отсюда!

– И не подумаю. Присядь, выпей кофе. Успокойся немного, – Анатолий произнес это спокойно, не повышая тона, как будто это не он был в гостях, а наоборот Даша явилась к

нему.

– Чего? Да иди ты! – она произнесла это с гневом, но сама и на шаг не сдвинулась, ожидая реакции.

Анатолий знал: его вызывают на скандал, чтобы потом Даше не в чем себя было упрекнуть, и было чем закрыть дыры в совести, отгородившись от сожалений. Он должен ей сказать что-то дерзкое, она вспылит еще сильнее, а он обозлится и уйдет. Вот ее сценарий событий. Да хрен тебе, девочка. Не на того напала! Анатолий не даст ей оправданий своему гневу, вызванному ущемленным самолюбием и ревностью.

– У тебя мама кофе варит очень вкусный, – он говорил это тихо, спокойно, с улыбкой, которая вызвала в Даше ярость. На ее провокации не поддаются!

– Ты что, не понял? Встал и вышел. Убирайся! Козел самовлюбленный! – ее глаза метали молнии.

– Даша, обзови меня, как хочешь, мне все равно. Если я не хочу, чтобы меня что-то задело, меня это не заденет. Когда на тебя кричит влюбленная женщина, обижаться на это глупо. И злиться тем более. Ты не думала, что если я уйду, ты себя потом проклинать будешь? Я же не дам тебе скандала, как ты этого хочешь. И ты не права, как и я. Не меньше. Я мог бы позвонить, а ты могла бы узнать причины, по которым я вчера не приехал, прежде чем делать выводы. Понимаешь?

Даша неожиданно сникла, и гнев ее разом куда-то улетучился. Она поняла, что обманывать себя – это последнее дело. В любом случае от этого ты только проигрываешь. Мать

Даши испарилась из кухни еще в самом начале сцены.

– Сядь ко мне на колени, – Воскресный взял девушку за руку.

Она последовала указу и послушно села, прижавшись к нему всем телом. Он имел власть над ней, она не могла это не признать. Анатолий задумался над тем, что было во время сцены. Надо же, он испугался ее потерять. Как же давно этого не было.... Когда-то в прошлом он еще боялся терять людей, а теперь и он не тот, и люди стали не того пошиба, чтобы с ними было жаль расставаться. Всегда и во всем Воскресный убеждался, что удерживать бесполезно, так как люди все равно делают, как им лучше, ну а бояться неизбежного просто глупо. И вот, он испугался. Значит, это уже не голова действует, а сердце. Теперь ему все ясно, по крайней мере, с собой.

– Ты вчера уехал, я себе места не находила... – Даша сопела ему в шею.

– Прости, что не позвонил тебе. Но, честно, мне не до этого было. Мою дочь вчера чуть не убили, на мой дом напали грабители, и я подоспел во время ограбления. Там такое... Даже вспоминать не хочу. Менты, судмедэксперты. Не дом, а улей был.

– Я же не знала об этом. Как дочь? Все ли в порядке? Ты прости, что я вот так сразу на тебя. Думала же позвонить. Нет, гордость не дала, – Дашин голос охрип. С Воскресным говорил уже не рассерженный ребенок, а взрослая сознатель-

ная женщина. Это и нравилось ему в Дарье – моментальные переходы от одного к другому. Это было неподдельно, искренне.

– Оно и понятно. В тебе помимо гордости еще и ревность разыграла. Думала, я где-нибудь в сауне с девушками отдыхаю? А? – Анатолий улыбнулся.

– Как Анна? Ты не ответил, – Даша перевела тему.

– Все хорошо. Украдено ничего не было, видимо я грабителей спугнул.

– Не пугай меня больше.

– Хорошо. Но ты тоже не смей на меня голос повышать. Тоже мне, тигрица нашлась, – Анатолий схватил ее за нос и игриво помотал из стороны в сторону.

– Перестань, – Даша опять рассердилась. – Что ты, в самом деле?..

Договорить ей не дал поцелуй. Она и не возражала.

В субботу днем Анна сидела в кресле, откинувшись на спинку и положив ноги на пуфик. В кресло напротив примостилась ее подруга, Алиса. Воскресная устало подперла голову рукой, покоящейся на подлокотнике, и тяжело вздохнула.

– Все еще грузишься? – Алиса махнула официанту, и тот немедленно вырос перед их столиком. – Рыжую собаку. Ты будешь? – она повернула голову к подруге.

– Нет, не хочу. Мне чая с жасмином, зеленого, – Анна даже не подняла глаза на официанта.

– Что-нибудь еще желаете? – тон, и улыбка официанта были просто эталоном вежливости.

– Нет, спасибо, – Алина отпустила парня, и добавила уже Анне. – Вот кто вылизывать умеет.

– Если он улыбаться не будет, его с работы попрут. В этом месте отдыхают далеко не простые товарищи, – Анна не меняла позы.

– А тебе не противно, что мужик так заискивает? – Алису передернуло. – Какой-то мальчик-желе.

Анна посмотрела на подругу как на дуру.

– Ну не все же мачо... да и ты его не знаешь. Может, он умело скрывает уверенность в себе и стальной характер под маской любезности. Это его работа. Видит, что клиент с деньгами и старается. Может, на богатые чаевые рассчитывает?

– Может. А у меня правило: я оставляю на чаевые пять-сот или тысячу, если мне нравится обслуживание, либо же вообще ничего не даю, – Алиса закурила. – Так, мелочь, но приятно кому-то.

– Для кого-то тысяча это приличная сумма, не у всех же отец работает управляющим банка.

– Ну, это хорошо. Представь, что все были бы богатые. Жить тогда не интересно было.... А кто там за равноправие ратовал? Коммуняки?

– Ага, они самые, – Анна кивнула. – Капитализм лучше, согласна... – она кинула взгляд за окно, где стоял отцовский

«Бентли».

– А почему на своей не катаешься? Мне кажется Мозератти не хуже «континенталья», – Алиса вопросительно посмотрела на подругу.

– Не хуже, но мне ближе отцовская, – Анна улыбнулась. – Не знаю почему.

– Фетиш, не иначе, – Алиса с умным видом отпила принесенный ей коктейль. – Так ты мне не ответила, что же с тобой происходит в последнее время. Мне кажется, за последние дней десять твоя депрессия только усилилась и достигла своего пика.

– Достигла.

– Ты так и будешь односложно отвечать? О чем думаешь? Давай так: представь, что ты на приеме у психолога. Излагай проблему, – Алиса решительно оперлась локтями на стол, выдвинувшись вперед.

– Психологи не пьют, – Анна нервно улыбнулась.

– Да ладно тебе! Они не люди, что ли?

– Ох! С чего же начать? – Воскресная тоже облокотилась на стол и налила себе чай. – В общем, помнишь, я тебе неделю назад рассказывала сон?

– О незнакомце-англичанине? Да! Помню, конечно, – глаза Алисы загорелись. – Жаль, что не мне это приснилось, – она закатила глаза. – Красиво так. Умели же любить раньше. Ну а сейчас, что за мужики пошли? Только о деньгах и думают, причем о чужих...

– Может, обсудим их? – Анна не любила, когда ее перебивают, и тон сменился на раздраженный.

– Да ну их! Рассказывай! – Алиса издевки даже не заметила.

– Он у меня из головы не идет. Сначала было нормально, потом стало хуже. Прошла неделя, и я о нем каждый день думаю.

– Влюбилась в сон, что ли? Ого. А я себя романтической считала, – Алина пожалала плечами. – Ты мне верхом прагматизма казалась, отшивала пацанов, как будто у тебя пулемет в багажнике лежит.

– Ну, теперь и меня переклинило. Самое интересное, как по спирали закручивает – сильнее и сильнее с каждым витком. Теперь я только и думаю о том, чтобы увидеть Виктора наяву... Если его так теперь зовут.

– Но ты же понимаешь, что это несбыточные мечты, сказка? Это невозможно, – Алиса покачала головой.

– Понимаю мозгом, а поделать ничего не могу. Ты знаешь, но мне кажется, что он реален, моя интуиция говорит об этом, – Анна не согласилась с подругой.

– Реален? Может, и в деда Мороза верить начнешь?

– А тебе лишь бы подколоть, да? – карие глаза потемнели, заискрившись яростью. – Сама кого-нибудь в этой жизни любила?

– Извини, – Алиса потупила взгляд. – Я не думала, что это тебя так задевает. Мне бы хотелось увидеть твоего незнаком-

да из сна. Если встретишь, то познакомь непременно нас.

– Хорошо, если только встречу, – Анна успокоилась. – В общем, моя грусть из-за этого парня... И ничего сделать не могу с собой.

– Сходи, развейся куда-нибудь. Я не тусовщица, сама знаешь, но ведь Машка или Вика...

– Я субботу, воскресенье и понедельник почти не появлялась дома, с Викой тусили. И что, ты думаешь, легче стало? Даже в клубе стоило мне остановиться на минуту, как я начинала грузиться... Не помогает ничего. Я рисовать начала по вечерам, а со мной такого не было лет восемь... Мне стали нравиться шотландские баллады, я Селтик и Энию скачала... Да я ни в жизнь медленные вещи не любила. Что это? Любовь, что ли?

– Она самая, – Алиса прикрыла глаза. – А ты его искать не думаешь?

– А где? Я думала об этом, но ничего в голову не пришло. Ничего ровным счетом. Фамилии я его не знаю, где живет тоже... Вот и получается не пойми что.

– Да уж, – Алиса махнула рукой официанту, и тот незамедлительно подошел. – Еще один.

– Одну минуту, – и парень скрылся с глаз.

– «...И не читал – в истории ли, в сказке ль, чтоб гладким был путь истинный любви...», – Алиса многозначительно вздохнула.

– Кто это сказал?

– Шекспир. Не помню только, в каком произведении.

– Умный мужик был, – Анна замолчала, а потом продолжила. – Сон какой-то странный стал. В среду утром проснулась в слезах, а что снилось – не помню. Хоть убей. Я всегда запоминала свои сны. А тут....

– Может, он тебе опять снился?

– Может. Только с чего бы я тогда в слезах была? Еще какие-то смутные предчувствия нехорошие одолевают. Что-то должно скоро произойти....

– Не каркай. Мысли материальны.

– Да сама знаю. И самое странное что я, не смотря на все свои переживания, чувствую какую-то легкость и радость. Отчего?

– Ты не любила никогда до этого... – Алиса и сама погрузилась. – Так всегда, когда есть проблемы в любви: и дышать вроде невозможно, но и жить в сто раз сильнее хочется; весь мир кажется серым, но ты его все равно любишь.... Любовь самая непонятная вещь на свете. Каждый знает, что это такое, но никто не может точно сказать, что же это, – она грустно улыбнулась.

– А ты сама часом не влюблена в кого-то? – Анна приоткрыла рот.

– Уже нет. Наверное. Это старая история, я просто вспомнила, как это бывает.... Переведем тему с меня, все-таки я психолог, а пациент у меня – ты! – Алиса повеселела, или сделала такой вид.

– Да что переводить? С ума я сошла, вот и вся тема. Аня Воскресная сошла с ума. И такое возможно, оказывается. Живешь себе уверенно, гуляешь, дышишь свободно, считаешь себя какой-то супердевушкой, самой красивой и умной, не гнешься ни под кого, и тут на тебе – любовь. И тут же слезы, сопли, неуверенность в себе и маниакальные мысли. И почему я мужиком не родилась?

– Ты думаешь им легче с собой справляться? – Алиса рассмеялась, с теплотой посмотрев на подругу. – Родись ты мужиком, то вместо того, чтобы вздохнуть и сопливить, водила бы в дом разных девок, лишь бы забыться, глушила водку литрами, дралась на дискотеках и плакала пьяная на плече лучшего друга. Как тебе такой вариант? По-моему, сейчас ты спокойнее.

– Ну да. По крайней мере, не сижу напротив тебя с поломанным носом или челюстью, – Анна тоже улыбнулась. Потом улыбка снова погасла. – Говорят, случайностей не бывает. Мне кажется, тот сон тоже случайностью не был. Я уже давно чего-то ждала необычного. Что же, вот оно. Пришло. Вся эта депрессия до сна была лишь переходным моментом внутри меня. Там что-то поменялось. Знаешь, когда начинаешь в тишине копать в себе, много интересного находишь. Такие умные мысли посещают...

– Произошла переоценка ценностей? – Алиса выдала каламбур.

– Ага.

– То-то и грустишь. Не знаешь, что с приобретенным умом делать, – Анина подруга подняла бокал. – За ум.

Аня молча кивнула.

– Ладно, не грусти. Расскажи лучше, что во вторник произошло. По телефону ты как-то спутано все озвучила.

– А, это? Да ограбить нас хотели, меня чуть не порезали, – Воскресная произнесла это не меняя тона.

– Ты так спокойно об этом говоришь! Я бы со страха умерла.

– А как мне рассказывать? Глаза закатывать? Нет желания. Нет, само собой, я тоже боялась тогда, но потом успокоилась. Что было, то было. Не случилось ничего плохого, и хорошо. Надо дальше жить.

– А на западе люди к психологу бегут за помощью после пережитого шока...

– Ты знаешь, месяц назад и я бы побежала к психологу, может, мужчин бояться начала. А сейчас мне как-то не до этого. Я же тебе говорю, все мысли о нем... Как приворожил меня.

– А как вообще происходило ограбление? Как в фильмах? Стоять, не дергайся!?

– Почти что, но страшнее.... – и Аня начала пересказывать нападение с самого начала, вспоминая подробности. Ей действительно было легко говорить об этом, она и сама поражалась. Было ощущение, что все происходило не за три дня до встречи с Алисой, а минимум за год, за то время, ко-

того достаточно, чтобы сгладить эмоции и страхи.

Через час они покинули кафе.

– Да, – Алиса еще переваривала рассказ своей подруги. –

Ну и ну.

– Вот так и бывает... – Аня открыла машину. – Ты домой?

– Да. Подбросишь?

– Конечно.

Алиса села и в молчании они проехали несколько кварталов. Подружки порядком наговорились, и теперь каждая была погружена в свои мысли. Алиса, видя, что Анна не в настроении больше разговаривать, сделала музыку громче, и отвернулась в окно. На одном из перекрестков, где всегда в часы пик образуются заторы перед светофором, Воскресная увидела старушку, которая ходила между машинами. Такой вид профессиональных нищих редкостью не был, но Анна все равно давала им немного денег, и поэтому она опустила стекло, зажав в руке пятьдесят рублей. Странное дело – старушка не заглядывала в окна машин и не просила подаяния, она просто шла между двумя рядами авто, приближаясь к Анне. Воскресная, погруженная в свои мысли, не обратила внимания, что старушка не берет ни у кого денег. Она давала милостыню как должное, автоматически. Старушка тем временем поравнялась с машиной Воскресной. Впереди должен был загореться зеленый свет, но мигнул желтый, и тут же опять загорелся красный, на пятьдесят секунд, если верить таймеру на светофоре. Кто-то недовольно посигналил,

не зная на ком выместить свою злость против такой выходки трехглазого регулировщика, но эта злость вылилась в пустоту. Старушка подошла к машине.

– Доченька, будь здорова, – старушка не взяла пятьдесят рублей, но осталась стоять.

Не смотря на громкость музыки в салоне авто, Аня четко различала то, что говорила бабушка. Воскресная подняла на нее глаза. Перед Аней стояла внешне совершенно отталкивающая старушка, горбатая, с бельмом на глазу, скрюченным носом и бородавкой на четверть правой щеки. Хотя по виду это и была сущая ведьма, но девушка не испугалась, только удивилась, что деньги еще не перекочевали из рук в руки.

– Тебя ищут. На остановке... – старушка показала рукой на остановку троллейбуса за перекрестком, и Воскресная автоматически перевела туда взгляд. Когда Аня обернулась обратно к старушке, ее уже и след простыл, и ни в зеркалах заднего вида, и нигде вокруг видно ее не было.

– Не чувствуешь? Мне кажется серой воняет, – Алиса повела носом, обернувшись к подруге.

– Чего? – Аня не услышала из-за басов акустики.

– Я говорю в салоне серой прет, – Алиса понизила громкость на магнитоле.

При этих словах у Ани пробежал по спине холодок. Она любила в детстве слушать разные страшные истории, и знала, что серой всегда пахнет там, где появляется нечисть. А тут еще эта старушка с неожиданным исчезновением.

– Ты не видела, куда бабка делась? – Аня спросила это с дрожью в голосе.

– Какая бабка?

– Да нищенка, милостыню просила.

– Нет, я в окно смотрела, – Алиса спокойно отвернулась.

Впереди тронулись машины, и Анна включила поворотник, перестраиваясь в крайний правый ряд.

– Ты чего? – Алиса обернулась к подруге.

– Мне на остановке остановиться надо на минуту.

– А, понятно.

Аня остановила машину и выскочила из нее. Все на остановке уставились на Воскресную, как на инопланетянку. Воистину деньги разделяют людей сильнее, чем тысячи километров. Но Ане чужие взгляды были до лампочки, она лишь искала глазами Виктора. Виктора среди толпы не было. Аня несколько раз быстрым шагом обошла остановку, заглядывая даже под лавочки. Итог был тот же. Воскресная почувствовала, что вот-вот расплатится от бессилия.

– Девушка, – обратился к ней мужчина в сером пальто. – Девушка!

Воскресная обернулась к мужчине, растерянно глядя куда-то в район его глаз. Заговоривший стоял возле рядовой доски объявлений, какие есть на каждой остановке.

– А это не вы? – он показал на плакат с изображением девушки в красивой диадеме. – Вас ищут.

Ане показалось, что земля ушла из-под ее ног и какая-то

легкость закружила голову при словах мужчины. Воскресная сорвала плакат, державшийся на честном слове, и внимательно осмотрела. Сначала она изучила портрет, и не было никаких сомнений – на нем действительно изображена именно она. Потом Аня прочла надпись, и номер телефона внизу.

– Это Виктор... – Аня взвизгнула и кинулась на шею тому, кто указал ей на плакат, поцеловав в щеку.

Мужчина растерялся, покраснел, но был счастлив. Не каждый день бывает, когда настолько красивая и, судя по машине, успешная девушка со слезами радости на лице бросается целовать тебя как родного. Мужчина в ответ ничего не успел сказать, так как Аня уже сорвалась к машине. Слова благодарности были ни к чему, человек и так получил куда больше. Когда как не этим утром он спрашивал сам у себя, бывает ли еще на земле любовь. Теперь он понял, что любовь есть, и в душе зародилась надежда на счастье, которого в его жизни так давно не было. Человек провел рукой по сидящим волосам и улыбнулся. Он понял, вернее, почти понял то, что только что произошло. Кого-то искали и кого-то нашли. Может, и его кто-то найдет сегодня? Он обвел взглядом шушукающуюся по поводу Аниной выходки остановку и презрительно отвернулся. Пусть думают что хотят.

А самой виновнице пересудов было не до того, что о ней думают. Она закрылась в машине и как сумасшедшая кинулась на шею теперь уже Алисе.

– Тихо! Задушишь. Ты что, с ума сошла? Что это было там? – Алиса накинулась на подругу. – Ведешь себя как ненормальная...

– Это он! – Аня светилась изнутри.

– Тот мужик на остановке? А что, интересный...

– Да не он, не Виктор, вернее, Виктор но не он! – Аня зря надеялась, что ее поймут. Алиса совсем растерялась и странно хихикнула.

– А чай точно с жасмином был?

Аня вопроса не услышала или не поняла.

– Вот, смотри, – она сунула в руки подруги плакат. – Это Виктор. Он ищет меня.

– Офигеть!!! Это же ты!!! Откуда? – Алиса растерялась, и теперь глаза у нее были не менее сумасшедшие, чем у Ани.

– Да я тебе говорю, это Виктор. Иначе и быть не может. Я не знаю, как и почему, я ничего вообще не знаю, да и не понимаю, – словарный поток не прекращался даже на то, чтобы сделать вдох, – я только знаю, что это он меня ищет. И точка.

– Диадема. Ты же ее никуда не одевала, только мне показывала один раз. Откуда рисовавший мог ее видеть? Это мистика какая-то....

– Не иначе, – Аня искала сотовый.

– Ты чего?

– Звонить буду. Видишь, номер есть. Сейчас на все вопросы найдутся ответы, – Аня набрала номер Виктора.

Сначала в трубке была одна тишина, а потом незнакомый

женский голос произнес: «Аппарат вызываемого вами абонента выключен, или находится вне зоны действия сети!». Аня пять раз подряд нажимала на вызов, и пять раз подряд слышала эту фразу. Потом она закрыла телефон и тихо заплакала. И у нее сдали нервы. Каким бы не был сильным характер, но всему есть предел.

Была пятница. С самого утра в квартире царило стальное молчание, почти осязаемое и видимое. Даже Виктор, казалось, старался дышать как можно тише, боясь спугнуть долгожданный звонок, который был нужен и важен для него. Звук на телефоне он не отключал даже на ночь, и когда в восемь утра он посадил Варвару на такси, которое повезло ее на работу, сил хватило только на то, чтобы сесть в кресло и, попивая сваренный на скорую руку кофе, напряженно ждать первый звонок. В обычный день звонки на его мобильный телефон сыпались с самого утра. Звонили продавцы, чтобы предупредить о своем невыходе на работу, звонило начальство, проясняя рабочие вопросы, звонили мелкооптовые покупатели, торгуясь о скидке в магазине, наконец, звонили друзья или позабытые знакомые, которых, видимо, прошибла ностальгия, и они решили напомнить о себе, поговорив о временах юности. Одним словом, звонили все, кому не лень. В эту же пятницу тишина доходила до звона, и красивый солнечный день, простиравшийся за окном до края земли, не впечатлял и не радовал. Кофе был выпит, Ильин скурил подряд пару сигарет и взял со стола телефон. Сначала Виктор посмотрел на него, потом открыл, потом закрыл. Повертел в руках, и положил обратно на стол. Через минуту он пере-

ложил его со стола на подлокотник дивана, рядом с собой. Спустя пять минут телефон опять переключался с дивана на стол. Немного погодя, Ильин, помяв пальцы, резко поднялся на ноги и немного покружил по комнате, оглядываясь то и дело на телефон. Потом он подошел к нему, и проверил, действительно ли включен звук. Звук был, это звонков не было. Виктор скурил сигарету. Сел. Потом встал и, похаживая с минуту, лег на диван. Не лежалось. Ворочаясь, как будто под ним вместо мягкой шагреновой кожи обивки было ложе йога с гвоздями, Виктор выдержал пятнадцать минут пытки, и сел, упершись локтями в колени. Не думалось, не спалось. Он и сам превратился в ожидание, в то, что он ненавидел больше всего на свете.

Ильин включил телевизор, сделав звук как можно тише, чтобы не пропустить звонок. Перешел на все каналы, и не найдя ничего интересного, он подошел к полке с обширнейшей коллекцией фильмов на любой вкус, пополняемой им уже порядка восьми лет. Здесь были и старые любимые им фильмы, пересмотренные по нескольку раз, и интересные новинки, и те диски, которые он еще не распаковывал, откладывая их просмотр до появления подходящего настроения. Пробежав пальцем по корешкам DVD изданий, Ильин не нашел ничего подходящего. Просмотрев все во второй раз, он выцепил из ряда какую-то комедию, и поставил ее в проигрыватель. Хорошая игра актеров, интересный сюжет и обилие искрометного юмора отвлекли не более чем на пол-

часа, и то, только отчасти. По прошествии тридцати минут с начала фильма, Виктор отстранился от экрана телевизора, и сел, положив голову на руки.

– Я как тот индеец, без своей тени маюсь...

При этих словах Азель, не подходивший к Ильину в то утро, и спавший на спинке дивана, поднял голову. В его глазах было любопытство. Виктор заметил движение краем глаза, и повернулся к коту. Азель мотнул головой, сделав движение, означающее: «О чем ты? Рассказывай!».

– Ты что, не слышал легенду об индейце без тени?

– Нет, – кот покачал головой.

– Есть древнее предание, в племени Наваха, если не ошибаюсь. В нем говорится, что когда-то на Земле жил индеец, храбрый молодой воин, который не боялся ничего, кроме тени. Только собственная тень могла его напугать. И чтобы стать совершенным в своей храбрости, он умолил богов забрать у него тень, которая его так пугала. Его мольба была исполнена, и он потерял свою тень. Поначалу он радовался, но с уходом тени он стал забывать, кто он и откуда, и ушли его воспоминания, светлые моменты жизни. Он был без тени и никого не боялся, но люди боялись его, потому как он не походил на остальных. Он избавился от ненавистного спутника, но на самом деле он избавился от своей души. Он не один год бродил по земле в поисках своей тени, пытаясь сохранить те слабые крупинки воспоминаний, которые оставались у него от прошлой жизни, пока не встретил человека,

которому сделал добро. В ответ на добро тот дал совет, где искать тень. Она находилась в царстве теней, куда обычным смертным доступа не было. Это было черное ущелье, единственным входом в которое была нора в земле, охраняемая страшным койотом, размером с теленка. Но человек без тени никого не боялся на этом свете, и пошел, следуя указаниям прохожего. Он нашел нору, убил стража и вошел в ущелье. Страх терзал его душу, сжимал ему сердце и мешал его мыслям. В этом ущелье были миллионы теней, похожих на его, которую он так боялся. Но он шел вперед. Шел упорно и, наконец, нашел свою тень. Он соединился с ней, вспомнил всю свою жизнь, обрел душу и прошлое.... Но только зря, он так никогда и не нашел выхода из этой норы; хотя, с ним была его тень, и значит даже в полной темноте ущелья он оставался самим собой. Вот и я как тот индеец без своей тени маюсь, пытаюсь перехитрить судьбу....

Через час Виктор вконец замучился ожиданием звонка, своими невеселыми мыслями, страхами о несбыточности надежд и некоторыми чувствами, настолько, что устал до невозможности. Он бросил на стол книгу и лег на диван. Ему очень сильно хотелось спать. Так всегда бывает, когда человек напрягает свой мозг, заставляя работать в авральном режиме. Те, кто постоянно занимается тяжелым умственным трудом, как то изучение языков, проектирование зданий, сводка таблиц по формулам или решение сложных теорем, подтвердят это. Если взглянуть на процесс с биологиче-

ской точки зрения, то ничего странного нет. Наш организм из потребляемой пищи лишь тридцать процентов пускает на полезную работу, подпитку. Из этой массы $2/3$ потребляет во время своей работы мозг, и лишь $1/3$ идет на энергию оставшемуся телу. Именно поэтому сложно сочетать, например, защиту докторской диссертации с жимом штанги; что-то из этого будет идти наперекосяк. Ильин прекрасно знал об этих особенностях организма. Так же он знал, что лучшее средство с этим бороться – это съесть шоколад или лечь отдохнуть на 15-20 минут. Но ему эти знания были не нужны. Он просто хотел спать.

Первый звонок раздался, когда на часах было около трех. Виктор к тому времени успел порядком выспаться, и лежал в полудреме, только потому, что не хотелось вставать. Звонок моментально вывел из дремотного состояния, и Ильин схватил трубку со стола быстрее, чем боец хватает упавшую в ДОТ гранату, чтобы успеть швырнуть ее обратно.

– Ало!!! – Ильин сказал это охрипшим от волнения голосом настолько резко, что на другом конце повесили трубку.

Виктор, внимательно рассматривая мобильник, выразил ему все мысли по поводу звонившего. Так как его речь состояла в основном из глаголов и прилагательных далеко не официального употребления, я ее пропущу. Монолог закончился, и Виктор удивился, что под его испепеляющим взором телефон так и не расплавился. Выговорившись, он успокоился. И чего это он завелся? Сам же виноват, ответил че-

ловеку так, как будто от разделывания трупа оторвался. Звонивший, видимо, обладая нормальной психикой, само собой испугался, и теперь не берет трубку. Отныне при ответе на звонок следует контролировать свои эмоции. Ильин лег, но о сне можно было забыть – эмоциональная встряска не прошла даром, дав бодрость и скрытую силу. Виктор начал перебирать четки в ожидании следующего звонка, ни о чем не думая, лишь затем чтобы занять руки. Через полчаса раздалась мелодия. Ильин не спеша снял трубку.

– Алло, – спокойно ответил он.

– Здравствуйте. Это вы девушку разыскиваете? – голос принадлежал юноше, и Виктор навскидку определил возраст в пределах двадцати лет. Говоривший был растерян.

– Да, я.

– Мне кажется, я ее вчера видел.

– Кажется, или видел?

– Точно не могу сказать, уже вечер был, она с подругой по Красной проходила.

– Я понял, – Виктора как жаром обдало. Если парень не ошибался, то Анна и в самом деле живет в одном городе с Ильиным, как ему с самого начала подсказывало сердце, вразрез мнению разума, чьи выводы основывались на четкой логической цепочке. – Что-то еще? Вы же понимаете, что сведения очень скудны и недостаточны для того, чтобы я нашел ее....

– Да, конечно. Я и не думал о деньгах. Я вам хоть немного

помог?

– Да, спасибо вам огромное. Вы мне подарили надежду, что я смогу найти ее. Теперь я знаю: она живет в этом городе, – Виктор был взволнован, это чувствовалось по его голосу. – Спасибо вам.

– До свидания. Удачи.

– Счастливо, – и Ильин повесил трубку.

Звонки начались. Что же, это очень хорошо. Второй за час. Это, наверное, только начало... Виктор улыбнулся своим мыслям, и его улыбка светилась счастьем. Она живет в этом же городе, ходит по тем же самым улицам, может быть, даже обедает в тех же ресторанах, что и Виктор... но в другое время. Как там у Талькова? «Несвоевременность – вечная драма»? Да, именно так!

Из потока мыслей его вырвал очередной звонок.

– Алло! – раздалось с того конца провода даже прежде, чем Виктор смог поднести телефон к уху. Но он слышал приветствие отчетливо, так как говорили громко. Голос принадлежал женщине, и ей скорее всего было за сорок. Ильину в голосе собеседницы не понравились истерические нотки, звучавшие безо всяких видимых причин, обозначая ее как человека недалекого ума. – Алло. А это вы девушку разыскиваете?

– Я, – Виктор старался сделать тон повежливее, хотя это и выходило с трудом.

– Я вчера с ней в одном трамвае ехала. В двойке. А на счет

денег вы не обманываете? – первое предложение звучало с радостью. Второе – с недоверием.

– Я честен. Деньги причитаются тому, кто укажет где искать эту девушку.

– Ну, я сказала вам...

– В трамвае?! Вам это не кажется нелогичным? – Ильин закатил глаза к потолку. – Вы хоть запомнили, где она вышла или вошла.

– Нет.

– А вы ее видели до этого в том же трамвае?

– Нет.

– Тогда о чем может идти речь?

– Послушайте, я вам сказала, где я ее видела, помогла, так сказать, и поэтому пусть не вся сумма, но хотя бы часть мне причитается... – это было требование.

– Позвольте мне самому распоряжаться своими деньгами!

– Молодой человек, вы наглый...

– До свидания, – Ильин больше не стал слушать этот бред и скинул звонок. Оправдываться или кому-то что-то доказывать он не собирался. Пусть думают что хотят. Он не видел смысла в объяснениях: умный и сам все поймет, а до дурака и не достучишься. Ну и наглая особа... да мало ли кто позвонит, скажет, может, что Анну на Луне видел. Это же не значит, что она там была. Трамвай двойка, самый ходовой маршрут города! Да за идиота его держат, что ли?

Додумать не дал следующий звонок. На сей раз Анну ви-

дели в дорогом бутике на улице Красной, опять же, вчера. Может быть, это была правда, но что с того толку? Не живет же она там! Может, заглянула из любопытства, и больше никогда не появится. На всякий случай Виктор записал адрес магазина, чтобы на досуге заехать туда с портретом и порасспрашивать об Анне. Кто его знает, вдруг окажется, что у нее там мать или подруга работает! Вдруг зацепка найдется. Ильин прошелся по комнате с сигаретой в зубах. А вообще, почему это он верит всему, что ему говорят? Может, видели похожую девушку? Или же людям просто хочется, чтобы Анна была именно в тех местах, где были они. Человеческая психология – штука занимательная. Желаемое становится действительным, воображение – реальностью, и мысль обрастает такими образами, что ее не отличишь от настоящего эпизода прошлого. В общем, таким легковерным быть нельзя. Хотя ему и самому до безумия хотелось, чтобы Анна была именно там, где говорили все звонившие. Это была или паранойя или любовь.

После третьего звонка завертело, и Виктор вскоре удивился тому, что телефон еще не оплавился от количества звонивших. Большинство людей, привлеченные обещанным гонораром за сведения об Анне, открыто несли чепуху. Если во время первых трех звонков Ильин находился под действием эмоций, то перед четвертым, благодаря передышке, данной ему очевидцами, он успел навести в голове полный порядок, и подчинить эмоции и чувства своей воле. Именно поэтому

он теперь с легкостью мог отделять то, что могло быть правдой от того, что, несомненно, являлось ложью, основываясь на течении своих мыслей и отменном чутье. Звонившие же лгуны явно не рассчитывали, что отныне ухо Ильина различает неправду не хуже индикатора. Если верить желавшим не безвозмездно помочь Виктору, то Анну видели в самолете, поезде, автобусе, а то и в троллейбусе. Плюс ко всему некоторые утверждали, что отлично знают эту девушку, но зовут ее не Анна, а Маша, Лена, Марина и т.д. насколько хватало фантазии людей. Ничего любопытного из перечня поступающих фактов и предположений, Виктор для себя не вынес, кроме одной зацепки, которую ему дали пятеро людей, не знавших друг друга, но почти сходящихся в своих показаниях. Зацепкой была информация, будто Анну видели за рулем дорожной иномарки черного цвета. Встречи с этой иномаркой происходили в разное время и в разные дни. Трое из звонивших так и не поняли, что же за марка была у машины, которой управляла Анна, но два парня точно назвали модель и марку авто. Проблема была лишь в том, что по словам одного машина была черным Бентли «Континенталь», а другой утверждал, якобы авто несомненно являлось черным Мозератти. Номеров аппарата никто не заметил, все любовались самой машиной. Виктор обстоятельно записал показания и отложил анализ до того часа, когда звонки прекратятся. После шести звонки пошли на убыль, интервалы между ними стали длиннее, и наконец, в восемь вечера по-

звонил последний желающий помочь. Звонившим был мужчина, находившийся в такой стадии опьянения, что Виктор почти ничего не поняв из его рассказа, посоветовал перезвонить через пару лет, после чего повесил трубку.

Ильин выждал полчаса, в течение которых больше никто не позвонил, и, вспомнив, что за целый день ничего не ел, отправился на кухню, чтобы спокойно перекусить и выпить горячего чая. В девять он включил музыку, и удобно развалившись с сигаретой на диване, принялся за разбор записей. Исписано было три листа, мелким убористым почерком. Каждая запись представляла собой номер телефона звонившего и краткое, в двух-трех предложениях, изложение сути встречи с Анной со слов очевидца. Виктор чувствовал, что на сегодня звонки прекратились. А как иначе? В пятницу вечером народ или отдыхает дома, или танцует, или пьет. Некоторые индивиды умудрялись совмещать все это, танцую пьяными дома, но смысл оставался тем же: никому не было дела до Анны, Виктора и особенно до его плакатов.

Проанализировав сообщения о встречах с девушкой, как две капли воды похожей на Анну во всевозможных видах транспорта, как наземного, так и воздушного, или же о встречах с ней на улицах, в кафе, ресторанах и всевозможных заведениях, Виктор понял, что пользы во всех этих записях нет никакой. Во-первых, за достоверность подобных сообщений никто поручиться не мог, ну а во-вторых, все встречи имели разовый характер, и как следствие варианты, что

Анна появится в этих местах снова, почти равнялись нулю. После такого анализа осталось всего пять записей, именно тех, в которых говорилось о встречах с Анной за рулем авто. Да, конечно показания не были идеальными, расходились в марке машины, оттенке волос или же в возрасте водителя, но все сходились на том, что машина, несомненно, была черная, дорогушая и красивая до невозможного. Только два парня внесли сумятицу, заявив один о Бентли, а другой о Мозератти. В принципе, для человека, хоть немного разбирающегося в авто представительского класса, перепутать эти машины проблематично. Оба парня обиделись на вопрос, точно ли они уверены в определенной ими марке авто. И один и второй с пеной у рта принялись доказывать, что машина была именно та, о которой они говорят, и никак иначе. Виктор, немного подумав над заметками, сделал на листике запись:

1. Все они могут ошибаться, выдавая желаемое за действительное.
2. Они могут ошибаться в цвете, марке или же в месте встречи с самой машиной (Анной).
3. Что-то из того, что называли парни, может оказаться правдой, и машина была или Бентли или Мозератти.
4. Машин было две – и Бентли и Мозератти.

При последнем пункте Виктор насупился. Выходило, если это предположение правда, то Анна не просто богатая девушка, а очень богатая. То, что она в свои двадцать с небольшим лет вряд ли сама могла заработать на такую машину, для

Ильина было ясно, как Божий день. Купить машину ей мог отец, муж или любовник; за красивые глаза такие вещи однозначно никто не дарит. Тем более что такой аппарат надо еще и содержать на какие-то средства, а обслуживание отнюдь не из дешевых. В любом случае возникали трудности, так как Виктор по жизни не раз убеждался, какой преградой деньги могут стать между людьми. При мысли о муже и любовнике Ильин начал задыхаться от ревности, но это чувство быстро пошло на спад. Как бы там ни было, будь Анна хоть женой арабского шейха, Виктор ее все равно найдет. Тем более, что за мысли? Ревность рождается от неуверенности в себе, а разве Ильин в себе неуверен? Что за бред? Разве социальное неравенство может встать между ним и Анной? Виктор вспомнил Италию, и понял, что между ним и Анной встать не может ничего кроме смерти. Главное разыскать Анну, а что будет потом, жизнь сама покажет.

Мысли продвинулись дальше, и Виктор начал искать возможности найти девушку благодаря полученным ранее сведениям. Получалось, если даже машина или та, или другая, то информация все равно имела несомненную ценность. Бентли или Мозератти – это не Лада «шестой» модели, в городе таких машин единицы, и уж тем более если они одновременно зарегистрированы на одном частном лице, то подобных людей в городе может быть лишь один или два. Но опять возникали некие трудности. Виктор взялся за ручку, доверив свои мысли бумаге.

1. Машина может числиться на какой-нибудь фирме, а не на частнике.

2. Владельцем машины официально может числиться какая-нибудь подставная фигура, причем даже из другого региона. Многие делают так чтобы уйти от налогов, так как позволить себе иметь подобные авто в открытую могут единицы.

3. Труднодоступность получения сведений о владельце авто, так как в ГИБДД знакомств у Виктора не было, и где можно купить подобную информацию, он не знал.

4. Трудности вычисления Анны по владельцу машины. Машина будет зарегистрирована явно не на ней.

Четвертый пункт был наименьшей из проблем, хотя, при желании, поработав и с остальными параграфами, Виктор, в конце концов, добился бы каких-нибудь результатов. Единственное, что на все это требовалась масса времени, а вот его-то, как прекрасно понимал или скорее хорошо чувствовал Ильин, не было. А вдруг след окажется ложным? Ведь могло же всем пятерым показаться? Могло. В таком варианте, двигаясь по ложному следу, Ильин помимо времени упустит еще и что-то важное, которое, несомненно, и вывело бы его к Анне. Он себе такого не простит. Впереди два выходных, люди сидят дома, выходят во двор, чтобы подышать свежим воздухом и видят плакаты с изображением Анны. Кто-нибудь непременно позвонит и скажет то, ради чего Виктор все затеял. Не время отчаиваться. Если уж никто ничего не

назовет полезного, тогда Ильин и пойдет по следу черного Бентли. В общем, остается только ждать утра и новых звонков.

Виктор укрылся пледом и закрыл глаза, продолжая размышлять о создавшейся ситуации. Через десять минут он уснул, и сам не заметив, как это произошло.

На ночь звук телефона Виктор не выключал в надежде, что кто-нибудь может позвонить. Как убитый он проспал до девяти утра и проснулся в том же положении, в котором лег с вечера. Судя по тому, как страшно затекла спина, он даже не ворочался. Обычный ритуал – сигарета, кофе и душ, и Ильин почувствовал себя сверхчеловеком, готовым на подвиги, потому как заряд сил и бодрости, казалось, неиссякаем. Он покормил Азеля и сел ждать звонки, но никто не хотел нарушать тишину и покой этого субботнего утра. Сначала это напрягло Виктора, но потом он подумал, что в выходной у большинства людей утро начинается поздно, и раньше одиннадцати никто звонить и не собирается. Он включил музыку, и сел читать книгу об истории холодного оружия Европы. Это была увлекательная для него тема. Издание состояло из тысячи двухсот страниц, которые содержали около трех тысяч иллюстраций и исторических фактов. За чтением время пролетело незаметно, и Ильин посмотрел на часы, только когда было начало двенадцатого. Виктор проверил телефон. Никто не звонил, пропущенных вызовов не было, звук на трубке был включен. Он продолжил чтение.

Кто-нибудь, да и позвонит. Чутье подсказывало, что сегодня ажиотажа ждать не стоит, и звонки (а их, скорее всего, будет не больше десятка), будут содержать исключительно ценную информацию.

В половине двенадцатого раздался звонок, но звук был каким-то странным, не похожим на обычную мелодию вызова. Если кто-нибудь помнит, как раньше кассетные магнитофоны иногда «жевали» пленку, то поймет, о чем я говорю. Ильин оторвался от книги и удивленно посмотрел на соловей. Вместо жесткого рока, стоявшего на вызове, мобильный выдал чей-то голос, который говорил, но разобрать слова было невозможно. Ильин ощутил, как странно сжалось в груди его сердце, чтобы потом вновь забиться, но уже в ускоренном темпе, и холодная испарина выступила на лбу. Пульс начал отдаваться в ушах, и все тело стало как каменное.

– Что за...? – глухо и хрипло сказал Ильин. Ему показалось, будто голос чужой, но говорил не кто иной, как сам хозяин квартиры.

Это был всего-навсего страх, который Виктор чувствовал в последний раз настолько давно, что успел забыть как он выглядит. Ильин протянул к телефону руку, но тот самым чудесным образом отодвинулся ровно на то же расстояние, на которое вытянул руку человек, очутившись на краю стола. Ильин моргнул пару раз глазами, потом протер их, и у него не осталось сомнений: чудо с телефоном произошло на самом деле. Страх сменился яростью в мгновение ока. Рез-

кий рывок вперед, к телефону. Виктор обладал легкостью и отменной реакцией, но телефон снова успел отпрыгнуть от него, как будто был привязан к веревочке, за которую кто-то дернул. На сей раз телефон упал на пол, и чей-то голос, звучавший до того, сменился треском.

– Ах, так! – злость вылилась в эти два слова, но свои эмоции Виктор пока еще контролировал.

Недолго думая Ильин схватил с дивана покрывало и кинул его так, чтобы накрыть телефон. Тот снова, как живой, хотел отскочить в сторону, но покрывало оказалось быстрее, и трубка скрылась из глаз под разноцветной тканью. Телефон затих, и Виктор, чувствуя торжество, бросился к пойманному в ловушку взбесившемуся агрегату. Не став откидывать ткань, он нащупал мобильник и крепко сжал его.

– Теперь уж никуда не денешься!..

Но Виктор глубоко заблуждался, думая таким образом. Из-под покрывала пошло сильное свечение, и запахло горелым винилом и материей. Металлический корпус телефона раскалился в мгновение ока, и от боли Ильину пришлось разжать руку. С глухим звуком телефон упал на паркет, и через секунду свечение погасло. Виктор, не думая о полученном ожоге, сдернул обуглившуюся ткань и поднял мобильный. Тот был покореженный, обуглившийся и на ощупь абсолютно холодный. Хозяин попробовал включить свою трубку, но из этого ничего не вышло. Перед ним был безжизненный и бесполезный кусок металла. Виктор решил достать

сим-карту, но задняя крышка спаялась с корпусом, и с первого раза исполнить задуманное не получилось. Тогда Ильин принес топор и с остервенением начал разделять трубу, рубить ее на кусочки. После пяти минут стараний сим-карта появилась на Божий свет, но проку от нее не было никакого. Это стал обычный кусок оплавившейся пластмассы, пригодный только на занятие почетного места в мусорном ведре.

Сначала в голове была полная тишина, которая наступила с резким уходом всех чувств, обуревавших до того. В этой тишине не проскальзывало ни одной мысли, ни одной эмоции. Ильин просто не понимал того, что произошло. Впервые в своей жизни он напрямую столкнулся с магией, с чьей-то волей, более могущественной, чем его. Виктор ворочал бесполезную сим-карту в руке, тупо на нее уставившись. Через полминуты все произошедшее прокрутилось у него в голове заново. Потом еще раз, и еще. Потихоньку начало возвращаться осознание происходящего и произошедшего. Разум проснулся на одной мысли. Нет, не о том, как все это произошло, не о том, кто это сделал, какие силы привели к создавшемуся положению, и что заставило телефон вопреки всем законам физики воспламениться сам собой. Этой мыслью был простой вопрос: Как теперь быть??? Всего три слова скрывали за собой столько информации, сколько иногда не бывает и в целой книге. В этом вопросе вылилось все: и разбитые надежды на счастье, и отчаяние, и боль, и понимание всей сложности и подлости случившегося. Виктор за

мгновение понял, что это тупик. Черт с ним, с телефоном. Но кто поручится что, восстановив сим-карту, Виктор опять не столкнется с самовозгоранием? Или телефон не украдут? Или он не исчезнет? Все звонки приходили на этот номер, но отныне по нему Виктор ответить не сможет. И как теперь быть? Единственная нить поисков оборвалась... А что если в данный момент сама Аня звонит, натолкнувшись на плакат со своим изображением? Что если так? Это крах. Виктор сел на пол, закрыв лицо руками. И кто же мог вот так поступить с ним? Какая сила заставила все это случиться? Оцепенение сменилось дикой яростью, бешенством. Остаток телефона со страшной силой полетел в окно, которое, не будь оно открыто, непременно разлетелось бы вдребезги. Бронзовая пепельница со стола улетела в прихожую, где разнесло зеркало в мелкие крошки. Виктор схватил за ножку тяжелейшее кресло, и со всего размаха, раскрутив его одной рукой, ударил об угол стены. Ножка осталась у него в руках, а само кресло покатилося по комнате. После этого Ильин сначала зарычал, потом завыл, и после этого к нему вернулся дар речи. Посыпались ругательства и проклятия с такими живописными пожеланиями, что по сравнению с ними средневековые пытки были всего лишь утренней зарядкой. Ильин не знал, кому он обязан произошедшим, и поэтому проклятия звучали без толку, не находя своего адресата. Все буйство прекратилось также резко, как и началось. Исчерпалась дикая ярость, умолкли и проклятия, и рычание и вой. Виктор

остался один на один со своим отчаянием. Он сполз по стене, и молча посмотрел на портрет Ани, который загодя повесил в рамку под стекло. Ее глаза светились счастьем, она улыбалась и казалась Ильину прекраснее всех, кого он когда-либо видел.

– Прости... Я не смог... – сказал он, и слезы потекли по небритым щекам.

Виктор и не мог знать, что всего в семи кварталах от его дома Аня так же горько плачет на плече у Алисы, проклиная судьбу.

Азель, не покидая спинки дивана, смотрел на всю сцену своими мудрыми глазами, не шевелясь и не мешая. Его, перевидавшего за несколько тысячелетий сотни драматичных и живописных сцен, удивить чем-то было невозможно. Ему просто было по-настоящему жаль старого друга, любившего Анну так сильно, что в свое время ради нее он... Азель мотнул головой. Ни к чему сейчас эти воспоминания. Не время горевать Виктору, пора действовать. Ночью у Азеля было видение, и он знал, что надо делать. Будь что будет, если Виктору суждено умереть, значит, так тому и быть. Все равно жить так, как живет он, мучаясь... дальше же, только хуже будет. Одно демон знал четко – его хозяин не допустит проигрыша, ни за что!

Азель подождал, пока стихнут рыдания, и подошел к Виктору. Тот даже не обратил внимания на приближение кота. Как же донести до него информацию? Кот обшарил глазами

комнату и натолкнулся на атлас автомобильных дорог Российской Федерации. Вот оно! Азель забрался на книжную полку и скинул оттуда атлас, зацепив его быстрым и резким движением лапы. Книга стукнулась об пол, и проскользила по паркетной доске до ног Ильина.

Виктор тяжело поднял голову и уставился на атлас. Потом он посмотрел на шкаф, где атлас должен был находиться, и на кота, который спрыгнул с полки.

– Что ты делаешь?

Кот подошел к Ильину и коротким движением лапы подвинул атлас вплотную к ногам человека. Тот взял книгу в руки и вопросительно посмотрел на кота.

– Ты что-то хочешь?

Кот кивнул.

– Что мне делать с этой книгой?

Кот лапой перевернул заглавный лист.

– Мне листать атлас? – Виктор примерно понял то, что от него хотели.

– Да, – кот кивнул.

– Ты что-то хочешь мне показать?

– Да.

– Юг?

– Да.

Виктор послушно исполнил указание.

– Ставрополье?

– Нет.

– Ростовская область?

– Нет.

– Краснодарский край?

– Да.

– Краснодарский край?

– Да, – кот вторично подтвердил это кивком.

Виктор открыл атлас на двух страницах, на которых изображалась подробная карта края со схемой дорог.

– Где теперь? Тут несколько тысяч названий. Тебе по очереди называть?

– Нет, – кот мотнул головой и, привстав, потянулся к атласу в руках Виктора.

– Дать тебе?

– Да.

Ильин опустил книгу на пол, и кот, приблизив свою голову к страницам, начал внимательно присматриваться к изображенным там станицам и хуторам, постепенно уходя все ниже, к Кавказскому хребту. Наконец, его выбор остановился на одной из станиц Каменноостовского района республики Адыгея. Кот ткнул в это место лапой.

– Не пойму, ты на станицу Даховскую указываешь? Просто твоя лапа занимает не так уж и мало места...

– Да! – кот кивнул и побежал к журнальному столику. Он предвидел следующий вопрос Виктора.

– И что мне делать теперь? Зачем ты мне показал на это место? – Ильин бросил эти слова вдогонку коту, но тот ни-

чего не ответил, оставив человека в раздумьях. – Чёрти что!

Виктор уже окончательно пришел в себя, от его минутной слабости не осталось и следа. Теперь он снова был крепок духом, собран, спокоен и немного грустен. Это было его обычное состояние для одиночества. А кот тем временем принес в зубах ключи от Вольво, и кинул их на раскрытый атлас.

– Чего? – Ильин оторопел. – Мне ехать в Даховскую?

– Да.

– С какого перепугу?.. – Ильин спросил, а потом подумал, что кот все равно не ответит. Тот посмотрел на человека таким проникновенным и мудрым взглядом, что Виктор стих. – Так надо?

– Да, – Азель кивнул.

– Это касается меня и Анны? Ты помогаешь нам?

– Да.

– Когда у меня уже закончилась надежда! Ты не ответишь, конечно, что будет в Даховской... Ну да ладно, разберемся с этим позже. Мне нужно немедленно собираться и ехать?

– Да.

– Понятно. А мы спешим?

– Да.

– Сильно?

– Нет.

– Но ты же знаешь, что делать? Без твоей помощи я...

– Да.

– Ты со мной?

– Да, – кот, видимо устав кивать, тряхнул головой и пошел на спинку дивана, поспать пока Ильин будет собирать вещи.

Виктор собрался в мгновение ока. Ему всего-то на всего и было нужно кинуть в багажник палатку, немного теплых шмоток, так как по ночам в начале ноября мороз, запастись провиантом на пару дней, и сесть в машину, прихватив свой походный рюкзак. Рюкзак никогда не разбирался, в нем всегда лежали спички, сухой спирт, карта, топор, нож, и некоторые другие вещи Ильина, необходимые в походах, так что тратить время на розыски не было надобности. Только и оставалось, что занять пустое место в рюкзаке провиантом и одеждой, и трогаться в путь. Привычка держать полусобраным походный рюкзак у Виктора осталась еще с детства, когда в одно мгновение приходила мысль сорваться куда-нибудь на природу, а в следующее мгновение объявлялся сбор. Тогда время ценилось как никогда, и тратить его на пустые сборы было просто кощунственно.

Оставался час до заката, когда Виктор оставил позади окраину станицы и поднимался в горы. Ни дороги, равно как и самого места, куда он направляется, Ильин не знал. Его единственным спутником и гидом по совместительству был Азель. Машину Виктор оставил во дворе гостиницы, выстроенной здесь не так давно. Заплатив «портье», если так было можно называть здорового мужика-охранника, тысячу за ночь, Виктор обещал ему, что еще одна тысяча будет

ждать утром или к вечеру следующего дня, как только хозяин машины вернется из похода. С собой Виктор взял палатку, спальник и рюкзак, в котором находилось все то, что я перечислил ранее. Надевая на плечи рюкзак, к которому снизу была приторочена палатка и спальник, Виктор подумал, что технологии изготовления привычных вещей продвинулись в последние годы много вперед. Эта мысль пришла исходя из веса спальника и палатки. Ильин вспомнил свое детство, когда выезжал в горы, и палатка занимала целую сумку, весив килограммов пятнадцать, равно как и спальник, утепленный листовой ватой. Теперь же одноместная палатка умещалась в пакет из-под хлеба, а спальник весил не больше куртки.

Улица, по которой до того шел Виктор, заканчивалась поляной, и продолжалась вверх лишь тонкой тропой, уводящей за последним забором влево, по краю поляны, и исчезающей в лесу. Тропа поднималась вверх довольно круто, петляя между деревьев, как нитка пряжи, размотанная шаловливым котенком, и конца ее видно не было.

– Скоро стемнеет, сумерки уже начинаются. Ты уверен, что ночью в лесу можно пройти? Заблудиться же проще простого!..

Кот остановился, посмотрел на Виктора и резко мотнул головой в сторону леса. Жест мог значить только одно: пошли!

– Как знаешь! Спрашивать тебя, сколько нам осталось идти, бесполезно... – пробурчал Ильин себе под нос.

И Виктор пошел вперед. В горы он не ездил немногим менее десяти лет, и уже забыл, насколько они прекрасны. Тогда, перед армией, он часто выезжал с друзьями в совершенно разные места, и это было ни с чем несравнимое удовольствие. Теплая компания, свет ночных костров, гитара, смех, душевные разговоры и чувство родного плеча. Это невозможно заменить чем-то другим, как невозможно и любовь подменить другим чувством. Любовь сразу заменяется только ненавистью, но это уже из другой оперы. Тогда, в детстве и юности, люди друг друга ценили исключительно за личные качества, не пытаясь найти выгоду от отношений, а теперь же без какой-либо задней мысли друг с другом даже не заговаривают. Нет, понятно, что искренность не вернуть, и он сам изменился, и жизнь стала другой, но в сердце осталась какая-то незанятая ниша, в которой когда-то хранилось счастье....

Ильин вот уже сорок минут пробивался через лес, ориентируясь по еле заметной серой тропе, что терялась, когда из земли выходили каменистые белые пласты, по которым приходилось карабкаться вверх. Единственное облегчение, что на фоне белой скалы черный кот был намного заметнее, чем на фоне влажной земли или темной зелени растительности. Сумерки сгустились, и дошли в своей стадии до того полумрака, за которым наступает полная темнота, которая там гуще в горах, посреди леса. Виктор помнил, что тьма в горах приходит сразу. Он включил фонарик, стараясь его лу-

чем определить, где сейчас находится кот, но при этом споткнулся о камень и полетел через него со всего маху. Приземлившись, Виктор сразу же поднялся на ноги, прощупывая конечности. Болели только ребра, но дышалось легко, и на основании этого Ильин сделал вывод, что они не сломаны. Так дальше продолжаться не могло.

– Азель!

Кот обернулся.

– Подожди меня. Я хоть и неплохо ориентируюсь в темноте, но ты сливаешься с окружающим фоном. Ты же черной масти, а не белой.

Кот подошел к человеку.

– Давай что-нибудь придумаем. Эх! И отчего ты такого небольшого размера?! Будь ты больше, я бы надел на тебя ошейник, и ты послужил мне поводырем, как те собаки слепым...

Глаза кота гневно сверкнули.

– Не по душе эта затея? – Ильин погасил улыбку.

Кот кивнул.

– Ну, так предложи что-нибудь получше, – Виктор с надеждой посмотрел на животное. В том, что перед ним существо не менее умное, чем он сам, Ильин не сомневался.

Кот присел, потом поднялся на задние лапы, и сделал кувырок, увеличившись в размерах. После третьего кувырка Азель был размером с волкодава. Во время этого превращения Виктор отскочил от Азеля метров на пятнадцать, и

спрятался за дерево. Конечно, не каждый день встретишь такое... да и облик кота поменялся, перед Ильиным теперь была точь-в-точь та же тварь, что загрызла грабителя Васю. Мужчина переборол свой страх и вышел из укрытия.

– Ну, ты и даешь! – с уважением прокомментировал он увиденное.

Но кот, видимо решил не останавливаться в своей трансформации на полпути. Он протяжно зевнул своей жуткой пастью, рыкнул и совершил кувырок в обратную сторону. Когда он поднялся на лапы, шерсть на кончике хвоста неожиданно загорелась, и огонь медленно разрастаясь, пополз по телу дальше, к голове. Через несколько секунд Азель полностью пылал неестественным ярко-красным пламенем, сквозь которое было четко видно темную шерсть шкуры. Огонь не причинял, по-видимому, никакого беспокойства, даже наоборот кот вальяжно потянулся. В воздухе запахло горячей серой и кипящей смолой. Так, должно быть пахло в аду, как про себя подумал Виктор. Теперь у него не оставалось сомнений, что перед ним выходец оттуда, хотя и положительно настроенный по отношению к Ильину.

– Вот теперь другое дело! – сказал Виктор. – Теперь мне будет видно тропу лучше, чем днем. Веди!

И Азель послушно пошел вперед. Склон горы становился круче, полосы скальных пород сменились сплошными уступами и валунами, через которые приходилось перелезть, и движение Виктора вверх стало занимать куда боль-

ше времени, чем до того. Так как Азель шел впереди, и находился выше Ильина, человеку действительно было видно дорожку лучше, чем днем. Тропа огибала глыбы камня, прерывалась, потом снова продолжалась, мелкой галькой путаясь между валунов, ступеньками взлетала на утес или обрушивалась незначительно вниз, спускаясь с очередной мелкой гряды. Как заметил Виктор, они уже несколько раз пересекали русла пересохших ручьев, которые видимо, били ранней весной со сходом снегов. Вскоре тропа слегка поменяла направление, отойдя от края обрыва, и они пошли по берегу неглубокого оврага, за прошедшие тысячелетия промытого в скале тальми водами. На каменистых склонах росли только сосны, и они, впитав в себя силу и первозданную мощь утеса, свечкой вздымались в вышину, где в холодном осеннем воздухе тускло мерцали звезды, расстилавшиеся по небу миллиардом светлячков.

Поначалу Ильин беспокоился, как бы Азель своей горячей шкурой не подпалил траву или того хуже деревья, возле которых проходил, так как сухая кора с облепившим ее мхом вспыхнула бы словно порох. К тому же от кота шел жар, ощущаемый за добрый десяток метров, не смотря на то, что температура воздуха была немногим выше нуля, и с подъемом ветер усилился. Но вскоре Ильин успокоился, заметив, что жар слишком силен, и от него трава не горит, а превращается в пепел, а древесина обугливается, становясь каменной. Никакого тления не было, все обжигалось мгно-

венно и без дыма. Так опаливает стекло шаровая молния, ровно, как режет алмазная коронка. Ильин однажды видел, как это происходит. Это случилось в детстве, когда они с другом летом приехали к родственникам на море. На второй неделе пребывания в гостях погода резко испортилась, разразился шторм с грозой, и по этой причине мальчишки сидели дома. Родственники ушли к соседям через улицу, а друзья пребывали в одиночестве, играя в карты в спальне для гостей. Неожиданно в комнату через окно влетел ослепительно-светящийся шар, размером с клубок пряжи. Шар влетел метеором, но при виде мальчишек сбавил скорость, и застыл ровно посередине комнаты, крутясь на месте. Пацаны застыли, боясь пошевелиться. Виктор, так как увлекался всем непознанным и загадочным, перечитал немало литературы, и знал о существовании шаровых молний, и потому почти сразу распознал, что перед ним находится. Он хотел что-то сказать другу, и раскрыл для того рот, как молния с треском влетела в телевизор, и на этом все закончилось. Мальчишки сразу подскочили к телевизору, и заметили, что на месте вхождения молнии пластиковая стенка оплавилась, но отверстия не было. Телевизор так и не заработал, хотя вызванный мастер, как не бился, причин для поломки не нашел.... С тех пор прошло пятнадцать лет, но Ильин помнил все отчетливо, как будто это было вчера.

Виктор за временем не следил, но ему показалось, что прошла целая вечность, когда Азель привел его к развил-

ке тропы. Конечно, развилкой то место назвать было очень сложно. Основная тропа сворачивала влево, огибая высокую скалу-выступ, и было видно, что ей пользуются, в то время как вправо, тоже огибая скалу, уходила еле заметная тропинка, ведущая по направлению к лесу. Если бы Азель не свернул туда, то Ильин прошел мимо, даже не заметив, что там есть путь. Демон кивнул по направлению к лесу, и Виктор пошел за ним следом. Тропинка шла с еле заметным подъемом, как бы огибая гору. До вершины было далеко, но Ильин понимал, что они и так взобрались очень высоко. Без своего спутника обратной дороги ему не найти, даже при свете дня. Свитер взмок от пота, рюкзак нещадно давил на плечи, ноги гудели вкупе с головой, но Ильин шел вперед с упорством сталкера, не делая привалов и остановок. Хорошо, что теперь путь пролегал почти по прямой, иначе Виктор с непривычки вскоре обессилел. Нет, конечно, от отсутствия сил движение он не прекратит, но тогда передвигаться будет сложнее и медленнее. Ради того, чтобы найти Анну он готов на все, тем сильнее укрепившись в этом решении после утреннего происшествия с телефоном; теперь он пойдет против всех сил природы, но обязательно ее увидит. Поэтому, когда у него закончатся силы, он будет ползти вслед за неутомимым Азелем, он будет грызть землю, срывать ногти о камни, но он не остановится пока бьется его сердце.

К счастью, такого самопожертвования не понадобилось, через пару километров от поворота Азель вывел Ильина на

поляну идеальной круглой формы, диаметром около двухсот метров. Трава на ней лежала концентрическими кругами, как скошенная, по спирали расходясь от центра к краю. Высокие дубы, облепившие поляну частоколом, тоже имели необычный вид. Все ветки, находящиеся внутри четкого круга, были сухими, в то время, как ветки, выходящие за круг, казалось, впитали в себя невероятную силу, и зеленели неестественно-ярко. Азель сел в центре поляны и уставил на Ильина черные впадины глаз.

– Привал?

Азель отрицательно покачал головой.

– Сейчас пойдем?

– Нет.

– А что тогда? А... понимаю. Это здесь? – догадался Виктор.

– Да.

– Что нужно делать? Копать что-то? – Виктор скинул на землю рюкзак, и сел на него сверху. – Быть может, что-то искать?

– Нет.

– А что тогда?

Кот ничего не ответил, и лишь лег на землю, положив голову на лапы.

– Я понял. Ждать?

– Да, – Азель покачал утвердительно головой.

– Отлично. Тогда не гасни пока, я палатку поставлю.

– Нет, – кот резко подорвался на ноги, и замотал головой.

– Нет? Нельзя? – Виктора удивила такая реакция.

– Нет, – Азель подтвердил сказанное.

– Ладно. А костер развести можно? И перекусить!

– Да.

– Хорошо, – Ильин одобрительно кивнул. Есть ему хотелось уже давно.

На поляне валялось великое множество толстых сучьев. По-видимому, это были все те же обломанные ветки наполовину высохших дубов. Станным казалось то, что на ощупь ветки были абсолютно сухие, словно их никогда не мочило дождем, хотя осенью в горах влажность пронизывает все насквозь. Так, или нет, но за пару минут Ильин приволок к центру поляны три огромных охапки валежника, и через короткое время грелся при свете яркого костра. Вообще, Ильин любил огонь, а сейчас он был и вовсе необходим, чтобы подсушить взмокшую от пота одежду и не простудиться. Ильин снял шапку, от его головы повалил пар. Холод был пронизывающий; после сезона дождей сырость леса только увеличилась. Виктор достал банку тушенки и поставил на камень возле огня. Кострище пришлось сооружать на скорую руку, так как до него, судя по всему, туристов на этой поляне не было, и места где могли жечь костер, даже не намечалось. Нет, Виктор не был так наивен, чтобы полагать, что здесь вообще не бывало людей, просто, судя по всему, они обходили это место стороной, потому как оно пользовалось дур-

ной славой. Почему он пришел к такому выводу? А как иначе? Пожухлая трава, стелящаяся по спирали, сухие деревья, и отсутствие влаги в потрескавшейся земле на четко разграниченном пространстве, в то время как вокруг буйная растительность и сырость! Эти признаки говорили сами за себя. Хотя Ильин, наоборот, здесь чувствовал себя великолепно, и усталость подъема почти прошла. По ногам вверх поднималось приятное тепло, легкое покалывание говорило о нормализации кровообращения в конечностях, да и душевное спокойствие близилось к нирване. Виктор достал часы. Они показывали половину одиннадцатого; подъем занял пять часов. Ильин понимал, что за это время он прошел немало километров, но точное их количество оставалось загадкой.

– Все начинается в полночь? – пошутил Ильин, но Азель, подняв голову, кивнул.

Сам того не ожидая, человек попал в точку. Что же, впереди еще полтора часа.

Вопреки своему обыкновению в период ожидания тянуться, время пролетело стрелой. Виктор углубился в мысли об Анне, о своей жизни, о прошлом и о будущем. В тишине ночи, вдали от городов, под открытым небом в холодном воздухе думалось легко, и все становилось ясным для осознания. Ильин вспомнил детство, друзей и такие же костры, как этот, но горевшие жарче, в другое время и в другом месте. Костры детства и юности всегда ярче, да и греют лучше, чем даже пожар, но спустя долгие годы.... Ему было грустно и

как-то одиноко. Радо или поздно у любого бывает такое состояние души, и поделаться с ним ничего нельзя. Виктор достал из рюкзака флягу хорошего коньяка. Кот, заметив это, отрицательно замотал головой.

– Я немного, три глотка, – Ильин никогда не думал, что когда-нибудь придется оправдываться по поводу выпивки перед котом-демоном, который приведет его непонятно куда, заставив в одночасье сорваться из своего дома. От этой мысли сделалось веселее.

Кот кивнул, разрешив возлияние. Что поделаться, сегодня он был главным, и Виктор только и мог, что подчиняться. Азель уже не горел, но в размерах не уменьшился.

Виктор хлебнул коньяк и закрутил крышку фляги. Часы показали пятьдесят пять минут двенадцатого. Как же быстро здесь бежит время! Уже вот-вот... Додумать ему не далось странное явление: справа из леса показалось непонятное свечение. Оно было далеко, но виделось отчетливо. Свет мерцал между деревьев, постепенно становясь все ярче, видимо, приближаясь. Не было сомнения: этот свет – что-то вроде фонарика, но только рассеянный. Кто-то шел по направлению к поляне. Источник света отбрасывал блики, как живой огонь, но если живой огонь светит в спектре от желтовато-оранжевого до красного, то этот свет горел оттенками от голубоватого до ярко-синего, почти сапфирового. Виктор вскочил на ноги, и посмотрел на Азеля. Страха не было, но в груди бушевало странное волнение. Кот спокойно посмотрел

на человека, и сделал головой знак, мол, садись, чего вскочил. Виктор последовал указанию и сел обратно на рюкзак.

Через минуту огонек усилился и стал виден намного отчетливее. Было ощущение, что он светит сквозь кусты и деревья. Прошла еще минута, и на поляну вышла странная фигура, закутанная в просторный серый тканевый плащ с капюшоном. В руке, скрытой широким рукавом, незнакомец держал длинный посох, к верхнему изогнутому краю которого был приделан фонарь, изливавший свет, замеченный ранее Ильиным. Полы плаща простирались до земли, скрывая очертания фигуры, а из-под длинного капюшона наружу торчала только седая курчавая борода, спадающая на грудь. Виктору что-то показалось знакомым в этой фигуре, и он даже не успел задуматься, как на ум пришел ответ. Перед ним стоял ни кто иной, как Отшельник, точь-в-точь изображенный именно таким на одном из старших арканов Таро. Другое его имя было Мудрец. Третьего имени странника Ильин не знал, а имя это было Агасфер, или Вечный Жид.

Виктор застыл. От напряжения у него вздулись вены на висках, и пульс застучал по шее как колотушка. То, что перед ним стоял не обычный человек, было всего лишь маленькой толикой всего, что вызвало состояние ступора. Гадалка говорила, что Отшельник – это знания, это сама мудрость, которая идет во тьме, сея свет. Не так ли было сейчас? Разве не поэтому Азель привел его сюда? Конечно поэтому. Виктор обернулся к своему спутнику, от радости желая его расцеловать, но, посмотрев на немного жутковатый внешний вид демона, решил, что это подождет. Ильин даже не знал, что сказать. Он не знал, как себя вести. Но одно он понял четко: если Отшельник захочет пройти мимо, Ильин кинется ему в ноги и остановит, лишь бы тот сказал, где искать Анну.

Но Отшельник и не думал никуда уходить. Он застыл в пяти метрах от костра, опёршись на посох, и глубоко вдохнул, выдохнув затем целое облако пара. Сначала его взгляд задержался на Викторе, но ненадолго. Через пару секунд темные глаза, различимые теперь при свете костра, посмотрели на Азея и остановились на нем. Отшельник скинул капюшон, и Ильин весь превратился во внимание, так как никогда прежде не встречал подобные черты лица, словно вырезанные по камню. Нижнюю часть лица скрывала седая курчавая

борода, наподобие тех, которые носят в Сибири старoverы. Она была аккуратно подровнена, расчесана и расправлена. Одним словом, не смотря на странный наряд, хозяин бороды все же следил за своим внешним видом. Густые седые брови и длинные волосы, стянутые сзади жгутом, тоже не производили впечатления запущенной растительности. Волосы были аккуратно подстрижены до длины, которая позволяла им закрывать шею и плечи, но не более; ни один волосок не выбивался за пределы жгута, в то же время, как брови имели четкий пробор на переносице. В принципе, ничего выходящего за рамки, если бы не черты лица. Крупный, хищный нос с горбинкой и четко очерченными крыльями, и суровые брови, сдвинутые на переносице, выражали несокрушимость и железную волю. Глубокие морщины избородили лоб, и две вертикальные пролегли между бровей. Угловатые скулы и сеточка морщин под нависающими бровями довершали картину внешности отшельника. Губы были сжаты. Но больше всего Ильина поразили глаза. Черные и бездонные они одновременно светились спокойствием и непреклонностью, мудростью и силой, жесткостью и какой-то отеческой жалостью..... В них перемешалось все. В то, что одновременно все эти чувства может выражать всего-навсего один взгляд, Виктор никогда бы не поверил, настолько различались они по своей природе. Несмотря на широкий плащ, угадывались очертания фигуры странника. Он был чуть выше среднего роста, кряжист и широкоплеч, напоминая спокойного мед-

ведя, состояние которого может из статики перейти в динамику за одно мгновение.

Виктор перевел взгляд на Азеля. Демон спокойно лежал на траве, положив голову на лапы, и с интересом рассматривал Отшельника, который, в свою очередь, смотрел на него.

– Азазель! – раздался глубокий голос Отшельника, в нем была хрипотца и легкий акцент.

Кот поднял голову, и встал. Он стукнул по земле хвостом и из земли закрутился огненный вихрь, скрывший его. Столб пламени вырос до нескольких метров, стал шире, и вдруг погас так же резко, как и возник. Теперь на месте животного стоял мускулистый двухметровый человек с мечом и шитом, прикрепленными ремнями к его спине. Темная кожа при свете костра лоснилась шелком. Высокие сандалии, короткая юбка красно-коричневого тона, голый торс, стальные наколенники и накладки на локти довершали одеяние, превращая человека в воина древности. Сначала Виктору показалось, что на голове у него шлем, отороченный темной шерстью с широкими изогнутыми рогами, но потом, присмотревшись, Ильин понял, что это родные волосы, из которых торчат рога. На подбородке красовалась черная козлиная бородка. Глаза без зрачков горели красным пламенем, всполохи которого различались под черными дугами бровей. На вид ему было лет тридцать. Как его назвал Отшельник? Азазель? Ну да. Теперь понятно, почему Ильин не смог тогда найти нужное имя. Буквы повторялись... вот и все. Эта

мысль проскользнула в голове Виктора, но прервалась со звуками голоса его спутника.

– Агасфер! Все ходишь?

– Хожу. А ты все никак не соришь?

– Не сгорю. Я сам – огонь. Мне ли стореть? – улыбка исказила острые черты лица, сделав его животным и злым. – Ну что, больше не видел Его?

Лицо Отшельника исказило горе. Демон, видимо, задел за живое. Он ничего не ответил, лишь гордо посмотрел на Азазеля.

– Скоро ты Его увидишь, и горе тебе....

Теперь лицо демона посетила туча, смутным отчаянием промелькнув в глазах. Он молчал.

– Извините, но я ничего не понял, – Виктор чувствовал себя школьником на родительском собрании. То, как на него посмотрели обе стороны, подсказало Ильину, что он не вовремя раскрыл рот. Но извиняться за что-то больше Виктор и не думал, к нему возвращалась его уверенность.

– А что ты хочешь понять, дите? – Отшельник с жалостью посмотрел на Виктора, как на маленького мальчика, спрашивающего, откуда берутся его братья и сестры.

– Я не знаю... – стушевался Ильин. – Про вас. Кто вы, почему вы знакомы? – он показал на Азазеля. – И кто я и кто он? И где мне Анну искать?

Агасфер улыбнулся, что было для него неожиданно.

– Я и сам ничего не могу понять, хотя хожу по земле две

тысячи лет.

– Но вы Мудрец! – Виктор вспомнил, что ему говорила гадалка о Старшем Аркане Отшельника.

– Нет, я просто видевший.

– Вы Знание.

– Нет, я и сам Вопрос, – странник улыбнулся еще раз. Он видел отчаяние Виктора, и это его расположило для ответов на вопросы. За долгие годы он стал ближе к людям.

– И все же, кто вы? Он назвал вас Агасфером, а вы его Азазелем. Мне неизвестны эти имена.

– Перед тобой Вечный Жид. Неужели ты ни разу не слышал о нем? – демон посмотрел на Виктора.

– Нет, – Виктор посмотрел на Отшельника, тот почему-то потупил свой взгляд, и смущение горело в его глазах.

– Он родился в Иерусалиме, жил в ремесленном квартале, продавал хлеб в своей лавке. О нем бы никто никогда не узнал, если бы он не толкнул...

– Спасителя! – Агасфер произнес это слово, с вызовом посмотрев на демона. – Ты все равно не сможешь произнести его имя. Никогда. Как не получишь прощения и спокойствия.

– Он толкнул Его, – голос Азазеля стал глух, теперь он опустил взор. – За то, что Он хотел отдохнуть всего мгновение, прислониться к стене лавки. Ведь Его крест был так тяжел! Ты сказал: «Иди, на обратном пути отдохнешь!». И что тебе ответили? – усмешка проскользнула по губам.

Отшельник молчал.

– «И ты пойдешь, пока Меня снова не встретишь!», – демон продолжил. – Как видишь, встречи еще не было.

– Так вы скитаетесь уже два тысячелетия... – Виктор пытался переосмыслить услышанное.

– Да. И гоним повсюду и смерть не обрету, – Агасфер кивнул. – Ты знал, что я буду сегодня здесь? – обратился он к Азазелю.

– Да.

– А зачем ты человека привел сюда?

– Мне его горе близко. Ты должен ему помочь.

– Тебе близко горе? – Агасфер рассмеялся. – Демон пустыни, тебе ли смертные близки стали? Давно ль ты из кого-то живого кровь вылил? И душу загубил очередную? Ты знаешь, кто перед тобой? – обернулся он к Виктору.

– Нет. Но я знаю, что он желает мне добра, – голос Ильина был тверд и непреклонен.

– Да это само зло. Как ему доверять можно? Он же за твоей душой охотится, – Вечный Жид покачал головой.

– Я от него зла не видел. Но кто ты? – Виктор обернулся к демону. – Ты теперь говорить можешь. Так скажи.

– Я был твоим другом. Когда-то.

– Я ничего не понимаю, – Виктор посмотрел на Агасфера. – Кто он?

– Он Азазель, демон пустыни. Рожденный из огня. Много имен.... Тебе знакомо слово шайтан? Иблис?

– Да.

– Так он перед тобой. Отказавшийся поклониться Адаму, рожденному из глины. Гордыня, да? – Агасфер посмотрел на демона.

– Да. Гордыня, – тот поднял голову и с вызовом глянул на Вечного Жида.

– Тебя и тысячи лет не меняют. Все такой же. Ты Его предал. И этого предашь. Суть сильнее, – Агасфер обернулся к Виктору. – Он предаст тебя, если уже не предал. Да и как вы могли быть друзьями? Ты – смертный, а это – отступник. Падший ангел. Демон. Злой дух.... Задумайся, человек.

– Падший ангел? – Виктор удивленно посмотрел на своего спутника.

– А ты думал! – Вечный Жид кивнул Ильину. – Таких как он было двести. Сговор. Они захотели жить на Земле и спать с земными женщинами, соблазнившись их красотой. Перед тобой один из предводителей. Но этого ему стало мало. Отпрысков таких связей, гигантов, он поднял на мятеж против неба. Он научил мужчин искусству войны, посеяв на земле вражду и смерть, а женщин искусству обмана и соблазнения, посеяв ложь. И что вышло? А? – он перевел взгляд на демона. Тот опустил голову. – А вышло, что их всех убили, мятеж был разгромлен, а его, – Агасфер ткнул пальцем в Азазеля – заточили в пустыне во тьме до скончания века. А теперь он стоит перед тобой.

– Но как тогда он... – Ильин не закончил вопрос.

– Выбрался? Да просто. Его расковал лукавый. И теперь он ему служит. Когда-то он был сам по себе, и за ним шли. Теперь он сам служит. Как же ты со своей гордыней допустил такое? Солнышко увидеть захотелось, да? Страшно стало? – Агасфер торжествовал.

– Не будем обо мне... – демон поднял взор на Агасфера и показал рукой на Ильина. – Расскажи ему, кто он есть.

– А кто он?

– Неужели ты, Мудрец, не знаешь? Не узнал? Его имя Виктор, он ищет девушку по имени Анна. Ищет вот уже полторы тысячи лет. Раньше его звали Ур...

– Неужели? – Вечный Жид присмотрелся к Ильину повнимательнее. – А почему ты ему сам не расскажешь?

– Я не могу так вмешиваться.

– Но ты же его привел ко мне. Разве это не вмешательство? А? Наблюдатель! – Агасфер покосился на Азазеля.

– Я уже давно не наблюдатель. Как и он.

Виктору очень хотелось задать море вопросов, но на сей раз, он удержался, поняв, что ему расскажут и так, или он сам все поймет из спора двух бессмертных.

– Ты просто боишься последствий, боишься взять на себя ответственность. Но и держаться в стороне не в силах. Почему? Он тебе приказал? Или по своим мотивам? Из чувства долга?

– Все вместе. Хозяин не хочет допустить, чтобы Виктор попал на небо....

– А Он, – Агасфер поднял голову к небу – не хочет, чтобы человек попал в ад. Хочет спасти его от мук. Но как получилось, что ты ввязался в это дело? Решали бы себе сами... Или просто не дали бы им встретиться. Зачем все усложнять?

– Он начал все вспоминать. Он и сам бы ее нашел.

– Но опоздал бы. А этого допустить твой хозяин никак не может. Я понимаю. И почему ты думаешь, что я буду помогать ему? Что я пойду против...

– А тебе нечего терять. Ты сам по себе и смерть тебя только радует. Но ты не умрешь, и ты это знаешь, – Азазель посмотрел на Вечного Жида. – Я прошу тебя сделать это не ради кого-то, и не вопреки чему-то. Сделай это из сочувствия, из жалости. Сделай это ради любви. Мне никогда не изведать это чувство, тебе к нему идти еще тысячелетия. А он любит вот уже полторы тысячи лет, и любит так, что его чувство сильнее смерти. И он будет любить до скончания века. И никто, – демон окинул взором горизонт – не сможет погасить эту любовь. Разве он не достоин жалости? Разве он не достоин счастья, хотя бы короткого?

– Но его душа... Ты же ее сгубишь. Он отказался один раз, откажется и второй.

– Дай ему самому решать. Я не уверен, что на небе, без Анны, ему будет лучше, чем в огне, но с ней.

– Хорошо, я расскажу, – Агасфер произнес это после некоторой паузы. – Но при одном условии. Ты больше не будешь ему помогать и воздействовать на него. Пусть он сам

дальше докапывается до истины. Что будет, то будет. После этой ночи ты покинешь его. Он сам должен принять решение.

– Хорошо. Меня это устраивает. Моей целью было свести их. Цель будет выполнена, я это вижу, – демон кивнул.

Виктор сидел, хлопая глазами и ловя каждое слово. Он ничему не мог поверить из того, что звучало, и ничего не мог понять. Его мысли смешались в кучу, в голове был бардак и изобилие самых разных чувств, от печали до счастья.

– Кто я? – только и смог произнести Ильин, с мольбой смотря на Отшельника.

– Когда-то ты был ангелом, как и он, – Агасфер показал на Азазеля. – Ты тоже пал во грех...

– Это спорно. Грех ли любить? – Азазель посмотрел на Вечного Жида. – Скорее он нарушил правила. Расскажи ему все подробно, чтобы он до конца понял! – он повернулся к Виктору. – Ангелам любить нельзя. Я согрешил, возжелал... а ты всего лишь полюбил.

– Не важно, – Агасфер поморщился. – Не перебивай меня. Подробно? Хорошо. Итак, ты был ангелом-наблюдателем, в твоей обязанности было уберегать чистые души от греха и пытаться спасти грешников. Ты был на хорошем счету. Твой друг, – он покосился на демона, – пошел на предательство, а ты отказался, и остался служить Всевышнему.

– Ты отказался от прошлой дружбы во имя Него. Ты отказался от меня. Но я тебе это простил... – Азазель вставил

свое слово.

– Как бы то ни было, Виктор, ты был в войске Михаила, и боролся с демонами. Ты заслужил доверие. Потом прошли долгие годы, в течение которых ты ни разу не подвел Его. Ты исправил многих грешников, сотни вывел к свету, и еще большее количество не подпустил к тьме. Если бы там, на небе, давали медали, то ты был бы в числе награжденных. Тебя приставляли к разным людям: и к мужчинам, и к женщинам, как к прекрасным, так и к некрасивым, но проходили столетия, люди, которых ты опекал, уходили, на их место приходили другие, а ты неизменно служил, оберегая их сердца. Ты был непоколебим...

– Однажды я пришел к тебе, – начал Азазель, рассматривая свой меч, – это было, когда меня расковали, но ты, несмотря на тысячи лет разлуки, даже не захотел меня слушать, отвернулся от меня, и слова о старой дружбе и воспоминания не проникли в твое сердце. Ты был верен только Ему, и не мог понять, как я когда-то посмел пойти наговор в числе прочих! Ты прогнал меня.

Виктор свесил голову. Он видел участие к себе, и не мог понять, как демон, вопреки своей природе смог сохранить что-то хорошее. Это что-то называлось дружбой, и Виктору было неудобно, что он из каких-то убеждений мог вот так себя вести в прошлом. Его-то никто не предавал! Что же, честь и хвала тому, кто смог простить.

– Прости, что я... – Ильину слова давались с трудом.

– Давно простил. Забудь.

– Я продолжу! Ты был непоколебим, – вмешался в диалог Агасфер. – Тверд в своей вере, в идеалах и в служении Творцу. Так было долгое время... – он глубоко вздохнул. – Пока в городе Константинополе, в 514 году, не родилась в семье сенатора от класса прасинов девочка по имени Анна...

– Извините, что перебиваю, но я хоть и осведомлен неплохо в истории, но о классе прасинов не слышал. Вы можете рассказывать, поясняя? Я не так много знаю, как вы! – Ильин, превратившийся в слух, с неудовольствием перебил Агасфера, но по-другому он не мог, боясь упустить подробности.

– Прасины – это простолюдины, ремесленники. Вторым классом были венеты, знать. Так вот, отец этой девочки, Анастасис, был в далеком родстве с императорской семьей, с династией Львов. Тогда не было жестких рамок и запретов на браки между рабочими и знатью, поэтому Анастасис выбился в сенаторы благодаря жене, дочери патриция из венетов, который дал ему первоначальную протекцию. Отец Анны был богат, но после смерти Анастасия I Флавия, благоволящего прасинам, когда на политической арене произошли перемены и к власти пришел Юстин I, родоначальник новой династии, он остался не у дел, потеряв быллой вес в политике. Хотя, все равно, быть сенатором значило много, и как человек, влекомый наживой, он стал одним из зачинщиков знаменитого бунта «Ника», – Вечный Жид подсел к костру и

достал из кармана хрустальную флягу с какой-то зеленоватой жидкостью. Он отпил и заговорил снова. – Мы еще вернемся к дням бунта, пока я расскажу тебе об Анне. Со времени ее крещения за жизнью девочки следил не ты, а другой ангел. Он был из новообращенных, еще неопытный и не до конца освободившийся от человеческого. Когда ей стукнуло семнадцать, Анна расцвела, и ангел, наблюдавший за ней, отказался от своего поста...

– Почему он это сделал? – спросил Виктор.

– Он начал ловить себя на грешных мыслях, и, после этого, раскаявшись, в слезах умолял его наказать, но передать наблюдение за Анной кому-либо другому.

– И выбрали меня?

– Да, выбрали тебя, как наиболее здорового и неприступного наблюдателя. Ты был словно лед.... Тебя приставили к ней в начале весны 531-го года....

– Откуда вы в таких подробностях все знаете? – Виктор поразился.

– В то время я жил в Константинополе... а про тебя с ней мне рассказывали. Не так важно, кто. Это истина от первого слова до последнего. В начале весны 531-го, сразу после дня рождения, ты увидел ее впервые. С тобой ничего сверхъестественного не произошло, ты не влюбился в нее с первого взгляда, ты был спокоен и собран как никто другой и исполнял свои обязанности с непоколебимостью верного пса. Тебя волновала только целостность и чистота ее души, а до

красоты тела дела не было. Красота девушки притягивала мужские взоры, как магнит стальные опилки, но ты пресекал встречи, нашептывал ей в голове благочестивые мысли и не допускал даже намека на грех в поступках. Она должна была стать одной из лучших твоих воспитанниц, по крайней мере, так думал ты. Она жертвовала бедным огромные деньги, помогала им как могла. Она сама ходила в госпиталь и выхаживала раненых в частых стычках воинов и горожан. Она была примером благочестия для всех, и каждый в городе знал ее доброе сердце. Настал день, когда она вступила с тобой в диалог. Она почувствовала тебя, невидимого. Она вообще была очень необычная девочка, которая могла замечать то, что другие просто не могли увидеть и услышать. Как раз это и произошло тогда. Ты сначала удивился, потом немного испугался, а потом ответил ей. И вы начали разговаривать. Она говорила сама с собой, а ты отвечал мыслями в ее голове. Ваши диалоги велись на самые разные темы, ты научился шутить, она научилась размышлять.... Вы много дали друг другу, проводя в беседах не один час. Тебе она стала по-настоящему близкой, родной. Ты не понимал природы своих чувств, хотя они были самыми светлыми и чистыми, безо всякого умысла. Так ты познал любовь, хотя и сам не понимал, что любишь....

– Просто ты начал жить... – демон прервал свое молчание. – Ты стал наполовину человеком.

Агасфер вздохнул при этих словах. Он промолчал

несколько секунд, а потом продолжил.

– Ее отец, как я тебе и говорил, был человеком, жаждущим наживы. Он почти не общался с дочерью, но любил ее больше всего на свете. Так вот, в конце декабря 531-го года он начал свою работу заговорщика, приступив вместе с тремя своими единомышленниками к вербовке сенаторов для начала бунта. Каждый сенатор имел вес, за каждым сенатором стояли вооруженные люди из его подчиненных и охраны, и, объединившись, они стали бы великой силой. Вербовка велась менее месяца, и можешь мне поверить, момент был выбран очень подходящий – в Константинополе скопилось множество недовольных правящим Юстинианом I Великим. Он был христианином и жестко преследовал язычников и еретиков. К тому же он всего за несколько лет втрое увеличил число жителей Константинополя, перестроив город от основания и приманив иностранную рабочую силу. На строительство были нужны деньги, и народ просто изнемогал под налоговым гнетом. Это было интересное время, начало расцвета Византии.... – Агасфер прикрыл глаза. – Так вот, началом бунта стали скачки. На ипподроме, месте сбора всех горожан в праздники, началась потасовка между болельщиками. Воспользовавшись накалившейся обстановкой, прасины, недовольные политикой и подстрекаемые сенаторами выбрали несколько представителей, которые выступили перед императором с требованием отречения от престола. Юстиниан, сидевший в своей ложе, пришел в бешенство и по

его приказу охрана, не сильно разбираясь в причинах, схватила нескольких человек, которые, по их сведениям начали потасовку и подстрекали к мятежу. Их казнили. Это стало началом бунта, на который поднялся весь Константинополь. Такой силы ни до, ни после, во всей Византии не встречалось, мятежей такого масштаба за две тысячи лет своей истории эта земля не знала. Это было 14 января.

Пожар охватил весь город, рушили дома, здания, резали солдат и жителей. Мародерство, насилие и жестокость царили всюду. Так продолжалось четыре дня. Бунтовщики выдвинули на коронацию нового императора – Ипатия, племянника бывшего императора Анастасия I. Его коронация проводилась на ипподроме, и собрались тысячи. Юстиниан хотел бежать, но поддавшись уговорам жены, решил действовать хитростью. Для этого он подослал к сенаторам своего поверенного – Нарсеса. Сенаторы уступили под действием жадности, купившись на обещанные богатства; да и страх сделал с ними свое дело – они боялись, что народ будет отныне диктовать все условия управления страной, и знать останется не у дел. Большая часть верхушки заговора уступила старой власти, прикинувшись глупцами, что их использовали, и во всем виноват простой люд, прасины. На том и порешили. Войска императора соединились с переодетыми слугами сенаторов и напали на ипподром, когда этого меньше всего ожидали.... Сколько всего было убито людей в эти четыре дня, я не могу сказать. Трупы лежали всюду, и некому

было их хоронить. Я знаю, что после завершения бунта Константинополь отстраивали заново, уже новые люди. Это стал мертвый город. Я помню тот день на ипподроме. За полчаса вырезали тридцать пять тысяч человек. Это была только часть от общего количества убитых.

– Ничего себе. Чем не Варфоломеевская ночь по-византийски, – Виктор ахнул. – Только не за веру, а за власть.

Агасфер кивнул, перевел дыхание и выпил отвара из фляги, чтобы затем продолжить.

– Да... Анна все время находилась с отцом, он не хотел вмешивать ее в свои дела, но оставлять дочь дома было небезопасно. Особняк Анастасиса сгорел в первый же день, так как народ стал неуправляем и громил все, не разбираясь в причинах. Люди просто пьянели от крови. Было страшно, по-настоящему страшно. Я не буду описывать подробности произошедшего в те четыре дня, и то, что последовало за ними. Я думаю, тебя интересует только Анна?

– Да.

– Так вот, они были на ипподроме 18 января на коронации Ипатия. Анастасис сбежал, а его дочь погибла... Он не смог ее спасти, его оттеснила толпа...

– Кто ее убил? Неужели у кого-то не было сердца? Ведь вы говорите, что о ней и ее доброте знали все, – Виктор был взволнован рассказом Агасфера.

– Не все были рождены в Константинополе и жили в нем. Не все говорили по-гречески и не все имели душу из тех,

кто участвовал в резне на ипподроме. Готам и герулам, которых в свое войско нанимал Юстиниан, было все равно кого резать, и они не понимали, что есть добро. Они ценили только силу. В общем, то, что они делали с девушками, было жутко. Насилие являлось только частью их издевательств, и, пожалуй, не самой страшной. Особенно они были жестоки с христианами...

– Они ее мучили?

– Нет. Не успели. Ты убил ее, чтобы девушка избежала мучений. Это был единственный выход. В тебе проснулись разом все чувства, от ревности до жалости и ты помешался. Тебе была дана власть, и ты ей воспользовался в своих целях. Анна должна была не просто умереть, а пострадать за грехи отца, сама она не согрешила ничем. Так было задумано. Ты нарушил эту задумку, и, мало того, ты пал. Ты убил. Ты совершил преступление. Да, конечно, ты раскаялся в совершенном, ты не находил себе места, ты молил о прощении, но преступление было велико, и тебя ничего не могло оправдать в глазах закона.

– Я убил ее? – Виктор смотрел на Агасфера, но не видел его. До него только начинали доходить эти слова. – А у нее не было ни одного шанса выжить?

– Нет, ни одного. То, что было ей уготовано, не оставляло выбора, – Вечный Жид поправил сук в костре и продолжил. – Ты понял это, и тогда, совершив преступление, ты избавил ее от мучений. Я не могу не признать...

– Это же как нужно было любить...

– Вот и я о том же, – Азазель кивнул.

– И тебя наказали. Ты был изгнан с неба, заключен в человеческую плоть, чтобы своей жизнью и страданием заслужить прощение. Другой бы уже горел в аду, но о твоих прошлых заслугах помнили, поэтому послали искупление. Твоим искуплением стала та же самая Анна. Ты из жизни в жизнь сталкивался с ней, снова влюблялся, но терял. Она уходила, а ты должен был жить дальше, помня и страдая.

– Жестоко, – Азазель подвел итог.

– Вот и я о том же. Ладно, я, – убил... и так далее. Но она-то причем? За что ей такое? Та любовь, которая была у нас – это страшные муки. Я понимаю, если бы я любил, а она – нет; если бы она оставалась жива, не страдая...

– Ты пойми, что любовь находится в ведомстве самого человека, и нет такой силы, которой было бы подвластно заставить человека разлюбить или наоборот влюбиться. Даже он подтвердит это! – Агасфер кивнул на демона. – Можно внушить только страсть, помешательство. Но настоящая любовь – это что-то другое, и она неподвластна, ни колдовству, ни силам судьбы. Можно разлучить, но заставить погаснуть нельзя! И Анна, когда встречала тебя, снова влюблялась.

– Да вы созданы друг для друга! – Демон снова заговорил. – Это же ясно!

– Но все равно ее страдания... За что ей они?

Вечный Жид промолчал.

– Она заставила тебя пасть, предав свою природу. Соблазнить ангела – это не благодостный поступок, – Азазель решил ответить за Отшельника. – За такое бывали и похуже наказания.

– Я понял. И что, нам с ней вот так до Второго Пришествия маяться?

– В том-то вся и загвоздка! – Азазель осмелел окончательно, и решил говорить сам. – Вам было дано девять жизней, в течение которых вы вновь и вновь переживали драму любви. Сейчас идет девятая, и последняя.

– И что это значит? Что произойдет, если я буду с Анной? И наоборот?

– Если ты будешь с Анной, ты никогда не попадешь на небо, понимаешь? – Агасфер взял Виктора за руку. – Ты погубишь свою душу. Нужно ли тебе это?

– Если ты будешь с Анной, то попадешь прямиком на скорородку. Хотя, это еще неизвестно, – у нас новый призыв в армию начался... – Азазель сказал это, рассматривая свои ногти, не смотря на Ильина.

– А если я не буду с ней...

– То тебе простят все грехи, – Мудрец вложил в эти слова всю силу убеждения.

– А Анна?

– Ей наверху не бывать, – Азазель точил ногти о камень. – Соблазнила ангела, потом увела монаха от церкви, кинув его во грех... да я могу продолжать очень долго.

– Она в ад отправится?

– Кто его знает? – Агасфер задумался. – Скорее всего, она просто исчезнет. Будет в чистилище до Судного дня, а потом умрет. Я говорю о душе, не о теле. Одно ясно – тебе с ней вместе не быть. Тебе не в передней – либо внизу, либо вверху находиться. Как сам выберешь.

Виктор свесил голову. Азазель подошел к нему вплотную, и положил руку на плечо.

– Ты пойми правильно. Если вы будете вместе – это противоречие Его воле, не больше и не меньше. Поэтому будет сделано так, что вместе вам не быть. Завтра она умрет. Или она или ты, это уже как ты выберешь.

– Завтра воскресенье...

– Сегодня воскресенье, а завтра – понедельник, – демон внес поправку. – Тебе остаются сутки, чтобы найти ее. Это не так уж и мало!

– Но я надеялся, что эта ночь и ты поможете мне найти ее, что сегодня я узнаю, где ее искать, – Виктор покачал головой.

– Где ее искать я не могу тебе сказать. Агасфер прав – ты должен сам решить, что тебе нужно, и найти ее. И ни я и никто другой в это вмешиваться не должен.

– Спасибо, – Ильин протянул руку.

– Не за что, – Азазель руки не пожал. – Теперь с добрыми делами покончено, – он странно улыбнулся.

– Действительно, спасибо тебе за все. Ты дал мне понять, кто я на самом деле. Теперь я знаю весь расклад, и что к чему

ведет. Теперь я хотя бы ответственен за свой выбор.

– Многие знания – многие печали; и те, кто умножает познания – умножает печаль, – Агасфер обронил это с грустью. – Так сказал Екклесиаст. Он был прав.

– Спасибо и вам. Я надеюсь, что вы обретете покой, которого так ждете. Видимо, вы уже давно раскаялись во всем.

– О, да, – Вечный Жид кивнул. – Спасибо, что дали погреться. Мне пора в путь.

– Удачи, – Ильин кивнул головой.

– И тебе, человек, – и он продолжил свой путь, посмотрев перед этим на Азазеля. Тот кивнул на прощание, но ничего не сказал. Наверное, когда прощаются двое бессмертных, слова излишни. И так каждому из них понятно, что Земля – круглая, а время летит быстро.

Оставшись вдвоем, Виктор с Азазелем молчали. Так прошло около получаса. Молчание нарушил человек.

– Ты покажешь мне путь вниз? Я сам обратной дороги не найду. До рассвета еще три часа.

– Да. Пошли, – он дунул на огонь, и угли в костре превратились в пепел, подхваченный тут же ветром ночи и развеянный над лесом. Стал пеплом и разговор, отойдя в прошлое. Встреча трех теней прошла незаметно ни для кого, кроме старого филина и пары шакалов, снующих по кустам.

Когда ночь затихла в конвульсиях, уступив место рассвету, Виктор с Азелем вышли на большую поляну, от которой широкая тропа вела через лес вниз с горы.

– Ну вот и пришли. Несколько километров по этой тропе и ты в станице, там же где мы и начали подъем. Не собьешься. Мне пора.

Ильин посмотрел на воплощение ушедшей ночи, и его глаза увлажнились. Сентиментальность не была присуща Виктору, но он был готов поклясться, что им больше никогда не встретиться снова. Быть может, демон почувствовал то же. Он опустил взгляд, как бы не решаясь уходить.

– Я не знаю, что сказать, – Виктор посмотрел на деревья, в которых скоро должно было заиграть солнце. – Спасибо. Что еще? Я рад, что ты пришел ко мне. Я не забуду этого, никогда не забуду.

– Взаимно. До встречи, – он сделал шаг назад.

– До встречи, – Виктор кивнул. В этом мире все возможно.

– Запомни еще одно. Ты сможешь найти Анну, немного покопавшись в прошлом. Там скрыт секрет. Имена.

И поднявшийся из земли столб пламени скрыл от Ильина Азазеля. Столб растаял. Никого не было. Виктор даже не успел ничего сказать. Да и нечего было говорить.

Воскресное утро для Валентина Павловича Саргассова началось не так, как обычно. У него страшно болела голова, во рту была пустыня Сахара, а глаза слиплись и упорно не хотели раскрываться. Наконец, он страшным усилием воли открыл глаза и попробовал сфокусировать взгляд. Это вышло с трудом, так как мешал свет и страшнейшее похмелье. Валентин приподнял голову, оторвав ее от подушки, но понял, что сделал это зря. Комната пошла кругом, перед глазами все поплыло, и стало муторно. Валентин застонал и перевернулся на бок. Стало немного легче, но голова болеть не перестала, отдавая пульсирующими спазмами. Захотелось вернуться туда, откуда только что выплыло его сознание – в блаженный мир сна, в прохладу и темноту. Часы на стене показали восемь утра. С чего бы ему в выходной день просыпаться в такую рань?

– Какого черта? – сорвалась с его языка фраза, даже не мелькнув перед этим в пьяном и сонном мозгу. Он и сам не знал, зачем ему было нужно это говорить, свистящим и противным хрипом.

Ему бы еще спать и спать, а он проснулся. Ага, понятно почему, – он прислушался к организму и осознал, что страшно хочется заглянуть в туалет. Нечего делать, надо идти. Ва-

лентину пришлось оттолкнуться обеими руками от кровати и принять сидячее положение. Желание навестить клозет только многократно возросло. Саргассов чертыхнулся и перенес центр тяжести вперед, оттолкнувшись от кровати. Видимо, сделал он это слишком резко, так как на ногах устоять не удалось, и Валентин полетел головой в шкаф-купе. Спасла реакция – он вытянул руки и кулаками врезался в дверцу шкафа. Хорошо, что итальянцы используют на дверцах бронированные зеркала, иначе утро стало бы еще хуже. Зеркало даже не треснуло, а вот костяшки одного из кулаков Валентин разбил, оставив на стекле мазки крови.

– Чтоб тебя! – он хотел пнуть шкаф, но сил на это не было, и Саргассов лишь угрожающе поднял руку, продолжив свой путь по-над стенкой в туалет.

Из райской комнаты Валентин вышел через пару минут с ощущением что помолодел лет на двадцать. Путь продолжился ванной, где Саргассов оживал, поливая затылок холодной водой. Потом он спустился на первый этаж к холодильнику, откуда на свет появилась бутылка легкого запотевшего немецкого пива. Наверное, не каждый мужчина в состоянии наградить свою любимую тем взглядом, каким Валентин наградил бутылку. Во взгляде сквозило желание, нежность, любовь, радость, счастье и вера. Глупая улыбка пробежала по губам.

– Здравствуй, – произнес Саргассов, откупоривая пиво и поднося горлышко к губам.

За первой бутылкой последовала вторая, и, допив ее, Валентин присел в кресло в зале, ожидая облегчения своих страданий. Его надежды сбылись через пятнадцать минут. Тяжесть в голове и одеревенелость тела не ушли, но теперь Саргассова хотя бы не мучили боль и жажда. Да и разум начал просыпаться. Валентин закрыл глаза, проверяя, хочет ли он спать, но убедился, что сна нет, ни в одном глазу. Что ж, делать нечего, лечь не удастся, остается только вспомнить прошлый вечер во всех подробностях.

Вечер вспоминался с трудом. Итак, он был в каком-то кабаке, по-другому то место назвать невозможно. Перед кабаком он пил у себя в офисе, и пил много. Почему пил? Нет, не от того, что проснулась совесть, ему просто хотелось напиться. Было страшно в свете всех последних событий, страшно за свою жизнь; и этот страх вчера толкал его к бутылке. А еще он поссорился с Томой, вернее, послал ее. Эта девица вздумала крутить за его спиной с Васей, закупщиком товаров для детских домов. Конечно, Тома была для Валентина никем, ничего не значила в его жизни, и потому он послал ее не от внутренней боли, а просто со злости, что за его спиной творятся такие вещи. Она лишилась работы. Вася ни при чем, ему все равно кого танцевать, а вот она не из тех дур, которые ведутся на красивое тело, и сама выбирает с кем ей быть. Что же, довыбиралась. А вообще, ему фиолетово, что было между Васей и его любовницей, у Валентина забот и без того хватает.... Да уж, весело. А еще вче-

ра Саргассов почувствовал себя старым, впервые в жизни. По большому счету, Валентин и отправился в кабак, чтобы справить поминки по своей молодости. Неужели она всегда проходит вот так, в одночасье? Говорят, мы молоды пока сами себя такими ощущаем. Воистину, это так. На самом деле. Хотя, не поменялось ничего кроме отношения к себе и к жизни, Валентин переступил очередной временной порог. И раньше, до вчерашнего дня, у него иногда болела спина, ныли ноги, скрипели кости, и гудела голова, но он не обращал на это внимание. Теперь же стал обращать. Кабак работал до четырех, и Валентин наверняка оставался там до закрытия. Вчера он угощал какую-то случайную компанию... Да уж, водка на самом деле сватает и роднит всех. Какой-то девице он жаловался на свою жизнь... Постарел ты, Валек. Раньше подобного никогда себе не позволял.

У Саргассова на глазах навернулись слезы. Только этого еще не хватало.

– Толик, Толик, – вспомнил он.

Да, Анатолий Воскресный, его старый товарищ и друг, много раз прикрывавший спину и ничего не требующий взамен. Ну и кто Валентин после всего сделанного? Хуже предателя. Валентин опустил голову на руки. Что же он наделал в своей тупой зависти? Что же он натворил? Неужели и у него есть совесть, в существовании которой он так давно разуверился.... Дело-то ведь не только в совести. У Саргассова кроме Толика больше нет никого близкого. Сестер-бра-

твев родители не подарили, да и самих их уже давно на свете не было. Любимая женщина? Такой не существует, да и не было никогда, не создан Валентин для того, чтобы любить кого-то кроме себя. Создать семью он тоже как-то не удосужился, и детей не было....

Валентин обхватил голову руками. Нормальных слов для объяснения своих поступков он не находил. Да, одни лишь зависть и корысть побуждали его... Да как он мог? Как он мог? Раскаяние бушевало в сердце, забивая эмоциями голову. Он предал... Неожиданно Саргассову пришло на ум, что за все придется отвечать, и жизнь имеет свой конец. Он сломался. Всегда такой волевой, сдержанный, сильный, сейчас он пребывал в глубочайшей депрессии, и усталость покоилась на плечах неподъемной глыбой, утесом прожитых лет. А сколько же он всего совершил в жизни мерзкого, жестокого? Много. Начиная с людей, которые в 90-е, мешая бизнесу, по наводке Валентина бесследно исчезали на мясокомбинате и заканчивая сотней брошенных им женщин с разбитым сердцем. Но последнее преступление было страшнее всех предыдущих. Своими руками он почти убил друга... А Анна? Что же с ней будет? Ее, скорее всего, тоже уберут под шумок, либо же оставят без гроша в кармане, в холодном одиночестве. Она не выдержит, она сломается под тяжестью рока... Саргассов и так переживал за ту ночь, когда в доме Воскресных побывали Гоша и Вася; он действительно чувствовал за собой вину за произошедшее. Говорил же им: узнайте код,

но девчонку не трогайте! Кто же знал, что это за зверье? Хорошо, хоть Анна осталась живой и невредимой! Иначе он проклял бы себя. Он любил ее, как дочь. Она росла у него на глазах, и он, как и любой из близких Толику людей, принимал участие в ее воспитании... А что теперь? В кого он превратился? Кем он стал? Что потом? Неужели, он пошел на это ради денег? А на что они ему нужны? Да ведь он при жизни, будучи верен своей натуре, не позволит себе проматывать финансы! А они приносят удовольствие, только если тратятся; в гроб с собой их не заберешь...

До этого он смотрел в пол, на черную паркетную доску, изучая причудливый узор древесной структуры, а затем резко перевел взгляд на стену, и чуть не рухнул со стула. На стене расплывалось огромное кроваво-красное пятно, яркое и сочное как вишня. Валентин прикрыл глаза руками, а потом снова глянул на стену. На ней ничего не было. Саргасов перекрестился. В голове мелькнул вопрос: когда же он в последний раз был в церкви? Валентин задумался, но ответа так и не нашел. А ведь самое интересное, атеистом он себя не считал! Хотя, и не делал ничего из того, что надлежит делать православному человеку – не молился, не посещал храм, не постился и не исповедовался, наконец. Да он даже никогда не просил прощения у Всевышнего за все, что натворил! А расплачиваться-то придется... – снова мелькнула в голове шальная мысль. Да что там, придется... Он уже начал.

Неожиданно, Валентина пронизала дрожь, как от холода,

и по спине побежали мурашки. Он ощутил чей-то недобрый и пристальный взгляд, как будто в спину уперли ствол автомата. Валентин обернулся и увидел по ту сторону высокого, доходящего верхним краем почти до потолка, французского окна, ворона. Вживую эту птицу Саргассов никогда не видел, только на фотографиях или по телевизору, но он, оценив размеры, сразу понял, что это не обычная ворона, коих море в любом городе. Редкая птица, занесенная в красную книгу, была размером больше взрослого копчика. Она не мигая, как будто оценивая, смотрела на Валентина своими карими глазами. Руки у человека дрожали. За окном, из-за тяжелейших, иссиня-черных туч, закрывших панцирем солнце, стояли непроглядные сумерки. Было холодно и сухо, резкий ветер мел листву и чувствовалось приближение дождя. Валентин застыл, смотря на неожиданного гостя как на исчадие ада, настолько был суеверен и силен страх перед этим существом. Ворон медленно расправил крылья, но, ни одно перо от порывов ветра не пошевелилось на его теле. Птица подошла косолапой походкой к окну, и с паузой трижды стукнула по стеклу. После этого раздалось хриплое и сорванное: кар-р-р!, и ворон взметнулся ввысь, скрывшись из глаз. Саргассов стоял, как пораженный молнией. Он никогда не верил в суеверия, но с детства знал, что на Руси ворон являлся предвестником скорой смерти. Она постучалась к нему в образе пернатого. Все кончено. Валентин тихо взвыл и кинулся к холодильнику, но извлеченное оттуда холодное виски успо-

коения не принесло.

Валентин взмок от испарины, холодной и мерзкой, как сам страх, животный ужас, испытанный им. Значит, все! Приплыли. Может, вчера не дыхание старости, а предчувствие гибели заставило его пойти в тот кабак? Кто его знает! А когда это может произойти? Наверное, сегодня. Сроки поджимают, Белов вот-вот перейдет к активным действиям.... Да, ему еще нужны кое-какие данные, но они мелочны и их легко узнать и без помощи Саргассова. Он уже не нужен, и если его собираются убирать, то это произойдет никак не позднее конца недели. Значит, пора действовать. Сейчас. Сегодня. Он опять вспомнил Толика и горько вздохнул. Те планы к спасению, которые Валентин возводил раньше, теперь уже не подходили, потому что возникла необходимость помочь Воскресному, предупредив его об опасности. Неподвластным разуму порывом, Валентин выскочил в кабинет, где на стене висела икона Спасителя. Молиться Валентин не умел, но в отчаянии он пал ниц, распростершись перед иконой, и, принялся, подбирая слова, горячо вымаливать прощение за все, что натворил за свою жизнь. Одна за другой всплывали в памяти ситуации, лица людей и эпизоды жизни. Все, что Саргассов считал темным в своем прошлом, все его жестокости и преступления, все грехи озвучивались вслух сбивчивым шепотом. Не в силах поднять на икону глаза, перед которыми все плыло от слез, он лишь молился. Он никогда и не мог предположить, что в его памяти хранится

столько воспоминаний, он и не представлял, сколько всего натворил. Валентин изливал душу, вспоминая шаг ша шагом жизнь, от юности к зрелости. Это была самая настоящая исповедь, жаркая мольба. Закончил он на самом позорном грехе, на предательстве друга. Перечислив все, Саргассов понял, за что он расплачивается, и осознал, что имея за плечами такой багаж, жить на свете – преступление. По идее, его уже давно должна была поразить молния... Хотя, этого слишком мало для Валентина. Кара будет страшнее. Наконец, Саргассов закончил, поднялся с пола, перекрестился и попросил у Бога помощи выдержать все, что уготовано на пути. Он еще раз попросил прощения, и добавил что примет все со смирением. Ему больше нечего было сказать. Свесив голову, в которой все перемешалось, Валентин прислушался к себе. Душа болела, сердце разрывалось на части скорбью, и печаль притаилась в глубине его глаз. Взгляд, мысленно брошенный в будущее, был удрученным. «Если уходишь, уходи красиво!», – промелькнул в голове Саргассова совет одного человека, данный еще в пору далекой юности. Что же, так тому и быть. Хотя бы уйдет красиво, если жил как гниль...

Может, и правы те, кто говорит, что слеза закоренелого, но раскаявшегося грешника для Всевышнего дороже слез сотни праведников? Как бы то ни было, но пелену туч разрезал лучик, который скользнул от окна вглубь комнаты и остановился под ногами Валентина. Тот удивленно посмотрел на необычное для царящей за окном погоды явление,

и нерешительно подставил ладони под луч, будто собираясь зачерпнуть воды из ручья. Тепло луча согрело руки и разлилось по телу. Душа успокоилась, из сердца ушла тяжесть, и исчез страх, уступив место смирению перед судьбой и непреклонной воле в осуществлении задуманного. Будь что будет, он теперь готов действовать.

Первым порывом было сразу кинуться к Воскресному, но Валентин сел, задумавшись. Резко нельзя, вызовет подозрения. Неспешный отъезд будет лучше всего. А что? Он едет в гости к другу, чтобы попутно разузнать кое-какие сведения. Подобный ход ни у Белова, ни у его людей, подозрений не вызовет. Несмотря на предчувствия, Саргассов решил позаботиться и о себе. А что если прокатит, и он останется в живых? Тогда путь один – за кордон. Возьмет билет на ближайшее время до любой Европейской столицы, а потом в Испанию или Аргентину. Испанский он знает...

– ¿Usted habla español?

– Si señor... ¡A buenas! – ответил он сам себе, улыбнувшись.

На крайний случай пригодится и довольно беглый английский. Все сбережения на иностранных счетах. Их хватит надолго, по крайней мере, в этой жизни истратить все деньги Валентин не успеет, как бы не старался. С собой он возьмет только кредитные карты, документы и немного наличности, сколько поместится в его пальто. С кейсом или сумкой выходить нельзя, наружка не дремлет. Как же он потом смо-

жет добраться до аэропорта? Ладно, там видно будет. Может, Анатолий поможет? Сейчас главное спасти друга.

Валентин собрал все необходимое, оделся, и, перекрестившись перед ликом Спасителя, покинул дом. Телефон он оставил на столе, входную дверь не запирает. А зачем? В любом случае он сюда уже никогда не вернется, а добро, быть может, пригодится какому-нибудь бедолаге. Перед Валентином две дороги – либо в Аргентину, либо в могилу. Что-то из этого списка, смотря, как повезет. Выгнав из гаража машину, и закрыв пультом створки ворот, он боковым зрением заметил движение. От соседнего участка отпарковывался наглухо тонированный черный минивен.

– Наружка, – сказал он сам себе. – Как знал!

Он сел за руль и неспешно тронулся, размышляя о навсегда потерянной молодости. Наружка пристроилась сзади, ненавязчиво преследуя его Мерседес.

– И все идет по плану... – промурчал Саргассов, вспомнив мелодию какой-то песни.

Валентин закурил. Ему сорок пять, он обеспечен и ценится женщинами. Да только где оно, счастье? Он отдал бы все, что имеет хотя бы за год жизни двадцатилетним пацаном... За то счастье без гроша в кармане, за верных друзей, за ночные костры на природе и за искренность чувств еще не испорченного фальшью сердца.

– Где же это все? – он смахнул с лица набежавшие слезы. Девушка за рулем Тойоты, стоявшая слева от него на пе-

реквестке, заметила этот жест и с удивлением покосилась на Валентина. Тот посмотрел на девушку в ответ, и грустно улыбнулся, подмигнув. Да, малышка, даже сухари способны на слезы, если жизнь допечет.... И детей у него нет. А как бы хотелось с гордостью взглянуть в глаза взрослому сыну, или нежно приобнять дочь! Это одному лишь Богу известно. Сколько же он потерял в жизни.... К чему деньги, если некому их оставить? Зачем нужно богатство, если оно не обеспечит кому-нибудь счастье, не даст легкость в преодолении жизненного пути? Если Саргассов выживет, то в Аргентине у него непременно будет семья. Девять или десять детей. Непременно. А что, он еще не стар. Сорок пять для мужчины – это не сорок пять для женщины, как ни крути. Все впереди, главное вырваться из этого замкнутого круга.

Двери Валентину открыл сам Анатолий Борисович, радостный, что друг сдержал обещание и приехал на обед. Хозяин дома восторженно раскинул руки и обнял друга. Саргассов тоже обнял Воскресного, но без улыбки. Он это сделал не от радости встречи, а лишь потому, что наружка могла наблюдать за его действиями, и любое отступление от общепринятых норм вызывает подозрения. Они перешагнули порог, и Валентин отстранился от друга, направившись к креслам в холле. Жестом он показал на кресло напротив, и Анатолий Борисович сел, внимательно наблюдая за гостем.

- Что-то случилось? – голос Воскресного был взволнован.
- Случилось, брат. Случилось. Аня дома?

– Нет, скоро приедет.

– Это хорошо. Поговорим без свидетелей, – Валентин потер переносицу.

– Что у тебя произошло?

– Скурвился я, брат, – Валентину не хотелось тянуть с ответом, и он решил рубить концы сходу. – Прости, если сможешь...

– Ты о чем? – Анатолий Борисович удивленно посмотрел на товарища.

– Я тебя предал, подставил... Только выслушай, не перебивай меня. Тебе знакома фамилия Белов?

– Да.

– Он давно копает под тебя, и пришел ко мне за помощью. И посулами, и угрозами, но он заставил меня собрать для него кое-какие сведения... Я подставил тебя.

– Зачем?!... – голос Воскресного стал горек. – Зачем, Валёк?

– Зависть, Толя. Простая зависть... Ты же во всем лучше меня.

Первым движением Воскресного было схватиться за нож, и всадить его по самую рукоятку в грудь бывшего товарища. Он резко поднялся на ноги, и, взяв лежащий на журнальном столике нож для бумаг, швырнул его в стену, от греха подальше. Для того чтобы смирить гнев и навести порядок в голове, Анатолию понадобилось не более двух минут, в течение которых он наматывал по комнате круги. Потом он сел,

внимательно глядя на Валентина.

– Я догадывался... Когда ты начал лезть в мои дела, я стал осторожен и сливал тебе дезинформацию. Твоя бывшая жена в этом замешана, не так ли?

– Да...

– Я был прав. Те документы, что проходили через нее – это левые счета, цифры вкладов и данные. Они только для аромата были приправлены чем-то настоящим, чтобы казаться ценными. И я в этом не прогадал...

– У тебя всегда было редкостное чутье! – Валентин в восхищении вознес к небу руки. – Я искренне рад, что это так.

– Я не пойму тебя... Либо ты искренне раскаялся в содеянном, либо же уловил что ветер подул не в твою сторону....

– Искренне раскаялся. Даже не сомневайся. Я осознал, насколько же я гнилой человек... – он был прям, но, все же, о налете Васи и Гоши рассказывать не собирался. Так же он не хотел говорить о своем воровстве со счетов фонда. Он все-таки надеялся, что Воскресный хоть когда-нибудь сможет его простить, чего не произойдет, узнай Анатолий всю правду. Саргассову была жизненно необходима эта надежда, потому что он не хотел жить, понимая то, что натворил. Прощение стало бы ему ответом, что он, быть может, и не такой уж законченный человек. Расскажи Валентин, что это по его вине Анна чуть не погибла, Воскресный его живым не отпустит. Да, он потом раскается в содеянном, но Валентину до этого будет уже параллельно. Да и стоит ли подводить

человека под срок, искушая расправой?

– Раскаялся? – Анатолий натянуто ухмыльнулся, не веря.

– Думай как хочешь... Я пришел попрощаться. Сегодня я... – он не смог озвучить свои предчувствия смерти.

– Что ты? Уедешь?

– Да... уеду! – Валентин как-то странно усмехнулся. – Меня уедут, вернее. Я не могу, чтобы у тебя осталось на меня какое-то зло. Я искренне хочу помочь, исправить то что натворил. Вот список всего, что я передал Белову по его запросу. Что лажа, а что нет – разбирайся сам. Тебе виднее. Я же надеюсь, что не опоздал. Он хотел начать войну против тебя через неделю, когда я бы принес ему данные по «Асгарду». Само собой, я уже ничего не узнаю.

Анатолий Борисович трижды пробежал список глазами, и когда он оторвался от бумаги, лицо его было спокойным.

– Знаешь, хорошо, что ты пришел сегодня, а не завтра. Да, тут есть кое-что опасное, но я успею принять контрмеры, и все будет улажено. Не беспокойся, я справлюсь.

– Слава Тебе!.. – Валентин вознес руки к небу.

– Ты стал набожным? – Воскресный улыбнулся. – Лучше поздно, чем никогда.

– Согласен. Не поверишь, сегодня за мной пришел ворон...

– Это кличка? – не понял Анатолий.

– Нет. Птица. Знаешь такую?

– В городе они не водятся, ты перепутал...

– Я и сам рад бы думать, что перепутал, но тут никакой ошибки. Это был он.

– Ты меня пугаешь...

– Я и сам испугался, поверь мне. Он сел на подоконник и трижды стукнул по стеклу, после чего исчез. И так бывает. Не поверишь, я не суеверен...

– Как раз в это я и поверю. За тобой мистификации никогда не наблюдалось. У тебя же калькулятор вместо сердца, – Воскресный кивнул своим словам.

– Пусть так. Но эта птица звала меня.

– Кельты верили, что ворон уносит души людей, принявших насильственную смерть.

– Я не знал об этом, но чувствую нечто подобное.

– Не бери в голову. Обычное суеверие. У тебя сейчас нервы шалют, тут уж нечего сказать.

– Может и суеверие, но напрямиком от тебя я направлюсь в аэропорт. До него я не доеду.

– Тебя ведут?

– Да, за углом наружка.

– Что бы придумать? – Анатолий Борисович налил из графина бокал красного вина. – Ты будешь? Херес, двадцатилетний.

– Налей. А ты хочешь мне помочь?

– Да. Я тебя простил. Конечно, у меня на душе на счет тебя совсем неровно, мы больше не друзья и тебя я не хочу знать... но считай, что у меня хорошая память. Я помню, как

ты меня спас.

– Не вспоминай. Это было давно.

– Давно. Но в том пожаре, если бы не ты, я бы сгорел.

– Забудь о том ангаре. Не вспоминай больше.

– Считай, что я всего лишь возвращаю тебе долг, – во взгляде Анатолия проскользнуло нечто вроде презрения. – И не более того. Я привык платить по счетам.

– Я понял, как скажешь.

– Я сам отвезу тебя в аэропорт...

– Нет. Тебя вместе со мной положат.

– А если охрана?

– Тогда ты спасешь меня, но не себя. Белов поймет, что ты в курсе событий, и перейдет к открытым действиям. Ты не успеешь прикрыть тылы.

– Это факт... Но, тогда, поедь ты в аэропорт даже сам, это даст подсказку, и Белов начнет войну...

В эту минуту на пороге появилась Анна. Валентин сразу отметил выражение вселенской скорби на ее лице, и то, что она как-то повзрослела. Да, боль души знает свое дело.

– Привет, – улыбнулся дочери Анатолий.

– Привет, – она устало махнула рукой. В другой раз Воскресный был бы обеспокоен моральным состоянием Анны, и засыпал бы ее вопросами, но сегодня были вещи поважнее. На кону стояло благополучие семьи. – А вы тут, чем занимаетесь? Обсуждаете насущные проблемы бизнеса?

– Да, – Воскресный кивнул. – Валентину нужно в аэро-

порт, но так, чтобы этого никто не заметил.

– Шпионские страсти? – Анна улыбнулась.

– Ага. Типа того. Может, дашь совет дельный? – Анатолий покосился на дочь. – Я не могу отвезти Валентина, потому что если нас увидят вдвоем в аэропорту, это испортит все дело. Все очень серьезно.

– Дядю Валентина я могу отвезти. Только тогда, чтобы все прошло незаметно, ему придется разместиться в багажнике. Вы не против? – она обернулась к другу отца.

Дядя Валентин был не против прокатиться и на метле, не говоря уже о просторном и респектабельном багажнике Бентли. На том и решили. Перед наружкой была разыграная маленькая сцена. Когда Анна выгнала из гаража машину, Воскресный тоже вышел за ворота дома. Он подошел к дочери, и они перекинулись парой ничего не значащих фраз. Все это делалось для того, чтобы шпионы через притонированные стекла успели разглядеть: в машине кроме Анны никого нет. Тогда, используя примитивный метод исключения, шпики пришли бы к выводу, что Саргассов находится в доме, и никуда не уезжал. Валентин не зря в свое время работал с КГБ; он даже учел посадку автомобиля, и благодарил небо за исключительные качества ходовой английской марки машин. Это происходило в половине одиннадцатого утра.

Утро для Сергея Юрьевича началось в тот момент, когда Анна отъехала от дома на пути в аэропорт. Его разбудил

вошедший охранник, услужливо принесший мобильный телефон. Поначалу Белов злобно фыркнул на осмелившегося потревожить покой своего хозяина, но охранник выдал волшебные слова:

– Владислав Альбертович.

Это автоматически снимало все вопросы, злобный взгляд Белова стал смирен и кроток. Кто такой был и есть Владислав Альбертович, я пояснять не буду, это не так существенно. Главным показателем этого человека было то, что он стоял на порядок выше Белова на социальной лестнице, и имел на него огромное влияние. Белов в свою очередь, прекрасно понимая положение вещей, боялся Владислава Альбертовича как огня.

– Сережа, твою мать! Сколько можно до тебя дозваниваться?! Как до президента.... – в трубке раздалась неразборчивая матерщина.

– Здравствуйте, Владислав Альбертович! Здравствуйте, – тон Белова был донельзя заискивающим и смиренным. Хотя, оправдываться он и не стал, но его подчиненные, ни за что не признали бы в этой интонации своего господина и начальника.

– Ох... Короче, Сережа, слушай. Что у тебя с «Молотом»?

– Работаем, – по-военному четко отозвался Белов.

– Да я знаю, что не... – ему хотелось вставить что-нибудь непечатное, но он сдержался, смягчив тон. – На какой стадии?

– Через неделю перехожу к активным действиям, будем давить по всем фронтам. К тому моменту все данные будут собраны.

– Поздно. Поздно, Сережа. На меня оказывается давление со стороны моих партнеров!.. – Белов понял при этих словах патрона, о ком ведется речь, и нервно крутанул головой. В трубке продолжили. – Если я говорил, что решу это дело, то так тому и быть. Понимаешь меня?

– Понимаю.

– Ни чего ты не понимаешь, – голос патрона снова стал нервным. – Дела требуют, чтобы во вторник, ну, максимум в среду, Воскресный подал в отставку. Добровольно!!! Ты это понимаешь?

– Да...

– Или Воскресный, или ты. Ему это будет стоить карьеры, тебе же жизни.

– Я понял вас.

– Хороший мальчик. Я жду, – в трубке зазвучали гудки.

Белов положил мобильник на стол. Что же делать? Как заставить Воскресного поддаться? Убрать его было бы самым простым выходом из положения... Да вот только нельзя. Он должен подать в отставку добровольно. Да и месть за его жизнь была бы страшна. Тогда полетит даже Владислав Альбертович, и партнеры его не спасут. Об этом прекрасно знают все. Попытки? О нет, не стоит. Во-первых, Белов знал Анатолия Борисовича, как крепкого духом, непоколебимо-

го человека; ну а во-вторых, отречение от занимаемой должности должно быть публичным. При таком раскладе, действуй Воскресный по принуждению, он легко откажется от своих слов, и окажется под покровительством москвичей. Да и без их покровительства, он тогда будет крайне опасен, так как Воскресный никогда не забывает обид. Тогда Владислав Альбертович не успеет добраться до Белова из своей Москвы. Может, только на похороны... Да уж, незадача.

Раздался звонок того же самого мобильного. Белов с опаской покосился на него, но тут же издал вздох облегчения. Звонил начальник охраны.

– Да, Максим.

– Сергей Юрьевич, Саргассов в аэропорту замечен.

Белов запустил вазоном в плазменный телевизор.

– Я перезвоню через минуту. Скажу, что вам делать.

Анна убедилась, что ее машину не ведут где-то через пять минут, специально покружив по району. Тогда она загнала машину в тупик, и Саргассов благополучно перебрался из багажника в салон.

– Наружки нет? – это было первое, что спросил он.

– Нет. Вылезайте. Хорошо, что за вами не спецслужбы следят, а то вели бы нас со спутника.

– Это точно! – Валентин вздохнул. – Хотя от этого и не легче.

– Поехали в аэропорт, – Анна махнула рукой.

Теперь уже она кружить и не думала, выбрав наиболее короткую и быструю дорогу. К тому, что на нее обращают внимание мужчины, Анна привыкла еще с тех пор, как впервые села за руль. Первой ее машиной была черная БМВ, купе с мощным двигателем и агрессивным дизайном. Еще тогда она ощутила сладость драйва и мерзость чужой зависти. Так как и ежу понятно, что в восемнадцать лет девушка сама себе не может заработать на машину стоимостью в несколько миллионов рублей, у людей возникали различные предположения, откуда такой аппарат мог у нее появиться. К сожалению, мысли о богатом отце были только у самых порядочных, подавляющее же большинство, ровняя, видимо по своему жизненному опыту, предполагало наличие богатого любовника или мужа. Конечно, по-хорошему, если бы не зависть, людям и дела бы не было до того, каким путем приобретен автомобиль... но не все так думали.

Однажды произошла история, в ходе которой Анна пожалела, что не родилась мужчиной. Она тогда очень хотела поломать лицо одному индивиду, который, решив покрасоваться перед кентами, начал её грубо клеить. На дерзкое предложение прокатить его на черной БМВ, Анна ответила отказом, в самой вежливой форме, сославшись на то, что парень совершенно не в ее вкусе, что было абсолютнейшей правдой. Тип не понял, и грубость переросла в пошлость. Анна послала подальше, но ей и это не помогло. На утверждение (вполне закономерное), что она всего лишь девуш-

ка и не может адекватно ответить на подобную обиду, компания нахалов лишь заржала. Тогда, на счастье Воскресной, в их перепалку влез какой-то мужчина, за рулем Лэнд Ровера, который ехал позади. Так как дело происходило в глухой пробке, он покинул свой автомобиль, и молча подойдя к пассажирской двери шестерки, в которой сидели обидчики Анны, вытащил из нее грубившего типа. Он без лишних звуков сломал тому лицо и оставил лежать на асфальте. Компания в машине моментально притихла, и гробовое молчание сохранялось даже тогда, когда двое запихивали бессознательного товарища обратно. Анна улыбнулась мужчине, и искренне поблагодарила того. Он лишь подмигнул и уселся обратно в джип. Настоящие мужчины есть везде. После того случая любые попытки познакомиться пресекались холодно и резко, хотя и в довольно вежливой форме. А таких попыток стало только больше, когда она начала ездить на отцовской Бентли.

Одним словом, вниманию к своей персоне Анна не удивлялась и привыкла к этому, в то время как сидевший рядом с ней Саргассов к такому привыкать не хотел. Все пялились на них, и это было выше его сил. Ему нестерпимо хотелось укрыться от назойливых взглядов.

– Как же хорошо, что я не красивая молодая девушка, – мудро изрек он.

– Что, дядя Валентин, фанаты достали? – пошутила Анна. – Меня тоже. И вот так каждый раз, когда в город выез-

жаю. Иногда я жалею, что не на Оке езжу... Тогда бы хоть меньше внимания к моей персоне было.

– Ну да, – Валентин покосился на Анну. – Но тебя бы это сильно не спасло. Если сейчас большинство жаждет, чтобы от тебя им перепал жирный кусок денежного пирога, то, едь ты на Оке, тебя бы замучили предложениями облегчить судьбу в обмен на ласку. Почему-то многие думают, что девушка, не имеющая стабильно высокого заработка, с радостью станет любовницей за недорогие поделки, как то шубки, браслеты или квартплата....

– Но таких девушек и в самом деле много, и уж тем более они есть, когда щедрый мужчина, помимо достатка обладает еще и шармом, – Анна покачала головой. – И это не только сейчас так стало, так всегда было. Амбиции движут людьми, и не всегда достижение цели... благородно.

Валентин посмотрел на дочь своего бывшего друга.

– Девочка, дай тебе Бог удачи в жизни... – не удержался он. Саргассов завидовал Анатолию еще и потому, что у того была вот такая – умная, красивая и милая дочь. Валентин свое счастье некогда упустил мимо...

– Дядя Валентин, что с тобой? – Анну поразила горечь интонации в сказанных словах. – Что случилось?

На ее памяти Валентин никогда, даже когда она была ребенком, так тепло не проявлял своих чувств. Максимум, что она могла услышать, так это «Молодец», или же получить самую простую улыбку. Сейчас же в его голосе прозвучало

почти отеческое тепло, что было неожиданно странно для такого сухаря.

– Эх, Анют. Мы в аэропорт едем. Если у меня получится улететь, то обратно я уже никогда не вернусь. Понимаешь? – Саргассов печально отвернулся. – Я всегда любил тебя словно родную дочь, и мне больно расставаться, зная, что больше никогда... – он замолк.

– Дядя Валентин, – Анна улыбнулась, – мы прощаться не будем. Как за бугром обустроишься – позвони, или напиши, я в гости приеду. Договорились?

– Конечно, – тоже улыбнулся Валентин, понимая, что они больше никогда не увидятся. Не в этой жизни, по крайней мере.

До аэропорта они доехали довольно таки быстро, и, поставив на стоянке машину, отправились напрямик к кассам. Анна решила сопроводить друга отца до зала вылета, так как считала должным проститься по-людски с человеком, которого знала с рождения. Саргассов, в своем эгоизме не стал ее отговаривать. Хотя, кто же знал, что осторожность Белова не имеет границ, и в аэропорту дежурил человек, нацеленный на Валентина? Через минуту после того, как Анна и Валентин переступили порог аэровокзала, об этом уже знал Белов. И как же это он мог забыть, что у Воскресного есть дочь? Может, потому что Саргассов никогда не упоминал о ней, замалчивая намеренно? Скорее всего. Да и раньше Анна Белову была не нужна, заинтересовала она его только сейчас,

когда все средства к достижению цели стали хороши. Ради дочери Воскресный и с дьяволом контракт подпишет, не то что от должности отречется... И как это Сергею Юрьевичу раньше не пришло это на ум? Даже странно. Но, да ладно, главное вспомнить вовремя. Белов перезвонил начальнику охраны, и его приказ был четок: Саргассов нужен мертвый, Анна непременно живой.

Через пятнадцать мину после прибытия в аэропорт Валентина и Анны к дежурившему наряду полиции подошли двое в штатском. Один показал удостоверение, а другой ориентировку, попутно задвигая краткую лекцию о борьбе с терроризмом. В ориентировке черным по белому значились данные на Валентина Павловича Саргассова. Так как предъявленные удостоверения говорили более чем красноречиво о том, кто стоял перед младшим лейтенантом и двумя вояками из ВВ, они отнеслись к ориентировке с должным вниманием. Сержант из Внутренних Войск опознал мужчину с фоторобота, но только потому, что у него была яркая и красивая спутница. Солдат не удержался от мысли, что будь у него деньги, он бы остановил свой вкус именно на такой девушке. Но, как говорят, бодливой корове Бог рогов не дал... Ну а после опознания опасного террориста, и заявления что его видели в этих стенах, все остальное было делом техники. Я не буду описывать подробности задержания, это ни к чему. Серо и обыденно.... После короткого разговора двоих в штатском с начальником управления полиции при аэровок-

зале, задержанные были переданы под их юрисдикцию без лишних споров. Тем более что были обещаны награды или хотя бы премии за поимку особо опасного....

До города Саргассов так и не доехал. В одной из лесополос промышленной зоны его тело нашли только через трое суток. И никто не мог знать, о чем же он думал, и что же чувствовал перед смертью. Пуля в грудь оставила минуту на раздумья. За нее мелькнула мысль о маме, о том, что не доехал до Испании, о том что кельты были правы, и одно только сожаление – что в церкви не побывал.... И самое противное, что его никто не спрашивал, хотел ли он жить, или нет....

Весь путь до дома у Виктора из головы не выходила фраза, брошенная на прощание Азazelем. Подсказка в прошлом. Имена. Что же это может быть? Интересно. Но нормально обдумать фразу не получалось, так как Виктору приходилось все время отвлекаться, потому как он ехал почти на предельных скоростях для человека, у которого все же есть инстинкт самосохранения. Стоит ли говорить: путь до дома занял полтора часа, из которых полчаса были потрачены на горные перевалы и серпантины. Трижды его тормозили инспектора ГИБДД, и трижды отпускали за небольшую мзду. Он спешил домой, спешил, чтобы не опоздать. Так ничего и не придумав за время дороги, он переступил порог дома, даже не разуваваясь, и сел на диван в задумчивости перебирая любимые четки. Мозг работал лихорадочно, и из-за этого была невероятная путаница. Что же, нужно успокаиваться. Ильин взял нервной рукой ручку и лист бумаги. Если подсказка в именах, то необходимо их записать, чтобы знать, о чем речь. Итак, Испания. Вспоминай! Как тебя звали? Ага. Виттор. Наверное, это в переводе Виктор. Ну да, Виктор, не иначе. Аню звали так же, Анна. А ну-ка, Италия? Викторио. Опять так же. И Анна с тем же именем, неизменно. И в чем прикол? Где же здесь загадка?

– Узко мыслишь, debil, – сказал он сам себе, несколько самокритично. – Думай.

Подумав, Виктор решил записать все имена, которые встречались ему во снах. Рядом с Виттором появилось имя его отца, Алехандро, и имя матери, Сусанна. Рядом он дописал имя брата, Карла. Альберто, имя портного и Себастьян, имя отца Анны появилось слева, в другом столбце. Знакомые Анны... Как там звали служанку? Как-то на «И». Несколько минут ушло на упорные попытки вспомнить имя служанки, которое все время куда-то ускользало из памяти. Попытки не увенчались успехом, имя он так и не вспомнил. Вспомнил лишь, что был еще сторож и дуэнья.

– Стоп, но в таком варианте можно добавить и всех знакомых отца.... И его друзей, – Мигель, Эстебан, Родриго... Нет, это все не то.

Больше ни одного имени написано не было. Нет, конечно, он мог написать тысячи имен, почти всех, кого помнил из той жизни, но все они были не нужны. Какой прок от имени зеленщика или от имени соседа-рассыльного? Так и с ума сойти можно, если записывать всех подряд. Итак, он решил – пишет имена только родных и тех, кто напрямую мог повлиять на судьбу. Самых близких людей, одним словом. Италия. На листке появилось имя отца-настоятеля, – Флориан. Имя мужа Анны вспомнилось с трудом, но все же он написал: Сандро. Больше никто не мог быть как-то замешан во всем этом. Пробежав глазами листки, Виктор торжественно

изрек:

– Какой же это бред! Ну, при чем тут могут быть имена? – Виктор опустил голову на руки. – Хотя, – добавил он после минутного перерыва в раздумьях, – Азель не мог ошибиться. Он сказал правду, это мне мозгов не хватает распознать истину и додуматься до ключа от этой головоломки.

Он вновь перечитал имена, сначала про себя, а потом вслух:

– Анна, Викторио, Сандро, Флориан, Алехандро, Карл, Сусанна, Альберто, Виттор, Себастьян и снова Анна. Одно ясно – из двух снов повторяются неизменно только два имени – моё и Ани.

Сигарета, кофе, потом опять сигарета. На ум ничего не приходило. Анна и Виктор. Эти два имени крутились у него в голове, как только могли, в самых различных вариациях, но это ничего не дало.

– И все, что ли?

Вдруг, ему пришло на ум, что можно еще и записать имена из истории, рассказанной Агасфером. Своего имени Виктор не помнил, а имя Анны и ее отца, Анастасиса, он записал. Снова в голове закрутились имена, теперь уже три – Анна, Виктор и Анастасис. Потом имя отца он откинул. Какой прок, если имя не повторяется больше нигде? В изнеможении от перегрузок своего мозга Виктор запрокинул голову и начал смотреть в потолок. На потолке ничего интересного не наблюдалось, только примитивный белый цвет от пла-

стика. Чтобы немного отвлечь глаза от однообразной картины он перевел взгляд на книжный шкаф. Взгляд заскользил между разноцветных корешков. Виктор читал названия книг, просто от того, что разум зашел в тупик, но какая-то работа ему все же требовалась. Книг было море. Дюма, Гете, Гейне, Блок, Есенин, Пушкин, Лермонтов... Рябило от имен великих литераторов, но они ничем не могли помочь. Взгляд скользнул вниз, где располагалась разномастная литература. Словари, энциклопедии и книги по кулинарии. Сборники анекдотов. Интересного не было ничего. Внезапно взгляд выцепил название: «Загадка имени». Виктор снова перечел название. Ну да, как же, книга матери. Она не забрала ее с собой в Москву.

– И что же там интересного пишут?

Ильин поднялся из кресла и взял в руки толстенный томик в желтой обложке. Внутри были толкования имен. Ну да, а чего же он еще ожидал увидеть? Ради любопытства он прочел про свое имя, вслух. Видимо, это становилось у него привычкой.

– Виктор, с латинского «победитель». Ага, что же там дальше?

А дальше шло описание характера людей с этим именем, их астрология и энергетика. Ничего нового для себя Виктор не вынес, про свой характер он и так знал куда больше, чем кто-либо другой.

– А ну-ка. Анна! Так... Анна, в переводе с еврейского

«благодать». Ага, характер...

И он углубился в описание характера девушек с этим именем. Новое для себя он кое-что вынес, но помочь оно не могло. Какой прок от планеты-покровителя или названия камня, который ей подходит по каким-то там верованиям? Ему нужно разгадать только одно – как с помощью имени можно найти человека. Ради любопытства он просмотрел и другие имена, но в книге ни про Флориана, ни про Себастьяна, ни про Сандро ничего не было. Сусанна в переводе с еврейского означала «лилия». Алехандро – Александр, по-гречески «защитник людей». Альберто он не нашел. Да и смысл? Какой прок в том, что он победитель а Анна – благодать?

– Анастасис. Ага. Такого имени нет... Но есть Анастасия, по-гречески «воскресшая». Ну, Анастасис значит, соответственно «воскресший». Не иначе. И что толку?

Виктор опять задумался. Ничего не получалось, мысли никак не могли войти в нужное русло. Так прошло еще полчаса. Виктор закурил сигарету, поднявшись с дивана, и начал расхаживать по комнате.

– My name is Victor.... Soy Victorio.... Мое имя Виктор! – с непередаваемым апломбом, дурачась от полной пустоты в голове, произнес он. – Я Виктор, Виктор Олегович Ильин..... Стоп, а фамилия? Фамилии? Имя ведь и фамилию содержит.....

Виктор кинулся к столу. Он записал на листке свое полное имя: Виттор Алехандро Фелипе Хуарес де Ихо. Получи-

лось напыщенно, но как было. Испанцы любили такие имена. Итальянская часть снов не принесла никаких изменений, он так и остался Викторιο без рода и племени. Анна... Испанская Анна носила фамилию Доминго. Итальянская Анна носила фамилию Доменико. Виктор записал и свою нынешнюю фамилию, Ильин.

– Думай, братуха, думай. Что-то в этом есть. Итак, Ихо – это «сын». Я еще со школы помню. Доминго.... А, ну да... Сабадо, Доминго. Суббота, Воскресенье. Воскресенье. Анастасис – «Воскресший». Схожесть безусловная. В древности фамилий обычно не было, по крайней мере, у незнатных людей. Хватало прозвищ и имен, например... Анна, дочь Анастасиса. И все знали, кто это. Так что у нее, можно так выразиться, была фамилия Воскресшая. Так, а доменико? Что это?

Он залез в интернет и набрал в поисковике русско-итальянский словарь. Слово воскресенье по-итальянски звучало как «доменико».

– Ну, точно, доменико. Воскресенье. Вот черт!!! Фамилия из жизни в жизнь повторяется!!! Ха! Вот это да! Не об этом ли Азель говорил? Значит, Аня носит фамилию Воскресенье? Ну, или что-то с этим связанное. Так, быстро! Где телефонный справочник?

Телефонный справочник нашелся сразу. Виктор взял его в руки с опаской, ожидая, что тот вспыхнет или того хуже распадется на молекулы, но ничего подобного не произошло.

Был еще вариант не найти его, но эта поистине огромная книга, занимающая половину журнального столика в спальне, просто так потеряться не могла. Начался поиск по лицам, имеющим в своей фамилии вариацию слова воскресенье. Людей по фамилии Воскресенье не было. Воскресших тоже не наблюдалось. Шестьдесят человек по фамилии Воскресенский, обоих полов, трое Воскресных и один Воскресенков. Больше ничего. Виктора это порадовало. Как же иначе? Всего-то шестьдесят три вариации. Он радостно потер руки, но потом вновь посерьезнел:

– Черт, а если у нее нет телефона домашнего? Нельзя же забывать, что например, в частном секторе не везде проведены телефонные линии....

Немного подумав, он добавил:

– Справочник 86-го года. Адреса поменялись, телефоны сменили коды.... Да и адресаты многие уже на тот свет перекочевали. Нет, это не то...

Из-за этих двух выводов идея обзванивать по очереди всех указанных в телефонном справочнике лиц отпала сама собой. Виктор подумал, что у него слишком мало времени. Если ей осталось жить меньше суток, то каждая секунда была на счету, а часы неумолимо показывали, что уже три часа дня. Вновь возникла идея, посмотреть в социальных сайтах девушку с именем Анна и на сей раз с фамилией имеющей отношение к воскресенью. На его удивление компьютер включился без проблем, хотя Ильин, помня эпизод с

мобильным телефоном, был готов ко всему. Воскресенских, Воскресших, Воскресцовых, Воскресенковых, Воскресений, Воскресовых и т.д. Анн в своем городе он не нашел. Он пробежал глазами список фамилий с вариацией слова воскресенье. Вроде все возможные забил. А, нет.

– Воскресениева Анна? А ну-ка... Нет. Вот блин. Что, ни одной Ани?

На глаза попался справочник, раскрытый на нужных фамилиях.

– А! А как на счет Воскресной? – он ввел в строке поиска «Анна Воскресная». Enter. – Ура!!!

На него смотрела Аня, собственной персоной. Как он и ожидал, ей было лет двадцать. Не ошибся, значит. Она действительно жила в одном городе с ним.

– Страница доступна только для друзей... – прочитал Виктор. – Да и....

Это звучало радостно. Но не хватало только адреса.

– Воскресная... Воскресная... Воскресная! – повторял он в лихорадке, думая, наверное, что сошел с ума.

Первым движением было кинуться по адресам, указанным в старом телефонном справочнике, но он остановился на полпути, уже натягивая куртку на плечи. А вдруг это ложный след, и те три адреса уже давно не существуют? Вот ведь облом будет.

– Что же делать? Времени в обрез, тратить его впустую я не могу. Мне нужно наверняка знать, куда я еду.

Три адреса были в разных концах города, и объедет он все три никак не раньше часов восьми вечера. А если этот след ложный, то потеря такого количества времени будет стоить жизни той, кого он любил больше всего на этом белом свете. Нет, это недопустимо. Может, опять с Игорем связаться? Он же помог тогда с советом по поводу расклейки объявлений. И совет дельным был.... Ну, кому как не менту знать, где и как найти человека, имея его фамилию и имя. Он набрал номер, разговор был короткий.

– Алло. Здорово, Игорь. Как дела?

– Привет. Нормально. С другого номера звонишь?

– Нет, это мой, новый. Вчера купил.

– Слушай, Вить, я на задержание еду....

– Мне много времени не надо. Как найти адрес человека, зная имя, фамилию и марку машины, которую он водит?

– Смотря, какая машина...

– Бентли или Мозератти.

– Ого! У тебя проблемы?

– Да, но это потом.

– Я могу помочь?

– Нет, спасибо. Если, конечно, ты не святой. Тогда мог бы...

– Но...

– Игорь, я серьезно. Спасибо за предложение, но нет. Ты тут бессилён. Ты мне можешь помочь, только сказав адрес...

– Говори, как зовут человека. Я попробую по своим кана-

лам пробить. Но только после того как в отдел приеду....

– Хорошо. Воскресная, Анна....

– Чего?!

– Ты ее знаешь?

– Да ее отца половина города знает. ОАО «Молот» тебе знакомо?

– Ну, да....

– Ее отец владелец этой фирмы. Денег море...

– Ничего себе!

– Вот и я о том же. У него как раз черный Бентли Континенталь. Мозератти у дочери. Тоже черная. Мы выезжали к ним на неделе по вызову....

– По вызову? Что там было?

– Попытка ограбления. Запутанная история....

– Все живы? – у Виктора перехватило дыхание.

– Да, со всеми все в порядке. Во что ты вляпался, дружисше?

– Долго объяснять, куда я вляпался. Я тебе завтра позволю и расскажу, но сегодня я себе не принадлежу, мне нужно спасти одного человека....

– Ладно. Я тебе по смс скину адрес. Удачи тебе.

– Спасибо. Давай, созвонимся.

– Завтра позвони, расскажи, что там у тебя.

– Хорошо. Счастливо.

– Давай.

Через минуту пришло сообщение с адресом проживания

Анатолия Воскресного. Виктор кинулся к машине. Ехать было недалеко, и через пятнадцать минут Ильин ставил свое Вольво прямо на тротуаре перед домом Анатолия Борисовича. Ему было не до правил парковки в тот момент. Звонок в дверь. Еще один. Минутное ожидание. Еще звонок. Неужели даже охрана дома не откроет? Еще звонок. Никто так и не открыл.

А Виктор еще удивлялся, почему же не сгорел компьютер и не распался в руках телефонный справочник. И почему он в пропасть не сорвался на перевалах, и почему Игорь ответил.... Да все просто.

– Что, дружище, думал все так просто? Да хрен тебе! – он сел на капот Вольво, закурив. – Это не судьба отступила, это ты опоздал. Это ты опоздал, и уже ничего не можешь изменить.... Только поэтому ты еще жив и нет помех в твоём поиске. Уже ничего поменять нельзя.

Он закрыл глаза. Только и остается, что ждать пока кто-нибудь приедет. А там уже все будет известно.

Воскресному позвонили через час после того, как Анна с Валентином уехали. На часах стрелка приближалась к двенадцати. Звонили на мобильный, номер был незнаком.

– Да.

– Анатолий Борисович? – спросил у Воскресного вкрадчивый мужской голос.

– Да.

– Мне бы не хотелось звонить вам по столь печальному поводу, но ваша дочь гостит у нас, – голос говорившего был образцом вежливости, но в данном случае это было куда страшнее любых угроз. Воскресный знал, с кем имеет дело. На другом конце провода тоже знали, что ему все известно. И к чему были спектакли с разыгрыванием драматических сцен и напыщенных диалогов? Нужно было только озвучить цену и условия.

– Вы...

– Зайдите в почту. Там все есть, – трубку повесили.

Трясущимися руками Анатолий набрал в ноутбуке адрес своего почтового ящика. Там было письмо: «Добрый день! Угроз не будет, вы и сами знаете, с кем имеете дело. Завтра до двенадцати часов дня вы сложите с себя все полномочия по руководству фирмой в пользу второго зама, и в час вам пришлют сообщение, где вы сможете забрать дочь, живой. В обратном случае вы ее даже похоронить не сможете, и некуда будет цветочки положить. Ваш друг в этом убедился. Вы, конечно, можете обратиться за помощью к своим друзьям, но в этом смысла нет. За сутки вам вашу дочь не найти, пытаться бессмысленно. До связи».

Анатолий Борисович сел в кресло и закурил. Разум был чист, все эмоции отошли на второй план. Он согласится, в этом можно не сомневаться. Он и сам это знал. На кой черт ему фирма, если, не дай Бог, пострадает Анна? Но и на том конце провода понимали, что цена жизни дочери будет

слишком высока, если они не выполняют своих обязательств. Тогда все, и Белов и его работники будут кормить червей на кладбище. Воскресный расвирепел. Не спасется никто, он даже личную охрану перебьет в таком случае. Нет, он не терминатор, не сам все провернет. Но есть люди обязанные ему всем и у них есть подходящие бойцы. Тогда будет война. Пусть до него доберутся, пусть его потом хоть на пожизненное в карцер определяют – ему все равно. В этой жизни счастье для него составляет всего один человек – это его дочь. Все остальное приходящее и уходящее. Даже жен может быть десяток, а вот ребенок у него один. Да, люди Белова подошли к делу правильно – без угроз, которые ни к чему, когда ты ведешь диалог с адекватным человеком; без грубостей, так как Анатолий сильный и злопамятный человек; и без лишних ограждений, просто объяснив причину и следствия. Конечно, он может позвонить друзьям и начать войну, но это действительно, ни к чему не приведет. Анну наверняка спрятали так далеко, что найти ее за сутки возможности никакой нет. Добраться до Белова? Нет, тот не дурак, его, может, даже и в городе не будет на время всех этих событий; а если все же он у себя в особняке, то проще повторно взять дворец Амина, чем его дом. Опять же, любые открытые и агрессивные действия со стороны Анатолия Борисовича будут расцениваться как неподчинение. . . . Ну и итог известен. Они знают, он будет смирен. Наружка? Вряд ли. Выставлять против него наружку все равно, что к волку овец отправлять. Он ли-

бо отыграется на них из злости, или возьмет как языков. Да и к чему за ним следить? Белов знает, на что идет.... Воскресный действительно будет как шелковый. Чем ему грозит отказ от должности? Скорее всего жизнью, москвичи не поймут почему он их кинул. А если поймут? Нет, вряд ли. Нужно все объяснить людям. Предупредить и сказать, откуда ноги растут. Вениамин умный мужик.

Вениамин был для Воскресного тем же, кем Владислав Альбертович являлся для Белова. Разница была лишь в том, что Анатолий Борисович ни перед кем не гнул спины, и к нему относились с уважением, в то время как Белова его крыша ни во что не ставила. Выход был один – напрямую связаться с Вениамином и на свой страх и риск изложить ситуацию. Если его поймут, то москвичи придумают пути решения. Тогда Воскресный останется жив, как и Анна, вот только Белову не повезет. Анатолий, скорее всего, больше не сможет вернуться к управлению фирмы. Да и хрен с ним, с «Молотом». Денег и так хватит на три жизни вперед. Анатолий Борисович решил – откроет свою типографию, крупнейшую на юге, или на побережье в гостиничный бизнес подается. Смотря, что ближе будет. Но это так, если спокойная жизнь наскучит.

– Стоп! А зачем Белов собирал компромат, если мог спокойно похитить дочь и потребовать отречения в любую минуту? Что-то здесь не так.... – Воскресный подался вперед, задумавшись.

Итак, известно, что Белов через подставных лиц владеет фирмой Кронстрой, прямую конкуренцию которой составляет Молот. Белов хочет встать во главе Молота? Ему не дадут, Москва в любом случае поставит своего человека. Тогда где же выгода? Да она проста – если не будет Воскресного, под умелым управлением которого фирма все равно что кулак, будет возможность развалить Молот по кусочкам, и тогда Кронстрой станет номером первым по городской застройке. Но фирма у Анатолия Борисовича серьезная, с хорошим именем, с поддержкой госструктур. Вот тогда-то и понадобится компромат. Полная дискредитация ОАО «Молот», и все карты биты. Тогда и москвичи ничего не смогут поделать. Потянется цепь разоблачений, за махинации на Воскресного заведут уголовное дело, и он станет козлом отпущения. Он нужен живым, причем непременно. Это все понимают. Молот развалят, Воскресного посадят, а Кронстрой выбьется вперед. Понятно, что Белов не сам это все мутит, за ним стоит хорошая крыша. Та же Москва, только другие люди, которые тоже хотят получать свою выгоду. Ну а Анну похитили только лишь потому, что Валентин засыпался и раскрыл все карты. Нужно было что-то резко придумывать и пошли на крайности. По идее, с компроматом на Молот и Воскресный с его отставкой был не нужен. Или нужен? Ох, кабы знать!

Он налил себе полный бокал виски из бара-холодильника. Может, это поможет в его размышлениях?

Итак, что же дальше? Причины известны. Последствия еще нет. Белов думает, Воскресный не поддастся к москвичам, испугавшись за свою дочь или же просто испугавшись за последствия своего поступка. Белов думает, что он умнее всех, да вот только Анатолий Борисович был очень нелогичен, чем много раз путал карты своим противникам. Как бы сделал на его месте Белов? – Анатолий Борисович погрузился в размышления о своем враге. Они не раз сталкивались в разных кругах, и Воскресный успел понять его как человека. Уж чем-чем, но этим Анатолий мог похвастаться как никто другой. Там, где не хватало времени додумать, он чувствовал, и его чутье не уступало чутью гончей. Белов наверняка подготовил бы план к отступлению, дождался момента, когда можно забрать дочь, и свалил с ней из страны, подальше от москвичей и всех кто мог навредить. А что? Если не предупредить Москву, то времени, чтобы сбежать, пока они очухаются, будет предостаточно. Все-таки не в соседних дворах живут.... И тогда все будет гладко. Если Воскресный исчезнет из страны, тем легче на него будет спустить всех собак. Проследят цепочку, докажут что он сбежал, и тогда против него будут все вокруг. Белов непременно бы так и поступил. Ну, к чему воевать, если можно скрыться. На это расчет. Зря Белов так, нельзя же всех по себе мерить. А если Белов на другое рассчитывает?

Воскресный задумался, но все варианты, которые он прокручивал в голове, подходили куда меньше, и большая часть

из них была отсеяна как неосуществимая. Да, побег был и остается самым простым выходом. Если даже Белов и не думал об этом, то Воскресный подскажет ему путь, хоть бы и ложный. Пусть думают, что он сломался и решил сбежать. Так будет для всех проще, и, запутав тем самым Белова, он сможет сделать то, что решил. А решил он позвонить москвичам. Нет, не из лучших чувств к Вениамину и не ради своего бизнеса, не ради надежды, что его оставят в живых. Ради мести. Он с собой всех утащит. Пусть он сложит свои полномочия, но москвичи смогут разобраться во всем и подготовить адекватный ответ. У них больше возможностей, чем у Воскресного. Пусть это будет их головомойка. С Анатолия хватит всего. Он знает, как разговаривать с Вениамином. Его звонок будет означать лишь то, что он ни за что не предаст интересы фирмы, москвичи останутся в нем уверены. Они не станут потом за ним охотиться. Убирать его за то, что он слишком много знает невыгодно. За него информация никуда не просочится. Его давно уже могли убрать, но всем ясно – без Анатолия его фирма не будет так крепка. Все связи завязаны на нем, и прибыль моментально упадет в разы.... Это всем известно, его партнеры умные люди. Да и как бы ни был крут Вениамин, он тоже хочет жить. Он не первый год работает с Воскресным и знает, как тот решает свои дела. А возможность добраться есть до всех, было бы желание и деньги. Вениамин, скорее всего, предложит Воскресному стать из владельца фирмы ее генеральным ди-

ректором. Контрольный пакет акций, подразумевающая собой бразды правления фирмой и прибыль от нее, перейдет в Москву. Воскресный сядет на голый оклад. Престиж и связи останутся, выручка не упадет. Это устроило бы всех. Конечно, об этом москвичи уже давно мечтают, но не могут осуществить. Теперь смогут.

Итак. Он знает, в каком ключе вести беседу, а дальнейший план подскажут обстоятельства. Нельзя терять время. Время – это жизнь.

Первое. Звонок Даше. Нужно увести людей по ложному следу. О Даше Белову непременно известно все, и если даже она не его человек, то телефон Воскресного наверняка прослушивают, и информация дойдет до адресата.

– Алло, – слышалось на том конце провода. Голос был сонным.

– Привет, Даш. Как дела у тебя?

– Все хорошо. Я спала.

– Я разбудил? Извини.

– У тебя что-то с голосом. Что-то случилось?

– Да. Ты готова уехать из России? Страну сама выбери.

– Ой! – слышался радостный возглас. – Ты меня в путешествие приглашаешь?

– Не совсем. Я сказал уехать, а не путешествовать.

– В смысле? Переехать жить в другую страну?

– Да. Навсегда. Нет, тебе можно будет вернуться.... Это я сюда уже никогда не вернусь. Канада, Испания, США, Ан-

глия, Франция, Швейцария... назови любую страну. Мне с моими деньгами везде дадут вид на жительство.

– Это серьезный шаг. А в качестве кого я поеду? Твоей любовницы? Там ты и посимпатичней можешь найти.... – голос Даши стал горек.

– Моей жены. Я этого хочу, – Воскресный не менял тона. Голос оставался так же спокоен и глубок. Таким тоном предложение выйти замуж, тем более звучащее как ультиматум, наверное, никто никому еще не делал.

– Я согласна. Когда? Через неделю?

– Завтра к вечеру. Если хочешь, то можешь остаться, я потом вышлю билет. Сколько тебе надо времени, чтобы завершить дела?

– Недели хватит. Но свадьба?

– Давай отпразднуем свадьбу в Венеции. Я все устрою.

– Я согласна.... – Даша еле сдерживала радость. – Но зачем тебе уезжать?

– У меня проблемы с бизнесом. Я не могу оставаться в России. Или ты как жена декабриста меня из тюрьмы ждешь? – он улыбнулся.

– Ну, если можно без этого.... Ты заедешь попрощаться?

– Не знаю. Но если что через неделю день в день ты получишь билет до Венеции. Мне нужно идти.

– За билетами?

– Да. В аэропорт. Я не знаю, может за домом следят.... Буду стараться как-нибудь проскользнуть.

- Ну давай, удачи тебе.
- Спасибо. Целую. Пока.
- Пока.

Анатолий положил трубку. Ход сделан. Нет, он не блефовал на счет женитьбы, он и сам хотел этого. Так как он подзревал сейчас всех, то и Даша не избежала подобной участи. Он думал, что она как-то связана с Беловым. Это могло быть и не так, конечно, но лучше подстраховаться. В случае, если она действительно любит его, он женится; если же она работает на Белова, Воскресный непременно об этом узнает. Вот и все. В данное время он использует ее в своих целях. Ради дочери Воскресный готов даже на это, хотя и влюблен в Дашу. Свое он уже отлюбил, и теперешнее чувство спокойное. Это хорошо.

Теперь второе. Звонок в Москву. Из дома звонить было опасно, так как могли, или поставить жучки, или установить прослушку с улицы. Когда на кону такие деньги все средства хороши. Конспирация связи между Вениамином и Анатолием Воскресным была на высоте. Они никогда не решали дел по телефону, Воскресный сам приезжал в Москву, и там уже, в ходе встречи обсуждались насущные вопросы. Но, на всякий случай, если вдруг что-то пошло бы не так, Вениамин дал мобильный телефон, в памяти которого был всего один номер, но номер необходимый. Об этом телефоне знали только двое, просто так он никогда не включался, даже батарея находилась отдельно в упаковке. Воскресный не

сомневался в том, что она не подведет. Теперь напрямиком в аэропорт.

Анатолий Борисович, когда проходил мимо часов, заметил что было два часа дня. Что ж, время еще есть, Вениамин успеет что-нибудь предпринять. Так как Бенгли остался в аэропорту, пришлось брать Мозератти. Путь до аэропорта прошел без приключений, краем глаза Анатолий Борисович заметил наружку, которая вела его, но отрываться от нее он не собирался. Зачем? Пусть думают, что от страха у него неполадки с мозгом и что он ни о чем не думает кроме побега. Он купил два билета в Италию на следующий вечер, и как бы проходя мимо, завернул в туалет. Это было самое подходящее место для звонка. Звонить из машины было опасно, могли и там установить прослушку, когда, например, Анна загоняла свое авто на мойку; на улице мог услышать кто угодно, в то время как в туалете, даже если кто и услышит, ему будет все равно. Трубку сняли после третьего гудка. Это был Вениамин.

– Добрый день, Вениамин. Это Воскресный.

– Здравствуйте, Анатолий, – Вениамин был ровесником Воскресного, и они привыкли общаться без отчеств. – Вы звоните по закрытому каналу.

– Я знаю. На то есть причины. Слушайте внимательно, у меня мало времени. Пока я ушел от наружки... Кто-то из Москвы копает под Молот. Здесь действует господин по фамилии Белов, Сергей Юрьевич. Это один из хозяев Крон-

строю. Меня предали, главный юрист фирмы сливала информацию. Собран компромат, репутация фирмы под угрозой. Доверие упадет. До завтрашнего дня они ничего предпринимать не будут. Похитили мою дочь и требуют отречения от должности в пользу второго зама. Завтра в двенадцать.

– Что вы решили?

– Предупредить вас. Завтра в двенадцать я, если до того времени не смогу найти дочь, подпишу документы. У меня нет выбора. Я понимаю ответственность и готов ответить за свои действия, – Воскресный смирил свою гордость. Так было надо в этот момент.

– Отвечать не придется, ведь вы предупредили меня обо всем. Вашей вины нет. Как говорят, кто предупрежден, тот вооружен... Завтра до двенадцати все проблемы будут решены. Компромат у Белова?

– Да.

– Можете ни о чем не беспокоиться, мы все сделаем. Но за это вам... – он находил нужные слова.

– Стать генеральным директором? Вы ведь хотите контрольный пакет акций? – Воскресный знал, чего от него хотят.

– Да.

– Согласен. Условия заработной платы обговорим при встрече. Я приеду в Москву во вторник, если, конечно, все решится....

– Не беспокойтесь. Мы умеем работать с людьми... раз-

ного контингента, – Вениамин улыбнулся в трубке. Это был для кого-то дурной знак. За три года Воскресный не помнил, чтобы он улыбался хоть раз. – Что-то еще?

– Вроде все.

– Я свяжусь с вами по этому номеру завтра в десять утра. Скажу, что к чему. Вы готовы?

– Да. Единственное, моя дочь...

– Не беспокойтесь, мы все сделаем аккуратно. Она не страдает.

– Так было бы лучше для всех, – в голосе Анатолия проскользнула угроза. Ее заметили на другом конце провода.

– Не беспокойтесь, – голос был вкрадчивым. – До связи.

– До связи, – Воскресный повесил трубку.

Как будет действовать Вениамин, Воскресный угадывал довольно-таки четко. Все события будут развиваться в Москве, вряд ли он успеет перебросить агитбригаду на юг до наступления ночи. Анатолий обозначил человека, его спектр интересов, а Вениамин проследит, куда уходят ниточки паутин. То, что ему это удастся сделать, Воскресный не сомневался. Вениамин работал на таких людей, даже думать о которых Анатолию не хотелось. Для начала берется распечатка звонков телефона, содержание разговоров, контакты в Москве, и так далее. Все закручивается стремительно.... Это же как ящерица – пока не отрубишь голову тело будет жить. Голова в Москве. Отрубят ее и поставят Белову ультиматум. Если он передаст документы, то останется жив; но

если он решит придержать документы, ему придется плохо. Вот и вся любовь....

На парковке за три места от Мозератти Анны, Анатолий увидел БМВ наружки. Совсем охренели, товарищи. Они бы еще на капоте его машины уселись.... Рука нащупала в кармане тонкую финку. Это не было как таковое холодное оружие, скорее произведение тюремного искусства, которое ему подарил друг. Небольшая складная пика с лезвием не более десяти сантиметров, была остра как бритва. Серебряная рукоятка, украшенная сапфировой крошкой, создающей утонченный узор, удобно ложилась в руку, а благодаря небольшим размерам нож мог поместиться в любой карман. Крепости пики не было пределов, а само лезвие ребята выполняли из какой-то сверхпрочной стали. Воскресный никогда не расставался с этим талисманом, единственным недостатком которого был вес. Поначалу парни из наружки не поняли, зачем Воскресный подошел к их машине, и растерялись. Когда поняли, было уже поздно. Нет, Анатолий не стал трогать людей, нож ему был нужен для того, чтобы с остервенелостью порезать три ската из четырех. Не проколоть, а порезать. Один из наружки дернулся было открыть дверь, но под взглядом Анатолия он сунулся обратно, видимо, немного испугавшись. Судя по взгляду, Воскресный был готов порезать и его.... Поэтому парни, растеряно хлопая глазами, обескураженные такой наглостью, не издали ни звука когда Воскресный сажился за руль Мозератти. У него на душе немного

полегчало.

Воскресный, подъезжая к своему дому, увидел на тротуаре темно-синий Вольво, на капоте которого сосредоточенно курил молодой высокий парень, задумчиво смотрящий, в свою очередь, на приближающийся черный Мозератти. Приятное и спокойное лицо отчего-то расположило к себе Анатолия Борисовича, и ему даже не захотелось поломать конечности человеку за то, что он так припарковался, перекрыв въезд во двор. Он остановил машину возле тротуара и показал рукой, чтобы парень отъехал. Тот же, в свою очередь сделал знак выйти из машины и подойти к нему. Теперь Воскресный почувствовал раздражение, готовое вот-вот вылиться в ярости. Еще не хватало, чтобы какой-то сынок ставил свои условия и чинил препятствия. Да, характер Анатолия Борисовича оставлял желать лучшего.

Но этот раз он столкнулся с не менее вспыльчивым и сильным характером Виктора, который тоже был на пределе спокойствия. И если Воскресному в его делах мешали люди, то Виктору мешала судьба, что вызывало не меньшую агрессию с его стороны. Он, конечно же, сразу узнал машину, которая по идее должна была принадлежать Анне, но за рулем ее сидел взрослый мужчина, нервно показавший, чтобы Виктор проваливал с его пути. Ильин понимал, что это, несомненно, отец Анны, и не стоит идти с ним на конфликт, но он очень хотел поинтересоваться о судьбе его дочери, и времени на

то, чтобы ждать пока он припаркуется, у Виктора не было. Поэтому он в свою очередь показал, чтобы Воскресный выходил из машины, сам тоже оторвавшись от капота. Одним словом, к разговору оба подходили в напряжении, не испытывая особого удовольствия от предстоящего общения.

Воскресный покинул автомобиль.

– Добрый день. Подскажите, как я могу с Аней увидеться? – Виктор не стал ждать, когда с ним заговорят первым, понимая, что хорошее ему вряд ли скажут.

Анатолий Борисович остановился напротив парня, с интересом рассматривая субъекта. И что же ему сказать-то? Послать сразу или посоветовать прийти попозже? Не до водителей сейчас.

– Добрый день, – в свою очередь сказал Анатолий Борисович. – Она в отъезде, приходите через пару дней.

– Спасибо за предложение, но мне необходимо с ней увидеться. Подскажите, пожалуйста, куда она направилась, – Виктор был образцом вежливости, как внешне, так и внутренне. Он смирил все чувства и набрался терпения.

– Она в Канаде. Вы довольны? – Анатолий Борисович хотел уже развернуться, чтобы сесть в машину. – Уберите пожалуйста машину, вы въезд загораживаете.

– Подождите. Какой город? Есть точный адрес? Это очень важно, – Виктор почти умолял.

Воскресный остановился, недоуменно глядя на человека перед ним. Он вообще, в своем уме?

– Вы что поедете туда?

– Поеду. Скажите адрес, времени в обрез. . . . – горечь ответа подсказала Воскресному о чувствах Виктора. Виктор уже начинал терять терпение. Он больше ожидания и наглости в жизни не любил только кого-нибудь о чем-нибудь просить. Что поделаться, такая черта характера.

Наверняка у парня с головой не в порядке. Только таких знакомых его дочери не хватало. . . .

– Слушай, езжай-ка ты. . . – в голосе Анатолия Борисовича звучала неприкрытая угроза.

– Дядя, я и сам устал от тебя, – перемена тона Ильину была не по душе. Он и так сдерживался уже пару минут. – Скажи адрес и я уеду.

Воскресный схватил Виктора за грудки куртки, крепко сжав. Виктор схватил его за кисти, сжав не менее сильно и резко. В силе они друг другу не уступали. Воскресный в глазах Ильина видел несгибаемую волю и решимость; тот в глазах Анатолия встретил ярость.

– Ты. . . – начал было Воскресный, но Виктор его опередил.

– Можем подраться, а потом поговорить, а можем сначала поговорить, а потом подраться. Я не уйду отсюда.

Ответ Воскресному понравился хотя бы тем, что перед ним был настоящий мужик, а не пластилиновое подобие. Стержень внутри либо есть от рождения, либо же его нет совсем. И таких подавляющее большинство. Анатолий отпу-

стиль парня, тот тоже разжал захват.

– Что за спешка? – Воскресный подозрительно посмотрел на Виктора.

– Ты ее отец? Так?

– Ну да.

– У меня есть все основания предполагать, что Ане грозит опасность. Дай ее адрес, я хоть в Антарктиду полечу.... – Виктор полностью смирил свой порыв раздражения. Он снова стал собран.

– А... – Воскресный поймал ступор. Откуда этот пацан узнал об Анне и о том, что ей что-то грозит. Кто-то от Белова? Вряд ли. Любовь не подделаешь, как ни крути. А этот парень действительно готов за Аней хоть в огонь прыгнуть. Неужели они встречаются, а Анатолий даже не знает об этом? – Кто ты ей?

– Мы время теряем, – Виктор опустил глаза. Да, а кто он ей? Да никто. Разве это важно? – Главное, на что я готов ради нее.... – как в продолжение своих мыслей произнес он вслух.

Воскресный посмотрел в глаза парня и понял, что тот не шутит. Нет, он не одержимый. Слишком умен для такого порока. Наверное, как-то что-то узнал по своим каналам и приехал, чтобы выяснить все от первого лица. Не иначе.

– Пошли в дом.

– Но Аня... Время... – Виктор немного растерялся. Он не ожидал от Анатолия такого предложения.

– Тебе некуда спешить. Есть разговор, – Воскресный по-

нял, что этому парню можно доверять. Я уже говорил, насколько он верил своему чутью, которое в данный момент подсказывало именно об этом. Пацан не фальшивый. Да и любопытство взяло свое. Откуда вообще этот субъект узнал об угрозе?

– Машину убрать?

– Нет. Пусть стоит.

В доме они прошли прямо на второй этаж, в библиотеку. Там у Воскресного за одним из стеллажей была обустроена тайная комната, о существовании которой не знал никто. Там уж точно не было жучков, там даже сотовая связь не брала. В том месте можно было говорить о чем угодно, не боясь быть услышанным. Виктор немного удивился такой конспирации, но промолчал. Не его ума дело. Они сели в кресла, напротив друг друга.

– Как тебя зовут-то? – Воскресный закурил.

– Виктор. Как к вам обращаться? На вы? На ты? – Ильин тоже прикурил сигарету.

– Давай на «ты», раз уж начал. Я Анатолий. Сначала я буду спрашивать. Откуда ты знаком с Аней?

– Неважно. Мне действительно надо ее видеть, – Виктор умолял.

– Ее похитили, – Воскресный понял, что если он не расскажет суть дела, то от Виктора ничего не добьется. – Тебе некуда спешить. Так откуда ты ее знаешь, и почему тебе известно об угрозе ее жизни.

– Похитили?.. – Виктор подорвался на месте.

– Сиди, – приказал Воскресный. – Об этом потом.

– Но...

– Я отец, и я не нервничаю! Тебе что-то еще нужно? Откуда ты ее знаешь!? – Воскресный повысил голос. Виктор сел.

– Я ее знаю... – Виктор растерялся. Если он назовет все как есть, то разговора не будет. Его сочтут сумасшедшим. Что же делать? Что же делать?

– Ну? – Воскресный превратился в ожидание.

Стоп! А что там Аня в последнем сне говорила об Англии? Ей снилась Англия, девятнадцатый век. Но рассказала ли она об этом сне отцу?

– Аня не рассказывала о своем сне? Англия, девятнадцатый век... – Виктор сделал паузу, выжидая реакцию.

Брови Анатолия Борисовича потянулись вверх. Он знал свою дочь, которая пошла в него своей скрытностью. Рассказать о сне она могла только ему, ну, и еще может Алисе, лучшей подруге. Алиса не болтлива. Это в ней и ценила Анна... Так откуда, черт возьми, узнал об этом сне Виктор?

– Да, – выдохнул Анатолий.

Виктор вздохнул облегченно. У него с души сорвался огромный валун. Теперь будет проще.

– Я ей снился, – сказал он с расстановкой, чтобы до Анатолия дошли его слова. – И она мне снилась. Можешь не поверить, но это сушая правда.

Воскресный пару раз моргнул глазами. Дочь описывала

сон в подробностях, она даже описала незнакомца из сна. Сидящий перед ним парень подходил под это описание. Но возможно ли это? Если бы не уверенность в том, что Анна не стала направо и налево рассказывать о сне, он бы вышвырнул этого субъекта на улицу, или чего похуже сотворил. Воскресный молчал, недоверчиво глядя на Виктора.

– Вот, посмотри, – Ильин протянул Воскресному плакат о розыске Ани. – Она мне приснилась вот такой. Испания, пятнадцатый век. Я понимаю, в это сложно поверить....

– Нет, я тебе верю, – Воскресный ошарашено хлопал глазами, но уже убедился, что парень не врал. О рубиновой диадеме он точно не мог узнать. Анна буквально как не позавчера жаловалась, что ни разу ее не надела. То есть никто ее не видел, кроме самого Воскресного и Ани. Даже Алиса. Аня не хвасталась отцовыми подарками.... А здесь ее портрет именно в этой диадеме. Кроме как мистикой этого не объяснить.

– Так вот, она мне приснилась, и я начал искать ее после этого сна. Процесс был долгий, я не буду разглагольствовать. В итоге я только сегодня узнал ее адрес и приехал сюда. Кроме как во сне мы не встречались с ней.

– Я понял, – информация еще доходила, но суть Воскресный уловил. Пусть так. – Но откуда ты узнал об угрозе?

– Почувствовал, для начала. А потом, в каждом из снов наши отношения заканчивались ее смертью.

– Но ведь вы еще не встречались даже? – Анатолий уди-

вился. – И что, сон не один был?

– Снов было два, Италия шестнадцатого века и Испания, как я уже говорил. Но это не важно. Я не буду до конца открывать того, что я узнал в ходе поисков, слишком долго и непонятно. . . . Главное, что если я сейчас успею ее спасти, то проклятие прекратится. . . .

– Проклятие? – у Анатолия открылся рот, чтобы потом снова закрыться. Реально ли это? Хотя, если люди находят друг друга через сны. . .

Виктор понял, что сказал нечто лишнее. Но выхода не было.

– Да проклятие. На ней и на мне. Мы обязаны встречаться из жизни в жизнь, чтобы она умирала. Если я хоть в одной из жизней ее спасу, проклятие теряет свою силу. Хочешь, верь, а хочешь, нет, но это правда.

– Я не знаю даже. . .

– В общем, как бы то ни было, но и у меня, и у тебя одна цель, а остальное не так важно. Нам нужно найти Анну, – Виктор произнес это со всей твердостью, на какую был способен.

– Послушай, я не буду тебе рассказывать всего происходящего, но пойми одно – люди, которые похитили мою дочь, прекрасно осведомлены кто я и какие у меня возможности. Они так глубоко спрятали Аню, что найти ее нет никакой возможности. Ты это понимаешь? Я уверен, что с Аней все будет в порядке. То, чего от меня требуют, я выполню. Те,

кто ее похитил, знают, что будет с ними в случае, если Аня пострадает. Я доходчиво объясняю?

– Более чем. Но я скажу, что Ане осталось жить до утра. Я не похож на сумасшедшего, и отдаю себе отчет в своих словах. Я это знаю, – Виктор трезвыми глазами смотрел на Воскресного, и от этого взгляда у него пробежали по коже мурашки.

Анатолий Борисович до вторника, когда его дочь спасла какая-то неизвестная тварь, в мистику не верил, и никогда не сталкивался со сверхъестественным. Теперь же, после того как в запертом доме кто-то умудрился загрызть здорового грабителя, выпив при этом всю кровь, а Анна в свою очередь говорила что-то про неизвестного черного кота, Анатолий начал задумываться о том, что в этом мире очень много неизведанного. Да, он отпустил мысли о произошедшем, сославшись на галлюцинации и какое-то стечение обстоятельств. Но на самом деле он не мог не признать работу высших сил. Думай об этом, или не думай, но факт остается фактом. Поэтому теперь к словам Виктора он отнесся серьезно.

– Что тебе позволяет так думать? – Анатолий закурил, стараясь унять дрожь рук.

– Мне сказали об этом, – Виктор ответил, но ответил уклончиво. Очень сложно рассказывать человеку вещи, которые находятся выше его понимания.

– Говорят, что быков доят, – Анатолий невесело усмехнулся.

– Эм... – Виктор потер переносицу. – Если я скажу все, как есть, ты сочтешь меня сошедшим с ума, и разговора у нас не получится. Есть вещи, которые выше понимания простых смертных.

– Говори. После вторника я готов и в Санта-Клауса поверить.

– А что во вторник было? – Виктор не удержался от любопытства. – А, ну да. Как я мог забыть! Ограбление. Мне же говорили об этом сегодня....

– Кто говорил?

– Мой товарищ, капитан в УРе. Но это к делу не относится. Так что удивительного произошло?

– Ты пытаешься от темы уйти?

– Нет. Я могу и первым на твой вопрос ответить. Но мне долго рассказывать. Слишком долго.

– Я понял. Во вторник какая-то тварь порвала на запчасти грабителя в моем доме, и скрылась после этого через окно. Если бы не это, моей дочери уже не было бы в живых. Вот и вся история....

– Это Азель, не иначе... – Виктор произнес это вслух раньше, чем успел подумать. Что-то плохая тенденция складывалась, ведь он этим никогда не грешил до того....

– Кто? – Воскресный оторопел.

– Азель, кот. Черный, такой. Но я не уверен, что ты мне поверишь....

– Ну да, кот. Аня говорила, что кога видела.... И что ты

заладил? Поверить тебе или нет, я сам решу. Говори дальше.

– Во вторник, вернее получается со вторника на среду, ночью, мой кот пришел весь в крови. Он видимо кого-то съел.... И этот кто-то, как оказывается, был грабитель в твоём доме. Я не верю в случайные совпадения. Азель должен был оберегать меня и Анну, пока мы не встретились бы. Без его помощи я бы не нашел твою дочь, зная только имя и внешность. Имя, не фамилию. Я только сегодня узнал как ее полное имя.

– Да. В миллионном городе это, конечно почти невозможно.... А кто такой этот Азель? Просто кот? – Воскресный налил себе стакан виски и выпил залпом половину. Он верил пареньку, сидящему напротив; верил вопреки всем протестам мозга. Если ты чего-то не в силах понять, то не значит, что это невозможно. Это золотое правило Анатолий принял уже очень давно.

– Нет. Это... демон, – Виктор сказал как есть, покосившись на Воскресного. Прогонит он сейчас? Скрутит? Вызовет бригаду санитаров?

– Ты ничего не принимал? – Анатолий как-то странно посмотрел на Ильина.

– Только легкие наркотики, – он грустно пошутил. – Ты думаешь, мне легко узнавать, что я когда-то был ангелом, и меня изгнали из Рая лишь за то, что я полюбил твою дочь, которая на тот момент еще такой не была!? Давай, вызывай дурку. Я даже готов добровольно им на руки отдаться, но

только прежде я хочу найти Анну. Больше в этой жизни меня ничто не волнует. Ну, что застыл? Переварить информацию сложно? Сам спрашивал, я не хотел говорить... Азель, помоги по старой дружбе, – взмолился Ильин. – Мне это нужно как никогда... – добавил он в полголоса. И после этого трижды произнес полное имя своего бывшего телохранителя.

Виктор ни на что сильно не надеялся, но произошло невероятное. Пепельница не столе взлетела в воздух, и начала мерно кружиться. Сначала вспыхнули окурки в ней, а потом сама она раскалилась до бело-желтого цвета, и с краев начали падать на стол капли расплавленного стекла. Капли собирались в слова. Когда от пепельницы ничего не осталось, на столе было выведено: «Sum natus a ignis»². Виктор оторопел, но это не помешало ему сказать спасибо за оказанную помощь. А вот Анатолий Борисович не то что оторопел, а просто замер, не шевелясь и не дыша. Хватило его на минуту, по истечению которой он нервно потянулся за бутылкой виски. Глаза так и не приняли свой обычный размер. Он испугался чего-то, впервые за несколько десятков лет. Наверное, он чего-то боялся лишь в детстве.

– Ну что? Веришь теперь? – Виктор почти торжествовал. Он и не надеялся что сможет, даже с чьей-либо помощью убедить Воскресного в своей правоте.

– Угу!... – Воскресный глотал дорогуший шотландский напиток прямо из горла. – Твою мать! – он еле продышался,

² Я рожденный огонь (лат.).

пару раз кашлянув при этом. – Ого!

– Сейчас уже шесть. У нас на самом деле немного времени. Уже закат....

– Хорошо. Хорошо. Я тебе верю. В чем суть всего происходящего? Теперь можешь рассказывать, я пальцем у виска не покручу. Клянусь тебе, – в глазах Анатолия Борисовича зажглось любопытство.

– Никому об этом. Даже Анне. Это действительно выше понимания, – Виктор достал сигарету, но не стал ее прикуривать, так как теперь некуда было стряхивать пепел. Он решил рассказать свою историю с момента Византии. Незачем кому-то знать о войне и об изгнании павших....

Изложения хватило на десять минут. Ильин особо не вдавался в подробности, это было лишним. Когда он закончил, Анатолий тер переносицу. Он вдумывался в услышанное.

– Что ты хочешь предпринять? – спросил он. – Кроме как без помощи высших сил, тебе ее не отыскать.

– Я обращусь к одному человеку. Это женщина. Она как раз таки и общается с этими силами. Мне нужна Анина фотография. И самая подробная карта города с пригородами.

– Я тебе дам. Ты же понимаешь, я не могу покинуть свой дом. Тогда будут думать, что я не согласен на условия....

– Да, конечно. Я сам все решу. Можешь не переживать, – Виктор кивнул.

Воскресный поднялся.

– Пошли, провожу.

В библиотеке нашлась нужная карта, а когда они проходили мимо гостиной, Анатолий взял со стола Анину фотографию, и вынул ее из рамки.

– Держи. Удачи тебе.

– Спасибо. Я без нее жить не хочу. Знай об этом.

– Я верю, – Анатолий улыбнулся. – Ну и странный же мне зятек попался. . . . – добавил он, закрывая за Виктором дверь.

Анна почти не помнила, как ее привезли на склад. Она, до того как убили Валентина, еще отдавала себе отчет в происходящем, но потом у нее началась истерика. Ее душили слезы, перед глазами все плыло, а разум отказывался понимать происходящее. Ей было обидно, так как она ничего не могла сделать, и очень больно, что на ее глазах застрелили человека, которого она знала с рождения, привыкнув к нему за годы и считая почти вторым отцом. Всегда больно кого-то терять, когда ты не в силах поменять происходящее. До склада они ехали недолго. Он находился всего в паре километров от аэропорта.

Здание, куда привели Анну, представляло собой прямоугольник десять на пять метров. Это был сложенный из кирпича одноэтажный бокс. Внутри, по-над стенами кирпичного бокса были навалены горы разного хлама, который представлял собой кучи тряпья, старых покрышек, пустых канистр и кое-каких ржавых запчастей на легковую машину. Скорее всего, там когда-то была автомастерская, самого примитивного типа. Анна догадалась об этом, но ей было все равно. Она уже даже не сопротивлялась, понимая что с закованными в наручники руками (равно как и без оных), она не в силах противостоять двоим мужчинам. Анну посадили

на диван в углу, приковав руки к трубе. Ей было даже почти удобно, по крайней мере, она могла лечь, что и сделала с выражением полной отрешенности на лице. Один из убийц, который был постарше, обратился к Анне, впервые за время, которое они провели в вынужденной компании.

– Ты пойми, надолго мы тебя не задержим, и тебе ничего не угрожает, если твой отец согласится на наши условия. Завтра в обед ты будешь свободна...

– Или будешь мертва! – мерно влез в речь своего товарища второй, который был помоложе.

Анна не удостоила их даже взглядом. Она все так же глядела в потолок.

– Тебе придется провести в нашей компании всего лишь ночь, – закончил свое высказывание старший, презрительно окинув молодого взглядом.

– Эй, ты! К тебе обращаются, кукла, – сказал молодой Анне. – Ты что такая смелая, да? Она нас презирает, – он обернулся к старшему.

– Пусть и дальше презирает. Ее право.

– Может, научить ее хорошим манерам?.. – он оценивающе посмотрел на девушку.

Второй молча схватил его правой рукой за полу куртки, и, подбив правую ногу под колено, несильно крутанул на месте, отчего товарищ приземлился на колени. Моментально переместившийся за спину убийца потянул полу куртки через горло, влево и надавил на затылок. Молодому стало нечем

дышать и он захрипел.

– Ты, животное, еще хоть слово или даже взгляд в сторону этой девчонки и я тебя самого рядом с ней на этом диване буду воспитывать. Я хочу жить, а если ты ее тронешь, такой возможности у меня не будет. Поэтому мне проще тебя придушить, чем самому под молотки попадать. Доходчиво объяснил?

В ответ было лишь хрипение.

– Кивнул, быстро.

Молодой закивал с частотой маховика.

– Так лучше.

После того, как парень продышался, он встал с колен и прислонился к стенке возле дивана.

– Ну и круто же ты, Азамат, воспитываешь.... – он со страхом покосился на старшего.

– А с тобой по-другому никак. Ты ж доброту за слабость принимаешь. С тобой только жестко надо. На девчонку ноль внимания, презирает или ненавидит – не наше дело. Наша задача обеспечить ее сохранность до утра, а остальное не колышет. Захочет жрать – сама попросит.

Но Анна есть так и не попросила. К вечеру начал опускаться туман, заметно похолодало. Старший из убийц включил тепловую пушку, и температура принялась постепенно расти. Чтобы убить время они включили какой-то фильм на ноутбуке, потом поиграли в карты. Так прошло несколько часов. Дважды старший отзванивался кому-то и докладывал

обстановку. А в остальном жизнь текла мерно. Анна вставала только раз, по своим нуждам. Ни есть, ни пить она не хотела. В принципе, охрана была только рада такой молчаливой заложнице. По крайней мере, эта не кричала, как другие и не требовала к себе повышенного внимания. Даже не нужно было залеплять рот.

О чем думала Анна? Одному лишь Богу известно. Да и думала ли она вообще о чем-нибудь? Весь вечер она лежала с закрытыми глазами, и быть может, даже спала. Ее не трогало ни присутствие убийц, ни положение заложницы, ни судьба Валентина, равно как и ее собственная. Пришла отрешенность, какое-то оцепенение и вялость. Она хотела только одного – увидеть отца, или Виктора. Больше ее ничего не волновало. Она знала, что отец согласится на любые условия, лишь бы она осталась жить, ну а до утра времени оставалось не так уж и много.

Около одиннадцати вечера старший из надсмотрщиков вяло поднялся из складного кресла и потянулся.

– Я спать. В три часа приду, и сменю тебя до утра. К девочке не приближайся даже. Я серьезно. Тронешь – можешь сразу яму копать.

– Я понял.

Старший ушел, а молодой остался сидеть в кресле. Он отнесся к словам товарища серьезно, и от лишнего соблазна даже развернул кресло, чтобы не смотреть на пленницу. За полчаса до полуночи он заснул. Анна не спала, но и не смот-

рела вокруг. Она все так же лежала с закрытыми глазами, и поэтому не увидела, как самым чудесным образом от внезапно поднявшегося сквозняка кусок оберточной бумаги взлетел в воздух и поплыл, мерно раскачиваясь, к тепловой пушке. Пушка была направлена параллельно стене, но находилась всего в метре от тряпья, накиданного кучей. Именно поэтому и случилось следующее. Как только кусок бумаги засосало внутрь пушки, сверху горки тряпок упало шерстяное одеяло, все в пятнах от масла и керосина. Из жерла пушки стал вырываться огонь. То горел кусок бумаги, и так как одеяло упало прямо перед пушкой, пламя достало до него. Сухое и промасленное, оно вспыхнуло моментально. С него огонь перекинулся на остальные шмотки и те моментально занялись. Когда Анна открыла глаза, в комнате уже начинал скапливаться дым. Она закричала, но молодой похититель не проснулся. Анна закричала сильнее, но реакции не было. Она не знала, что у него во сне остановилось сердце, внезапно и беспричинно. Это работала судьба. Старший похититель, сидящий в машине, и не мог слышать криков, – не позволяли почти герметичные ворота и закрытые окна авто. Бокс, в котором содержалась Анна, стоял на краю пустыря, метрах в пятидесяти от жилых домов. Рядом были только два магазина, закрывшиеся на ночь. Поэтому и с улицы некому было прийти на выручку.

А дым все заволакивал и заволакивал пространство, приглушая яркость лампочки и затрудняя дыхание. Не было ни-

какой вероятности, что диван загорится, потому что он стоял почти по центру стены, единственно свободной от хлама, и ни над ним, ни под ним не было никаких вещей, кроме пары выхлопных коллекторов и четырех покореженных дисков от ВАЗа. Они загореться не могли. Страшнее было другое – смерть от отравления угарными газами. Анна плакала, кричала и пыталась разломать крепкие наручники, прикованные к металлической трубе.... Я не буду описывать подробности, это ни к чему.... Все было тщетно. Она умерла в пять минут первого.

Виктор стоял перед домом колдуньи, которая помогла ему узнать свое будущее. Он не звонил заранее, так как сел телефон, а зарядка из машины куда-то испарилась, как назло. Часы показывали восемь вечера. Ильин перекрестился и позвонил в дверь. Открыл дверь незнакомый мужчина, по-видимому, муж Марины Васильевны.

– Добрый вечер. Не могли бы вы пригласить Марину Васильевну?

– Добрый. Вам не кажется, что в воскресенье вечером можно дать людям отдохнуть? – мужчина строго посмотрел на Виктора, сказав эту фразу очень раздраженным тоном.

Виктор стерпел. Он даже не нахамил, хотя ему очень хотелось что-нибудь сделать с противным субъектом, открывшим дверь. Он помнил, что говорила колдунья – муж был против приема посетителей на дому. Что ж, ради Анны он

готов и не на такое.

– Позовите, пожалуйста, Марину Васильевну, – Виктор произнес это уже не так любезно, как перед тем, но вполне вежливо.

– Приходите завтра, – мужчина хотел закрывать дверь.

Виктор не стал возражать, а лишь вздохнул. Он понял, что скандалом может только навредить, так как Марина Васильевна вряд ли оценит, когда ее мужа будут спускать по ступенькам вниз головой (что непременно произойдет в случае скандала). Просьбы же, в свою очередь дадут понять, что открывший дверь является хозяином положения. Ильин совсем не хотел, чтобы тот так подумал. Поэтому он сел на ступеньки и демонстративно закурил, повернувшись спиной к мужчине. Тот уставился в спину Виктора, удивляясь такой наглости. Желание закрыть дверь пропало.

– Вы плохо слышите? Уходите, немедленно! – сказал он.

– Спасибо, я здесь подожду, – Виктор даже не оборачивался. Он хотел, чтобы возгласы мужа привлекли внимание колдуньи, и она вышла бы на порог.

– Я полицию вызову! – мужчина свирепел. Он понял, что пытаться физически воздействовать на Виктора бессмысленно, так как на его стороне была молодость и сила. И это бесило.

– Вызывайте. Но лучше позовите жену, – Виктор обернулся. – В воскресенье вечером к колдунам по пустыкам не приходят....

В это время на пороге появилась Марина Васильевна.

– Что тут? – спросила она, и тут же узнала Ильина.

– Здравствуйте... – сказал Виктор, вставая и улыбаясь как можно приветливей. Он искренне был рад встрече.

– Да вот этот... субъект хамит, – муж не находил себе места, не зная как бы ему излить свою ярость.

– Виктор, ты хамил? – Марина Васильевна удивилась.

– Нет, вообще-то. Я лишь сел на порог и закурил.

– Да... – начал муж, но колдунья его оборвала жестом.

– А зачем? – спросила она.

– Ваш супруг отказался пригласить вас к двери, и я решил ждать, – Ильин улыбнулся.

– Что-то случилось?

– Да. Очень серьезное, но я не хотел бы это при свидетелях обсуждать, – он кивнул на мужчину, прекрасно поняв по жесту колдуньи, и воцарившемся после него молчанию мужа, кто в доме хозяин.

– Идем, – Марина Васильевна повела Виктора уже знакомым маршрутом в подвал. Муж тихо заскрежетал зубами, но промолчал. Подкаблучник – это призвание. Прожив вместе тридцать лет поздно менять доминирование сил в семье.

Они прошли вниз, и когда силуэт мужа скрылся за поворотом коридора, Марина Васильевна спросила у Виктора:

– Что случилось?

– Я нашел сегодня утром дом, в котором живет эта девушка, даже познакомился с ее отцом. Но все не просто. Ее по-

хитили, и есть основания полагать, что с ней может случиться что-то очень нехорошее, если мне не удастся разыскать ее до утра. Поэтому я у вас в воскресенье вечером. Прошу вас, помогите мне.... Я не знаю, возможно ли ее отыскать, но я на всякий случай взял карту города и ее фотографию.

– Все возможно, но необходимо дожидаться полуночи. Я тебе уже говорила, в воскресенье дела не делаются. Может что-то пойти не так.

– Ох!.. Вы мне поможете? Пожалуйста, я...

– Я знаю, что она для тебя значит, – Марина Васильевна улыбнулась. – Я помогу тебе. Не доставай пока ни карту, ни фотографию. Сядем пить чай. Наберись терпения.

– Я готов ждать сколько потребуется. Если есть надежда – это уже немало значит.

– Ты прав.

До двенадцати время, конечно, тянулось, но не так упорно как могло. Марина Васильевна была очень интересным собеседником. Это и сглаживало ожидание. Разговор велся на различные темы, но ничего особенного не содержал.

Когда пробило полночь, Марина Васильевна встала и жестом показала Виктору на стол в углу комнаты. Он разложил на столе карту, дал фотографию Анны и сел в кресло, на которое показала колдунья. Виктор внимательно наблюдал, как женщина склонилась над фотографией и водила над ней руками. Потом она стала что-то шептать, и зажгла свечу. Водя над картой свечой и к чему-то приглядываясь, Марина Ва-

сильевна в другой руке держала фото Анны. Все это время она что-то говорила, но так тихо, что ничего разобрать было нельзя. Так прошло минут десять-пятнадцать. Наконец, колдунья распрямилась.

– Иди сюда.

– Да.

– Вот здесь, видишь? – она показала место на окраине города недалеко от пруда, обозначенного на карте. Никаких улиц в том месте не было. – Ты понял примерно, где это?

– Да, я знаю тот район, – Виктор обводил в кружок точку на карте.

– Смотри, я увидела одноэтажное здание из кирпича. Рядом еще две какие-то постройки. То ли пустырь, то ли поле. До домов далеко. Там никто не живет... – она замолчала. – Больше я тебе ничего не могу сказать. Но я почувствовала запах гари, может там костер горит или печь в этом сарае. Так что, скорее всего, дым подскажет, где найти. Сейчас все-таки паровое или газовое отопление. Печи редки.

– Спасибо вам, – Виктор не знал, как выразить ту благодарность, которую ощущал на душе. – Спасибо за все. И за чай, и за то, что подсказали, где искать...

– Не надо, не стоит. Беги к ней. Ты ей сейчас нужен как никогда, – Марина Васильевна грустно улыбнулась. – Давай, беги. Загляни завтра-послезавтра, расскажи, как все прошло.

– Обязательно. Я обещаю, – Виктор складывал карту и клал фотографию в карман. – Ну все, я побегу. Спасибо за

все еще раз. От всего сердца.

– Пока. Удачи тебе.

Он убежал наверх, не дожидаясь, когда его проведут. Марина Васильевна пошла следом, но не так быстро.

– Давай, беги. Поздно уж... – она грустно вздохнула. – Поздно. Слишком.

Виктор выскочил из дома и прикрыл за собой дверь. Он бегом спустился к Вольво и с лихорадочно трясущимися руками запустил двигатель. До места было ехать порядка полчаса. Ночь на понедельник была хороша хотя бы тем, что не подразумевала пробок. Часы на приборной панели показали половину первого. Главное успеть.

Виктор никогда так не гонял по городу, как в ту ночь. На его счастье ДПС или спали, или ездили по другим улицам; главным было то, что никто не остановил Виктора за почти трехкратное превышение допустимой в черте города скорости. До места он доехал за пятнадцать минут, но предстояло еще отыскать нужное строение. Ведь в кружок на карте попадало пять улиц... Ильин кружил по переулкам и закоулкам, на маленькой скорости, чтобы не пропустить место, похожее на то, которое описывала колдунья. Все улицы спускались к большому пруду, но там обрывались или крутым спуском к воде, или непроходимыми кустами. Запустение всего в получасе езды от центра города не такая уж и редкая вещь для городов Руси-матушки, но в ту ночь эта заброшенность и разруха просто давили на мозг, сбивая мысли и внося уны-

ние. Серость красок, голые деревья и мелкий дождь с порывистым ветром констатировали скорую агонию осени и начало зимы. Как показалось Виктору, природа прощалась с теплом до весны... или просто с кем-то прощалась... Когда Виктор уезжал от колдуньи, его просто разрывало на части от жажды движения и готовности к преодолению любых преград. Как только он приехал на место, от всей его динамики не осталось и следа, и он чувствовал на душе такой груз, что хотелось выть. Почти осязаемо холод заползал под куртку и сливался с тем холодом, который воцарился в сердце. Одним словом, ощущения и чувства оставляли желать лучшего.

Десятый или двенадцатый проулок закончился не тупиком, а разбитой асфальтовой дорогой, сворачивающей налево и петляющей по берегу пруда. Виктор, повинувшись велению сердца, свернул туда же и медленно поехал к окраине поселка. Он когда-то был на этом месте, еще пацаном, когда они на велосипедах приезжали удить рыбу. Виктор не сказал колдунье, что до второго класса жил неподалеку отсюда, и только поэтому может немного ориентироваться на местности. Окраина поселка представляла собой тупик, переходящий в пустырь. Широкая улица здесь выводила на гравийную дорогу, отделяющую насыпной дамбой пруд от расстилающегося за ним поля, косой стрелой уходящего во тьму ночи. Этаким колорит природы, соединение дикой пустоши с полем и прудом... Виктор знал, что там, на тупике раньше был рынок, запустевший ко времени перестройки и отдан-

ный кому-то за бесценюк в наступившую эру капитализма. Единственное что тогда успели сделать – так это убрать прилавки и навесы, расчистив тем самым тупик. И больше ничего. Видимо, тогда что-то произошло с хозяином земли... Теперь же, по прошествии чуть менее двадцати лет, на куриных правах на этом тупике с краю выросли лишь два магазинчика, не имеющие даже вывески. Один торговал продуктами, а другой автозапчастями, видимо, самым ходовым товаром в наше время. К ним и ехал Виктор, хотя это место находилось вне круга, обозначенного колдуньей.

Тьма была непроницаемой, но Ильин почти инстинктивно хотел попасть туда, чувствуя в глубине души опасность. Включенный дальний свет фар осветил далекую панораму тупика, и что-то показалось в этой картине странным. Ильин напрягся, и понял, что этим чем-то был туман. Он удивился, потому что туман всегда идет от воды, а не по направлению к ней. Виктор повысил скорость, и приоткрыл окна. Никакого шума, даже ветер стих; только слышен шелест колес по асфальту и поскрипывание гравия, прикрывшего выбоины дороги. Когда до тупика оставалось метров двести, Виктор почувствовал запах гари. Легкий, едва уловимый, но он был. Ильин понял – он на правильном пути. А потом, когда свет выцепил из мрака строения магазинов и стоящий в глубине от них одноэтажный бокс, сердце Ильина зашлось нервным стуком, отдающим в ушах как бой барабана. Воротина бокса была приоткрыта, и оттуда прозрачным облаком шел дым.

Нет, не валил. Было ощущение, что кто-то проветривает помещение, и только.... Вот какой туман шел к пруду. Дым тем четче во влажном воздухе....

Виктор остановился возле бокса, осветив фарами пространство внутри. Из машины ничего не было видно, так как створка осталась полуприкрыта, и приходилось лишь только догадываться, что за ней. Он боялся выходить, предчувствуя, что за этим молчанием кроется что-то зловещее. Но колебания не были долгими, он покинул салон. На часах было начало второго. Он не знал, что всего на двадцать минут разминулся с Азаматом, тем убийцей, который спал в машине. Азамат проснулся от запаха гари, и оценил ситуацию в мгновение ока. Это он приоткрыл створки гаража и, проветрив немного помещение, сразу осознал всю тяжесть произошедшего.... Итогом было то, что Азамат уже ехал в сторону Ставрополя. Его будут искать, но на родном Кавказе не выдают....

Первым делом Ильин открыл створки ворот нараспашку и отошел от света. Внутри все было заполнено клубами дыма от тлеющего хлама, и не представлялось возможным различить, что творится в дальнем конце. Ильин переключил свет с дальнего на ближний, и стало немного лучше. В углу, недалеко от двери на кресле сидел полуобгоревший охранник, тот у которого до пожара остановилось сердце. Конечно, Виктор не понял, кто это. Его это и не интересовало. Налетел ветер, за клубил пепел внутри гаража и заставил Виктора от-

ступить. Он отошел от двери и закурил. Была необходимость проветрить помещение, потому как дышать там не представлялось возможным. Две сигареты подряд, и Ильин решил, что гарь достаточно рассеялась. Он заглянул внутрь. В дальнем конце комнаты виднелся закопченный диван и чье-то тело на нем, согнутое в неимоверном напряжении. Ноги Виктора подкосились, он упал. Растрепанные волосы, отливающие золотом на фоне черноты стен, казалось, принадлежали ангелу. Пламя не тронуло ни диван, ни Анну, которая лежала на нем. Не увидев лица, Ильин и так прекрасно понимал, кто там лежит. Таких совпадений не бывает... Виктор сел на грязный асфальт, подвывая и раскачиваясь. Слез не было. Лучше бы они были, потому как Ильину казалось, что его глаза выпрыгнут из орбит. Загудела голова, уши заложило, и перед глазами все поплыло. Внутри открылась такая пустота, что в ней затерялся весь мир, все что было на этой земле...

Виктор сидел, издавая непонятные звуки и стуча затылком по железной створке. Он не замечал ничего вокруг. Так текли минуты. Неожиданно вой перерос в крик, громкий и страшный, такой, что его нельзя было принять за человеческий. Наверное, такие звуки издавали в далекой Ирландии Банши, бродящие по дорогам и пугающие храбрецов до смерти... Долгий крик, оборвавшийся так же неожиданно, как и начавшийся. За криком наступила тишина. Виктор попробовал подняться на ноги, но будто пьяный снова приземлился на асфальт. Он все же справился на второй раз со сво-

ими ногами и, шатаясь, побрел вглубь помещения. Дойдя до дивана, он встал на колени, и наклонился над лежащей там девушкой. Рука начала гладить ее волосы и еще теплую щеку. Выражение лица было мирным. Она будто спала. Но спала не так, как спят живые. Гарь и дым не тронули ни ее волос, ни ее лица, ни ее одежды. Даже стихия жалела портить такую красоту своим прикосновением. Белое лицо для Виктора казалось ликом какой-то святой, запечатленной на холсте. Безжизненное, но красивое как никогда, оно притягивало взгляд. Ильин любовался. Это было дико, но он действительно любовался ей. В глазах стояла боль и тоска, черный холод безысходности и любовь, которая не угасала ни на минуту. Пришла первая мысль за все время. Мысль о том, что ей было всего двадцать два. И пошли слезы. Они не лились и не капали, они просто текли, также безжизненно и горестно, как и дождь за порогом этой кирпичной могилы. Просто слезы, которых Виктор не замечал.

Ему было все равно, что происходит вокруг, что было и что будет потом; и ни одна мысль больше не посетила сознание, которое начала обволакивать серая пелена безумия. Эта пелена становилась все отчетливее и гуще, и Виктор видел в этом состоянии покой, забвение. Я не сходил с ума, и не знаю, как это происходит – постепенно или в одночасье, но я знаю, что в ту ночь Ильин был на краю, за которым ходят либо гении либо обреченные.... Его спасло вмешательство высших сил, которое всегда приходит в нашу жизнь, правда,

не всегда во время.

Свет фар машины померк, пару раз мигнул и снова выравнивал интенсивность освещения. Ильин обернулся, и увидел высокую мужскую фигуру в черном плаще. Кто-то шел к Виктору и Анне, мерно и плавно. Что-то знакомое промелькнуло в этой грации, Виктора посетило дежавю. Он встал.

– Кто ты, и что тебе надо?! – голос Ильина был угрожающим.

– Ты меня можешь видеть? – ровный голос выражал удивление.

– Самаэль? – Ильин подошел ближе. – Неужели ты опять пришел за этой душой?

– Опять? Но кто ты? Откуда ты знаешь мое имя?

– Вот так всегда... – горестно произнес Виктор. Появление ангела смерти не отвлекло его от ощущений боли и горя, но вырвало из лап безумия. Когда есть с кем говорить, с ума сойти сложнее.... – Я думал, что хоть у вас, бессмертных, память получше...

– Отвечай, кто ты? – теперь голос вестника смерти стал грозен.

Ильин рассмеялся.

– Или что? Убьешь меня? Давай. Я рад буду.

– Ты мне знаком...

– Знаком, знаком. Мы с тобой когда-то встречались, если ты не помнишь... хотя, у тебя столько встреч было за столетия. Скажи, может тебе доставляет удовольствие забирать

все самое красивое? А? – Виктор просто плевался сарказмом, смотря в безжизненные глаза вестника.

– Ты меня осуждаешь, смертный? – Ангел был удивлен наглостью вопроса. Он не думал, что с ним кто-нибудь сможет спорить.

– Я тебя презираю. Ты забываешь свои обещания, убиваешь невинных и оставляешь жизнь тем, кто недостоин жить. Хотя, да, ты же по списку работаешь. Для тебя его составляют.... Так вот, скажи хозяину, что без Анны мне не нужно ни счастье в раю, ни вечное благоденствие, ни спасение вкупе со всем остальным. Я не буду ему служить. Знай это. Моя душа не настолько грешна, чтобы не попасть на небо? Что ж, я убью завтра даже не один десяток людей: тех, кто похитил Анну и по вине кого она погибла. Тогда меня примут где-нибудь в другом мире с распростертыми объятиями. И мы будем воевать. Нужно было идти с Азазелем еще тогда, давно....

– Я вспомнил тебя! Ты тот монах, который...

– Который в Италии плакал над любимой женщиной, которая умерла, стоило ей только обрести свое счастье.... Во всей Флоренции не нашлось бы человека, более достойного жить, чем она... А ты ее забрал. И я был там.

– Да, так и было....

– Передай все, что я сказал хозяину и уходи. На этот раз я тебе ее не отдам. Она со мной отправится...

– Да ты с ума сошел.

– Знаю. Что теперь? Уходи, я тебя не ждал.

– Ты мне сможешь помешать?

– Поглядим, – Виктор взял валявшуюся в углу арматури-
ну. – Подходи, я готов.

Он отступил на три шага, и принял угрожающую стойку.
Он был готов на все....

Это вызвало лишь смех вестника смерти. Он не удержал-
ся от проявления чувств, потому как считал Виктора поме-
шанным.

– С арматурой на смерть? Ого! Да ты отчаянный....

– Я тот, кто стоит против тебя, а что у меня в руках не так
уж и важно. Подходи, не стесняйся.... Вы любите там гово-
рить про любовь, всепрощение и долг перед другими. Сами
же просто являетесь образцом милосердия, как я погляжу....
Мне противны и мерзки вы все. Забираете как воры, зная,
что останетесь безнаказанны за это. Я бы тебе напомнил о
твоем слове, данном мне во Флоренции, но ты его не сдер-
жишь, все равно. Не помнишь? Как обычно?

– Что-то о...

– О том, что если мы снова встретимся, и я тебя все еще
буду видеть, ты исполнишь мое желание. Мое желание, что-
бы эта девушка была жива. Была такой же, как и прежде. Вот
мое желание. Что, исполнишь? – Виктор грустно ухмыль-
нулся, заранее зная ответ.

– Ты же и сам знаешь, что это невозможно, – он лишь от-
махнулся.

– Конечно. Ты же не можешь, наверное, менять список по своему усмотрению, как говорил когда-то? Или ты тогда врал, или сейчас. Легко давать обещание, не собираясь его выполнять.... – Ильин неожиданно поник, и опустил арматуру. – И на что я надеюсь, действительно? С тобой мне не справиться.... Но знай, что когда я буду на той стороне, ты обретешь в моем лице того врага, который становится самым опасным. Забирай, – он махнул рукой по направлению к дивану. – Забирай.

И ангел задумался. Нет, конечно он не испугался угрозы или вида Ильина. Задумался он над словами, которые в бессильной ярости кидал Виктор, и над своим обещанием. Его задела фраза, что слово легко давать, не исполняя.... Через минуту Самаэль изрек:

– Я спрошу у Него о судьбе этой девушки....

Он не успел договорить. С улицы залетел светящийся шарик, размером не более теннисного мяча. Шарик не был слепящим, он искрился мягким светом, напоминая неяркое зимнее Солнце, радующее, но не греющее. Он принес не только свет, но и тепло души, и Виктор был готов поклясться, что этот шар сама любовь во всем ее всепрощении.... А шар плыл по-над потолком, мягко крадясь среди копоти и дыма. В центре комнаты это чудо природы оторвалось от потолка и, сделав два оборота в воздухе, подлетело к Ильину. Оно остановилось напротив лица, как будто желая получше рассмотреть убитого горем мужчину. Всего пара секунд, но

из сердца ушла даже тоска, там осталась только любовь.... Шарик качнулся влево, затем вправо, а потом резко обогнул Виктора и упал на диван. Вспышка, слепота. Был слышен только голос Самаэля.

– Это Он. Он простил вас, вас обоих. А ты говорил о воровстве и подлости.... Он это слышал, Он выше этого, человек. Видимо, ты уже достаточно выстрадал.... Прощай.

И голос смолк. Виктор, стоящий на коленях, закрыл глаза руками и попробовал сосредоточиться на одном из тысячи огоньков, клубящихся под закрытыми веками. Спустя пару минут огни стали меркнуть, и еще через минуту стали желтыми тусклыми отблесками. Виктор открыл глаза. Желтое облако еще стояло перед глазами, но оно уже не мешало смотреть по сторонам и лицезреть картину пожара. Позади раздался шорох. Ильин обернулся. Анна сидела на диване, протирая глаза. Наручники в закрытом виде остались висеть на трубе. Девушка как будто только пробудилась от сна. Виктор пал ниц, потом распрямился, и закричал:

– Ты Велик!!! Прости меня, что я сомневался!!! Прости...

Анна была слишком слаба, чтобы ходить, и Ильин вынес ее на руках. Только тогда она рассмотрела мужчину, стоящего перед ней. Еще там, в гараже, он напугал ее своим криком, и когда он подхватил ее на руки, Анна не могла справиться со своими чувствами, заставившими отбиваться. Виктор не обратил на это внимание, сославшись на шок девушки. И правильно сделал. От радости он готов был летать, и то, что

его хлестали по щекам, нисколько не испортило настроения. Он ничего не говорил, понимая, что все бессмысленно, пока Анна сама не поймет, кто перед ней. Так и вышло. Как только она узнала Виктора, страх прошел, сменившись приступом раскаяния за рукоприкладство. Она виновато улыбнулась, и обняла его, после чего отстранилась и окинула взглядом.

– Неужели это ты? – она посмотрела на него как на призрак. – Но как ты меня нашел?

– Это долго.... – Виктор напоминал блаженного, настолько счастливая улыбка светила на лице. Он не сдерживал своих чувств. Это было ни к чему. Она наконец-таки рядом. Она жива, и остальное не имеет значения.

– Я умирала? – она еще приходила в себя. – Ты меня спас?

– Ну да, – он как-то сконфузился. – Но не я, а Бог. Он подарил тебе жизнь. А ты ничего не помнишь?

– Нет. Мне как снилось что-то. Ты, гараж... Нет, не помню. Что-то странное...

– Поехали домой, к отцу. Завтра заеду, и поговорим обстоятельно. Я не спал двое суток, тебя искал. У меня уже мозг не соображает нормально....

~ § ~

То, что перед этим Виктор списал на холодность со стороны Анны, было лишь постстрессовым состоянием. И не более того. Он и сам плохо помнил вечер и ночь, потому что разум постарался избавиться от слишком сильных переживаний,

и сгладил память. Да Виктору особо и не хотелось вспоминать то, что произошло накануне. Когда утром он проснулся у себя на кровати, приключение казалось сном... Может, так оно и было? Быть может. Разуверился в своих подозрениях он лишь тогда, когда переступил порог дома Воскресных. Анатолий Борисович уехал по делам, его подорвал звонок Вениамина, в десять утра. Вениамин сказал всего пару предложений, но их хватило, чтобы Анатолий засиял как новый пятиалтынный. Проблема была устранена. Белов куда-то пропал, с ним вместе пропала и крупная сумма денег. Где его искать не мог сказать никто. Только потом следствие по делу хищения из бюджета установило, что некто, похожий по описанию на Белова, но с документами на имя Сергея Карловича Майвелля, в семь утра покидал город в поезде, по направлению к Одессе. Там его след терялся. Каким-то образом Вениамину удалось переубедить и крышу Кронстроя. Люди из Москвы, к которым уводил этот след, оказались не такими уж и несгибаемыми. Да уж, в любом деле важен правильный подход. У Вениамина подобный талант был, он умел работать с людьми.

Воскресный обещал вернуться к трем, и просил Виктора дожждаться его. Он хотел пообедать со спасителем своей дочери. То, что Анна на самом деле умерла, Виктор не стал говорить ни ей, ни отцу. Она думала, что просто потеряла сознание, он ее не разубеждал. Как сказал Екклесиаст, многие знания, – многие печали; и кто умножает познания, тот

умножает скорбь. Поэтому проще было оставить ее в неведении, чем рассказывать вещи, запредельные для понимания.

Утром, когда Ильин вошел к Воскресным, он думал, что на него с порога нападут с расспросами, но ничего подобного не произошло. Когда Анна спустилась к нему со второго этажа, он не знал, как себя вести. Он по-настоящему растерялся, гадая, что она чувствует по отношению к нему, и какую линию поведения избрать соответственной этим чувствам. Анна, быть может, чувствуя эту напряженность, поступила мудро. Она всего лишь улыбнулась, но в этой улыбке была такая глубина, что у Виктора отпали все сомнения.

– Алло! – сказал Ильин, когда на том конце подняли трубку.

– Привет. Как дела? – голос Варвары в трубке был ласков, и нежен. Так разговаривает женщина, которая помнит тепло твоих рук, и которой ты не сделал ничего плохого, когда вы расставались. Эту интонацию не передать словами, ее можно только услышать.

– Привет. Все хорошо. Чего у тебя новенького? – Виктор разговаривал с улыбкой, чувствуя свою собеседницу так, как будто она притаилась в соседней комнате, а не за несколько тысяч километров.

– Да как обычно, работа, дом. Все по-старому, – она добавила в голос немного печали. – Как медовый месяц? Где сейчас?

– Во Флоренции. Вчера ходили по городу, заглянули в Санта Мария Новелла. Ты представляешь, скамейка все еще на месте. И та надпись. Ну, я тебе рассказывал.

– Я помню, – она улыбнулась. – А ты еще не хотел искать ее. Помнишь, что я тебе сказала? Нужно верить в чудо, и оно непременно произойдет. Произошло?

– Произошло. Она такая... такая, что я не могу выразить все своими словами. Она моя жена, и я люблю ее, – Виктор был счастлив.

Варвара рассмеялась.

– Я знаю, что такое любить. Я тебе как-то говорила об этом. Это прекрасно. Где сейчас жена?

– По магазинам прогуливается с Дашей. Это моя теща, но она младше на четыре года. Мы совпали в своем выборе мест для посещения с тестем. Он тоже в свадебном путешествии. Вот, пересеклись во Флоренции. Они потом в Лондон, а мы в Севилью.

– По местам боевой славы? – она иронизировала.

– Ха-ха! Ну да, нужно же побывать везде, где были когда-то. Я хочу заглянуть на старое кладбище. Там покоится одна женщина, ее звали Сусанна. Когда-то она была моей матерью... Тогда, в первом сне. Хоть цветов положу.

– Сердце матери и через столетия греет. Сам знаешь.

– Что есть, то есть....

– Так у тебя теща теперь есть? Какая она? За деньгами гонится или что-то чувствует к Анатолию?

– Не, деньги там ни при чем. Толя ее проверял, она его действительно любит. Не, она классная девчонка. Юморная, умная. Толику с ней хорошо будет.

– Ты тестя по имени называешь?

– Ну да. Я – Витек. Он – Толик. Аня в шоке, ее отца так никто не зовет, может только пара самых близких кентов. А тут я. Я его уважаю, мужик – во! Классный. Он ко мне тоже вроде как с уважением относится. Мы с ним сдружились, по-настоящему. Анька только рада.

– Ну, я не сомневалась. Она тебя любит. Это видно.

– Но ты же на свадьбе не была...

– А когда мы столкнулись на улице, в марте? Не помнишь? Я не забыла, как она посмотрела на меня... – Варвара улыбалась. – Береги девочку, она любит тебя. А ты тоже хорош! Кто же бывших любовниц на свадьбу зовет?

– Ну, ты же знаешь, как я отношусь к тебе. Ты мне близка, и я по праву могу назвать тебя... Короче, ты мне теперь как сестра стала.

– Ха-ха! Ну да...

– Не пошли, – Виктор сделал притворно-строгий тон. – Попрошу без этого. Я в духовном плане и никак иначе. Я знал, что ты не придешь, но не пригласить тебя я не мог. Если бы пришла – я только рад был.

– Аня меня бы убила. Зачем жене настроение портить?

– Да нет, я сказал, что ты просто подруга из юности...

– Ну, Аня не настолько наивна, чтобы не понимать – друж-

ба между мужчиной и женщиной либо начинается с постели, либо же ей заканчивается.... Но ты хоть не совершил самую обычную ошибку – не стал знакомить жену с бывшей любовницей, или говорить, кто она... Молодец.

– Ну да. Хотя, желание было, – Виктор кивнул.

– Когда домой?

– Через пару недель. Как раз к середине мая приеду. Я же уволился с работы.... Тесть хочет открывать свою типографию, меня зовет на него работать. Доход хороший. Пока там ремонт идет. К середине месяца закончат с отделкой.

– Понятно. И ты согласился?

– Да. Почему бы и нет? Тесть мужик строгий, но справедливый. Под ним работать непросто, но приятно. Дома он один, на работе другой... Ну, это не так интересно. Ты там еще замуж не собралась?

– Нет. Я и не хочу. Я хочу усыновить ребенка, но столько проблем, когда семья неполная...

– Из тебя выйдет хорошая мать, – Виктор был искренен. – Я желаю удачи, от всей души. А кого? Мальчика? Девочку?

– Кто по сердцу будет, – в голосе Варвары был океан нерастраченной нежности. Она действительно была рождена прекрасной матерью.

– А проблемы то, что ты не в браке?

– Ну да. Но фиктивно замуж выходить... Я не могу так.

– Я приеду, и мы встретимся, обсудим это. У моего тестя такие связи, что тебе ребенка за неделю оформят. Я погово-

рю с ним об этом. Он любит детей, особенно сирот. Не откажет.

– Спасибо, Вить, – голос немного сбился. Она плакала. – Ты знаешь, я хочу хоть кому-то счастье подарить в этой жизни. Я воспитаю Человека.

– Я в этом уверен.

– Ты же понимаешь, вот-вот и от красоты следа не останется, а кроме как своему ребенку ты не нужна никому....

– Что есть, то есть. Но не грусти. Все решаемо в нашей стране. Не грусти. Я приеду.

– Я буду ждать.... – на том конце повесили трубку. Варвара не любила проявлять эмоции, и стеснялась слез. Виктор это знал и не удивлялся. Дети – это счастье. Он и сам должен был стать отцом. Скоро....